

А. И. ГЕРЦЕН

А. И.
ГЕРЦЕН

XXIX

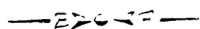
XXIX
КНИГА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

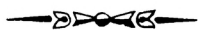

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

П И С Ь М А 1867-1868 ГОДОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1963

А. И. ГЕРЦЕН

Фотография Поля Кутемя. Виши, 1868 г.

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР,
Ленинград*

П И С Ь М А

ЯНВАРЬ 1867 - ИЮНЬ 1868

1867

А. М. К. РЕЙХЕЛЬ

1 января 1867 г. (20 декабря 1866 г.) Ницца.

1 января 1867,
Nice, 87, Promenade des Anglais.

Ваше письмо меня бесконечно обрадовало. Я уже собирался вам писать из этого города — «солнца и слез», страшных воспоминаний, и гробов, и... моря.

Я здесь проездом во Флоренцию — 10-го, вероятно, уеду; приехал сюда с Нат(альей) Ал(ексеевной) и Лизой — она остается здесь на год. Кстати (это по секрету), если поедет кто очень верный в Москву, скажите непременно или напишите, чтоб через Щепк(ина) или Марью Федор(овну) дали знать Н. М. Сатину, что Ог(арев) и я — просим, умоляем, чтоб он ли или его жена, главное она, приехали хоть на короткое время — это *необходимо* — и, наконец, чтоб он поскорее прислал денег Ог(ареву).

Не забудьте. Но делайте, не говоря посторонним.

Что Егор Ив(анович)? Кланяйтесь, если будете писать. Что все его обещанные вам и Тате наследства?

О переводе в Берн я слышал от Ольги Ив(ановны). Это хорошо. Я приеду к вам непременно, когда вы устроитесь. В Женеве отвратительно. Это город сплетен, ссор и гадостей.

Уехал бы, право, куда-нибудь в Италию — да «Колокол», да то и се.

Целую Рейхеля и вас всех — итак, до свиданья.

А. Герцен.

Говорят, что Ольга сильно выросла — адрес вы их знаете, он же будет и мой:

41, Via S-ta Монаса, 2^е р^о, Florence.

О «Былом и дум(ах)» — приказ отдан.

2. Н. П. ОГАРЕВУ

1—2 января 1867 г. (20—21 декабря 1866 г.). Ницца.

1 января 1867. Ницца.
87, Promenade des Anglais.

Ну, как вы встретили и этот Новый год? Я — в своей постели с «Записками» кн. Долгорукова. Не жду ничего путного и в этом году. Есть особенно горькое чувство — вряд тебе известно ли оно — сознание, что жизнь уходит, что человек мог бы и быть светлым и освещать... мог бы жить не только schwärmerisch¹ в фантазии, но деятельно на большой сцене, — знать это и чувствовать, что попал в какую-то мышеловку — и дверь захлопнута. Это может довести до отчаяния — меня доводит до озлобленного бездействия, я безусловно ничего не делаю.

Не думаю никак попасть к 6 во Флор<енцию> — к тому же со вчерашнего дня и море бурно, что, вероятно, продолжится несколько дней. Ехать бы следовало послезавтра — а окончательно ничего не устроено. Праздники мешали и постоянные разговоры.

Жду писем.

9 утра. Вторник.

Что твоя статья в «Колок<ол>»?

В моих печальных инспекторациях ты видишь одну часть — и именно обвинительную — но ты ошибаешься: в ней столько же своей исповеди и покаяния. И если я говорю, что твоя жизнь меня коробит, то я также говорю, что свою жизнь я ненавижу. В одну сторону моя жизнь беднее: ты, как oriuneater'ы², имеешь свой мир медитации и искусства, я — только деятельность и действительный мир. Ты отрешил себя от большей части забот мира сего — на мне лежит забота не только о детях, но и о совершеннолетних. Напр<имер>, можно было бы думать, что женщина в 37 лет может устроить себе дом с ребенком в 9 — когда на это деньги даются довольно большие — а выходит, что нет. И я решительно не могу с себя снять (со-весть не дозволяет) должность вашего общего garde-fou.³

2 янв<аря>.

Рейхель получил место в Берне. Тр<убецкой> еще здесь — его брак свернет, — жаль. Он не знает, когда едет; словесно передаст Щепкину комиссию. Если у тебя найдется вдруг случай писать к Сат<ину>, пиши, несмотря на записку, которая у меня.

Прощай.

¹ мечтательно (нем.); ² опиоманы (англ.); ³ здесь: хранителя (франц.). — *Ред.*

Письмо от 30 пол<учил>. «Ас.» значит Астраков; о Щеп-к<ине> уже сказано. «Ведом<остей>», если нет ничего резкого, не посылай (да мы же с 12 янв<аря> их и получать не будем). № с указом пришлю.

P. S. Прошу ругательное письмо прислать сейчас.

З. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

4—5 января 1867 г. (23—24 декабря 1866 г.). Ницца.

4 янв<аря> 1867.
87, Promen<ade> des Anglais.

Я думаю, что чемоданы придут в порядке — их в Белгарде вскроют, вот и все. По вашему счету они должны прийти 8-го, я их подожду и поеду в Флоренцию. Visconti хотел сам писать к Георгу, один экземпл<яр> «Колок<ола>» ему можно посылать — но не больше, пска не плотит. Газеты, посланные Ог<аревым> 28-го, пришли 3 янв<аря>. Впрочем, Ог<арев> упорствует писать адрес в сокращении. Мы живем не в 87 павильоне, а в павильоне дома, дачи, имеющей № 87 на Promenade des Anglais. Все же это не объясняет пяти, даже шести дней.

Насчет кухарки вы сделали превосходно — пусть она идет 1 февраля по вашему письму. Всякую рекомендацию я дам.

5 янв<аря>.

Сейчас получил письмо Чернецкого. Плохо идут дела типографии — и я не придумаю, что сделать. Если б дело дошло — продать бы машины и печатать где-нибудь. Очень интересно знать, пойдет ли «Был<ое> и д<умы>», когда выйдут оба отдел<ения>. Скажите Чернецкому, что я очень благодарю за его письмо — все его распоряжения по фонду очень хороши: когда деньги выйдут, я пришлю.

По собственным правилам, писанным Мерч<инским> и С<ерно>-С<оловьевичем>, я не думаю, чтоб он имел право на большее вспоможение, как данное вами (40 фр.). Посоветуйтесь с Огар<евым>.

Сегодня на дворе хмурится и все не очень здоровы; у меня понос. Здесь, когда нет солнца, — беда.

Прощайте.

От Огар<ева> писем нет, передайте ему приложенный листок.

«Ind<épendance>» и письмо от кн. П<етра> Вл<адимиrowича> сейчас получил. Завтра буду ему писать. Я пишу статейку о его «Записках» для «Колокола». Что они — идут?

Вчера имел письмо от Луг<инина>.

4. Н. П. ОГАРЕВУ

7 января 1867 г. (26 декабря 1866 г.). Ницца.

7 января 1867.

87, Pr(omenade) des Anglais.

Вчера получил твое письмо. Нового ничего — всё так же удушливо тяжело, и всё движется с такой медленностью, что я не могу назначить дня выезда. Я никак не думал, что твоя статья пойдет в февральский лист. Зачем же в нем два большие leading'a¹ и что же будет в 1 марта? Мы с тобой говорили, что твоя статья послужит продолжением моей, а в 1 апр(еля) была бы опять моя. Набор, впрочем, может полежать. Лучше же поместить «Белый террор» и всякий вздор. Я послал П(етру) В(ладимировичу) несколько строк о его «Записках» — и их в этот лист. Из чего нам так роскошествовать? «Колокол» надобно поддерживать, как знамя, и потому с некоторой экономической располагать материалом.

С(ерно)-С(ловьевич) молодец. Что преподобный Мерч(инский) скажет на это, они же правила поставили. И этот негодяй говорит и признается, что получал не взаем, а в вспоможение от меня. Что, ты помирился, что ли, с Касат(киным)? Чернецкий пишет, что дела типографии идут плохо. Пора и ее сдать в архив. Подумай об этом и посоветуйся хоть с Долгор(уковым).

Пока, разумеется, надобно посылать сюда. Я поеду 12 или 15 (так пароходы устроены) и во всяком случае напишу за три дня. Отсюда переслать не хитро. Уж разве что особенное, так прямо во Флор(енцию). Пример «Вести» ничего не значит, лучше получать днем позже, чем совсем не получать.

Ты, саго mio², пишешь консоляции. Я не вижу ни одной светлой точки в будущем — да ведь и ты не видишь. Это так говорится. Кто первый сказал слово черного отчаяния, тому второй говорит слово утешения. Скажи второй — первый начнет утешать. Я говорю о нашей личной жизни. Что касается до cosmos'a, он faга da se³. Быть наблюдателем — и очищать и мысль и жизнь — это нравственное схимничество может идти. Но для этого надобно покой, а чтоб было покойно — надобно пожертвовать беспокойными... ну, и опять логический круг.

Засим прощайте.

Я стараюсь здесь всё устроить до 1 марта — раньше я не вернусь из Италии; в Женеву, вероятно, после 15 марта, а может и позже, к сдаче квартиры.

¹ передовые (англ.); ² мой дорогой (итал.); ³ сам справится (итал.). — *Ред.*

Лиза хозяйством занимается так: накрывает на стол, чистит ковры и хлопочет. В школу ходит — но уже N(atalie) недовольна.

5. Н. П. ОГАРЕВУ

8 января 1867 г. (27 декабря 1866 г.). Пицца.

8 янв(аря).

87, Pr(omenade) des Anglais.

Дождь. Здесь дурная погода ко всему другому невыносима. Работать — не могу, много пить — не могу, много спать — стараюсь, и все-таки скука.

Читаешь ли ты процесс о возмущении мальчиков в тюрьме в южной Франции, — если нет, сейчас примись за него. Что же за жизнь развивает такие абнормальности? Главный обвиненный 15 лет etc.

Слышал ли ты о смерти Mme Biggs?

2 часа.

Твое письмо от 5 янв(аря). Как же это ты не догадался, что я ошибочно письмо положил в пакет Чернецкого? С какой же стати мне писать через типографию? Или уж не переложил ли их *кто другой chemin faisant*¹? Меня это и удивило и огорчило. Чернец(кий) — честнейший человек, но я не хочу, чтоб и он читал, что я к тебе пишу. Это все размягчение мозга.

Сегодня N(atalie) имеет письма из России — опять ни слова о деньгах. Я сказал, чтоб она непременно написала; присылают пусть сюда, в Пиццу, я переведу — но что-то не верю.

О статьях в «Колокол» я писал твою в март. Двойного не издавать ни под каким видом (разве для помощи Чернецкому). Как можно нам (без читателей) бросать материал? Или я неясно понимаю твой расчет — так напиши.

Думаю ехать *в субботу* или окончательно *во вторник*, т. е. ровно через неделю. Только болезнь или какая беда могут остановить.

N(atalie) сегодня мне объявила, что она летом *везет Лизу в Россию*, что я со стороны ее врагов (это — ты и Саша).

Слушай: если до марта не будет случая к Сатину, пиши *по почте* — просто, прямо о семейных делах. Тр(убецкой) знает, что сказать, но *verba volant*², какая же опасность — лишь бы было откровенно.

Астр(аков) отчаянно болен.

Прощай.

¹ мимоходом (франц.); ² слова улетают (лат.).— Ред.

6. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

8 января 1867 г. (27 декабря 1866 г.). Ницца.

8 января 1867.

Любезный Тхоржевский,

куда же деть обеих собак? — Одну еще можно, разумеется. Нат(алья) Ал(ексеевна) и Лиза хотят приобрести другую — но что мы будем делать с сучонкой? Я даже не знаю, где мы будем держать и «пса», как вы пишете¹.

О Нефтале рад.

О Бабушкине — Долгор(уков) рад.

Фогтовы деньги — в общий расход, а можно и в фонд, когда недостает — я запишу.

Остальное все хорошо; я поеду во Флоренцию или 12 или 15.

По ближайшему расчету пути 30 часов, много 32. Если очень будет скверно, я остановлюсь на 24 часа в Генуе — стало, 14 или 17 я во Флоренции.

7. М. МЕЙЗЕНБУГ и А. А. ГЕРЦЕНУ

9 января 1867 г. (28 декабря 1866 г.). Ницца.

9 janvier 1867. 87, Promen(ade) des Anglais.

Vous êtes très injuste — chère Malvida, — mais comme vous l'êtes par amitié pour moi, je n'ai pas la force de me fâcher. Quelques mots d'explication sont pourtant nécessaires.

Si vous saviez avec quelle douleur j'ai dû renoncer à l'idée d'aller pour le 6 à Florence — vous ne m'auriez pas écrit votre lettre. Vous auriez — avec un peu plus de confiance, pensé: «s'il ne vient pas — il y a donc des causes». J'ai des devoirs et des remords — j'accomplirai autant que possible les premiers. *Lebenskünstler*... je l'ai été, maintenant si cède le pas à vous jeunes âmes (qui peuvent soit dit en parenthèse s'enflammer encore à un livre frelaté de Mme Michelet). Savez-vous que pour moi il n'y a pas d'idéal plus beau — que la tranquillité, que le loisir de dire son dernier mot l'épilogue. Et cet idéal est inaccessible pour moi. Vous pensez — que fermer les yeux et s'éloigner pour ne pas entendre les cris — suffit. Moi non. Seul pilote au milieu des folies et des malheurs — je m'étonne de mes forces — et certainement ce n'est que mon activité, mon «autre monde»

¹ Разве наша портьерка возьмет и старуху Ливду и двух щенят?

qui me soutient. Je fais un essai — maintenant je veux savoir comment Genève et Nice — iront sans moi. Laissez au moins à ma disposition le temps. Og<areff> — l'homme qui m'est le plus proche, l'homme que vous connaissez avec sa grande poésie et sa méditation, avec sa bonté et son amour — est un des éléments les plus tragiques dans l'affaire. Il se tue, il s'abîme par son genre de vie — et j'ai vu toute l'insuffisance de mes conseils, de mon influence. N<atalie> est un être extrêmement malheureux — si c'est la suite de son caractère, si la faute tombe sur elle — là n'est pas la question. Je dis — que sa vie est un martyre et une maladie. Au milieu — un enfant doué admirablement — et admirablement gâté.

Je m'éloigne pour regarder ce que l'on fera — mais avant je veux préparer les conditions nécessaires — et vous me tombez sur la tête avec des jours de fête.

«L'école est trouvée»... Et c'est vous qui le dites — l'adresse d'une école n'est pas difficile à être trouvée. Mais lorsqu'on se précipite — connaissez-vous les suites. Alexandre recommande avec enthousiasme Froelich, — nous y allons — vous me faites tomber dans ce guet-apens de dressure sordide des enfants et deux mois après il faut sauver avec une dépense immense Olga de ce bouge à éducation. Et Alex<andre> qui trouvait leur dîner bon et leur «commerce» agréable?..

Maintenant pensez tranquillement et — lisez cette lettre ensemble avec Tata et Alex<andre>. Cela expliquera une partie — une seconde *viva voce*.

P. S. — Je n'ai pas envoyé l'argent d'ici... Avigdor m'a proposé de le recevoir et encaisser à Florence pour payer moins de frais. Or même sur ce point vous n'avez pas raison.

A propos — il me faut le reçu d'Alexandre. J'ai vu Avigdor hier, il n'a rien. — Dites à Alex<andre> — que j'ai payé encore 150 fr. pour Cuvier... à Vogt.

Vous dites qu'entre autres avantages de Florence — j'y trouverai Em<ile> Vogt — pourtant il a passé par Genève sans venir me voir — ce qui calme chez moi d'une manière extraordinaire le désir de le voir. Ch<arles> Vogt est parti pour l'Allemagne — où il va faire des cours¹.

¹ Вы очень несправедливы, дорогая Мальвида, но так как это из дружбы ко мне, то у меня не хватает духу сердиться. Несколько слов в пояснение однако необходимы.

Если бы вы знали, как мне было больно отказаться от мысли поехать к 6-му во Флоренцию, вы не написали бы мне вашего письма. Вы бы, с немного большим доверием, подумали: «Раз он не едет — значит, есть тому причина». У меня — обязанности и угрызения совести — по мере возможности я выполняю первые. Lebenskünstler... (искусник в жиз-

Любезный Саша.

Сейчас письмо от Мальвиды от 7 числа. Я радуюсь твоему успеху от всей души, как старый друг со времен Владимира-на-Клязьме и 1839 года. Жаль, что я не мог быть на лекции. Но не сетуй и имей доверие ко мне. Я хочу все сохранить — все спасти, что можно,— и исполняю свой долг. Мальвида прочтет тебе письмо.

Прощай.

ни (нем.)> я был им, теперь я уступаю первенство вам, молодым душам (которые, скажем в скобках, способны воспламеняться еще от фальшивой книги госпожи Мишле). Знаете ли вы, что для меня нет более прекрасного идеала, чем спокойствие, чем досуг, позволяющий сказать свое последнее, заключительное слово. И этот идеал недоступен для меня. Вы полагаете — что зажмуриться и удалиться, чтобы не слышать криков,— достаточно. О нет! Я единственный лоцман среди безрассудств и несчастий — сам дивлюсь своим силам — и несомненно, что только моя деятельность, мой «другой мир» поддерживают меня. Я делаю пробу — хочу узнать, как в Женеве и в Ницце пойдут дела без меня. Оставьте же по крайней мере в моем распоряжении время. Огарев — самый близкий мне человек — человек, высокую поэтичность, вдумчивость, доброту и любовь которого вы знаете,— один из наиболее трагических элементов в этом деле. Он убивает себя, он губит себя своим образом жизни — и я вижу полнейшую тщету моих советов, моего влияния. Натали — несчастнейшее существо — следствие ли это ее характера, падает ли на нее вина — не в этом дело. Я утверждаю, что ее жизнь — сплошное мученичество и недуг. И посреди всего этого — ребенок, удивительно одаренный и удивительно испорченный.

Я удаляюсь для того, чтобы посмотреть, что они будут делать, но предварительно хочу подготовить необходимые условия — а тут вы, как снег на голову, с вашими празднествами.

«Школа найдена!»... И это говорите вы — адрес школы найти трудно. Но когда спешат — вам известны последствия. Александр горячо рекомендует Фрелиха, — мы туда едем — вы меня увлекаете в эту западную омерзительной дрессировки детей, и два месяца спустя приходится с громадными издержками спасать Ольгу из этого педагогического вертепа. И Александр находил их стол хорошим, а их «обожжение» приятным?..

Теперь подумайте спокойно и — прочтите это письмо вместе с Татой и с Алекс(андром). Это объяснит одну часть — вторая viva voce (устно-итал.)>.

P. S. — Я не посылал денег отсюда... Авигдор предложил мне получить их и инкассировать во Флоренции, чтобы понести меньше издержек. Значит, и в данном вопросе вы неправы.

Кстати — мне нужна расписка Александра. Я видел вчера Авигдора, у него ничего нет.— Скажите Алекс(андру), что я заплатил еще 150 фр. за Кювье... Фогту.

Вы считаете среди других преимуществ Флоренции и то, что я встречаюсь там с Эм(илем) Фоггом — но ведь он проследовал через Женеву не нависть меня — и это значительно умеряет мое желание видеть его. Карл Фогт уехал в Германию — где он будет читать лекции (франц.).—
Ред.

Пришли как можно скорее расписку в деньгах от Avigdor'a. Я бы мог ехать 12-го или 15-го. За 24 часа до отъезда — извещу. Жду рапорт Тата. Письмо Мальв<иды> пошлю Огар<еву>, он порадуетя.

8. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

11 января 1867 г. (30 декабря 1866 г.). Ницца.

11 января 1867. Пятница.

Морем ехать нельзя — буря. Еду в malle-poste¹ 13 (в русский Новый год) вечером и 14 к ночи буду в Генуе — может, 15 поеду в Специю и, стало, 16 или 17 буду у вас.

Письмо твое, Тата, получил — благодарю. Саша так поκειται на лаврах, что не приписал ни слова, ты благодаришь за деньги — а я не знаю, получены они или нет, и должен идти завтра справляться к Авигдору.

Если что вздумается, пишете в Геную — poste restante².

Ольга — ты должна приготовить для меня 1^оe gomme — клеить бумагу, 2 — мочром кетчеоп, 3 — английской горчицы coolmann, 4 — vino d'aste spumante; ты будешь моей кастеляншей, и я тебе буду платить мой pension³ и особо service⁴.

Жду с нетерпением увидеть, насколько ты выросла (телом и духом).

Прощай.

Malvida — furiosa e grondosa⁵ (от слова gronder) — имеет получить поклон.

Напиши мне строчку в Геную.

Тата — я забыл тебе написать, что «Echo» есть у Vieusseux, по словам Саши, но теперь уж поздно.

9. Н. П. ОГАРЕВУ

11 января 1867 г. (30 декабря 1866 г.). Ницца.

11 янв<аря>.

87, Prom<enade> des Anglais.

Морем ехать невозможно — пришлось тащиться в malle-poste. Билет взят — я еду в самый русский Новый год 13 ян<в<аря>, в 8 1/2 вечера, до Онелио — в купе, оттуда на банкетке

¹ почтовой карете (франц.); ² до востребования (франц.); ³ пансион (франц.); ⁴ услуги (франц.); ⁵ неистовая и бранящая (итал.).— *Ред.*

с кондуктором в Геную. К ночи в понедельник буду там, на другой день (15) — в Специи — и оттуда по железной дороге — в Флоренцию (16, а если останусь в Генуе, — 17), где, наверное, и буду в среду. Вот весь маршрут — *sauf malheur et retard*¹.

Лекция Саши была очень успешна. Посылаю записку Мальвиды, принимающей во всем нашем самое горячее участие.

Дома так было мрачно, безвыходно и страшно; я сам начинаю себе ставить вопрос, не отдать ли Сат<иным> Лизу года на два — всё же лучше. На днях N<atalie> сказала мне, что она была бы готова отдать Лизу в Кольмар, и, когда я согласился, она решительно объявила, что никогда не даст своего согласия, а уедет в Россию. Я напомнил обещание, клятву. «Вы все изменили обещаньям — так и я могу»... и т. д.

Верно, ты не пропустишь в «Кол<околе>» расстреляние поляков в Сибири и пропустишь мое замечание об «Отголосках», которые выходят по-старому.

Час.

Получил сейчас твое письмо от 8-го. На все я уже отвечал прежде. Я, право, не вижу, зачем издавать двойной лист, зачем в одном листе два leading'a, и где то обиле статей (и читателей), чтоб так роскошествовать? Если это делается для Чернецкого — я согласен, если же по нерасчетливости, то не могу согласиться. Поэтому и рассуди сам. Почему ты переменял свое решение — статью свою печатать в следующ<ем> листе?

Если брошюра дельная — с чем-нибудь пришли во Фл<оренцию>, если вздор — оставь.

Тр<убецкой> ждет свою мать, знаменитую Витгенштейн. Итак, застрянет и он. Авось ли найду случай в Флоренции.

Прощай.

10. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

11 января 1867 г. (30 декабря 1866 г.). Ницца.

Пану.

11 января.

Вчера привезли к нам на дом все вещи — в совершенной целости, — включительно даже с Лизиним серсо. Стоило недорого — 36 фр. и 1 на водку.

Я еду послезавтра, газет не читал (русских) давно, — у Висконти кто-то их берет. Коли что особенно важное, посылайте в Флоренцию.

¹ если не произойдет несчастья и задержки (франц.).— *Ред.*

Лекция Саши шла блистательно — сообщите об этом кн. П(етру) Вл(адимировичу) и Чернецкому.

Засим в ожидании от вас записки — кланяюсь и благодарю за все хлопоты.

А. Герцен.

Пишите мне в Флоренцию. Надеюсь, что зубы ваши прошли.

Р. С. Француз(ских) лореток здесь бездна, и первый сорт, разодеты, припудрены и в колясочках из соломы разъезжают. По вашей части была бы пожива.

11. Н. П. ОГАРЕВУ (приписка)

12—13 января 1867 г. (31 декабря 1866 г. — 1 января 1867 г.). Ницца.

Лиза ходит всякий день в школу Гатти де Гримой, там во всех классах до 500 учениц.

Вчера встретил Дельпиера, отца жены Трюбнера.

Папе Ага

Писала и запечатала сама.

12. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

15 (3) января 1867 г. Генуя.

Генуа. 15 январ(я) 1867.

Любезный Тхоржевский,

я должен Висконти от 25 до 30 фр.— мы с ним решили так: он взял 2 экз(емпляра) «Был(ое) и думы»¹ с rabais² 35% и хочет с той же уступкой «Колокол», 5 экзем(пляров) каждого № (1-го три получил). Я ему дал «Кол(окол)» за весь прошлый год. Стало, долг этот считайте за мной — а я с ним сочтись.

Погода ужасная — дождь льет, как под тропиками, теплынь, гром, и все это продолжается больше недели — я сегодня в 10 часов зажигал свечу; буду ждать до четверга.

Нат(алья) Ал(ексеевна) спрашивает вас, сколько милльонов выиграла она в лотерею, и просит не забыть, что в свое время адвокату Губе приходится за бессонят заплатить: за одну 60 и за другую 20.

Окупается ли «Колокол»?

¹ Не забудьте послать 2 экз(емпляра) «Саз(онов) и Энгел(ьсоны)» ему — и 5 в Флоренцию.

² скидкой (франц.).— *Ред.*

Прощайте — будьте здоровы и не ездите никогда в дилижансах.

Кланяюсь Чернецкому.

13. Н. П. ОГАРЕВУ

15 (3) января 1867 г. Генуя.

Генуя. Hôtel de la Ville.

15 янв(аря), вторник.

Ну, милостивый государь, наконец-то я дотащился до Генуи, — это не лучше поездки из Пензы в Москву. Дождь лил три дня — и лил во весь путь. Мы ехали 26 часов в дилижансе. Речонки поднялись в реки. Закрывшись — на банкетке была духота без пределов, открывшись — вода обливала всего. Сегодня гром, молния и шторм, даже град. Я поневоле остаюсь до 17 здесь — вероятно, море уляжется, пытку дилижанса не хочу еще раз.

Перед отъездом из Ниццы я написал тебе и Тхор(жевскому) письмо, положил в карман и привез в Геную. Простились мы в Ницце мирно; хотелось бы с Татой и Ольгой снова сблизиться N(atalie), но прямо ничего не сделает. Теперь рядом с планом ехать в Россию — снова план купить пансион в Ницце. N(atalie) все хочет, кроме одного — заглянуть в себя и свою совесть. Увидим, что сделают эти два месяца — я вряд возвращусь ли до начала марта в Ниццу.

Благословляю издать двойной «Колокол» для Чернецкого с тем, чтоб от меня не ждать ни в март, ни к 1 апреля ничего, кроме *смесей*.

Читал ли ты речь Самар(ина) (Дмит(рия)) в земском заседании? Я ею доволен.

Что ты хочешь делать со статьей Каткова о раскольниках? Она нам почетна. Все же и по его выходит, что им дали льготы, имея в виду их связь с Лондоном. Разве это и сказать?

Прощай. Лизу я оставил цветущею, как центифольный розан. Ей явным образом этот климат понутру — она вдвое ест и толстеет. Умна удивительно, до тончайших нюансов; в школу ходит весело, — а Nat(alie) недовольна и, верно, возьмет ее недели через две!..

Я сюда приехал с очень хорошими американцами, которые за мной ухаживали по дороге и были аух *petits soins*¹. Виллих выздоровел от раны. Генерал имеет большое место в Массачусете с окладом 35 000 фр. Скажи Тхорж(евскому) и кто близко его знал.

И аминь.

¹ очень предупредительны (франц.).— *Ред.*

14. Н. П. ОГАРЕВУ

16—17 (4—5) января 1867 г. Генуя, Болонья

№ 2 из Италии.

Генуя. 16 янв(аря), середь

Забава да и только. Вчера гром и ливень, сегодня холод и ливень — да ведь беспрестанный дождь — сегодня десятый день. Еду завтра в Александрию — крик огромный — но всё по железной дороге; оттуда через Модену в Болонью, там останусь полдня и, вероятно, в субботу буду в Флоренции. Нового сообщить, разумеется, нечего. Вчера я тебе писал..

Вечер

Завтра встаем в пять и едем около семи — в Болонью; мои американцы едут потому, что я еду, — вот какие победы. Их трое, два молодых человека и один капитан парохода, во всех гораздо больше наивности и простоты, чем у европейцев. А вьюга продолжается. К вечеру мы в Болонье.

Прощай

Bologna
Hôtel Brub

Приехал в 3, устал, обедаю, ложусь спать и в 7 еду во Флоренцию, след., буду там в 12 завтра.

17, четверг.

Все бы хорошо, но потерял все ключи — досадно

15. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

17 (5) января 1867 г. Болонья.

Bologne. Hôtel Brub
17, четверг.

Приехал сюда в три часа усталый — не спал и хочу отдохнуть. Погода холодная, снег, но ясно... Завтра в 12 в Флоренции. Всё бы хорошо — но потерял все ключи — должно быть, в Генуе. Это меня бесит, писал в отель.

Что вы — ни о ком не мог иметь вести. И страшно иной раз. Американцы отсюда поехали дальше.

Лизу целую, и прощайте.

Я телеграфировал после приезда и писал — все ли получено?

16. Н. П. ОГАРЕВУ

19(7) января 1867 г. Флоренция.

2-е из Флоренции.

Огареву.

19 января. Флоренция.

41, Via S(anta) Monaca.
2°p°.

Посылаю вместе с этим письмом все корректуры. Твоя статья по началу как раз придется продолжением моей III статьи. (на хороша. Хорош и «Белый террор», но я прошу тебя выправить его посерьезнее. Я полагаю, что нельзя отдавать в печать не поправивши. Не забудь, что в заглавии вместо террор написано «герор», и убавь ругательств. Сколько мог, я сделал, — но действительно голова идет кругом, а времени мало. Если нельзя — то и не посылай *mise en pages*¹. Хотя я не вижу резона, отчего «Кол(околу)» не выйти 3, 4 февр(аля), — кого это обидит?

С(ерно)-С(оловьевич) печатает, как ты видишь, брошюру против нас. Что же сделают остальные «эмигранты» и приятели? Это интересно для будущих сношений. Предложи-ка Мерч(инскому) протестовать и Мечникову. Не благодущничай. Я, с своей стороны, их молчание приму за согласие с С(ерно)-С(оловьевичем) и *раззнакомлюсь*. Ты можешь это сказать Мерчинс(кому). Быть с нами знакомым и пускать этого мошенника к себе в дом — двуличность. Якоби поступает лучше. Если С(ерно)-С(оловьевич) сумасшедший — что же его не сажают в Женеве в сумасш(едший) дом? Если же нет — пусть несет всю ответственность за дела.

Здесь все хорошо — кроме ужаснейшей, холодной и отвратительной погоды. Ольга несколько сложилась, умна умом и воображением, хотя ничему не учится. Тага занимается довольно, хотя собой недовольна. Саша в самом деле работает. И Мейз(енбуг) ничего, хотя здоровьем плоха. Ей вчера д-р Левье делал подкожную инъекцию морфина от головной боли.

Я никак не ожидал, что Долгор(уков) недоволен статьей. В поощрение прибавляю несколько строк, которые передай Чернецкому.

Фрикен несет письмо на почту, оно еще пойдет сегодня, адресуую поэтому Тхоржевскому.

¹ верстку (франц.).— *Ред.*

17. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

19 (7) января 1867 г. Флоренция.

Душевно благодарю за письмо, любезный пан, от него пахнет снегом и льдом.— Во Флоренции всех застал здоровыми, все кланяются. О Саш(иной) лекции есть прекрасная статья по-итальянски. Газет рус(ских) еще не читал. Приехал по снегу и холоду и утомился.

Корректуру послал Ог(ареву), передайте ему письмо и прощайте.

19 дек(абря).
41, Via S. Мопаса
Firenze.

Все наши кланяются Чернецкому.

18. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

22 (10) января 1867 г. Флоренция.

Тхоржевскому.

22 января. 41, Via St. Мопаса. Firenze.

Требуется сюда следующая присылка книг, когда «Энгел(ьсоны) и Саз(онов)» будут отпечатаны:

4 экземп(ляра) 2-го отдел(ения) «Был(ого) и д(ум)».

4 экземп(ляра) обоих вместе,

10 экзем(пляров) «Самісіа rossa».

Теперь вопрос, как сделать, чтобы дешевле послать? — напр(имер), за 4 или 5 фр. Если же нельзя — напишите.

Зачем Огар(ев) посылает двойные №№ «Моск(овских) вед(омостей)»? — это, кажется, роскошь.

Ключи в Генуе нашли, но не могу еще добиться до них. (Получил.)

Погода вполонину сгубила все удовольствие — в комнатах стужа, темно, на двор нельзя выйти от дождя. Одно утешение, что уже Генрих Гржимала-Любанский открыл меня и ходит читать проекты об экономии в содержании армий. Здесь и Гауг... «та... та... та...», сделавшийся богачом. Доманж дает уроки и в(еликой) кн(ягини) Марии Николаевны. Фрикен — пишет книгу.

Что же, наконец, вы придумали для типографии и для Чернецкого к 1 маю? Напишите.

Все вам кланяются.

Три часа. Погода прояснилась, и Любанский попросил 200 фр. взаимы.

Прощайте

19. Н. П. ОГАРЕВУ

22 (10) января 1867 г. Флоренция.

22 янв<аря>.

41, Via Sta Монаса.

N<atalie> пишет, чтоб я категорически решил, и притом сейчас, вопрос, ехать ли ей в Россию или начать покупку пансиона в Ницце, чтоб она считает равняющимся поступлению в монастырь. Что я могу отвечать? Если б я был уверен, что она сладит с пансионом, я не сказал бы ни слова — но ведь это больше чем сомнительно. Для вопроса о России я не имею данных — напр<имер>, что будет с Лизой? Нужен необходимо Сат<ин> — и ни малейшей возможности послать письмо.

Я смотрю с бесконечной грустью на свирепые результаты безумья и эгоизма. Лиза была бы совершенно счастлива теперь с детьми. Тата становится покойнее, а Ольга действительно очень грациозно развивается. Она была бы великим источником — *ресурсом* для Лизы. Даже Мейзенб<уг> ничего бы не имела против. Но страх перед N<atalie> всех леденит. Она сама чувствует, что во многом неправа, — но сказать это со слезами и горестью не может. Напиши твой совет.

Работы наладить еще нельзя. Да и отчего же ты не отметил прямо для «Смеси» кой-какие резкие вещи, напр<имер> 1) об ограничении права раскладки в земск<ом> соб<рании> и о московском протесте? Такую вещь и Долг<ороков> сделает. Погода была до того дурна, что я к Vieusseux не ходил. Присылай, пожалуй, только те № газет, в которых есть что-нибудь интересного (ну, два раза в неделю).

Может, о процессе Чичерина есть больше подробностей, — спроси у Долгор<укова>.

А в Москве речь-то говорил Юр. Самарин. Это Тру<бецкой> меня ввел в искушение, что Дмитрий.

Итак, еще раз прошу — в «Смесь» отмечать без меня.

Думаю через две недели ехать в Венецию. Здесь жизнь все же слишком юна и бойка — хотелось бы пообдуматься одному

Прощай.

20. Н. П. ОГАРЕВУ

45(13) января 1867 г. Флоренция.

25 янв<аря>.

41, Via Sta Монаса.

2°p°.

Получил отписку от Тхоржевского о холоде, типографии, Долгорукове и пр., и его простое письмо rather¹ навело грусть.

¹ скорее (англ.). — *Ред.*

Впрочем, я вообще в хандре (скверная погода продолжается, хотя теплее). Меня мучит неумение устроить жизнь — для себя, для нас, для несколько близких лиц. Мне иногда сдается, что мы оба — ты и я — страшные эгоисты: ты с нежными, я с жесткими велеитетами, и оттого постоянно губим все около себя, себе — и выкупаем нашу психическую антропофагию общими интересами... и талантом.

Я стою теперь wie ein Ochs am Berge¹ и решительно не знаю, что сделаю для детей и что для Лизы. Я здесь всеми доволен. Ольга действительно умна и жива и очень развилась, она очень красива и грациозна. Тата занимается много... Но я чувствую, что в этой жизни они будут гдохнуть и, того и смотри, выйдут из нее в глупый брак... Но что я сделаю? Для этого надобно: 1-ое — жить с ними, 2 — удвоить их оклад (а он теперь уже достигает 14 000 фр.) и, наконец, не жить на 3 дома. Внешнюю часть жизни с Н<атали> и Лизой я бы сладил, но вместе и думать нельзя.

У Ольги характер чрезвычайно суссептибельный, и она не дает сдачи, а глубоко оскорбляется. Н<atalie> ее в неделю доведет до безумного бегства или чего-нибудь такого. Если бы ты слышал наши разговоры в Ницце, ты подивился бы моему терпению. $\frac{1}{1000}$ долю не вынесла бы ни Тата, ни Ольга. Лиза была бы, напротив, здесь совершенно на месте. Вот я и ломаю голову... ну, пройдет месяц, два... я опять буду в Ницце, опять приеду в Женеву — при чем же все останутся? А тут еще велепость — везти Лизу в Россию... И... бьешься, бьешься, и эгоизм берет верх, и хотел бы бежать, куда бы то ни было — только один. Твоя жизнь несчастна — но она менее запутана.

Ну, довольно!

Вчера у Шиффа был rendez-vous² для спора о libre arbitre³ с Доманже. Шифф был сплендиден, да, он большой талант и большой логик. Разумеется, он Доманже победил — и тот (несмотря на французское многоязычие и свое умноязычие) сдался, что в спорах бывает редко. Итак, libre arbitre принесен на закляние.

Затем прощай. А. Г.

21. Н. П. ОГАРЕВУ

29, 31 (17, 19) января 1867 г. Флоренция.

29 янв<аря> 1867.

41, Via Sta Monaca.

2° р°.

Особенно сказать нечего — разве придет scribendo⁴. За-метил ли статью в «Голосе» (5 ян<варя>), совпадающую шаг

¹ как бык перед горой (нем.); ² прием (франц.); ³ свободе воли (франц.); ⁴ в процессе писания (итал.).— *Ред.*

в шаг с моей статьей в «Колоколе»? Жду продолжения ее (6 янв<аря>) (продолжение плохо). Сегодня получил письмо от Луг<инина> — просит денег для Оз<ерова>. Тх<оржевский> ему послал 50, пошлю я отсюда 100, тогда у меня останется в фонде 450 фр., а затем финал. Свой взнос я начинаю беречь с другой целью — о том после. 250 могу прислать. Послед<нее> письмо из Ниццы было *от 17* — все это в наказание и боль¹. О, карейший защитник прибавки женщин в жизнь — какую новую комментарию я нашел здесь в подтверждение моего взгляда! Пьянчани (отличившийся в последнюю войну, в которую пошел простым волонтером) изнемогает под бременем домашних пакостей, делаемых дрянной и состарившейся французенкой, которая жила у него еще в Лондоне, — он стареет, падает, стыдится и не может вынуть ноги из постромки. И эта женщина без образования, без ума, без детей — давит его и все возле стоящее!..

Здесь, т. е. флорентинцы, меня опять приняли с такой симпатией и таким вниманьем — как в 1863. Странно — они меня меньше знают наших швейцарцев, а сочувствия больше. Впрочем, здесь и русские все лучше — Леманщиков, живописец Ге, скульптор Забело, Железнов и сам Fri V (я его так пишу, как Charles Quint²). Вчера был у Муравьевых (жена Алек<андра>, умершего в Сибири) — портреты... Напр<имер>, мать Никиты Мур<авьева> — молодая женщина и на коленях ребенок лет 5 — Никита.

A somme toute³, думая и думая, я не решился бы здесь жить, все-таки маленький город. Что-то Венеция? Я ей придумал огромную будущность — на развалинах Австрии и в tête-à-têt'e⁴ с Константинополем.

Vedremmo⁵ — к 15 февр<аля> я там.

Жить пока придется в Швейцарии.

Сейчас Фрикен получил приказ возвращаться в Россию, что за скотство! Он, кажется, не поедет.

31 января.

Твое письмо от 28 пришло. Из Ниццы ни слова. Как же при полной безответственности людских дел ты пишешь, что тебя (как и меня) «оскорбляет глубоко записка N<atalie>»? Да если это необходимое последствие! Ведь не оскорбляет же тебя тиф и его последствия — они только могут огорчать... Тут что-то в практическом приложении неладно. Я это испытываю на себе. Конечно, из уравновешения эгоизмов только и

¹ А прогос к письмам. Зачем ты шалишь, надписывая Тате... Если это хитрость, то она слишком прозрачна.

² Карл Пятый (франц.); ³ Короче говоря (франц.); ⁴ наедине (франц.);

⁵ Посмотрим (итал.). — *Ред.*

может выйти норма поведения. Но и тут вряд есть ли единство между сказанным и твоей теорией о преданности, которую ты сильно защищал в 1861. Да зачем же мы не работаем над этими вопросами?

Ты пишешь еще: «Дело в деле» и о нерешительности в жизни. Что же я сделаю в частной жизни? Спасенье могло быть серьезное — это в совокупном житье Лизы с Тат(ой) и Ольгой; а не только N(atalie), но и Т(ата) теперь с N(atalie) не уживутся. Несмотря на то, что Тата зреет.

Я просто устаю и тупею — и тут никакая теория de libero et servo arbitrio¹ не поможет. Я вижу одно: *мы несчастны в частной жизни* — и слышу ясно и отчетливо: *и поделом*, — и это я ношу, как ядро на ногах. Was haben Sie dazu zu sagen?²

Скажи Тхор(жевскому), что портрет Черныш(евского) и 2 Красные рубашки получил. Я ему писал о деньгах, пусть пишет о strict nécessaire³. Отсюда посылать — потеря 6%. Если V-que Suisse даст — я пришлю чек.

Прощай.

Шиффу в понедельник было 44 года. Сегодня второй диспут с Доманже.

22. Н. П. ОГАРЕВУ

3 февраля (22 января) 1867 г. Флоренция.

3 февраля. 41, Via Sta Монаса.

Я что-то не в духе и простужен, о причинах не хочется толковать, т. е. о психических — а что касается до причин физических, они понятны: весь день жар — да ведь невыносимый на солнце — а вечер и утро так холодны, что я подкладываю дрова в камин и дрожу.

Вот тебе хорошая весть. Пока мы с тобой рассуждали насчет Сат(ина) и придумывали средства — все сделано. Что за славная Mme Reichel! Я ей писал месяца полтора тому назад: найдите мне случай передать С(ати)ну слова два, — здоровье О(гарева), и в особенности болезненное состояние духа N(atalie) после смерти детей, делают необходимым свидание. Мар(ья) Кас(паровна) отвечала, что на сию минуту нет ничего в виду. А вчера пишет: «Случай имела, записочку написала сама — и сегодня получила весть о том, что она доставлена». Молодец! Они через месяц (т. е. Рейхели) будут в Берне; если случится, fate una cortesia⁴.

¹ о свободе и несвободе воли (лат.); ² Что вы можете сказать на это? (нем.); ³ самом необходимом (франц.); ⁴ окажите любезность (итал.). — *Ред.*

Здесь все идет довольно хорошо. Тата опять занимается живописью. И она, и Ольга, и Мейзенб<уг> с распростертыми объятиями приняли бы Лизу. Для чего ее вырывают из естественного круга? Я ясно вижу, что, собственно, затаенная в действительная злоба (по несчастью, справедливая) против N<atalie> — у одного Саши. Но я и это взялся бы устроить...

Второй коллоквиум Шиффа не был так удовлетвор<ител>ен, как первый, и я начинаю думать, что спор опять-таки *номинальный*. «Ответственность за поступки объективная, а не субъективная»... с этим является снова суд и, пожалуй, казнь. Подожду третий разговор. Физиологическая необходимость многого не объяснит, есть элементы, ею неуловимые, напр<имер>, исторические antecedents, даже наследственность. Есть крайна, где оба термина антиномии переходят друг в друга — т. е. где человек с сознанием пользуется правом ступить левой или правой ногой, хотя приведение в исполнение идет уже по физиологической необходимости. Попробуй написать чего нет — тезисы другого тона с некоторым развитием. По-моему, это право важнее математических фантазий.

Я стал бы писать, но здесь невозможно, так устроена жизнь. Ты бежал бы через неделю. A la longue¹ и я бы не мог вынести. Это жертва.

Итак, земщину петербургскую в три шеи. «Indép<endance>» пророчит конституцию, а всё вместе — войну.

Войну натягивает Франция, в этом не сомневайся. Дела Запада я здесь могу лучше знать, чем вы в Женеве. Если не в нынешнем, то в будущем году весной — sauf² иных перемен — будет война. Смотрите, Николай Платонович, — вопрос этот для нас лично: to be or not to be. Тут случай снова победить ту позицию, с которой нас сбили в 1863. Если же это не правится — торжественно умолкнуть как журнал и приняться за книгу. Bedenken Sie das³.

A propos, кажется, ты не заметил вылазку в «Моск<овских> вед<омостях>», выписывающих из газеты «Рёсог»: «Кто же в России за польское восстание теперь? Герценисты были одни прежде, но и те поссорились недавно с поляками».

Об Аксак<ове> примите в «Смесь» строк несколько — что-ва бомбист, что за риторика времен Вадима Пассека и супруга его!

Здесь совершаются немалые дела. Правительство аух abois⁴ без денег, хотело, отобравши у монастырей земли, их продать обществу белгов, под которыми скрывались иезуиты. Прави-

¹ Долго (франц.); ² если не случится (франц.); ³ Обдумайте это (нем.); ⁴ в отчаянном положении (франц.). — *Ред.*

гельство вывернулось бы, а иезуиты закрепили бы земли какими-нибудь проделками и уже требовали разных уступок. Несмотря на миллионы, присланные для *хождения по делу* и покупки голосов, дело рухнулось, и 7 ком<итетов> из 10 вотировали против. Вероятно, министерство падет или распустят камеру. Жаль одного Рикасоли.

Пока довольно. Если мысль моя ясна насчет войны и нашей атитуды, черкни об этом слово.

«Колок(ол)» мне не нужно было посылать.

Статейку об Акс<акове> не показывай прежде Долгор<укову>. он раскричится.

23. Н. П. ОГАРЕВУ

6 февраля (25 января) 1867 г. Флоренция.

Среда. 6 февр<аля>. 41, Via S. Monaco.
2° р°.

Вероятно, письмо как-нибудь завалилось или пропало. Я ни разу не пропустил больше *четыре* дней — и если не к тебе, то писал в интервалах к Тхор<жевскому>.

Дней пять я провел в несказанном ужасе — не хотел тебе писать до окончания и именно потому и пишу теперь. В конце прошлой недели я получил от N<atalie> письмо, в котором она писала, что в Ницце круп и дети мрут. Вслед за тем — что у Лизы лихорадка, дальше — что у ней железы распухли. Я сказал, чтоб тотчас телеграфировали, и был готов с первым train¹ после телеграфа скакать в Livorno и на первом пароходе ехать в Ниццу. Ты можешь представить, как я провел время от *пятницы утра до среды* — особенно ночью. Наконец, сегодня получил письмо, что никакой опасности нет и что все это, кажется, легкая простуда.

Тяжела шапка Мономаха!

Вот тут и отдох; и Венеция, и прийти в себя от тысячи тревог, мучений etc.

В воскр<есенье> я послал статейку об Аксакове. Писал и в прошлую пятницу (между прочим о Piansani). «Колокол» получил. Как бы не привязались к слову «мошеничество» в статейке Долгорукова — я постоянно вымарываю ругательства. Русские здесь с жадностью читают «Белый террор» — скажи автору.

Напишу еще в «Смесь» несколько строк. В Венецию до 15 не поеду.

¹ поездом (франц.). — Ред.

Прощай. Отдай Тхор<жевскому> счет и следующую страницу.

После обеда.

На сей раз пиши, если что надо, скорее—мне хочется через 10 дней быть в Венеции и там остаться от 10 до 15 дней, потом обратно в Флоренцию.

Addio.

24. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

6 февраля (25 января) 1867 г. Флоренция.

6 фев<ря>. Середа.

В какую тяжелую серую массу боли и ужаса, внутренней тревоги перешла моя жизнь, это ты поймешь. Меня немного успокаивает, что не было телеграммы. Я писал в понедельник — (4, получила ли ты?)

Позже.

Сейчас получил твое письмо от 2 — немного отлегло. Помни мнение Шиффа насчет рвотного, он говорит, что «во время данное — оно решительно предупреждает болезнь». Иодий я бы и сам прописал — это ясно. Доктора зови чаще. Да в самом деле в Ницце — круп, не частные ли случаи? Если бы была эпидемия — можно просто сесть на пароход и уехать в Геную — недели на три.

В Венецию буду собираться, когда получу окончательную весть о выздоровлении Лизы.

Погода здесь скверная. Маленький Пульский выздоравливает — а у Эмиля Фогта маленькая не вынесла скарлатины.

Вчера я получил письмо из Vevey от *Пейкер* — спрашивает меня, советую ли я ей печатать перевод о молоканах.

Милая, милая Лиза.

Вот и старичок твой опять поправился, узнав, что тебе легче. Смотри лечись усердно и делай все, что мама велит — чтоб скорее на солнце и в школу. Я здесь познакомился — с одним молодым человеком из Сицилии, он очень богат и граф или что-то такое. У него, когда ему было четыре года, была скарлатина, бросилась в глаза, и он совершенно ослеп — и слепой жил в деревне у своего дяди, ему лет 25. Слушай же — он компонист, играет превосходно на фортепьяно и поет. Говорит сверх своего языка — совсем свободно — по-франц<узски>, по-немецки и по-английски — пишет (т. е. диктует) стихи и статьи, знает все на свете, естественные науки, историю и пр. Я еще такого чуда не видывал — его водит человек по улицам,

очень красиво одет, фамилия его Penisi. Сегодня он придет к нам. Целую тебя.

Я тебе собрал кучу маленьких денег.

Насчет писем я уже объяснил — что адрес был так дурно написан, что одно — пришло неделю спустя.

25. Н. П. ОГАРЕВУ

7—8 февраля (26—27 января) 1867 г. Флоренция.

7 февраля, четверг.

Все лежали два дня в головной боли. Сегодня отхаживаемся, хотя Тата еще больна. Сегодня же известный живописец Ге приходил с требованием делать мой портрет «для потомства» — делает он удивительно (пока об этом с посторонними не говори). Завтра начнем, и Тата начала. А фотография Ольги испорчена — пришла новую. Я опять написал статейку против Аксакова и прошу ее непременно поместить и тоже Долгорукова не слушать. Что же вы поместите в 1-м апреле? От меня, кроме «Смеси» и, пожалуй, письма из Италии (вроде «Неаполь» 1863), ничего не ждите.

Молния, гром, град и вьюга — все свищет, шумит — и вот причина фамильной головной боли.

8 февраля.

Статью in Aksakio перечитал, ладно — и посылаю, разумеется, прошу прислать корректуру.

Разумеется, я доволен кварталным надзирателем, и если Утин хочет, позволяю употребить старое знамя «Полярной звезды». В него пойдет статья «Non possumus», и я, пожалуй дам отрывки из «Былого и думы». Наконец, вчера я спрашивал у Шиффа позволение напечатать его три беседы о libro arbitrio¹, которые запишет Саша и Dr Levier, а я и Шифф поправим. Если нужно, я заставлю дать Фри V статью (отрывок) из книги, которую он печатает на Боткина счет об искусстве, т. е. об историческом развитии. Но чтоб ясно было: 1ое — что вся финансовая часть ни по +, ни по — ни тебя, ни меня не касается; 2ое — чтоб поправка корректурных листов была сделана ими и на их ответственности, 3^{ье} — чтоб на заглавии отметить, что мы не одни. Как? Например: «„Полярная звезда“, издающаяся с участием Г^{ерцена} и О^{гарева}», «под руководством Г^{ерцена} и О^{гарева}».

Ну, подумайте... Иду к Ге рисоваться.

¹ свободе воли (итал.). — Ред.

Посылаю тебе в подарок Шиффа, вели его тотчас наклеить. В понедельник буду писать. Я до 16 не собираюсь в Венецию.

Addio.

Красная рубашка — «Camicia rossa». Молодцы вы!

От Лизы записочка — она почти совсем здорова,

26. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

9 февраля (28 января) 1867 г. Флоренция.

9 февраля. 41, Via Sta Монаса

Как я провел все дни *сомнения* насчет болезни Лизы — ты понимаешь и веришь. Этого рода *наслания*, как говорят мужички, я принимаю со смирением. Радость, что ничего нет, — покрыла боль. Шифф думает, что операцию только следует делать в очень важных случаях, которые очень редки. Сама по себе она легка, для этого есть особые ложечки — иодий, конечно, следует принимать, кажется, я и писал об этом. Далее прошу тебя — узнай и, если в городе нет болезни и погода установится, посылай Лизу в школу. Я умоляю об этом... одна она должна пропадать от скуки.

Что я тебе скажу на вторую половину твоего письма? Ты очень знаешь, как я гляжу и на причины и на действия и как мало могу сделать внешнего, когда внутреннее — не изменилось. Измениться внутреннее может только пониманьем и самообузданьем в силу пониманья условий жизни. А тебе и язык этот чужд. Ты не любишь контроля и бежишь не лишней, не материальных жертв, а жертв самолюбия. От этого, напр<имер>, процесс Саши. Твоя записка была очень хороша — но ты забыла, что вызвал ее я, что без меня ты не написала бы ее.

Что они молоды, а мы нет — что же с этим делать, старость только улыбаясь молодости — может ждать от нее любви. Я мало пишу тебе о моих наблюдениях здесь — боясь ответов, которые оскорбят, да и не видя большого интереса с твоей стороны. Скажу одно — что атмосфера здесь чиста — Тата с Ольгой очень хороши, и все между собой они живут хорошо. Ольга очень развилась, — ни тени планов на замужество... хозяйство идет *clorin-clorant*¹, но так, что до меня не дошло еще не только жалобы, но рассказа об нем. Я слишком одичал, чтобы жить с истинным покоем в их жизни, потому что ее следует принимать с знакомыми, с необходимыми визитами...

¹ кое-как (франц.). — *Ред.*

Я сказал, что больше месяца или пяти недель не останусь, заеду еще из Венеции. Мое присутствие было полезно — тем оживлением и новым толчком в общие интересы, который я дал. Тата горячо приняла участие в болезни Лизы — я уверен, что она летом с радостью поехала бы к вам — но как мне звать? Когда сердце у тебя само попросит не перемирий, а сближения, — ступай к мраморному обелиску — и ищи тех звуков, на которые молодость отзовется, ринется, — будь уверена, что ты au fond¹ не знаешь характера ни Таты, ни Ольги. Я до того настрашен прошедшим, что боюсь предложить съехаться летом — пожалуй, хоть в Ницце (à propos, — Шифф, Канницаро и др<угие> никак не сравнивают климат в Ницце с внутренними городами Италии в жары, — Ницца, Специя, Неаполь, и в особенности Палермо, менее душны от моря и очень здоровы). Если тебе это важно — а оно важно для собственной совести — работай сама. Когда я тебя просил у трех могил — подумать о твоих отношениях к Огар<еву> и детям — я тебя просил о тебе, ты не можешь человечески жить в них. Пора обратить внимание на мои слова.

Материальная сторона устроится сама. Для меня так много страданий и любви на голове Лизы — во мне так искренно желание твоего искупления, что ты меня не оттолкнешь никаким усилием. Что тебе пишут из России? Твоя сестра все же должна приехать. Ну довольно. Прощай.

Позже.

Насчет внешнего распорядка вот что могу сказать.

Известный живописец Ге просил дозволение снять мой портрет «для потомства», как он говорит. Это художник первоклассный — я не должен был отказать. Вчера он начал — это задержит до 17, 18, тогда я поеду в Венецию — там надеюсь отдохнуть дней 10, а не то и меньше — потом заеду сюда и приеду к вам, потом в Женеву, — но если ничего не переменится — летом возвращусь в Ниццу. Не оставить ли до свиданья все решенья? Это не значит оставить внутреннюю работу. Я никогда яснее не видал, перед каким вопросом мы стоим и как никакое внешнее решение ничего не изменит.

Мы делали здесь опыты надписи на камне — все не удается и может лучше всего

LELA-GIRL
and
LELA-BOY
БЛИЗНЕЦЫ
Род. в Лондоне.
Скон. в Париже.

¹ в сущности (франц.). — Ред.

Самое лучшее влияние на всех бесспорно идет от Шиффа — человека необычайно серьезного.

Суббота.

Милая Лиза, букв(арь) от Чернецкого доставать далеко. Я тебе привезу отсюда¹ или пришлю. У Ольги шкурки нет, а есть белая крыса, которая ходит по комнатам как собачка и потом возвращается в свой дом спать.

Кланяйся Лизавете. Как зовут новую Плерантину?

Ольга поет — Тата поет тоже.

Ты никак не хочешь принять мой рецепт для адресов и все пишешь

Italie

Florence

V. Monaco.

Поверь, что лучшая форма

Italie

V. Monaco

Florence

Иначе письмо опять поедет в Monaco.

27. Н. П. ОГАРЕВУ

13 (1) февраля 1867 г. Флоренция.

Среда, 13 февраля.

О предполагаемом Revue я уже писал. Теперь было бы время начать, если бы были деньги, француз(ское) Revue. Шедо-Ферроти лопнул, и «Эхо» будет издаваться по-русски. О Крузе и Шувалове следует сказать слова два. Аксакова не жалею, в нем надобно добиться до совести, двойство его безобразно.

Библейское выражение «камни плачут» слишком известно, чтоб возможно было не шутя спрашивать, что следует: «камни» или «калеки». Это, саго², у тебя решительно привычка.

Тезисы твои хороши, и я их всем прочел и читаю, но вполне они меня не удовлетворили.

1^{oe}. Даже Доманже никогда не говорил об абсолютном *libre arbitre*, а об очень *относительной* способности, *de la volition*³ как о сложной функции физиологического процесса, состоящей в зависимости от остальных и имеющей свою самость.

¹ Купи ей букв(арь) — это легче, я уверен, что ввоз букв(арей) запрещен. Только надобно рост одинакий со старыми.

² дорогой (итал.); ³ о проявлении воли (франц.). — *Ред.*

2. Я совершенно не понял, что ты хотел сказать тем, что в организме нет особого органа — воли. Центр<альный> орган всех высших физиологических явлений — мозг. Где же отдельный орган — памяти, изящного или красоты... не понимаю.

3. Еще меньше понимаю; по-моему, вовсе не идущую к делу отметку о крике больных — ни крик, ни помешательство к делу не идут. Еще бы отрубить голову да и спросить: судороги произвольны или нет? Способность *помнить* пропадает в обмороке, *ergo*¹ — памяти нет.

Я не возражаю на главную тему, а ищу ясного понимания. До сих пор Шифф довел *до* тех явлений, которые неученый язык называет волей, выбором. Законов, вполне отрицающих его, я еще не слышал и жду. Дело так не легко, что у нас ни языка, ни категории, ни слов нет, чтоб выразить невольную волю желанья и избранья. Весь строй общественных и личных отношений должен пересоздаться на основаниях фатализма, с одной стороны, и беспощадной защиты — с другой (это-то Шифф и назвал объективной ответственностью, — я не знаю, почему ты ее отбросил). Объясняй, пиши... *Volo videre quo modo aedificatis*², — как говорил сумасшедший Гро Прудону.

Теперь к частным делам.

Переписка с Ниццей давит, как тяжелый камень — ни одного светлого слова, ни одной надежды. И опять пишет N<atalie>, что Лиза нездорова, простудилась, что доктор советует серные ванны весной, что будто у ней лихорадка к вечеру. Весна отвратительная — или, т. е. зима, не знаю, что в Ницце, — здесь ужасная, тяжелая гадость. От всего этого мугит голову.

Поеду в Венецию, может, в воскресенье, 17-го, в половину 11 вечера. Если Лиза в самом деле будет хворать, ускорю возвращение в Ниццу, может, к 5—10 марту. Если же нет — пробуду еще недели две в Флоренции. До следующего письма адресуй сюда. Переслать легко, а я, вероятно, в субботу напишу.

Здешними я доволен. Все очень чисто — и атмосфера и занятия. Тата очень сложилась и меньше шумит. Ольга идет своим путем, в музыке делает успехи, умна, т. е. остра. Саша серьезно занимается; если б он немного сбил угловатые манеры, он много выиграл бы. Я уеду безбоязненно. Если б не Мейз<енбург>, у которой вечные идеи гименомании, — и все ищет невест и женихов, — никто не говорил бы и не думал о пропасти семейного счастья.

¹ следовательно (лат.); ² Хочу видеть, как вы строите (лат.). — *Prod.*

Министерство здесь изящно провалилось, и все подали в отставку. Жаль Рикасоли, но ништо! — и камера отличилась. Подробности найдешь в «Journal de Genève». (Сейчас прочел, что вчера вечером камеры распущены.)

Сегодня бал у Виктора-Эммануила, и Саша получил приглашение. Я советую ехать взглянуть.

Затем прощай.

12 часов.

Опять записка из Ниццы о лихорадке у Лизы. Здесь была корь, но легкая. Вообще этих болезней на юге боятся меньше. Подожду до субботы и, если нужно, поеду сперва в Ниццу, потом в Венецию. Без страшных крайностей тебе ехать не советую. Не знаю, что сделает твоя рифмованная записка (что же ты мне не прислал ее?), но моя проза нашла бесконечную злобу против тебя.

Я раздавлен неудачами. Вот и отдых... Это истинно ужасно в 54 года. Когда я приеду, этого я сказать не могу, — да что же это делает для квартиры? Ты прожил страшную зиму — можно, стало, и еще нанять на сезон. На мою жизнь в Женеве мало можно считать. Вероятно, к 1 апреля я приеду, *exempli gratia* на месяц. Что дальше, ей-богу, и догадаться не могу. Поселюсь в Лозанне или около; иной раз ты приедешь погостить, иной — я в Женеву.

Еще несколько слов о препинаниях. За что ты меня не понимаешь в вещах простых? Мне это кажется то баловством, то раздраженьем. Я сказал, что «нам поделом» — ты отвергаешь. Как же выразить мысль такую, *например*: А. выпрыгнул в окно — когда все говорили и сам А. знал, что высоко, — он сломал себе ногу. В. не прыгал в окно, шел по улице и сломал себе ногу. Отчего же я не могу сказать: какое несчастье, не заслуженное В., и какое заслуженное А.?

У нас на первом плане были общие интересы, искусство и, пожалуй, разгул (пьянство, женство...). Зачем же мы посягали на *семейную* жизнь? Грозная туча разбила в черепки мою жизнь. А я все-таки выпрыгнул в окно... и еще добил себя. Дети воспитались сами, — женщину с безумным нравом я не исцелил, — и все это лежало в возможности, которую предвидеть было легко. Пьянчани сблизился в Марселе, лет 20 тому назад, с женщиной пустой, простой, которая ходила за ним за умирающим с самоотвержением и преданностью. Слетами она развилась в мегеру. Пьянчани говорил Гаугу, что считает ее положение патологическим, и полагает, что это его долг — не гнать ее. Я на его месте ушел бы. Но не жестоко ли сказать: «Ничто ему?»

Не совсем ясно для меня и то, что все *злое* (при необходимости) должно оскорблять, и вообще что *злое*, когда оно без участия воли? Уравновешивание эгоизмов — очень хорошая вещь, но не злоупотребляй и ею. Общество должно его достигать. Но лица имеют еще другие отношения и требования друг на друга, кроме отсутствия эгоистических притязаний.

Вот тут я и прибавлю последнее объяснение. Ты рассердился за то, что я сказал: «Это важнее математики», так, как мог бы сказать: «Это важнее музыки». Режь меня, жги меня — а я опять повторю. Если ты яснее можешь понять и развить твое понятие о полной необходимости и безответственности — то этим заняться важнее всех дилетантизмов в мире.

Для памяти помечаю, что ты забыл о ряде писем, писанных тобою из Alpha road в Bourne-mouth, в которых ты слово «любовь» переводил преданностью, жертвой (очень верно) и писал, между прочим, что без преданности стареет человек в эгоизме и пр.

2000 фр. завтра пошлю Тхорж<евскому>.

Вчера или сегодня *20 лет* с тех пор, как я выехал из России.

Портрет идет rembrandtisch.

Прощай.

28. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

14 (2) февраля 1867 г. Флоренция.

14 февр<аля>. Четверг.

С тою же безумной тоской жду новостей. Если ничего не будет в субботу — ночью поеду в Венецию (оттуда до Генуи прямая дорога), — в случае нужды телеграфируй.

Письма

Телеграм<мы>

Poste restante.

Venezia (Bureau restante).

Теперь серьезно и в последний раз я прошу тебя писать адрес как следует. Сегодня опять получено глупо адресованное письмо через *7 дней*. *Пошлю пакет*. Оно провалялось в Монако. Да отчего же трудно писать — я истинно не понимаю причины:

Italie

à M^r Н.

41 Via Ste Monaco 2° r^o

Florence

С телеграммой ты наделаешь бед, если дурно адресуешь.

Милая, дорогая, милая Лиза.

Уж не тебе ли поручить надписывать письма? Портрет Дяди, такой большой, Ге сделал или делает отлично. Выздоравливай скорее. Твое письмо мы все читали вместе и смеялись и тебя обнимаем. Ольга больна — все лихорадочка и кашляет.

Прощай.

Вчера Саша был на бале у короля и видел Мар<ию> Ник<олаевну> Лейхтенбергскую.

Круже и пр<очие> почти прощены.

Газеты от 10-го получил.

Вексель оставь до меня — я сейчас послал из него 1000 фр. От<ареву>. Это кстати.

Помни, что я жду ежечасно уведомления.

29. Н. П. ОГАРЕВУ

15 (3) февраля 1867 г. Флоренция.

15 февр<аля>. Пятница.

Я все еще с какой-то тоской жду новостей о нездоровье Лизы и потому не знаю, еду завтра или послезавтра в Венецию или в Ниццу (au reste¹, из Венеции есть прямая дорога в Геную). Я очень устал и от тревоги и от беспокойной жизни — об отдыхе мечтаю... понимая, что отдыха мне не будет долго, и подчас истинно падаю духом.

Нат<али> пишет: «Я получила вексель в 3300». Полагаю, что это твои деньги. Я из Ниццы пришлю вексель в женев<ский> банк для уплаты, а пока послал вчера 1000 фр. Тхоржевскому для тебя — *вторую* тысячу я тебе передам в Женеве, — а 1300 пойдет в комиссию погашения прошлых долгов. Ладно ли? Я не могу думать, чтоб деньги эти были не тебе, и об этом пишу.

4 часа.

Вот письмо от Nat<alie> ко мне — посылаю, чтоб показать и тон и настроение. Что же делать? Я ничего не знаю, кроме того что Nat<alie> затерзает и тебя и меня... О Лиза, как она дорого стоит!

Корректуру завтра отошлю.

Вероятно, в воскресенье поеду в Венецию. (Venezia, poste restante.) Если же получу телеграмму, отправлюсь в Ниццу. К 1 марта буду назад.

¹ впрочем (франц.). — *Ред.*

Из Венеции напишу.

Напечатай (если хочешь) гнусное письмо Деспота-Зеновича с легкой прибавкой «экс-либерала».

Ужасно скучно.

30. Н. П. ОГАРЕВУ

17 (5) февраля 1867 г. Флоренция.

17 февр(аля). Воскр(есеенье), время обеда.

Если б я думал, что мне нужно быть в Ницце — я бы поехал, несмотря ни на что. Но злые записки вроде той, которую я послал, показывают, что Лиза больна — но скорее неважно. Я *три раза* просил прислать телеграмму — до отъезда в Венецию — для того, чтоб ехать, если нужно, в Ниццу, — ни слова в ответ. Я прождал сегодня весь день и еду в ночь — останусь не больше 8 дней. Если нужно, поеду прямо из Венеции — в Александрию и Геную. До получения письма — если случится, пиши Venezia, poste rest(ante).

Признаюсь откровенно, что я в Ниццу еду — как на казнь. Ни одной записки, ни одного слова — без яда. Я с ужасом смотрю на свое падение... Хороша и уместна будет прогулка в Венеции. Это-то отдых, на который я надеялся. Еду — потому что сказал всем, да и чтоб немного подготовиться. И зачем это болезнь Лизы теперь — вся поездка изгажена — внутри и страх, и боль, и злоба... Я за полгода тихой жизни — одинокой — отдал бы пять лет...

Тата — которой я очень доволен — сама предложила ехать со мной или даже одна в Ниццу — если болезнь Лизы серьезна. Она это предложила с такой любовью и нежностью — что я был удивлен. Но не написала ни строки от себя N(atalie), я уверен, что в ответ были бы колкости.

Мы пигмеи — в сравнении с N(atalie). Ты в последнее время — все защищаешь нас... уж не обиженное ли это самолюбие?..

Прощай.

Портрет Ге — chef d'oeuvre. Тата будет его копировать. Из Венеции напишу во вторник. «Голоса» № 25 еще не получил.

31. Н. П. ОГАРЕВУ

18 (6) февраля 1867 г. Венеция.

18 февр(аля). Понедельник. 10 часов утра.
Venezia. Albergo reale, Schiavoni.

Вчера в $\frac{1}{2}$ одиннадцатого вечера лег спать в вагоне, сегодня около девяти был уже в гондоле, а теперь иду на почту. Я возле Piazza S. Marco¹ на Большом канале.

Город до того оригинально красив и великолепен, что умирать, не видавши его, не следует.

Если получу из Ниццы что-нибудь важное — отправлюсь тотчас прямо туда. Если ничего, пробуду здесь дней 8. Пиши, пожалуйста, *poste restante* или с адресом — все дойдет.

. Прощай.

Русских и здесь бездна: в отеле кн. Голицыны, Ермоловы и пр.

32. Н. А. ГЕРЦЕН

18 (6) февраля 1867 г. Венеция.

18. Понедельник. Venezia. Albergo reale, Schiavoni.

Вот я в двух шагах от святого Марка и грешного льва. Нет города, который бы так поражал, — наружный вид до того оригинален, изящен и великолепен, что бедная Флоренция *soulée*².

Я проспал до Болоньи — в девять был уже в гондоле, в *Hôtel de l'Europe* не нашел путной комнаты и отправился в *Alb(ergo) reale*³. Жаль, что туман и серый день. Что ж при солнце?

Иду на почту.

Я забыл мои золотые пуговицы от рубашки, Ольга видела, где они, — приберите и същите.

Всех обнимаю и целую.

Видеть Венецию необходимо так, как Неаполь, — человек не полон без этого. Не знаю, каково жить. Отели дороги и набиты.

¹ площади Св. Марка (итал.); ² сошла на нет (франц.); ³ Королевскую гостиницу (итал.).— *Ред.*

33. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

18—20 (6—8) февраля 1867 г. Венеция.

Ну, милый друг Лиза, как бы ты здесь подивилась, все улицы полны водой, и в гости ездят на лодках, и омнибус — лодка, и всё такие дворцы... Здесь красивее Флоренции.

Что же твое здоровье, мой друг? Не приехать ли к тебе с Татой?

Целую тебя и жду ответ.

34. М. МЕЙЗЕНБУГ

20 (8) февраля 1867 г. Венеция.

20. Mercredi.
Venezia.

Chère Malvida,

Soyez persuadée que Venise est la plus belle absurdité — que l'humanité ait faite — c'est sublime à force de stupidité et c'est le meilleur commentaire pourquoi les mollusques font des coquilles splendides avec des perles et des alcôves en nacre, lorsqu'on n'a pour terre que de l'eau et pour point d'appui que des rochers — il faut bâtir, bâtir, orner, réorner. Une ville qui prend été et hiver un bain de pieds — doit être bien coiffée.

Pour rien au monde — je ne voudrais vivre ici. Mais venir quelquefois pour une semaine — serait un grand plaisir.

Les deux jours ont été empoisonnés par le valet de place — qui me montrait toujours lorsque je ne voulais pas voir et m'empêchait de regarder — lorsque je le désirais. Il m'a trompé pour 6 fr. — j'ai fait semblant de ne pas m'apercevoir — et nous nous sommes quittés — en amis *per l'eternità*. Ici tout le monde trompe — l'eau n'ajoute rien à la propreté morale.

‡ Question médicale *al dottore Levier*.

Dès que j'ai quitté Florence où j'ai presque constamment souffert de maux de tête — ces maux sont complètement passés — et je me porte bien comme à Lausanne et Montreux?

Est ce que j'ai la nature des amphibiens — quelque chose entre crocodile et grenouille?

Adieu.

P. S. Je dîne entre deux Russes — qui ne me connaissent pas et nous parlons de choses indifférentes en français. Lorsqu'ils sauront — je suis sûr que l'un m'enfoncera une fourchette et l'autre un couteau. Je me ferai mettre les sinapismes — pour que l'Anglais vis-à-vis puisse me manger avec de la moutarde.

Est-ce que mes boutons sont capturés?

Дорогая Мальвида,

Будьте уверены, что Венеция — прекраснейшая из нелепостей, созданных человечеством, — она величественна в силу своей нелепости и служит лучшим объяснением, почему моллюски образуют чудесные раковины с жемчугом и перламутровыми створками; когда землю служит только вода, а точкою опоры — утесы, нужно строить, строить, украшать, вновь украшать. Город, принимающий летом и зимой ножные ванны, должен быть отменно причесан.

Ни за что на свете я не желал бы жить здесь. Но приезжать иногда на недельку — было бы большим удовольствием.

Эти два дня мне отравил лакей — постоянно указывавший мне, когда я не желал видеть, и мешавший смотреть — когда я этого желал. Он надул меня на 6 франков — я сделал вид, что ничего не замечаю и мы расстались — друзьями per l'eternità¹. Здесь все жульничают — вода не способствует моральной чистоплотности.

Медицинский вопрос al dottore Levier².

Почему стех пор, как я покинул Флоренцию, где почти все время страдал от головной боли, она совершенно прошла — и я чувствую себя хорошо, как в Лозанне и в Монтре?

Разве у меня натура амфибии — нечто среднее между крокодилом и лягушкой?

Прощайте.

P. S. За обедом я сплужу между двумя русскими, которые меня не знают, и мы по-французски беседуем о безразличных предметах. Когда они узнают — я убежден, что один из них вонзит в меня вилку, а другой — нож. Я прикажу поставить себе горчичники, чтобы сидящий против меня англичанин мог меня съесть с горчицей.

Разве мои пуговицы захвачены кем-нибудь?

35. Н. П. ОГАРЕВУ

20 (8) февраля 1867 г. Венеция.

20 февр<аля>. Venezia. Albergo reale.
Riva di Schiavoni.

Лизе лучше — и эту новость N<atalie> мне сообщает так, что резнуло по сердцу. Что за тьма крошечная! И это назы-

¹ на вечные времена (итал.); ² к доктору Левье (итал.).— Ред.

вается любовь? Все это испортило поездку, и я думаю во вторник ехать во Флоренцию — стало, помни для писем: *я буду там 27-го*. Сколько пробуду, не знаю — меня тянет взглянуть на Лизу; мне жаль и те мучения, которые вынесла N(atalie), но сказать ничего не могу. Дней десять almeno¹ останусь, да и в Ницце, если сколько-нибудь будет сносно, недели две. Жди к 1 апреля.

Венеция — величайшая и самая поэтическая нелепость в мире. Она красивее и оригинальнее Флоренции — но жить здесь нельзя. Теперь карнавал, и все сошло с ума. Но теперь и месячное сияние. Я сейчас приехал, т. е. приплыл с *passegiate*'ы². Удивительно хорошо. Помнишь внутренность Palazzo Ducale³ — куда же постройкам XIX века тянуться! Жду писем от тебя и Тхор(жевского).

Здесь нашел «Колок(ол)» у Мюнстера. Я ему предложил книги с рабатоm 45%, но с заплатаm провоза. Говорит, что подумает.

Вечер.

Сейчас получил твое письмо от 16 фев(раля). Все ладно. Отвечать буду после.

Я здесь обедаю с двумя русскими, которые меня не знают и говорят (по-французски) о том и о сем. Это очень забавно. Скажи Тх(оржевскому), что Мюнстер получ(ил) два экземп(ляра) «Былое и думы» и продал оба через день.

Иду на карнавал, который колоссален и глуп.

Коррек(туру) отослал сегодня утром. Корреспонд(енция) из Петерб(урга) превосходна.

36. Н. П. ОГАРЕВУ

22 (10) февраля 1867 г. Венеция.

22 фев(аля). Пятница.
Venezia. Albergo reale.

Получил из Флоренции две записки от тебя — одну вчера вечером, другую сегодня утром. N(atalie) пишет, что Лизе лучше, что у нее была гастрическая лихорадка (у Таты и Ольги были они очень часто) и что она начало записки ко мне послала тебе, а записку к тебе — отослала мне; прилагаю ее. О твоих стихах *ни слова*. Но что меня поразило — это выражение: «вот как можно ошибаться»... тут неправда сложная и дурная. У гроба Nat(alie) и детей, в первый раз, когда мы были на кладбище, я ей, указывая на памят(ник), сказал:

¹ по крайней мере (итал.); ² прогулки (итал.); ³ Дворца дождей (итал.). — *Ред.*

«Примиришься прежде всего с ее детьми и с тем человеком, который мне ближе других. Как может быть согласие между нами при таком двойстве!» N<atalie> не сказала ничего, но, два дня спустя, глубоко оскорбляя меня, говорила, что она может все забыть и *простить* Тате и Ольге, но что с тобой не может быть мира, ни с Сашей, потому что вы ее ненавидите. Потом она написала ему записку — и снова рассердилась, что ответ его был холоден. Я заставил, умолил писать к тебе о Лизе. Это дурной поступок. И это слово снова меня отбрасывает к ученому диспуту.

Ты в изложение вносишь не только разум, но и какую-то инквизиторскую нетерпимость, которой у Шиффа вовсе нет (да и не в твоём характере). Ни ты, ни Шифф всей сложности задачи, особенно в её историческом воплощении, не касались. Тебя обрадовало слово *volition* — назови практическим разумом, разумом деятельным и объясни его законы и отношения, так чтоб я, сказавши теперь: «Это дурной поступок», не говорил нелепости. Далее сегодня вопрос откладываю — и еще раз советую писать именно об этом. Я под словом «математ<ические> фантазии» хотел сказать фантазии о математике, так, как бы мог сказать о себе, если б начал штудиум медицины: «моя фантазия медицины» — etc.

Видишь, как мы — литераторы до конца ногтей. Недаром Морощкин меня с Хомяковым называл «совопросниками мира сего».

Без сомнения, надобно издать 15-го, если есть материал, да в нём и объявить, что следующий лист выйдет 15 апреля (если нет *trop plein*¹). Да и в этом листе, т. е. от 1 марта, следует сказать, что след<ующий> выйдет 15.

История с телеграфом Долгоруков<ова> изящна.

Богатство всего на свете — в отношении архитектуры, скульптуры и живописи — страшное. Я пообжился. Большой камень свалился с груди с Лизиним выздоровлением. N<atalie> хотела не шадить. *Она и не будет шадить.*

Весною прошлого года, когда она вздумала, когда захотела сближения, — она умела себя человечески поднять; тут явилась фантазия о её положении. С той минуты, как она увидела, что ошиблась (в июле), она снова ушла в злой эгоизм. Одна интимность отношений может её восстановить на время. Да, но это средство страшно. Знай это — потому что я изучил и уверен. Как без этого спасти Лизу, я не понимаю.

Прощай. «Гусь свинье не товарищ» надобно перепечатать хоть в 15.

¹ избытка (франц.). — *Ред.*

Видишь, что я метко считал, и банк женевский меня не надул. Вчера звал меня Мюнстер, большой книгопродавец здешний, вечером. Всё были немцы—и, стало, было скучно, да поляк (знакомый с Цверцякевичем). Господи, что он врал за чужь — и что за ненависть к русским! Да, роль победителей иногда гаже побежденных. Я молчал.

Сын В. А. Жуковского и еще племянник А. П. Ермолова обедают со мной за одним столом, — милы.

За что это Дол<горуков> все сердится?

Еду отсюда 26 или самый поздний срок 27 — а поэтому с 23 прошу всё посылать во Флоренцию.

Пану поклон и Чернецкому.

37. Н. А., О. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ
22—23 (10—11) февраля 1867 г. Венеция.

Всем.

22 февр<аля>, Albergo reale.
Пятница.

Нет карты, которая лучше бы, нагляднее передавала Венецию, как то, что на этом листе, — большие здания на маленьких пресс-папье, опущенных в воду.

Суббота.

На этом мне помешали русские соседи, которые очень хорошие люди, и один знает Тагу и видел даже ее копию с Тициана в Риме. Сын поэта Жуковского. А между тем пришло и письмо с описанием бала. Изредка, несмотря на Гюго, не Виктора, а Шиффа, можно *mitmachen*¹. Здесь карнавал растет не по дням, а по часам, — толпы, маски, кричат, иногда дерутся, но всё вместе — еще ничего, скорее глупо. Завтра и в среду — самые решительные дни — увидим завтра. Я не думаю, чтоб я остался до среды, вероятно, приеду во вторник вечером или в среду утром.

Каким образом попал Гарибальди во Флоренцию? И надолго ли? Уж не сюда ли едет? Саша² мог бы явиться к нему и сказать, что я в Венеции, что стремлюсь его видеть — и не видать Онагра. Я боюсь встречи с ним, т. е. с Гарибальди, — по поводу польских сплетней. Господи, что за неисправимая нация... я здесь встретил экземпляр удивительнейший. *Lasciate ogni speranza.*

¹ действовать совместно (нем.). — *Ред.*

² Если Мальвида желает, вы можете все съездить к Гарибальди.

Ты спрашиваешь, продолжает ли Венеция нравиться, — я уже писал Мейзенбург, что жить здесь безумно, но приехать, ех⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ осенью или в начале лета на месяц, даже на два, *если есть деньги*, — очень хорошо. Венеция захватывает своей странной красотой и необычайным богатством зданий, своей резкой оригинальностью. Венецию вне Венеции понять нельзя, особенно прошедшую. Она должна была быть аристократической республикой — дворцы, и внизу, как слизняки, льнущие к скалам, — бедные, задавленные плебеи. Размеры всего колоссальны, от Академии delle belle arti¹ свербит в глазах, так много.

Мелких неудобств миллион; 1-ое, народ, искаженный австрийским гнетом и туристами, — подло обманывает на каждом шагу, 2-ое, тупое правительство — как будто на смех себе — дозволяет величайший сумбур в деньгах — ходят деньги серебряные австрийские, ассигнаций *тосканских* не принимают, променных денег и франковых бумажек почти нет или не у всех. Менялы, пользуясь, берут франк со ста — за маленькие ассигнации. Казна не берет ничего, кроме 5 ф. — Купцы немцежиды, срывщики *sous care*², хохочут и говорят: «А вот во время Австрии деньги ходили просто».

При *выезде* из Венеции по железной дороге осматривают все чемоданы и ящики — это все против табаку, и пр., а regia³ здесь та же.

Если б я был генерал Ауг, я все бы переменял это.

Не поплывет ли он с Гарибальди сюда — за этим я остался бы день лишний.

Был на вечере у книгопродавца Мюнстера (втрое больше всех Лёшеров и Бренеров у вас) — всё немцы, немцы и для вариации немки. Если б не давали сандвичей — я бы очень скучал, к тому же был в фраке.

В. Известно ли вам, что здесь все картавят и пришепетывают, что, впрочем, очень мило.

От Огар⟨ева⟩ два письма — все заедает *libre arbitre*. А как Пет⟨р⟩ Вл⟨адимирович⟩? Сын его, делая химические опыты, обжегся, и сильно — он телеграфировал в III Отдел⟨ение⟩ вопрос о его здоровье — и через несколько часов получил уведомление, «что ему лучше». Это прелесть. Как же они его боятся!

Прощайте. Переведите Мальвиде письмо. Monod выговор за болезнь, Levier за то, что не починил его.

Лизе лучше.

¹ изящных искусств (итал.); ² исподтишка (франц.); ³ откуп (итал.). — Ред.

С понедельника начиная ни писем, ни газет не посылайте (разве, может, по первой почте, т. е. до 12 часов утра).

Ольге доношу следующее: *ровно в два* (часы на башне бьют два чугунных арапа) — голуби со всех сторон летят на Маркову площадь — закусывают и улетают на 24 часа — это очень оригинально. Посылаю ей вид берега Schiavoni с нашим отелем. Она увидит, что крыса с крыльями здесь спать никому не мешает, потому что ее держат на столбу.

Прощайте.

Везде ли щенок Доманже гадит — и стала брать опять Ольга уроки у Pas-pofku?

Письмо Кине о немцах—chef d'œuvre, привезу с собой.

38. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

22 (10) февраля 1867 г. Венеция.

22 фев<ря> 1867. Пятница.

Albergo reale.

Милая Лиза,

посылаю тебе вид большой церкви возле улицы, на которой я живу. Перед ней площадь — каждый день к вечеру собираются маски — сотнями бегают, прыгают, шумят до двух, трех часов ночи. А утром — как только два черных арапа из меди, которые бьют часы, стукнут *два*, так голуби летят со всех сторон, им из кафе и лавок сыпят корм и они, поевши, улетают до другого дня.

Я очень, очень рад, что ты выздоровела. Когда доктор позволит — просись опять в школу. Берегись пуще всего в комнатах — и прощай, мой малый и милый друг.

39. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

24 (12) февраля 1867 г. Венеция.

24 фев<раля>. Воскресенье.

Venezia. Albergo reale.

Завтра я хотел ехать — и вдруг газеты объявили, что завтра приедет (или сегодня вечером) Гарибальди. Он еще в Венеции не был. Это заставит меня остаться до среды.

Не знаю, как, и почему, и зачем — но все жду, не будет ли *преображения* и не поймешь ли ты, что твое направление ведет к гибели, мы быстро идем к границе — торопись очертя голову — ты. А мне говоришь — решай, решайся. С моей стороны, Natalie, будут *ответы* — а не решения.

Что же Лиза? Жду вестей.

Прощайте.

25 (13) февраля 1867 г. Венеция.

25 fév<rier>. Venezia, Alb<ergo> reale.

Ni Garibaldi encore — ni *sein Hauch* — je les attend<s> aujourd'hui, et probablement si Haug viendra sans Gar<ibaldi> je partirai demain. Dans tous les cas après demain.

Vous avez fait un grand effort pour ne pas vouloir comprendre ce que j'ai dit par rapport aux mollusques; relisez et vous verrez qu'il n'y a pas de mal pour les *doges* de Venise.

Enfin, Messieurs et Mesdames, du brave 41 S-ta Monaca — le Carnaval a pris des proportions gigantesques. Une petite bêtise — est bête, une grande peut devenir belle, grandiose. La fièvre simple du masque est passée en fièvre typhoïde. Figurez-vous — deux places — un quai (le nôtre Schiavoni) et toutes les ruelles adjacentes couverts de peuple et de masques—passage impossible, circulation arrêtée — partout des cris de «punch» — des rires et *rien d'indécent* comme à Paris. Le dernier trait m'a conquis. C'est un peuple qui s'amuse — et non l'arsenal d'une maison publique — au personnel de laquelle on ajoute le masque comme une aiguille Bismark. *That is the phylosophy—not the actuality.*

Maintenant représentez-vous toutes les bêtises qui peuvent pleuvoir sur la tête—d'un pauvre sauvage comme moi—vous serez encore loin de la réalité. Par ex., figurez-vous une salle très grande — 200 masques dînant. Vers le dessert l'idée prend de voir encore une curiosité — vite on expédie un monsieur pour la chercher — on amène un pauvre diable et les deux cents masques boivent trois fois du vin de champagne aux vivats et — figurez-vous que cette curiosité — c'est moi, votre humble serviteur. A force de crier *amico di Garibaldi* — et *russo libero* ils ont fini par crier — «*poeto russo*», — craignant qu'ils passent au *pittore e maestro* — je me sauve.

Je me débats un quart d'heure — pour m'apercevoir que sans tuer ou sans être tué on ne peut passer la place St. Marc. Fier du titre de poète — je m'appuie à une colonne... et la vague humaine monte, monte et à côté de moi un comte polonais (celui qui a exécuté un mandat d'amener contre moi), je vois passer une femme d'une beauté qui ferait oublier même Ludmilla Assing — d'une beauté accomplie. «Sacré Dieu (dernier — reste d'une éducation religieuse) dis-je au Polonais — tout près de la dame — qu'elle est admirablement belle». — Dans un clin d'œil je suis empoigné, mené, bousculé, et suis devant un monsieur très maigre qui m'abreuve de politesses, m'invite de venir chez eux et en attendant me présente à sa femme qui a parfaitement bien entendu l'exclamation. Et j'ai compris

alors quel poids lourd — d'avoir 54 ans — mais je me suis consolé en pensant qu'Othello a été trouvé ravissant à Venise — et je me suis donné la parole dès que je remporterai une victoire navale — de faire une visite à la belle... Couraquine... car cette dame est Polonoise. Vous comprenez que tout cela est impossible, que tout cela a été rêvé.

Et sur cela, je vous confie à la garde du bon Dieu et Olga à la vôtre.

P. S. Sans avoir entendu la musique des masques — il est impossible de comprendre les *réminiscences* du carnaval de Venise¹.

¹ Пока нет ни Гарибальди, ни sein Hauch (его духа (нем.)) — я их ожидаю сегодня, и, вероятно, если Гауг приедет без Гарибальди, то я завтра уеду. В крайнем случае — послезавтра.

Вы основательно потрудились, чтобы не захотеть понять сказанного мною о моллюсках; перечтите и вы увидите, что там нет ничего враждебного в отношении венецианских *дожей*.

Наконец-то, милостивые государи и государыни из славного 41 Санта Монака, карнавал принял грандиозные размеры. Маленькая глупость — глупа, но большая — может стать прекрасной, величественной. «Лихорадка» масок из обычной стала горячее. Представьте себе две площади — одну набережную (нашу, Скьявони) и все прилегающие переулки, наполненными народом и масками — проходу нет, движение остановлено — повсюду крики Полишинеля, смех, но *ничего непристойного*, как в Париже. Последняя черта покорила меня. Это веселящийся народ — а не арсенал публичного дома — на службу которого нацепляют маски, подобно тому как Бисмарк — иголки на ружья. That is the philosophy — not the actuality (Это — философия, а не действительность (англ.)).

А теперь вообразите себе все нелепости, которые могут обрушиться на голову такого бедного дикаря, как я, — и вы все еще будете далеки от действительности. Например, представьте себе огромный зал — 200 обедающих масок. За десертом у них является мысль посмотреть еще одну диковинку; живо посылают какого-то господина на розыски — беднягу приводят, и все двести масок трижды пьют шампанское при кликах «виват» и представьте себе, что эта достопримечательность — я, ваш покорный слуга. Сначала они кричали «amico di Garibaldi» (друг Гарибальди (итал.)) — и «russo libero» (свободный русский (итал.)), в конце концов они стали провозглашать «poeto russo» (русский поэт (итал.)), и я, опасаясь, как бы они не перешли к «pittore e maestro» (художник и маэстро (итал.)), спасся бегством.

Пробившись четверть часа, я сообразил, что невозможно пройти через площадь Святого Марка, не убив кого-нибудь или не будучи убитым. Гордый званием поэта, я прислонился к колонне... волна человеческого моря подымалась все выше и выше, рядом со мною стоял польский граф (тот самый, который исполнил приказ привести меня), я увидел проходящую даму, столь прекрасную, что можно было забыть даже Людмилу Ассинг, — словом, писаную красавицу. «Черт возьми! (последнее — остаток религиозного воспитания), — сказал я поляку — совсем близко около дамы, — как она дивно хороша!» В мгновение ока меня хватают, ведут, толкают, и вот я перед очень художавым господином, который осыпает меня любезностями, приглашает к себе, а до визита представляет меня своей жене, которая отчетливо слышала мое восклицание. И я по-

Тата, перевод я здесь поправил; если Саша возьмется переписать — я его оставляю у Мальв(иды) и ты можешь прочесть. — Фотографы здесь превосходные — и берут 11 фр. за 10 карточек. Письмо это вас, верно, потешит. — Если не задержусь Гарибальди — то приеду скоро, т. е., может, в среду <к> утру (прошу на желез<ную> дорогу не ходить, дорогу я знаю в Моनावку).

Я предполагаю 7 или 8 ехать в Ниццу.

Прощайте.

Жизнь трактирная здесь очень дорога — да и вообще с иностранцев лупят за все бессовестно. Все мои экономии ушли.

Р. Р. SS. Разумеется, Онагр напорол дичи и дач таких нет — но есть пансионы с чистым воздухом и с возможной ценой. Каналы пахнут только по переулкам.

41. Н. П. ОГАРЕВУ

26 (14) февраля 1867 г. Венеция.

26 фев(раля). Venezia.

Сегодня в 4 часа приедет Гарибальди, и я остался единственно для него до завтра. Завтра вечером еду и в четверг буду в Флоренции.

Карнавал во всем разгаре. Он дошел до таких колоссальных размеров, что в самом деле сделалось хорошо и оригинально. Все шутки и шалости времени республики возобновились, такого карнавала не было 71 год.

Меня фетируют как гостя, знакомого понаслышке. И за одним обедом в ресторане масок двести потребовали меня налицо и прокричали мне три раза «evviva»¹ с шампанским в руках и до того уж зарепортовались, что кричали «all'illus<tre> poeta russo»². Я боялся попасть в pittore³ и scultore⁴ и потому ушел.

Разные господа приглашали в ложи в «Genice», но я не был ни разу. Вообще, у итальянцев есть ко мне слабость: я нигде,

нял тогда, какая тяжелая ноша — 54 года от роду, но утешился, вспомнив, что в Венеции был признан очаровательным и Отелло, — и я дал себе слово, как только одержу морскую победу, отправиться с визитом к прекрасной... Куракиной... ибо эта дама — полька. Вы, конечно, понимаете, что все это невозможно и что все это мне приснилось.

Засим поручаю вас охране всеблагого господа, а Ольгу — вашей.

Р. S. Не слыхав музыку масок — нельзя понять «Воспоминания о венецианском карнавале» (франц.). — *Ред.*

¹ «да здравствует» (итал.); ² «знаменитый русский поэт» (итал.); ³ художники (итал.); ⁴ скульпторы (итал.). — *Ред.*

никогда не бывал больше обласкан, как ими. Если это за Ос<ипа> Ив<ановича>, ну так я ему отблагодарил здесь с процентом. Об этом после.

Посмотрим, как примут Гарибальди. Правительство — ничтожнейшее — дуется на него.

Писем давно что-то нет — ни из Ниццы, ни от тебя, ни даже от Таты, которая была на большом бале. Я, вероятно, к 10-му буду в Ницце. Я все сделал, чтоб разбудить голосом строгой печали душу — я решительно сказал, что время *to be or not to be* пришло. Болезнь Лизы не оправдывает тона писем. На первый призыв я тотчас поехал бы, но на едкие замечания без крайности ехать не хотел.

Прощай.

Еду навстречу, т. е. плыву к Гариб<альди>.

Скажи Тхорж<евскому>: 1-ое. Что здесь граф Хотомский, который его знает; 2-ое. Что очень хорошеньких бездна, но что красавица из всех — одна польская дама, которой меня представили; 3. Расскажи ему похождение с масками. А *propos*, в четверг те же маски, лилово-белые, приглашают меня обедать — но я отблагодарю и не останусь.

Русские говорят, что в Петерб<урге> и Москве решительно никто «Колокола» не читает и что его вовсе нет; что прежде разные книгопродавцы *sous main*¹ хоть продавали, а теперь пожимают плечами и говорят: «Никто не требует».

Вот тут и издавайте двойные №№. Заметь, что это мне говорил человек симпатичный нам.

P. S. Как же ты решил с квартирой?

Здесь все набито битком, дорого очень, *Hôtel* полон, мы садимся за *table d'hôte*² человек *сто* (что бы ты сделал?), но соседи у меня славные — русские и очень милые, да англик из аристократии, которому я сбил все понятия о добре и зле, к неопisanному удовольствию моих соседей, — тот уж только качает головой.

Довольно болтать.

42. Н. П. ОГАРЕВУ

27—28 (15—16) февраля 1867 г. Венеция, Флоренция.

26 фев<раля>. Среда. Venezia.

Вечером еду в Флоренцию. Сегодня в шестом утра был у Гарибальди. Он обрадовался мне и одного меня расцеловал. Он здоров, но не весел. Вчера его чуть не утопили. Канал был

¹ тайком (франц.); ² общий стол (франц.).— *Ред.*

à la lettre¹ мост гондолей. Утро сегодня было великолепное. Из окон его я смотрел и на месяц, и на восход солнца, и все это на площади Марка. *Zu schön!*²

Вчера получил твое письмо, сильно опоздавшее (ты мелко пишешь фамилию и высоко — печатью почтовой совсем закрыли, и потому письмо пролежало здесь два дня). Итак, *саго filioso pratico*³, старая штука повторяется: *revue* будут издавать *общими* силами, но так, что деньги и статьи будут *наши*. Да ведь если б мы хотели издавать, зачем же нам было спрашивать или ждать Утина? Где доказательство яростного желания читать заграничные издания? И если оно есть, как же не найдут капиталисты *in spe*, как Утин, кредиту помимо нас⁴. Это была штука, и ты опять попался в нее. Недаром я тебе написал тотчас: «Хлеб-соль вместе, а табачок врозь». Может, и грех, но денег я не могу дать, — а могу и хочу дать тебе отчет вот в чем. Ротшильд прислал мне во Флоренцию счет за 1866 год. Он⁵ он начинается с следующего: *Balance en faveur de la maison Rothschild*⁶ 10 500 фр. Куда же я издержал доход +10 500? Вот где (долг скопился в *два года*) переезд типографии и ее содержание, и акции, брошенные мною, и письмо Чернецк<ого>, уничтоженное. Не грешно ли, *саго mio*, с одного барана, да еще полуплешивого, драть вторую шерсть?

Я всегда найду сотню человек, которые на даровых прогонах поедут в храм бессмертия и лавров, обернутые «Полярной звездой».

Примите всемирнолюбивейше сей протест к благосведению и — до Флоренции.

Mme Magio с Гариб<альди> поила меня сегодня кофеем и, хотевши вынуть из сака письмо, вынула старую туфлю. О Татьяна Петровна, и на лагунах ее вспомнил!

28 février. Firenze, 41, Via Sta Monaca.

Ну, вот и опять здесь. Всех нашел вожделенно. Кончу портрет и буду собираться. Вероятно, между 10 и 13 буду в Ницце.

Письмо получил здесь — дурное, т. е. если не злое, то действительно помешанное и страшно дурное по вестям — бедный С. И. Астраков умер. Сатины в Москве и сильно подбивают Н<атали> ехать в Россию.

Прощай.

Тхорж<евского> благодарю за письмо. Черт с их запрещением «Колокола» в Париже! Пет<ру> Вл<адимировичу> буду писать завтра.

¹ буквально (франц.); ² Прекрасно! (нем.); ³ дорогой философ-практик (итал.). — *Ред.*

⁴ Я найду для него на два года, но на вексель.

⁵ Итак (франц.); ⁶ Баланс в пользу дома Ротшильда (франц.). — *Ред.*

43. А. БЕРТАНИ

28 (16) февраля 1867 г. Флоренция.

Cher monsieur Bertani,

Je viens ce matin à Florence et j'ai quitté Venise hier soir. J'ai vu Garibaldi, et madame Mario m'a chargé de la lettre ci-jointe et sans adresse, enfin je vous ai trouvé.

Est-ce que vous vous rappelez encore de moi et de notre rencontre à Gênes en 1852?

Ваше всецелое преданное

Ал. Герцен.

28 febbraio 67.

Перевод

Дорогой господин Бертани,

сегодня утром прибыл я во Флоренцию, а Венецию покинул вчера вечером. Я видел Гарибальди, и мадам Марио вручила мне прилагаемое письмо без адреса; наконец-то я нашел вас.

Помните ли вы еще меня и нашу встречу в Генуе в 1852 году?

Всецело преданный вам

Ал. Герцен.

28 февраля 67.

44. Н. П. ОГАРЕВУ

3 марта (19 февраля) 1867 г. Флоренция.

3 марта. Флоренция.

Начну с мелочей. 1-ое, в следующ^{ем} «Колоколе» напечатай: «В общий фонд прислано из Италии 25 фр.» 2-ое, скажи Тхорж^{евскому}, что «Был^{ое} и думы» (полный экземпляр) он не присылал и оттого я продать не мог. Теперь поздно. Но Фр^{икен} купил, а потому он должен послать три экз^{емпляра} Саше немедленно. 3-ье, о «Записках» Долгорукова книгопродавцы не знают ни здесь, ни в Венеции. 4-ое, о Гусе и Свинье — можно просто упомянуть под заглавием: «И гусь может быть свиньей». Этот анекдот пригодится где-нибудь к месту.

Следует напечатать дикий приказ о ссылке трактирщиков — за непредъявление имен проезжающих в полицию, — вот тебе и habeas corpus.

Я еду 10 в Специю, 12 буду в <Генуе>¹.

¹ Автограф поврежден.— Ред.

Вчера Бакст уехал в Венецию. Он положительно зимой умнее, чем летом — хотя такой же охотник до спора и спорит самым бестолковым образом.

Погода ужасная. Вообще во Флоренции плохо и становится очень дорого.

Прощай.

12 часов. Воскресенье.

О попе печатать не следует.

Шифф в деле общественного отпора не знает меры — в силу чего допускает и смертную казнь и тюрьму. Я очень рад, что все же ввел в твою медицинскую этику *исторический* элемент, физиология его не объяснит. Тут ряды иные и иные antecedentes, зависимые от общих физиологических причин, но выходящие из ее области в одну сторону, так, как астрономия выходит в другую.

45. Н. П. ОГАРЕВУ

4 марта (20 февраля) 1867 г. Флоренция.

4 марта. Понедельник.

Посылаю корректуру и прошу принять мой *протест* против всех вымаранных мною мест. Я решительно не могу допустить — *без подписи* — все, что вымарал, во-первых, потому что это противно духу «Колокола»; во-вторых, что я должен буду печатать ответы; в-третьих, могу ждать дерзостей, которые приведут к дуэли; в-четвертых, до частных дел Неклюдова и Соллогуба «Колоколу» дела нет. Отправься на объяснение с Пет(ром) Вл(адимировичем), но в этом от меня уступки не жди. Я *кладу полное veto*. Даже с подписью я вряд напечатал бы. Читал ты или нет? Rather¹ нет.

Погода страшная. Климат Флоренции — совершеннейшая ложь. Это — мерзейший котел в Италии, в котором летом печет, а зимой гадко и десять повальных болезней. (Теперь свирепствует скарлатина.) У меня страшнейший насморк.

В субботу вечером Саша читает публично, при Маттеучи и друг(их) натуралистах и аматерах, отчет о своем специальном труде. В воскресенье он едет меня провожать в Специю. Вторник я буду в Генуе. Если крайность, пиши туда (Genova, poste rest(ante)), а не то просто в Ниццу: 87, Prom(enade) des Anglais на имя Nat(alie).

Впрочем, можешь, если тотчас будешь отвечать, написать сюда к воскресенью утром (отъезд в 4 часа).

¹ Скорее (англ.). — *Ред.*

О попе писал дячок, по-нашему — «Тангенс».

«Духа же сплетней избави нас!»

О Жуковском я вымарал для сына и потому, что с моей стороны это неблагодарность, — да оно же и неверно.

Прощай.

46. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

5 марта (21 февраля) 1867 г. Флоренция.

5 марта. Вторник.

Вам, любезнейший Тхоржевский, посылаю первые удачные оттиски Ольги — портрет этот хорош, она очень переменялась.

Вы отдайте Огар(еву),

себе,

Чернец(кому) и

Петру Влад(имировичу).

Я до того распростудился, что сегодня все утро лежал в постели и даже не одевался; жар, кашель, зубы, глаза, нос — все ни к черту не годится.

На днях я вам послал 400 фр. с просьбами от Саши и пр.

Еду я 10, в воскресенье. В субботу Саша читает публично о своем труде. Он едет со мной до Специи, 12-го я буду в Генуе, 14 в Ницце.

Если крайность, пишите: Genova, poste rest(ante), а не то по-прежнему в Ниццу: 87, Prom(enade) des Anglais на имя Н(атальи) А(лексеевны).

Жду ответ насчет квартиры, чтоб не торопиться.

Засим прощайте.

47. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

7 марта (23 февраля) 1867 г. Флоренция.

7 марта. Firenze. Четверг.

Письмо твое получил сегодня, кстати и катар проходит, я три дня не существовал — жар, сонливость, грудь, кашель... я два дня не выходил. Завтра иду окончить портрет (это chef d'œuvre) — и, как сказано, 10-го в 4 часа еду в Специю.

Мне не столько нужны твои предложения — как нужна перемена тона писем, перемена слога. Когда на тебя *находит* — ты пишешь каким-то возмутительно обидным и дурным слогом — барышень 1820—25 года. Я всегда узнаю по этому степени здоровья или пароксизма. Ведь я только против этого и борюсь. Сколько раз я тебе говорил, что в тебе есть существо

близкое и существо постороннее. Это постороннее — сделало все твои беды и испортило нашу жизнь. Которое победит? Я не знаю — ты слишком мало владеешь собой и слишком привыкла говорить жесткие вещи — я всегда отвечаю на них. Очень ясно, что мы дошли до одного из перекутий, до одного узла — чрезвычайно важного. Вся ответственность ложится на тебя.

Тебе было тяжело в болезнь Лизы; если б твое беспокойство выразилось плачем, зовом — я плакал бы с тобой и не скрыл бы, сколько мне жаль тебя, но злую горесть — горесть с упреками и иголками — я ненавижу и делаюсь сам зол от нее. Злая горесть — неглубока, она в обиде близких находит утешение. Вот эти-то вещи следует обдумать.

Прикидывая нас (меня и Ог(арева)) на какую-то мизерную мерку — ты не умела понять, что ни я, ни он — мы не можем ни гнать, ни мстить, мы можем быть унижены — нераскаянностью... или удерживаться против воли от прощенья, потому что прощенья, гармонии нам страстно хочется.

В твоём приеме — существенное, а какая квартира будет, и как Лиза будет обедать у нас, а спать у тебя — это все вздор. Ты из моего сердца вынь сомнения — а за остальное я ручаюсь. Из Ниццы я напишу Тате, чтоб она приезжала или не приезжала в мае — во время моего отсутствия. На все лето я могу устроить очень хорошую жизнь для Лизы и всех — помоги, если это тебе дорого, помоги борьбой с дурной стороной твоей натуры.

Остальное следует само собой. Если мой голос разбудит тебя и мы встретимся близкими — с возможностью общего согласия (основанного на сознании, что *виною* всего была ты, — без этого всё будет ложь и падет как карточный дом) — откроется и возможность устроиться.

Если же тебе твоя военная роль нравится больше — я спасу вас от коллизий и встреч, я не подвергну тебя новым паденьям с детьми и все же останусь — сторожем Лизы.

Об отъезде Лизы в Россию — как о белой горячке — ни думать, ни говорить нечего. Это преступление, и те, кто подбивают тебя, не знают, что делают.

Зачем тебя зовет Е(лена), зачем ты оставишь Лизу здесь — а сама поедешь? Как? Ей, не лучше ли бросить все помешательства — и воскреснуть в разуме и здравье!

Я хотел еще раз высказаться дотла.

Ты не любишь думать над моими письмами — и я умоляю тебя остановиться над этим.

Мне бы очень хотелось слова два перед приездом. *Я в двух словах пойму* — чего ждать, пойму, которую сторону сердца я разбудил моим словом.

Письмо это придет 10-го утром — если 10-го до 3-х ты поплешь в *Italie Genova, poste rest<(ante)>*, я 12-го получу. 11-го к ночи я буду в Генуе — если найду место в почт<(овой)> карете. До ответа писать мне не следовало бы.

Прощай.

Лизу целую. Скажи ей, чтоб она считала, сколько дней остается до моего приезда. Я полагаю в четверг быть в Ницце. Портрет Ольги она, верно, получила?

Вероятно, ты уже получила от Авигдора 100 фр.

48. Н. П. ОГАРЕВУ

7 марта (23 февраля) 1867 г. Флоренция.

7 марта. Firenze. Четверг.

Наконец я сегодня оправился от безобразнейшего катара и получил строгое предписание твое. Я уже предвидел по прошлому письму, что выражение «фальшивый социализм» по поводу смерти С<(ергея)> И<(вановича)> сулит грозу. Я потому спорить не стану, что скучно быть в обязанности постоянно держать сторону отрицательную. Ты не можешь считать социализмом разбрасывание средств (пусть я бы и мог сказать, что если так, то ты — самый сильный социалист в мире). Ergo 1000 фр. я к приезду приготовлю тебе из б<(ахметевских)> денег, — и все же советую дать их частно Утину и взять с него расписку. Утин лжет и средства имеет.

Затем я спрашиваю: где статьи? чьи статьи?.. Ведь эти милые юноши — большей частью юноши бездарные. *Revue* не пойдет, потребности на него нет, и, несмотр<(ря)> на «Колок<(ол)>» *sous bande*¹, «Колокол» нейдет. Неужели *sous bande* или в конверте посылается больше 10 экз<(емпляров)>? Есть потребность на заграничный конституционный орган — и больше ни на какой.

Еду я, как писал, 10-го в Специю.

Оказывается, что Сат<(ин)> в Москве один. Кн. Тру<(бецкой)>, наверное, мою комиссию исполнит.

W. сто франков можно дать, но положение дел не позволяет платить гонораров.

В статье Д<(олгорукова)> мои вымарки следует исполнить. Ответственный редактор — я, и на себя не беру писать, что Соллогуб — вор и пр. Я готов к Д<(олгорукову)> писать об этом.

Конечно, если вы ломитесь под тяжестью материалов, можно издать и 1 апреля, если же нет, то умнее — 15-го. У меня нет ничего...

¹ бандеролью (франц.).— *Ред.*

Получил ли портрет Ольги (я его послал Тхорж^{евскому}), чтоб ему доставить удовольствие раздачи). Она переменялась. Портрет хорош, и выражение мило.

Затем — довольно.

Писал сегодня предлинное письмо к N^{atalie}. Ей хочется помириться с Татой, но предлагает такую чушь, что я еще раз написал диссертацию — добрую, но твердую. Тата готова ехать в мае в Ниццу и ждать меня там, но я еще не решаюсь этого допустить.

49. Н. П. ОГАРЕВУ

8, 10 марта (24, 26 февраля) 1867 г. Флоренция.

8 марта — вечер

Что вы, милые мои алармисты, так горячо приняли полицейскую дрсню в «Голосе»? Пусть они пишут что хотят. Ответ я написал проще и короче и посылаю его. 35 № «Моск^{овских} вед^{омостей}» в пачке, полученной утром, нет, и потому я не знаю, в чем дело.

Скажи Тхор^{жевскому}, что письмо его получил. На весь апрель мне бы не хотелось оставлять квартиру, но, если иначе нельзя, делать нечего. Куда же перевезет он мебель и, главное, железный сундук? Последний разве к Чернецкому? Келейно сделался бы он с Блином, что, буде нет наемщика, то он просрочит и заплотит по расчету. Если же явится наемщик, то он в три дня съедет. Я никак не позже половины апреля буду в Женеве. Если б ты на неделю времени переехал туда же, можно бы рискнуть до 1 мая. Но я там, на юру, ни за что жить не стану. Впрочем, вероятно, я опять уеду из Женевы в конце мая. Дом, в котором живут здесь дети, — продан, и им следует в мае съезжать. Если дела пойдут хорошо, Тата съездит на месяц к Лизе (в мае). Во всяком случае я в начале лета их устрою.

Чему ты удивился Андреоли? Его письма в «Temps» вызвали ответы русских газет — вероятно, он благоденствует, но отчего же ты сомневаешься?

Портрет кончен. Это — первоклассный chef d'œuvre.

Дождь и слякоть при тепле и сирокко. Если очень скверно, поеду прямо в Ливурну, — все же 10-го числа — и оттуда морем.

Прощай.

10, воскресенье.

Вот у меня это письмо пролежало в кармане сутки, но и за эти сутки нового ничего нет. Здесь воздух становится не особенно приятен, но гигиенические замечания при свидании.

Получен ли ворох «Моск(овских) вед(омостей)», и нужно ли в самом деле посылать «Голос» назад? «Моск(овские) вед(омости)», когда что важного — ты присылай.

А история-то «в булку», как выражается Ф. Толстой. Читал ли ты, как жандармы тащили *par force*¹ Гариб(альди) в карету? Да ведь à la lettre.

Жиран(ден) напечатал о «Колоколе» в «Liberté». В других журналах не видал еще.

Прощай.

50. Н. П. ОГАРЕВУ

10 марта (26 февраля) 1867 г. Флоренция.

10 марта, воскресенье.
Firenze.

Сегодня, в 10 вечера, еду в Геную через Болонью; 14 часов чугунки, но делать нечего — дождь льет как из ведра, и в вагоне покойнее сидеть, чем в каюте. Завтра, в 12 часов, я в Генуе. Может, я тотчас, т. е. в понедельник вечером, отправился бы в Ниццу, но N(atalie) на мой серьезный вопрос о Тате не дала себе труда отвечать да и вообще не отвечала мне. Я писал, что жду письма 10-го; твое пришло, из Ниццы нет. Я написал, что буду ждать ответ в Генуе (и прожду, пожалуй, три дня). Да, Огарев, я сам с ужасом думаю о свиданье в Ницце — мало хорошего предчувствуется.

Тата готова ехать в мае на месяц, даже Мейз(енбург) собирается, если я хочу, провести два летних месяца с Олей в Ницце или окрестностях. Но я еще не зову; для Лизы это было бы счастье. Господи, сколько времени, жизни, идей, сил пошло на этот внутренний раздор и бой! Я понимаю, что и теперь мог бы все отпустить, но для этого надобно раскаяние, кротость, а не кусанье. Скучно и тяжело. Какие-то будешь «смеси» писать...

Успех Саши вчера был полный и заслуженный. Он свою лекцию прочел щегольски, не останавливаясь, не ломаясь, просто, прекрасным слогом и интересно. Была элита ученых и литераторов. Сперва читал Маттеучи (бывший министр просвещения) о магнитных наблюдениях во время затмения; потом Шифф — о термогальванических наблюдениях над нервами; потом Саша — о продолжающейся жизни или деятельности *перерезанного* и, след., парализованного нерва, после смерти, и, помимо бездействия, нерва непарализованного. Он рассказал и показал все мастерски, даже Гржимала-Любанский, Генрих, был доволен.

¹ силой (франц.).—Ред.

По-итальянски он говорит лучше Шиффа.

К Андреоли я писал.

В успех «Пол⟨ярной⟩ звезды» не верю: никто не будет читать гисториографию Мечникова и comiso¹ Ут⟨ина⟩.

Не хочешь ли, чтоб я написал Акс⟨акову⟩ письмо в Москву насчет зажигательства или к Горчакову? — Пожалуй. Напиши. Делярова следует пропечатать.

Отчего justitia² требовала, чтобы ты прежде умер, а С⟨ергей⟩ И⟨ванович⟩ — потом, — это уж романтический вздор. Правда ли о Тургеневе, я не знаю, мне его жаль.

Насчет Шарлотты делай как знаешь. Жить с двумя женщинами, ребенком и полурребенком, это — такой андреевский крест при небольших деньгах и крошечной квартире, который нести я бы себя не считал способным. Но если ты хочешь переехать ко мне, это дело другое. Но куда ко мне? «У меня» нет у меня.

Но об этом потолкуем. Если прием будет очень дурен в Ницце, я в начале апреля, может, и к 1-му, приеду. А ргорос, скажи Тхор⟨жевскому⟩, что вернее оставить кварт⟨иру⟩ на апрель за 150 фр., а то куда он денется, да и вещи.

Что за безумие, что он не выслал проданные мной «Былое и думы»? Фр⟨икен⟩ заплатил 8 фр. и ждет. И почему он не пишет об этом?

Иду завтракать. Я здесь все пью «кианти», — славное вино, 1 фр. 20 коп. с бутылкой.

Засим пиши в Ниццу: 87, Promenade des Anglais.

Тата мне не показала твоего письма.

Саша показал.

Тхорж⟨евский⟩ может, пожалуй, Бердушек пригласить переночевать в 7, Quai Mont Blanc или как знает. Брат ее благодарит его, и Мейзенбург также.

51. Н. П. ОГАРЕВУ

12 марта (28 февраля) 1867 г. Ницца.

Вторник, 12. Nice.
(Alp(es) Mar(itimes)).
87, Promenade des Anglais.

Я сделал чудо и в полтора суток приехал из Флоренции в Ниццу. Сделалось это так: приезжаю в Геную вчера, спрашиваю в дилижансе — места на два дня заняты; спрашиваю о пароходе — идет в среду и сегодня ночью. Ну, думаю, если

¹ актер (итал.); ² справедливость (лат.). — Ред.

так — на пароход, и сегодня в семь утра преспокойно вышел на берег. *La mer n'est pas si chien*¹ — как ты думаешь, напротив, оно нас потешило. Ночью, часу в первом, все спали в каюте. Вдруг вбегают худая, старая французенка с плачем и воплем: «*Nous sommes inondés... nous sommes inondés — sauvez votre femme!*»² Все вскочили — итальянцы и англичане без порток. Дама вся мокрая... Старуха легла спать да и забыла закрыть окно. Первая сильная волна ее и окатила. Ее страх и отсутствие опасности сделали сцену. Лизу я застал еще в постели, она здорова, но бледна. Н^атали от нечаянности встретила меня хорошо, но еще ничего не знаю, что будет. Лиза повторяет разные печальные вещи со слов Н^атали, а Н^атали считает, что это трагическое настроение. Они здоровы.

Получил «Был^{ое} и думы» 1 экзем^{пляр} здесь.

Буду ждать писем.

Час утра.

Тхорж^{евскому} и всем кланяюсь.

52. Н. П. ОГАРЕВУ

14 (2) марта 1867 г. Ницца.

14 марта. Четверг. Nice.
87, Prom^{enade} des Anglais.

Писем еще от тебя нет, зато от Тхоржевского есть, от 12-го. В два дня, проведенных здесь, было много говорено. Вообще настроение лучше, — но с порывами отчаяния. Хотелось бы сближения с детьми, но ни шагу для этого, потом — одна невозможность за другой. Расположение к тебе лучше; то, что я писал тебе два письма тому назад — совершенно так: только близостью отношений можно спасти Лизу от омрачения нрава и, пожалуй, от России.

Лиза продолжает быть очень умна, и память у ней необычайная, но в два месяца *одиночества* она опять поизбаловалась. Школы здесь плохи. Ходит к ней *daily governess*³ — ничего, возможная.

Я вот что предложил. Квартеры с 1 апреля очень дешевы. Срок *Villa Fau* 1 июля. На май пригласить Тату и потом нанять другую виллу; в ней может пожить, если хочет, для моря, Мейз^{енбург} и Ольга, а потом ее займет *Natalie* до осени (*ex^{empli} gratia* 1 сентября). Потом в Швейцарию

¹ Море не такое подлое (франц.); ² «Мы тонем... мы тонем — спасайте вашу жену!» (франц.); ³ приходящая гувернантка (англ.). — *Ред.*

или здесь оставаться. Может, и Сат<ины> подъедут. Лизу без школы дольше полугода оставить нельзя.

Из России постоянно зовут N<atalie> с Лизой. Были минуты готовности с ее стороны все бросить и ехать. Поэтому надобно быть осторожным. (Они и денег обещали прислать.)

Затем, в след<ующем> письме, больше.

Передай Тхорж<евскому>:

1-ое. Что, если банк хочет взять фурно с уступкой 30, даже 35% — сейчас отдать.

2. Важного нет, если квартира останется до 1-го мая (150 фр.), цены в отелях, вероятно, велики, — а впрочем, во всем, что Тхорж<евский> скажет, спорить и прекословить не буду.

Вероятно, мне придется в самые жары опять возвратиться сюда. Пиши твои мнения... и советы.

Прощай.

Письмо к Аксакову, вероятно, завтра ему пошлю, и копию для «Колокола».

53. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

15 (3) марта 1867 г. Ницца.

15 марта. 87, Promenade des Anglais.
Nice.

Любезнейший Тхоржевский,

пожалуйста, поступите с квартирой самодержавно — сдайте, если очень выгодно, оставьте, если барыш невелик. Печь продайте с уступкой 30—35%. Сундук пока, конечно, можно поставить у Чернецкого (даже в банке). Подумайте об одном — не проще ли все это сделать 1 мая. Потеря (и то неполная) 150 фр. еще не беда.

Висконти еще не требует книг.

Здесь настоящее лето — под окном на трельяже белые розы в полном цвету, в саду черемуха. Лиза здорова, ее, разумеется, Нат<алья> Ал<ексеевна> кутает, но я бунтую. — Здесь, сверх розанов, Голынский, он рассказывал, что Хоецкий — в больших милостях и гуляет с имп<ератором> на выставке. Он женился для приличия на прежней мамзели — которая с 1854 года была у него. Голын<ский> сердится, что он его не звал на свадьбу.

Прощайте. Отдайте письмо Огар<еву>, а другое — m-me Czernesky.

15 (3) марта 1867 г. Ницца.

15 марта. 87, Promenade des Anglais.

Видел ли ты, что «Indép⟨endance⟩ Belge» говорит о купцах, хотевших сделать контракты для железных дорог и остановившихся за тем, что земские думы не имеют обеспечения и всегда могут быть закрыты? Если Долг⟨орук⟩ тебе не присылал, попроси его. Мне кажется, что об этом слова два сказать надобно. Один г⟨осподи⟩н мне говорил здесь, что он слышал от центральных актеров земск⟨ого⟩ дела: «и к концу года конституцию Ал⟨ександр⟩ Н⟨иколаевич⟩ все-таки должен будет дать».

На этом месте получил твое письмо. Отвечаю: α) Долгор⟨уков⟩ ругается с посторонними и без причины, я *хочу* оскорбить клеветников — пусть делают процесс. Я же отвечаю сам. А зачем ты мне не написал, как принял прынец мои урезки.

β) Тхоржевский должен нанять комнату на мой счет, он мне нужен, и я не допущу, чтоб он остался à la belle étoile¹. Дело очень просто. За 100 фр. он найдет комнату с едой. Или распорядится как знает, — я готов прислать до 120.

γ) Ага... (это не Ага, а А...га), какова Ольга-то!

Долго не получая твоего ответа об Аксакове и выслушав совет боярской думы во Флор⟨енции⟩, я послал сегодня ему цидулку. В следующем листе «Кол⟨окола⟩» напечатать ее необходимо. Поместит он или нет, все равно.

Все ли письма получил — это — *третье* из Ниццы.

Very important². Я считаю необходимым заявить сочувствие «Колокола» к греческому делу и прошу сейчас написать твое мнение. Я сегодня же попробую написать.

Пишу небольшую статейку об Италии. Если ты не читал брошюру Кине, прочти непременно, — она стоит 50 сантим⟨ов⟩. Заглавие: «France et Allemagne».

Что за климат здесь, что за воздух, тепло, запах!.. Какое сумасшествие! жить в других захолустьях! Здесь бы отдохнуть хоть годик, — т. е. под «здесь» я разумею всю дугу от Кана до Специи через Геную.

Ничего резкого дома. Но приучиться и изучить такой характер, не шутка, тут и Шифф (Скифф, как его называют итальянцы) потер бы себе лоб. От диких порывов любви до свирепых слов ненависти, — все сумбур. Сегодня ужас и желание, чтоб я спас ее и Лизу, готовность звать детей, ехать в Кольмар, Лозанну... и завтра неуважение ко мне, наискорейшие сборы в Россию, распоряжение, как быть с Лизой в случае смерти —

¹ под открытым небом (франц.); ² Очень важно (англ.).— *Ред.*

и обвинение во всем меня, тебя. Я не отвечаю, говоря, что и это принимаю за такое же невольное, патологическое состояние, как твои обмороки... только, что ты падаешь телом — а она умом. Через час слезы и оттепель. Какое же тут воспитанье?

Лизой я опять доволен, — очень умна и дивит меня памятью. Она говорит: «Я, как Тата, не буду торопиться идти замуж — tu comprends¹. Я буду три года смотреть, что за человек... мой жених. Он должен быть хорош и заниматься большими делами, как ты и папа Ага; у него должна быть новая карета». Вот тебе и идеал. Тебя она nonobstant² всего — и любит и помнит. К Тате и Ольге рвется: «При них, — говорит она, — мне не надобно и детей». Лето они могли бы провести вместе, но я не буду натягивать. Сегодня я вытребовал твои стихи.

О доме еще раз скажи Тхорж(евскому), что я буду со всем согласен. Пусть сдаст, если хочет, или оставит, если хочет. Разумеется, без прислуги тебе переезжать нельзя и на неделю. Но что же ты будешь делать, когда Саш маленький еще и Шар(лотта) придут? Ах ты, Вишну, да и только, и по «Поляр(ной) звезде» тоже Вишну. Однако без расписки Ут(ину) я денег не дам.

На обороте: Николаю Платоновичу.

55. Н. П. ОГАРЕВУ

17—18 (5—6) марта 1867 г. Ницца.

17, воскресенье. Nice.

Письмо от 14 получил. Разумеется, если очень хочется — и если печать скупается, то печатать «Колок(ол)» можно и к 1 апрел(я). (Я все еще не могу убедиться в том, что «Пол(ярная) зв(езда)» пойдет и, конечно, лучше готов бы усилить «Колок(ол)» — но на это твоя воля.)

Висконти продал все № «Кол(окола)» и два экз(емпляра) «Был(ого) и думы». — Скажи Тхорж(евскому), чтоб он прислал ему *три* экз(емпляра) полного IV тома. Вчера я заставил купить Гольнс(кого) и взял с него 8 фр. Это — экз(емпляр) N(atalie). Я возьму из трех для того, чтоб возвратить.

Газеты ужасно интересны. Посылаю: 1-ое, «На площади Св. Марка». — Это мой манифест о греках, не давай Долгорукову менять особенно подстр(очное) замеч(ание). 2-ое, прибавку к письму к Аксакову. Он напечатает мое письмо, это ясно — но теперь дело вышло неладно. Я не имел понятия, что

¹ ты понимаешь (франц.); ² несмотря на (франц.). — *Ред.*

и «Москва» повторила, да еще *in extenso*¹, ту же новость, но при моем имени поставила сильный вопросительный знак.— Таким образом, дело все падет на Бакунина. Неужели он в самом деле участвовал?

«Колокол» от 15 марта (и от 1 апреля) следует послать в пакете или *sous bande*, но не франкируя:

1. Бергу в Варшаву.
2. Трепову в Петербург.
3. Издателью «Варшавского» ежедневика».
4. «Московским» ведомостям».
5. «Голосу».
6. «Москве».
7. Издателью «Journal de St. Pétersbourg».

Я все же советую напечатать об отказе купцов насчет железных дорог — по поводу шаткости земских дум. С другой стороны, хотелось бы упомянуть об аккитированной бабе. Я написал несколько строк сентиментальных, но свято-искренних. Усиль их, пожалуй.

Долгорукову кланяюсь. _____

Здесь пока тихо. У Лизы немного кашля — стало, у Наталии много беспокойств и поронья горячки. Но вообще скорее неожиданно тихо все идет... Если Наталия поняла, как еще и теперь легко многое исправить! Но некоторые слова вскользь показывают, что до этого далеко.

Прощай.

Что ты писал Тате,— она мне твоего письма не показала.

18-го, понедельник.

Письмо осталось до нынешнего утра.

В «Москве» мое письмо должно быть 20—22. Следите за этим и пришлите.

Addio!

56. Н. П. ОГАРЕВУ

18 (6) марта 1867 г. Ницца.

Понедельник. Nice.

Несколько строк моих о Краевском вышли немного «алпатом», как говорила Луиза Ивановна; я бы вымарал не ругательства, а их повторения. Но беда не велика, а им — на табак. Пусть делают процесс.

Насчет квартиры, жизни и пр. не могу придумать и ничего предпринять. Не найдет ли Тхоржевский какой-нибудь угол

¹ полностью (лат.).— *Ред.*

в начале Каружа или по дороге? Мне лично надоб⟨ны⟩¹ большая комната и вид из окна — остальное все равно. Я думаю, что лучше всего оставить старую квартиру до приезда (supposons², к 15 апреля). Не думаю, чтоб ты не хотел, но думаю, что ты не можешь снова жить один. Что я был бы рад, в этом ты не сомневаешься, но вряд возможно ли. Да и долго ли я буду в Женеве? «Колок⟨ол⟩» без меня идет лучше.

Если возможно иметь квартиру особо — не дорого — в которой ты бы оставался, а я иногда уезжал, я был бы доволен. Обо все⟨м⟩ переговорим.

57. А. А. ГЕРЦЕНУ

19 (7) марта 1867 г. Ницца.

19 марта. Вторник. Nice.

Не понимаю, почему к вам письма ходят — дольше чем нужно. — И от вас тоже. Сейчас только я получил письмо от 15-го. Можете теперь писать и на мое имя, только ставьте адрес четко.

Теперь, Саша, тебе поручение. 1-ое. Отослать сейчас Бакунину прилагаемую записку. Аксаков — у которого остался ко мне *февль* — поместил о зажигательстве — но у моей фамилии поставил большой ? в скобках, а у Бакунина нет. Я Аксакову прежде послал письмо и уверен, что он его напеча⟨та⟩ет. То же следует сделать Бакунину.

2-ое. Скажи Ге, что в «СПб. вед⟨омостях⟩» (вероятно, между 8 и 12 мар⟨та⟩ нов. ст.) длинная статья о его «Воскресении» — и совершенно в его пользу. Вот ты что еще ему скажи — что он бы меня страшно одолжил, сделавши портрет Ог⟨арева⟩, когда будет в Женеве. Я Ог⟨арева⟩ уломаю. Узнай стороной у Желез⟨нова⟩ или Забелы или Fgi V, если он согласится за деньги — цену. Но в последнем будь осторожен — он может обидеться.

Вероятно, «Был⟨ое⟩ и думы» получены, отошли сейчас Фрикену его экземпляр. Visconti продал два бывшие у него экз⟨емпляра⟩ и все «Колокола». «Колокол» — не забудь послать — Заб⟨еле⟩, Жел⟨езнову⟩ и пр.

Письмо от Мальвиды получил (несмотря на то, что она франкировала его 20 сант. вместо 40!) и очень им доволен

Case of the photograph Olga

«Портрет Ольги привел меня в восторг».

Н. Огарев.

¹ Автограф поврежден. — *Ред.*

² предположим (франц.). — *Ред.*

Портрет мадемуазель Ольги я отнес — он очень хорош и большую приятность с красотой в себе заключает — также перемени.

С. Тхор<жевский>.

Портрет почтеннейшей дочери почтеннейшего Ал<ександра> Ив<ановича> помещен в числе декабристов — в альбум.

К<нязь> П. Долгор<уков>.

Очень обрадовался портрету.
Adieu.— Прощайте-с.

Л, Чер<нецкий>.

Я так буду волосы чесать.

Лиза.

(Продолж<ение> в след<ующем> листе)

Прощай.

58. Н. П. ОГАРЕВУ

20 (8) марта 1867 г. Ницца.

20 марта. Середа. Nice.

Много приходится писать к тебе и много неприятного. Твоя записочка сильно рассердила N<atalie>. Замечание о Лизе было несколько странно по отрывочности (à propos, зачем ты пишешь письма только тогда, когда тебе некогда, — и всякий раз оговариваешься об этом? Тата выдумала тип твоего письма: «Милая Т<ата>, я на днях к тебе буду писать», — и через два месяца: «Сегодня мне некогда...»)... из-за него — разговор, который мог бы остаться так. Но вчера пришло опять письмо от Сат<иной>. Она просто приступает к горлу, чтоб N<atalie> ехала и везла Лизу; говорит, что все будет улажено, требует сейчас ответа, хочет прислать Ал<ексея> Ал<ексеевича> и деньги на дорогу. Умоляет решиться. О нас ни полслова. Ясно, что Сат<ин>а знает все и что она считает меня слабым человеком, а детей — извергами (это не сказано). И вот N<atalie> требует сейчас ответа. Я говорю, что Лизу я не позволю взять. — «А я не хочу так жить». — «Что же ты хочешь?» — «Я не знаю, все невозможно...» Ты можешь себе представить тон... Наконец я сказал, что требую Сатина сюда и прежде не дам ответа. N<atalie> не хочет, чтоб мы виделись с С<атиным>. Тайно она не уедет — но все вместе предвещает страшные осложнения. Сатин действительно необходим. Труб<ецкой> должен возвратиться для свадьбы. Жду его. Но если по дороге случится писать Сат<ину> — пиши с мудростью змия.

Если так продолжится, я сам начинаю думать, что придется отпустить после переговоров Сат<ина>, крещенья и пр. Я так прекрасно устроил вновь связь Лизы с Татой и Ольгой, — Nat<alie> ничего не хочет и всему помешает. Я хотел, чтоб Тата приехала в конце мая сюда и подождала бы Мейз<енбург> и Ольгу — да сверх того, и моего возвращенья в начале июля. Мейз<енбург> и Ольга должны были бы жить особо (квартиры летом даром) — и был бы последний опыт. Его N<atalie> уже совершенно сгубила, а между тем, несмотря на порывы любви, нам с тобой нечего считать *ни на какую пощаду*. — Тревога и самолюбие все же на первом плане.

У Лизы катар; избаловавши ее всякими причудами, N<atalie> вчера ее ругала (я иначе не могу сказать) на чем свет стоит за то, что она не принимает лекарств... Я должен был вступиться. Язык ее губит. Я смотрю как доктор, удерживаю себя, — но не могу же всегда — и начинаю пережевывать мысль о русской семье для Лизы, не имея возможности что-нибудь сделать из своей. (Из письма Сат<иной> видно, что N<atalie> их страшно настрашала Лизиной болезнью и что ее покинули одну.)

Напиши (когда тебе *есть когда*) твой совет. Очень обдуманно, я буду ждать.

Прибавь к нескольким строкам об аккитированной женщине, что защитником ее был князь Урусов.

Вероятно, Краев<ский> сделает процесс — беда не велика, лишь бы достать очень ловкого адвоката. Разве против Резина — Резина.

Хотел с Гол<ынского> на общий ф<онд> — нет, не подается. Ан. Шувалов ему наврал с три короба о нигилистах, о том, что Мил<ютин> представлял нас в правительстве, etc., etc.

Прислать или нет статью «Венеция»? — И вздор и дело: речь о будущности Италии и, начинаясь с шутки, опять идет к нашим финнам (но не чухонцам).

Я говорил с Dr Granvillier (парижской школы, но ничего) о Лизе. Он, разумеется, говорит, что тогда был небольшой бронхит, а теперь катар. Железы опухли *немного*; он советует в июне — море, в июле — серные ванны. Здесь есть возле.

22 марта. Пятница.

Я с тобой не согласен и прошу письмо к Аксакову напечатать в след<ующем> № (т. е. 1 апреля) — 25—26 мар<та> ты увидишь, будет у него или нет. Если будет, прибавь в скобках: «было помещено». Если нет, пусть знают. Это ясно. К Баку<нину> я писал, я сам его на свой страх не беру.

Висконти продал все «Колок<ола>», я ему отдал свои; новый экз<емпляр> «Был<ого> и думы» тоже, пр. 1 экзем<пляр>.

Статьюку о Греции — надобно поставить вперед. Я на Шу<в<алова> судит за вздор, который он мелет.

Чернецкого поздравляю. Когда выйдет Сер<но>-Сол<овьевича> брошюра, прошу купить и послать 1 экз<емпляр> Каткову и 1 в «Весть». Они ухватятся за нее обеими руками, и Сер<но>-Сол<овьевич> не вынырнет.

По всему видно, что «Пол<ярная> звезда» — твоя фантазия с Мечниковым.

Статью о Венеции и Италии (pars prima¹) написал. Она хороша — но за нее в Европе не поздоровится «Колоколу».

Итак, фюрст едет — попробуем «Москов<ские> вед<омости>», «Весть», «СПб. вед<омости>» с 1 июля, но ведь подписываться след<ует> после 1/2 июня европейского.

У Лизы продолжается катар. Это скучно. Они долго не приучатся к горному климату, днем на солнце духота — вечером свежо. Сегодня ее тошнило и давали iresacuan'у. Опасного ни тени.

N<atalie> еще ответа не писала. Теперь она выдумала — присягаю, что она мне не говорила этого прежде, — что она «давно мне сказала, что она одну Лизу хочет отправить в Россию, а сама исчезнуть» и пр. Это еще нелепее и потому менее страшно. Да как же заарканить Сатину — ее надобно пугнуть.

Отказ выписать Сат<ина> продолжается, но после сердечного разговора rather² тихо. К Тате зова не пишет — а я без этого не дам разрешения ехать.

Прощай.

23, суббота.

Лиза все еще совсем простужена. Это очень скучно, я уж от нечего делать вчера купил табатерку и на 3 су нюхат<ельного> табаку.

Вчера забыл послать.

¹ часть первая (лат.); ² довольно (англ.). — *Ред.*

26 марта. Вторник.

Переписка очень трудна — по странной *неаккуратности* почты твое последнее письмо пришло двумя днями позже, а газеты — тремя; посылаю банду. Все это отнимает много комфорта в жизни.

Зачем ты попускаешь себя в какой-то детский или старческий бред? Где *штоф* столкновения твоего с Ал(ексеем) Ал(ексеевичем)? Стало, ты и письма моего не понял. Ел(ена) С(атин)а пишет, что если N(atalie) решается ехать, *то Ал(ексей) Ал(ексеевич) придет за ней и Лизой в Ниццу*. Он вовсе едет не как *justicier*¹, да и в последнем случае один ответчик — я. Мне просто больно, что вместо истинной стороны дела ты взял ложную.

N(atalie) хотелось бы сблизиться с Татой и даже с Мейз(енбург), — но она не хочет сделать шагу, и я не сделаю. Со мной после интимидации лучше, она ясно видит отпор и С(атина) не выписывает, стало быть, С(атин), он ей страшен. *Дело это пока в моих руках*. Но что за странная женщина С(атин)а! Соваться в дело, не зная аи *fond* ничего. Что дети оклеветаны — это ясно.

Теперь о Лизе. Сегодня неделя, как она опять в постели. Катар с лихорадкой, кашель и наконец желчь. Желчь даже заметна в глазах и лице. Ее здоровьем следует заняться серьезно. В половине мая купаться в море, в июле ехать на серные ванны. Тут вариаций до августа делать мудрено. Но вопрос — а что дальше?

Школы здесь плохи — это правда. Но Лиза *не может жить одна с N(atalie)*. Это нравственно и физически губительно. Я готов на всякую жертву — но что же я сделаю? Мое присутствие поможет — но этого мало. Ей нужна здоровая среда, дети, здоровая женщина. Конечно, Тата могла бы много сделать, но и то не в присутствии N(atalie).

Вот вам и *hiatus*². А когда я это говорю, N(atalie) отвечает, что именно потому она ее и хочет вести в Россию. А потом опять возвраты и желание устроиться как-нибудь.

Я думал и о Кольмаре, и о Страсбурге, даже о Марсели и Генуе. В Генуе школы есть — но больше половины года я не могу же жить там.

Зачем же тебе заарканивать Долг(оручкова) в деле С(ерно)-С(оловьевича) — да пусть он его оборвет. Но так как я отве-

¹ судья (франц.); ² пробел (франц.). — Ред.

чать в «Колок<оле>», вероятно, не стану, то ты и заяви вперед, что в «Кол<околе>» нельзя отвечать.

Стало, в «Пол<ярной> зв<езде>» ты совершенно воротился к моей мысли, т. е., что если мы хотим изд<авать> ее, то мы одни и можем. Стало быть, я был совершенно прав насчет милых и бездарных galopins¹.

Lesser должен продавать двойные № за 1 фр. 10 сант. Стало, лишнего он берет 10 с. Visconti берет больше, говоря, что от 1 мая до 1 ноября он вовсе не продает «Кол<окола>».

О «Пол<ярной> звез<де>» поговорим при свиданье. Я думал ехать 10-го апр<еля>, но теперь не знаю. Хочу, чтоб Лиза совершенно при мне оправилась.

Конечно, с Долг<оручковым> можешь переговорить насчет Сат<ина> — писать ему нечего, кроме того, чтоб он остановил жену или бы приехал сам — ну на две недели. Однако случай должен быть сто раз верный, а не то — ждать. В крайности можешь писать и к Ал<ексею> Ал<ексеевичу>, — но его звать не следует.

Если нет особ<ого> материала, то след. «Кол<окол>» издать надобно 1 мая (напоретесь вы на отсутствие статей). «Венеция» после, теперь она не идет.

Я только по письму Чернец<кого> знаю, что ты получил статью о греческ<ом> восстании. Не пропало ли письмо? Одно было от 18², другое — от 23.

Пять дней. Ты бы записывал. Я очень прошу сейчас отвечать на это письмо от 26, тотчас отвечать. 30 ответ должен быть здесь, т. е. в субботу.

Коррек<тура>, о которой писал Чернец<кий>, не приходила.

Лиза от желчи очень сердита и раздражительна. Об учении, разумеется, нет помину.

Прощай.

Долг<оручкову> усерднейший поклон.

61. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

28—29 (16—17) марта 1867 г. Ницца.

28 марта. Четверг.

Вот что необходимо, милейший пан: иметь у кого-нибудь склад русских книг в Париже на время выставки и прямое коммиссионерство, чтоб можно было выписывать. Надобно сде-

¹ проказников (франц.). — *Ред.*

² Ты ничего не писал о статье о Греции и прибавке к Аксакову — если помнишь, справишься на почте.

лать объявления — и их как-нибудь поместить в кафе (при выставке десятки). Луг<инин> все как-то дуется и опять не писал больше двух месяцев. Подумайте об этом.

Что сделалось с Мерчинским, и где говорит он «Виноват!»? От<арев> писал им то, что он хочет ехать.

Голынский здесь еще — играет и выигрывает. На днях один англичанин сперва проиграл много, потом нарезался пьян и пришел опять играть; едва стоя на ногах, он вдруг поставил большую сумму и выиграл 150 000. Тут же обратился к одному французу и купил у него его мамзель за 7000. Меня разбирает зависть без меры — за что же это у нас нет денег на дело? Рисковать бы — хоть пари за Голынского.

Дела типограф<ии>, должно быть, идут хорошо, если 20 000 евангелий печатаете.

Когда приедет Долгор<уков>-junior?

29, пятница, 3 часа.

Письмо ваше получил. Еще раз я согласен на все ваши распоряжения по части квартиры — помните, что *от 15 апреля до 15 июня* я останусь все же в Женеве. Квартиру я готов и сдать и оставить. Пуще всего поручаю ящик. Денег могу прислать или привезти, если можете ждать до 15. В отеле жить можно — но недолго, оно все выйдет дорого. А в пансионе ни за какие миллионы.

Не посылайте Visconti больше 5 экз<емпляров>.

Я мечтаю о сигарах. Cleve-B... здесь курить нельзя — и я курю только Caroral.

62. М. МЕЙЗЕНБУГ

29 (17) марта 1867 г. Ницца.

29 mars 1867. Nice.

Le mutisme florentin ôte toute possibilité de correspondance vivante... Tata écrit peu, Alexandre rien, Olga moins, et les réponses tardives sont tirées par le cheveux, on sent que c'est une corvée qu'on remplit et non une nécessité. Vous seule, dernière représentante de Hesse Cassel, vous «sévignez» quelquefois... *Und Gott segnet Ihren guten Willen* — en vous soumettant par un traité même de Wurtemberg. Je vous félicite, Мальвида Бисмарковна, et je vous demande, ne pourrais-je pas briguer le titre de sujet de Bismark, par l'origine de ma mère et les fonctions d'un Suisse devant sa porte?..

En général je suis assez triste (au fond je suis triste — comme disait Levasseur après ses farces) — la vie, la vie est difficile, beaucoup trop compliquée, *the battle of life*. En première

figne — c'est l'étrange état de santé de Lise. Figurez-vous que depuis le février elle a eu constamment qq. chose de fiévreux: et fièvre catarrhale, fièvre gastrique, et enfin la jaunisse. Elle a été maintenant 10 jours au lit, aujourd'hui elle descend pour la première fois. Le temps est étrange, des journées d'été entremêlées de pluie, de vent et d'électricité à faire rompre la tête. J'ai déjà écrit à Genève que j'ai changé mon plan et que je reste une dizaine de jours de plus. L'inquiétude, le désespoir de N<atalie> vont à l'infini et sont dangereux pour L<isa>.

Quant aux projets lointains, je n'en ai pas. Je propose d'aller l'été ou près de Gênes — là on pourrait arranger une rencontre (sans pistolet), ou à Chambéry — pour Ogareff. Tout dépend de mille choses.

Und was sagen Sie par rapport à toutes vos affaires? Oui, Domengé avec exagération oratoire, et moi, avec le flair de chien, nous avons plus raison — que Monod et Erdone. A propos — savez-vous que Garibaldi est tout à fait populaire en Russie — pour sa sympathie pour la Grèce.

Holinsky est toujours ici — et joue et gagne. *Corpo di Bacco...* Un de ces jours un Anglais tout ivre a gagné 150 000 frs. et savez-vous ce qu'il a fait? immédiatement il a acheté la concession... d'une Française venue avec un autre joueur. Je sens en moi des vellétés de devenir un brigand de grande route.

Dites à Tata que j'ai vu «Le Tour du Monde». — Ici tout est cher, il n'y a que des volumes reliés, et les livres reliés par-dessus sont chers pour le transport. J'ai aussi vu — Adelhaide — qui a été alors pendant le naufrage—elle est maintenant la maîtresse d'un restaurant. Le vice tôt ou tard est toujours récompensé.

Adieu — je salue les muets et les laconiques *und verbleibe* dans l'espérance d'être promu au rang de Prussien.

P. S. J'ai écrit un petit article sur Venise — bijou — poison...

Перевод

29 марта 1867. Ницца.

Флорентийское молчание делает совершенно невозможной оживленную переписку... Tata пишет мало, Александр — ничего, Ольга — еще меньше; запоздалые ответы притянуты за волосы, чувствуется, что это повинность, которую выполняют, а не необходимость. Только вы, последняя представительница Гессе Касселя, вы еще «свиньируете» иногда... *Und Gott segnet Ihren guten Willen*¹ — подчиняя вам по договору даже Вюртем-

¹ И бог благословляет вашу добрую волю (нем.).—Ред.

берг. Поздравляю вас, Мальвида Бисмарковна, и я спрашиваю вас, не мог ли бы я выхлопотать себе звание подданного Бисмарка (по происхождению моей матери) и место швейцара у его дверей?..

Вообще же я достаточно удручен (в сущности, я печален — как говорил Левассор после своих шуток) — жизнь, жизнь тяжела, слишком сложна, the battle of life¹. На первом плане — странное состояние здоровья Лизы. Представьте себе, что с февраля у нее постоянно какое-то лихорадочное состояние: то лихорадка катаральная, то лихорадка гастрическая, и в конце концов — желтуха. Она 10 дней пролежала в постели, сегодня встала в первый раз. Погода странная: летние дни перемежаются дождем, ветром, скоплением электричества, от которого трещит голова. Я уже написал в Женеву, что изменил план и что останусь здесь еще дней на десять. Беспокойство, отчаяние Натали безграничны, и они опасны для Лизы.

Что касается до проектов на дальнейшее, то у меня их нет. Я предлагаю поехать на лето или в окрестности Генуи — там можно устроить встречу (без пистолетов), или в Шамбери — ради Огарева. Все зависит от тысячи обстоятельств.

Und was sagen Sie² относительно всех ваших дел? Да, Доманже с его ораторскими преувеличениями и я со своим собачьим чутьем — мы были более правы, чем Моно и Эрдон. Кстати — знаете ли вы, что Гарибальди очень популярен в России — благодаря его сочувствию Греции?

Голынский по-прежнему здесь — и играет и *выигрывает*. Сорро ди Вассо...³ На днях какой-то англичанин, совершенно пьяный, выиграл 150 000 франков, и знаете ли, что он сделал? Сейчас же заплатил отступное... за французенку, приехавшую с другим игроком. Я чувствую поползновение стать разбойником с большой дороги.

Скажите Тате, что я видел «Le Tour du Monde».

Здесь все дорого, книги только в переплетах, а переплетенные книги дорого, кроме того, пересылать. Я видел также Аделаиду, которая была тогда, во время кораблекрушения, — теперь она — содержательница ресторана. Порок всегда, рано или поздно, вознаграждается.

Прощайте — кланяюсь немым и немногословным und verbleibe⁴ в надежде быть произведенным в пруссаки.

P. S. Я написал статейку о Венеции — жемчужина — яд...

¹ битва жизни (англ.); ² И что вы скажете (нем.); ³ Черт возьми! (итал.); ⁴ и остаюсь (нем.). — *Ред.*

29 марта. Пятница.

Письмо от 26 получил. Лизе лучше, вчера она встала с постели и сегодня, если ветер не помешает, выйдет в сад.

Обилию материала в «Колокол» я не надивлюсь — но по мне, пожалуй, издавай к 15 апр(еля), только потом мы сядем. Моя статья о Венеции хороша, но очень опасна, она может ухлопать «Кол(окол)» на время выставки; у меня ничего нет другого. По тому, что пишет Тхорж(евский), я не вижу, чтоб «Кол(окол)» особенно блестяще продавался. К будущ(ему) № не мешает сказать о причине *второго avertissement*¹ Аксакову, да и обо всей дикой реакции (по «Indépendance») — можно сделать несколько строк. Последнее попробую.

Желудк(ова) статья хороша — «mon école»², как говорил Чаад(аев) обо мне и Гран(овском). Но я немного подожду и сделаю ему печатный *avertissement*. Всего мерзее богоблудие с православием и нападки на вольтеранизм в Румынии.

Шувал(ов) (Анд(рей)) встретился с Голын(ским) и врал ему всякую чушь (я писал об этом), и твоя воля, что ты отнес это к его речам.

Теперь к домашним делам. На первый случай я Лизу спас и даже настоял на том, чтоб было написано, что я условием какого-нибудь ответа, сужденья ставлю свидание с Сат(иным). Вспомни, что я писал из Венеции или Флоренции: она себя считает — и непременно в силу этого увезла бы Лизу — брошенной, оставленной. Я не читал ни одного письма к Ел(ене), но по ответу могу судить. Только мир и близость могли спасти Лизу — я это и сделал. Я перешагнул все остальные предметы и совершенно одержал верх. Какие бы последствия ни были, они менее страшны, хотя я сам, измученный борьбою, готов был уступить.

Ближайшая программа не идет дальше 1 июля. Здоровье Лизы надобно укрепить. Она с 1 февраля до 28 марта, в сущности, не была двух дней здорова. С мая (втор(ой) пол(овины)) — купаться, а потом надобно где-нибудь их устроить. Я выбираю решительно одну дугу от Марсели до Генуи. Если б ты хотел свиданья с Лизой — лучше всего Шомберг. N(atalie) просит, требует (за свою жертву...), чтоб я возвратился к 1 июлю и распорядился бы.

До 10-го апреля я не поеду, и всего вероятнее, буду к 15. Я хочу видеть Лизу совсем на ногах. Она в болезнь опять искапризничалась, но умна поразительно, и память необычай-

¹ предупреждение (франц.); ² «моя школа» (франц.). — *Ред.*

ная. Об Голынск(ом) говорит серьезно: «Moi je pense que c'est un homme qui n'a jamais fait rien de bon, ni<de>mauvais»¹.

А пропос, Гол(ынский) купил «Былое и думы» и прибежал с следующей контестацией: «У вас напечат(ан) на 352 стр(анице) стих Гардиф de Melo — „Worcell, Sassonoff, Olin-ski, Del Balzo... etc.“ — И потом вы говорите, что один из названных попал в каторжную работу за faux². Эдак можно подумать всякому, что это случилось со мной»... «Такого скверного мнения об вас еще никто не имеет, кроме вас самих», — сказал я ему, смеясь.

«Москва» с моим письмом или с означением получения должна быть у тебя. Я, кроме «Голоса», ничего не получил.

А что скажете о Бисмарке и Вюрт(емберге), что о сопротивлении с ашарнементом против уничтожения *contrainte par corps*³, да и что об Италии?

Rock ist weck, Stok ist weck,
Lieb' Augustin liegt im Dreck.

Прощай.

Железнов — не Чугунников, да и не князь Стальной. Добрый человек — пусть себе печатается.

Стихи, кажется, Лиза не поняла, но письмо твое положила ж «синим» — она разбирает письма по цвету бумаги.

На обороте: Передать Николаю Платоновичу.
29, пятница. 3 часа.

64. Н. П. ОГАРЕВУ

31 (19) марта 1867 г. Ницца.

31 марта. Воскресенье.

Обращаю ваше начальническое внимание на следующий факт. Я здесь 20 дней. В них получил два раза газеты, т. е. раз в начале связку и потом *три* № «Голоса». Ergo, вы газеты перестали посылать, хотя посылать в неделю раз легко. Но, стало, ничего не было важного. Беру «СПб. ведомости» — выписка из «Вести», сравнение Каткова с «Колоколом», и очень хороший разбор Корша etc., etc. Что же это принц или ты меня отняли от груди Скарятина? Я желал бы до 10 апреля, чтоб вы посылали так, как было с 18 декабря. Несмотря на то, посылаю в «Смесь» тартинку о Каткове. Я еще хочу написать по

¹ «Я лично думаю, что этот человек никогда ничего не сделал ни хорошего, ни дурного» (франц.); ² подлог (франц.); ³ лишения свободы (франц.). — *Ред.*

поводу реакции и восточного вопроса несколько слов воззвания к совести.

Лиза поправляется скоро. Сумбур тот же, но на первый случай поездка в Россию crushed¹, и С<атину> напишется о нашем желании. Ломаю голову и немогу ничего придумать для Лизы. Одна Тата могла бы выручить — но я натягивать не буду. Хоть бы женщина какая нашлась à la Saffi... Одна N<atalie> решительно не может ни Лизой заниматься, ни даже устроить порядок в самом тесном круге.

Жду писем.

NB «Колокол» опять надобно послать «Голосу», «Москве», «Вар<шавскому> днев<нику>» и пр.

Позже.

Письмо получил. Делайте с письмом к Акс<акову> как хотите. В Европе делают так: посылая рекламу, печатают ее и у себя (ex<empli> gr<atia>), Em. Girardin и пр.). Но это не важно.

Газет опять нет. Что же это и Тхорж<евский>? Мне иногда кажется, что ты, по Лизиному выражению, опять «кутаешь». Так я сужу по почерку пришлых писем и даже по оборотам и по Салевам.

Скажи Тхорж<евскому>, что, вероятно, можно бы иметь в предмете хорошую, большую комнату и две спальни в Саг Roug'e — только с видом. От 100 фр. до 125 в месяц.

Затем кланяюсь П<етру> Влад<имировичу>.

Читали ли вы историю, как десять поваренков в Париже изнасиловали беременную публич<ную> девку, вынули ребенка и бросили в нужное место? — Все арестованы.

Письмо Акс<акову> послано 15, пришло 20,—стало, 22 или 23 было бы напечатано, 23 + 5 = 28-го могло быть у вас.

65. Н. П. ОГАРЕВУ

2 апреля (21 марта) 1867 г. Ницца.

Вторник. 2 апреля.

Письмо от 30 получил. Так как Долгор<уков> тебя наказал за то, что ты мне газет не давал, а давал их Гулевичу, то я, признав в этом перст божий, перехожу к другому.

Записка твоя к П<етру> В<ладимировичу> несколько сентиментальна и, по мне, очень коротка,— это все меня поддерживает в мысли «кутанья».

¹ провалилась (англ.).—Ред.

Теперь к письмам. Я теряю всякую латынь. Отчего ты не пишешь *prosaisch*?¹ Письмо от ** получил. Я писал письмо и отослал в нем почтовый тимбр газет,— получил ли ты? Я писал потом длинное письмо и, наконец, от 31 марта. Что не получено? Письмо с тимбром очень заметно.

Здесь тихо, хотя иногда и бывают вспышки, главное — от несбыточных планов и от горестного желания оправдывать себя на счет других.

Вероятно, к 15 буду.

Лиза выздоровела. На дворе лето (хотя весь месяц был тяжел и электричен). Вчера она говорит, что будет издавать «Колокол», «*mais un peu plus astocratique*»². Потом я ей говорил: «как это ты так умна и так шалишь?» «Это, говорит, вот что: *je ne suis pas sage, mais intelligente*»³. Это хоть в академический словарь.

Если что найду в газетах, пришлю в «Смесь».

Насчет писем желаю ответа.

Ну, что же, младый старец, чем порешили на свидании с Ут<иным>, Жуков<ским>?

Разумеется, до письма о дне отъезда — всё посылать по-старому.

Прощай.

А я, грешный человек, предвидел, что интрижка с Дол<го-руковым> не долго останется в любвях.

66. Н. П. ОГАРЕВУ

3—4 апреля (22—23) марта 1867 г. Ницца.

3 апреля, после обеда.

Журналов получил связку и один «Голос» особо (а не два, как ты пишешь) — интересного бездна и в русских и в иностранных журналах. Посылаю вторую «первую Грецию» под загл<авием> «Жаль».

Погодин издает журнал. Пошли ему (Москва, Девичье поле, в собст<венном> доме) прошлый № и тот, в котором будет письмо Аксакову. Я готов к нему написать письмо длиннее — его не скомпрометируешь. Да и мы постоянно боимся вздору. Читал статью Родионова о Гарибальди в Венеции?

След<ует> напечатать в «Смеси» о Петрашевском и милое решение о «Пастухове».

¹ прозой (нем.); ² «но несколько более *астократический*» (франц.); ³ я непослушная, но умная (франц.).— *Ред.*

Лиза здоровее — но все еще не совсем. Разные чудеса с ней творятся. Надобно укрепить нервы, надобно холодную воду, морские ванны, двигаться больше. Повторяю, весна тяжела до невозможности, даже здесь (в Неаполе землетрясение) беспрестанные сухие вьюги и вьюги с дождем. На дворе совершенно тепло, но дышать нельзя, и голова болит даже у Гольинского. Сегодня письмо от С(ати)ной... потише гораздо. N(atalie) не поедет, а будет грозить во всех *нужных* случаях.

Вот новый анекдот Лизы. Не понимаю, откуда она взяла слово «аристократ», которое произносит «astocrat». Она говорит, что будет издавать «Колокол», «mais plus astocratique»¹. — А знаешь ли, что аристократов вешают на фонарь? — Она сделала мину и говорит: «С'était bon du temps de Robespierre»². Ог(арев), я уверяю тебя, что с моего приезда о Робеспьере речи не было.

4 апреля.

Вчера опять была сильная вспышка du vieux mal³, опять обвинение всех, желание отъезда в Россию — и, наконец, требование окончательного устройства... Я много говорил, кончилось слезами, но не раскаяньем и не пониманьем.

Письмо от 1 пришло сегодня. Жаль, что ты ни разу порядком не отвечал ни о числе писем, ни о числах. Вообще ты пишешь опять письма, когда тебе некогда и в каком-то вихре. Пришло, да или нет, письмо, — в котором были почтовые марки?

Слог местами в «Колок(оле)» очень небрежен — а то бы «Смесь» была возможна.

О получении письма пиши сейчас: «Письмо от 4 пол(учил)».

Вероятно, 12-го отсюда поеду.

Ге будет на днях в Женеве. Я интригую, чтоб он сделал твой портрет.

67. М. МЕЙЗЕНБУГ

4 апреля (23 марта) 1867 г. Ницца.

Carissime prussophile et florentine. J'ai reçu aujourd'hui votre lettre, j'écrirai demain à Luige, à Berlin pour me faire bis-Martien et à l'instant même pour vous serrer la main.

Oui, le printemps est très lourd — même ici il y a une pression et une tension électrique qui vous accablent et qui donnent des maux de tête même a Holinsky.

¹ «но более астократический» (франц.); ² «Это годилось во времена Робеспьера» (франц.); ³ старой болезни (франц.). — *Ред.*

Je pense partir le 12. Tchorzevsky a tout arrangé à Genève avec la maison.

Jetez au diable «La Nation» et tâchez de lire un journal sérieux, les temps sont orageux — et la Russie n'aurait pas donné comme simple pourboire les Aléoutes, les Tchouktchis et autres compatriotes avec des noms si doux — pour les beaux yeux de l'Amérique.

Eccolo que... *l'imbroglia*, — regardez la «Cloche» elle se met déjà du côté de la Grèce — au milieu du Carême.

Ваше incurable

Prussien futur et ami.

¿Quels sont les «*latest news*» sur votre déménagement au 1-er mai — des détails feront un plaisir, les particularités ne seront pas refusées?

4 av<ril> 1867.

Перевод

Дражайшая пруссофилка и флорентинка! Я получил сегодня ваше письмо. Завтра напишу Луиджу в Берлин, чтобы сделаться bis-Martien, а сейчас пишу, чтобы позжать вам руку.

Да, весна очень тяжелая, даже здесь чувствуется атмосферное давление и скопление электричества, которые угнетают и вызывают головную боль даже у Гольнского.

Я полагаю выехать 12-го. В Женеве с домом все устроил Тхоржевский.

Пошлите к черту «La Nation» и старайтесь читать какую-нибудь серьезную газету, времена бурные — и Россия не отдала бы зря как «чаевые» алеутов, чукчей и других наших соотечественников со столь благозвучными именами — из-за прекрасных глаз Америки.

*Eccolo*¹... *l'imbroglia*², — обратите внимание на «Колокол» — он уже переходит на сторону Греции — среди поста.

Ваш неизлечимый

будущий пруссак и друг.

¿Каковы «*latest news*»³ относительно вашего переезда к 1 мая на другую квартиру — подробности доставят удовольствие, и частности не будут отвергнуты?

4 апреля 1867.

¹ Вот он (итал.); ² путаница (итал.); ³ «последние новости» (англ.). — *Ред.*

5 апреля (24 марта) 1867 г. Ницца.

*Примечание ad usum*¹ Ник<оля> Платонов<ича>.

Ответ Аксакову должен быть очень серьезен, и его надобно конспектировать, а не с бухты-барухты написать издали. Я прошу напечатать эти строки, а письмо приготовлю к 1 мая. Это очень важный случай — я хочу и Кельсиева оправдать. Баку<нин> не пишет, да я порядком его адреса не знаю — послал ему второе письмо (одно *posta firma*², другое по стар<ому> адресу).

Посылайте «Кол<окол>» как можно больше и в редакции и в Москву. Статья о Греции должна быть известна.

8 апреля (27 марта) 1867 г. Ницца.

8 апреля 1867. Понедельник.

Рапортчику твою получил, свидетельствующую, что ты жив, и принимаюсь повествовать анекдот не о Лизе, а о себе. Я нашел здесь старого фотографа, делавшего всех нас в 1852. Он разбогател и имеет свой дом с садом. Повели меня показывать обезьян, — одна из них, в клетке, просунула руку и прямо меня в лицо, оцарапала глаз — и, еще немного, наделала бы бед. Это было в пятницу — и до сих пор глаз красен.

Еду я, если не будет никакой помехи, 14-го в час — это значит 15-го буду в 3¹/₂ в Женеве (26 часов с минутами *train direct*³). Стало, писать обо многом нечего. N<atalie> не очень здорова (опять больше болит бок) — и не очень в хорошем юмёре. Но я окончательно выбил из головы — до приезда С<ати>на или его жены — все проекты бегства. Она хочет даже искать женщины со мною — и тут я помогу всеми средствами и связями. Готова в июне ехать за этим в ваши страны, только боится Женевы (в чем и я согласен, мы можем с тобой сговориться, где встретиться) — и потом на зиму в Геную. На этот план я согласен. С Татой хотелось бы, кажется, примириться — но все же «ее простить». «Если б она дала слово, что не выйдет замуж, я поручила б ей Лизу». — «Ты не понимаешь, что говоришь», — и разговор я переменял.

Житье Лизы с N<atalie> — *положительный, очевидный* вред, и вред, пропорциональный огромным умственным способно-

¹ для (лат.); (франц.). — *Ред.*² до востребования (итал.);³ скорым поездом

стям Лизы. Лиза любит N<atalie>, но она в доме никого не уважает, кроме меня, — и смотрит на них как на детей.

Я Долгор<укову> писал и сказал мое мнение об incident¹ Гулевич, серьезно и сильно. Au reste, я никогда не писал, что ты письмо к Долг<орухову> писал под шефе, — это ты выдумал, — я вообще заметил по decousu² писем, по их фразам неясным, по их пустоте, что они писаны или под гнетом преокупаций или под действием преопиваний (к чему ведут и частые обмороки тоже).

Очень бы хотел корректуру своей 1-ой Греции и Аксакова. «Колокол» может опоздать двумя днями. Addio.

Коррек<тура>, посланная утром 11, может прийти до отъезда. Во всяком случае, не давай bon à tirer³ — не беда, если выйдет 17.

Большое письмо к Аксакову вполнину готово — мне кажется, что тон хорош и выдержан.

Позже.

И опять белую бумагу в должности письма (с поздравлением) получил. Скажи мне, если успеешь письменно, за что ты мне упорно не отвечаешь на шесть запросов — получено ли было письмо, в котором внутри были почтовые марки? Газеты, присланные тобою, пришли через шесть дней. Коррек<тура> — через день.

Квартирам я рад, но не на юру. Я чувствую почти долгору<ковское> отвращение от женевских молодцов. В Каруже жить готов.

В 7 № ты всегда можешь остаться. Тхорж<евский> же <может> ночевать в Hôtel'e.

Вероятно, больше одного послания не будет.

Оставаться ли тебе на веки веков в Женеве? — Тоже to be or not to be⁴, как с квартирой. Одно из главных шкод здесь — свет, так страшно светло и ярко, что без зонтика нельзя ходить. А рггрос к погоде — я сегодня спал по небрежности горничной с открытым окном и не заметил — с 7 на 8 апреля!

«Голоса», где мое письмо, не получал.

P. S. Корректуру получил в 10 и посылаю в 3 часа сегодня, в понедельник. Статья твоя ясна и хороша.

Рукou Лизы Герцен:

Милый Ага, я ела мороженое в дядино рождение. Здесь очень тепло.

¹ случае, происшествия (франц.); ² бессвязности (франц.); ³ разрешения печатать (франц.); ⁴ быть или не быть (англ.). — *Ред.*

13 апреля 1867
Милуза

Любимый друг Саша,
Ураган седом - я пишу
на великой чужой для страны
уже много тебе повсюду
мне было как магазин
и сейчас итерит - там - в
горах только Аша ее было.
и. е. двести тысяч франков (14)
если за три Саша не будет
возможности реализовать
всю сумму - то оно
снова будет браться - но инициатива
вполне может быть между
нами на сентябрь пробираться.

Поздравлю твою семью, маму
и отца - а за три давила
вот еще одно дело

А. Герцен

(14) М. е. отдал из кандидата Саша
- по политической части - 200,000, не имея
какой суммы на это дело купил

Письмо А. И. Герцена к А. А. Герцену от 13 апреля 1867 г. и конверт
(см. оборот). Автограф.

Bibliothèque nationale (Париж)

Caro mio marito
e aggrat. h. m. (recom.)

— 13 Aug. 1867
H. G. S.

70. Н. П. ОГАРЕВУ

12 апреля (31 марта) 1867 г. Ницца.

12. Пятница.

Итак, если не будет телеграммы или не сяду на дороге, то 15, в понедельник, в 4 буду в Женеве.

Не краткость твоих писем меня немного сердит — а их усталая пустота. Ровно ничего, ни слова ни о статьях, посылаемых мною, ни о чем ином, кроме о недосуге писать. Такая, видно, полоса.

Письмо к Акс<акову> вчера кончил — по-моему, это *suí generis chef-d'oeuvre*¹ — но смелый, если ж затормозить — все пропало.

Был с Лизой в театре — она, разумеется, в восхищенье, — давали «Monte-Cristo».

От Бак<унина> нет ответа.

N<atalie> нездорова — как нарочно к отъезду, сегодня не вставала и берет ванну.

На дороге думал остановиться в Шамбери, но все это портит время. Сяду здесь — и выйду у вас.

Затем будь здоров.

Сейчас был русский — принес 100 фр. в фонд и много рассказывал забавного.

5 часов.

71. А. А. ГЕРЦЕНУ

13 (1) апреля 1867 г. Ницца.

13 апреля 1867. Ницца.

Любезный друг Саша,

уезжая сегодня — я пишу на всякий случай эти строки для того, чтоб повторить тебе много раз сказанное. В случае смерти моей — выдать тотчас Лизе ее долю, т. е. *двести тысяч франков*². Если затем Сатин найдет возможным реализовать имение Огарева, то оно снова должно быть — по нашему соглашению — разделено между вами на четыре равные части.

¹ своего рода шедевр (лат., франц.). — *Ред.*

² Т. е. отделяя из капитала Сев. Ам. по номинальной цене — 200 000, несмотря на то, выше ли или ниже курс.

Поручаю это тебе, Тате и Ольге, а затем давайте все еще долго жить.

Ал. Герцен.

На конверте: Саше или Тате,
в случае моей смерти.
13 апр⟨еля⟩ 1867. Ницца.

72. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

20 (8) апреля 1867 г. Женева.

Суббота. 20 апр⟨еля⟩.

Ну вот завтра целая неделя как я уехал. Здесь устроилось все необыкновенно правильно и тихо. Я не был еще ни у кого. Едим дома. Огар⟨ев⟩ приходит в 5 и уходит в 10. Кухарка не дурна и, если б не внутренняя тоска — о разбросанности нас всех, не мысль, что тебе нехорошо, да и Ог⟨ареву⟩ нехорошо — жить бы можно было. Представь себе, что, кроме Мерчинского, Долгор⟨укова⟩ и Чернец⟨кого⟩, никто еще не был.

Тебя, Natalie, много благодарю за твое письмо. Если б твои слова и письма всегда были писаны в этом тоне — много снялось бы тягости. Дай же за него руку. Я его перечитал с Огар⟨евым⟩, и он был также тронут.

Затем рапорт о воспитании.

Мерч⟨инский⟩ не ездил сам — а ездил его родственник и, по несчастью, все, что знает — знает о мужских школах. К Прогер письмо еще у меня на столе. Слушай — что случилось. У Ап⟨оллона⟩ Ап⟨оллоновича⟩ Жемчужникова — *родная* незаконнорожденная сестра, которую они оставили здесь с целью искать места в пансионе или частном доме. Негодяй поп рекомендовал ее оставить у какой-то женевской бабы, которая просто напросто хотела ее посводничать какому-то русскому. Девушка (которую очень хвалят) — написала в Россию — и бежала в Слагенс, где живет у русской дамы. Она ищет места. Я поручил узнать об ней все подробности. Меня поразила мысль о твоей шалости насчет брата ее. К тому же она учит по-русски. Если ты хочешь, я съезжу к ней, и тогда уже поеду к Прогер. Отвечай скорее. Сближение это и встреча — чего нет оригинальны. А хороши и Жемчуж⟨никовы⟩, бросая так — девушку.

Квартира, кажется, лопнула, — вероятно, хозяину кто-нибудь дал лишний рубль. Беды нет, Банст дает время хоть до 10 мая, даже до 15-го.

Тхор⟨жевский⟩ нашел одну еще в Паки возле того, где жила Mme Salias, и другую в Ка-Руже — четверть часа от Огар⟨ева⟩.

«Девы Орл⟨еанской⟩» — не нашли. Книг для Лизы еще не нашел. Иду сегодня к Георгу.

Долгор⟨уков⟩ дает завтра обед для моего приезда. Он *потребовал*, чтоб его сыну дали паспорт — и паспорт дали. Он приедет через неделю.

Что же уроки?

В письме Лизы ни я, ни Ор⟨арев⟩ не могли прочесть слово, должнствующее рифмовать с «плешив».

«Москва» — остановлена на три месяца. Здесь все думают, что война неминуема — тогда прощай все Кольмары.

Будьте здоровы — и главное здоровы духом, будьте сильнее и мужественнее, и верь мне.

От Таты милое письмо. Она рада, что едут на дачу — это не особенно важно для всех планов.

Это 3-ье письмо — 2-ое было Лизе.

Нашел еще один портр⟨ет⟩ Лизы.

Не забудь, если будешь писать в Россию, намекнуть о Мельгунове, я буду, сверх Титова, писать Каролине Карловне.

73. К. К. ПАВЛОВОЙ (черновое)

20 (8) апреля 1867 г. Женева.

М⟨илостивая⟩ г⟨осударыня⟩ Каролина Карловна.

Вероятно, вы меня не забыли. В противном случае позволите вам себя напомнить этим письмом. Я прочел на днях печальную весть о кончине Мельгунова. Вы знаете, что он мне должен довольно значительную сумму, именно 13 800 фр. без % — долг этот тем больше должен был лечь на его совесть, что часть его взята с меня домом Ротшильда — за поручительство. Он ждал от покойного Николая Филипповича, от вас [этих] денег для расплаты [он поручил Владимиру Павловичу Титову озаботиться этим долгом] и, не получая их, оставил мне письмо Владимиру Павловичу Титову.

[Теперь он умер] [Если есть] Я знал пока Мельгунова за [очень] честного человека; он, наверное, кому-нибудь [поручил свои дела] говорил о своем долге. [Есть люди] Между людьми, которые ему должны, есть [наконец] наследники. [Между теми и другими лю⟨дьми⟩] Я не смею сомневаться, найдутся люди, которым честь Мельгунова дорога и которые тем больше позаботятся [доставить мне] уладить это дело, что я не имею в нем никаких юридических прав.

Пр⟨имите⟩

20 ап⟨реля⟩.

21 (9) апреля 1867 г. Женева.

21 апреля 1867. Женева.

Письмо ко мне и потом ко мне и Огар(еву) получил. Ну, что же, Саша, был у Гарибальди? Зачем он во Флоренции, уж эта Марья — славная воительница, а его не бережет, он в парламенте только может fiasco сделать. Моя статья о Венеции вышла очень хороша, — но боюсь печатать — она рассердит всех: Наполеона, Бердушка, Онагра и самого Осип Ив(ановича).

Насчет истории философии я тебе говорил, что серьезной книги ты не одолеешь — а поверхностное знание дает фальшивую уверенность и идет больше для внутренней головной прически, чем для дела. Есть у вас мои «Письма об изуч(ении) природы» и «Дилетантизм в науке»? — могу прислать. Попробуй. Разумеется, я во многом тогда ошибался. Перечитай у Гёте в «Фаусте», что Мефистофель говорит студенту о метафизике и collegium logicum. Ну что же ты хочешь делать с полковым штаб-лекарем Шиллером за то, что у него Дон-Карлос — немецкий студент, Фиеско — студент, а студент — Моор — разбойник? Шиллер был великий пропагандист и делал пропаганду из всего. Конечно, Шекспира трудней уличить, что его лица не согласны с историей —

ищи Гамлета,
ищи Макбета,
ищи Лира...

Где они?.. Есть ли портрет хоть у Фортинбраса?

А если ты хочешь читать исторические драмы Шиллера, то их две — и обе chef-d'œuvre: «Wilhelm Tell» и «Wallenstein» — все три части. Принимайся за них сейчас, — если прежде уж читала, то тем паче.

У нас тишина — ко мне почти не ходит никто. Сегодня иду к Долг(орую) обедать 1-ый раз. Огар(ев) с ним не в ладах, и он все-таки бесконечно скучен.

О Ницце я тебе писал подробно, к концу июня я буду наверное там, если ничего не случится, раньше второй половины мая ездить нечего — а может, и совсем не придется. Я пространно писал тебе откуда уж — получила ли?

К 1 мая я не съеду — Банету все равно.

Теперь комиссии.

Я очень серьезно прошу сейчас мне отвечать на следующее:

1. Саша пусть мне напишет рецепт мази с йодием против пшшки — она опять сильно растет, и я боюсь, что соревнование с Монбланом сравняет ее с Луи Бланом.

2. Чернецкий просит, чтоб Железнов ему отвечал как можно скорее, начать ли печать второй части Вазари (которую я привез),— у него нет работы.

3. Тхоржевский просит Аделизию, или Гаетану, или Коко, или Сандрилиона из Спекулы написать, в чем секрет от него, что Тата скрывает (несмотря на несколько вопросов), должна ли она какому башмачнику 18 фр.

4. Не хотите ли что печатать у Чернец<кого> по-французски? Ех<empli> gr<atia> «Физиологию»... Он берет без бумаги от 57—59 фр. с листа.

Об этом прошу отвечать тотчас.

У меня тож Zahn'ом меньше, вчера выдернул. Я рад, что и у вас уехал Zahn. Меньше немцев. Лучший немец — Мальвида, и единственный. Их ненависть к славянскому и русскому доходит до комизма. Что-то будет после коллизий Франции с Preussen, столкновение с славянским миром неминуемо.

Клавайтесь Monod, Schiff, Levier and family¹,— Domengé etc., etc.

Ольга, амазонствуй с осторожностью. Всех целую и обнимаю.

Здесь был роман — Personen: eine arme und verlassene Seele, ein russischer Priester,— élément tragique²...

Когда совсем узнаю, напишу.

75. Н. А. ВОРМСУ (черновое)

23 (11) апреля 1867 г. Женева.

23 апреля 1867.

Мне очень жаль, что вышло недоразумение. Постараюсь долею исправить его. Без сомнения, давая статью, вам следовало сказать, что вы желаете платы. «Колокол» не оплачивает расходов, и, след., плата падает частью на нас, сверх приплаты за печать. Участие в «Колок<оле>» могло быть точно так же делом пропаганды — и я не вижу причины не трудиться с нами для общей цели, не приплачивая, как мы, но и не получая ничего.

Если б я знал вперед, я иначе бы распорядился. Теперь предлагаю вам сколько могу, именно *двести франков* и, если вы желаете и можете сбыть — несколько экз<емпляров> «Кол<окола>» за нынешний или прошлый год.

¹ с семьей (англ.); ² действующие лица: бедная и покинутая душа, русский священник,— трагический элемент (нем. и франц.).— *Ред.*

24 (12) апреля 1867 г. Женева.

24 апреля 1867 г. Женева.

Желая тебя особенно поздравить с знакомством с Гарибальди — пишу тебе на бумаге *zu schön*¹. Итак, вы обе погоревали о судьбах Ниццы. Напиши мне, что ты теперь особенно читаешь и нравится ли то, что читаешь. Пора и тебе приняться за Шиллера. Я Тате рекомендовал прочесть «Телля» и «Валленштейна» — хотя бы и во второй раз. Хорошие книги растут с нами.

Опиши мне вашу дачу.

Я посылаю «Пунш» с необычайно красивой картинкой — русской тройки. Мне даже жаль с ней расстаться — но у вас коллекция.

Прочти сама, и чего не поймешь спроси у Таты и у доктора Герцена, мое письмо к Аксакову — его пока я посылаю, как говорит Чернецкий, в *miss Enpage*, — даже в простых корректурах оно делает большой шум.

Прощай. *Отдай Саше письмо.*

Посылаю с тем вместе тебе одного веселого старичка.

Мальвиде и Тате буду писать.

77. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

25—26 (13—14) апреля 1867 г. Женева.

№ 5.

25 апреля. Четверг.

Письма идут исправнее, твои я получаю через сутки. Действительно у меня была лихорадочность от зуба — теперь прошло и остался один насморк. Погода все не устанавливается.

Итак, дело о Жемчужниковых в сторону. Я получил длинное и умное письмо от Стеллы и написал ему целую инструкцию, что разузнать. Я не имею ничего против поездки в Страсбург и пр. — но опять-таки для этого первое условие, чтоб война сошла с горизонта.

Сделай опыт. «Девы Орлеанской» на французском я не нашел, — но нашел «Вильгельма Телля» — дай его Лизе, заинтересовавши ее, и понимает не понимает — пусть читает его. Вероятно, у Висконти найдется в читальне перевод других трагедий и там — «Девы Орлеанской». Во всяком случае это пища здоровая и чистая.

Сегодня принесли брошки, отлично сделаны. Часы уже отданы и будут готовы через пять дней.

¹ слишком красивой (нем.). — *Ред.*

Брошюра С(ерно)-С(оловьевича) печатается здесь и выйдет на днях. Поляки хотят со мной примириться, они видят, что наделали глупости тогда.

У нас решено «Колок(ол)» издавать опять два раза в месяц — с литературными статьями. Это лучше «Поляр(ной)звезд(ы)». Мечник(ов) и все на меня дуются — и вероят(но) зато Огар(ев) доволен. Огар(ев) еще слабее стал с ними. С Долг(оручковым) он не в ссоре — но обедать не ходит.

Банет, кажется, меня не тронет еще месяц — на старой квартире до 1 июня. Порядок у нас удивительный — Тхор(жевский) теперь только показал себя настоящим д'отр-метелем — avec grâse¹. Кухарка точно не существует, заказ обеда делает Тхорж(евский) — и это я действительно ставлю в образец. Ог(арев) обедает всякий день. Но вся атмосфера здесь ужасна — такая минутами тяжесть... Ну, пока прощай.

NB. Газеты вновь посылаемые отложи, их, может, будет нужно.

Пятница — 26.

Вчера все ходили с больной головой — так душно было. Сегодня после дождя в целую ночь — туман как в Лондоне. Нет — Natalie — жить только можно на юге.

Я постараюсь прислать новый журнал «Всемирный труд», прошу прочесть от доски до доски, там есть и посредственные вещи — но все вместе бросает огромный свет на современный хаос в петербургских головах. Катков бледнеет с каждым днем — и Скарятин растет. Он опять меня помянул в «Вести» — говоря, что ему приятно отдать мне справедливость, что я не сочувствовал Каракоз(ову). Жду письма — и, если нет, посылаю.

Получил сейчас длинное письмо из Берлина — по руке от дамы — целое увещание, идущее до дерзостей, и проповедь о том — «распознайте же наконец, что Катков — доблестнейший деятель». Это уж не опыт ли примиренья?

78. М. А. БАКУНИНУ (черновое)

29 (17) апреля 1867 г. Женевы.

29 апр(е)л(я) 1867.

...Твое письмо, если хочешь, я напечатаю, но позволь немного уменьшить ругательств. Статьи жду, [вероятно] и молю все(вышнего?) <I нрзб.> они у тебя не застрянут в мозговом проходе, как «Записки», трактат о государстве, ректификация «Колокола» и все остальное, тобою не писанное.

¹ с грацией (франц.). — *Ред.*

Почему после телесного развода с Россией делаешь духовный? [Я не понимаю.] Что твоя деятельность в Неаполе полезна — это я оценил теперь, бывши в Флоренции и Венеции и читая ваши журналы, — но это не резон, чтобы *dépit*¹ на Россию продолжать до того, что с ней не говорить.

Ты сердисься на Россию, что она идет по колена в грязи и крови [а не <по> нашему рецепту]. Да беда в том, что и все остальные народы так идут. И вопрос собственно не в том, чисты ли сапоги, а в том, *туда ли она идет*. Россия не виновата, что ее лучшие люди (и мы в том числе) не имели смысла стать в практические деятели, когда это было можно, а были старые студенты, швернеры, поэты [и революционных дел мастера и эмигранты, как мы все].

Ты умел оценить в С<ибири> цивические и демократические доблести в <2 нрзб.> Муравьева, [зарывавшего казаков, губившего отряды и <бывшего> деспотом душ. И хорошо сделал. Как же ты из всякого события, совершенного в России, не видишь, что рядом с временной гадостью] сделай то же из России. Пойми, что дело идет нужником, но своим чередом. Следил ли ты за судом присяжных? [Это поглощающий интерес. Следил ли за зем<скими> соб<раниями>, за предлож<ением> обложить дворян податью *Revue* нам <2 нрзб.> мало, а посмотри *leadinges*² в «Гол<осе>», «Москве», «СПб. Ведомостях»] за судом вообще?

Скар<ятин> лезет из кожи и кричит: Милют<ин>, Сам<арин>, Черк<асский> прилагают на практике теории Гер<цен>а. «Крупная собственность шатается», а с ней все остальное. Вместо того чтоб [снова] начать новую речь, ты в *Schmerzen*³ отворачиваешься.

Далее, как бы мы ни были сентим<ентальны>, но нельзя же нам, как индейки, лечь в гроб с унижением<?>. Вся наша роль в отношении польского дела была колос<сальной> ошибкой [разд<еляемой> на нас таким образом: IV тебе, II Огар<еву>, I мне. Ты] вспомни, как я [костью в горле] спорил, кричал, мешал [тебе сначала и *почему* думал, что твоя честь требует ехать. Но что] С тех пор прибыло [—это] убеждения в совершенной> неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой нации. Мартьянов был прав, нам следовало молчать и выжидать конца. Мы сгубили свое положение — да еще притом без веры (верил ты один в самом деле). [*Oggi o mai*⁴] надобно теперь вынырнуть с восточной волной, суметь не терять фарватер — вот, мой Гросфатер, моя исповедь.

¹ досаду (франц.); ² передовые статьи (англ.); ³ с болью (нем.);
⁴ Теперь или никогда (итал.).— *Ред.*

6 мая (24 апреля) 1867 г. Женева.

Сегодня 6-ое и уже 12 часов — а я письма *от 2-го* не имел. От такого дня, который мне дорог двойным горем.

Я решительно с жизнью здесь сладить не могу — несмотря на твое ироническое замечание, что я «живу как хотел», причем забыла ты одно, что не вся моя жизнь зависит от «порядка и усердия». Конечно, я люблю, чтоб *кухня была в кухне* и шум посуды не мешал бы другим интересам, — но есть и другие стороны, не меньше необходимые. Зачем же судьба не дала тебе тот дух кротости и участия, который врачует эти боли? На меня находит такая тоска, что я не могу ее скрыть. Куда ни посмотрю, все идет дурно — и все исправлять поздно. Огар(ева) из его быта не выведешь. Он согласен на время переехать сюда, но я вижу, что это разрушает его строй. Вопреки моему совету Шарл(отта) придет к 1 июня. Я заменил бы «Колок(ол)» трехмесячными книжками, и этого нельзя — перед этим нахальством эмигрантов, которые скажут, что мы ослабели под их ударами. В твоих письмах ищу иногда отдыха, его нет, все старая речь об отрубленной голове и повторенье того, что мне режет по сердцу. Действит(ельно) плечи здоровы — *ну зато* и крест не легок. Прости за этот плач. Больно и скучно.

Позже.

Брошюра С(ерно)-С(оловьевича) до такой степени гадка, что мы не хотим и посылать ее. Заметь, что все здешние кричат против нее (кроме Элп(идина) и Никол(адзе)) и никто не осмеливается *протестовать*.

Роман Тург(енева) очень плох, и он за него получил 5 т(ысяч) сереб(ром) от Каткова — а мы... презабавно.

Сын Долгор(укова) приехал — он умен, в этом нет сомненья. Но что он? Каков, если в 19 лет отгадать нельзя?

Получила ли Лиза арифметику Лили — а я ей привезу «A voyage» — прелестнейшая шутка. «Телля» ей надобно было объяснять — а иные сцены пропускать.

Прощайте.

До сих пор ясно одно из ближайших планов — что без войны ехать в Страсб(ург) легко. Даже, как ты говорила, найти на несколько дней домик близ Ог(арева) вне Женевы легко. Далее ясно для меня, что я в Женеве *жить не могу*. До чего мне и это больно — это ты только тогда поймешь, когда захочешь подумать обо мне как о друге, как о близком и неизменно близком человеке и с тобой и с Ог(аревым).

Может, есть что-нибудь и лишнее — прости и поцелуй Лизу.

У Саши фант<азия> покупать во Флор<енции> дачу по случаю — на часть своего капитала. Жду подробностей. На две недели не стоит Тате ездить — это вздор.

Встретил кн. Мещерскую с каким-то хватом.

80. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

8 мая (26 апреля) 1867 г. Женева.

9. Середа.

Как Тат<ьяна> Ал<ексеевна> вышла вся живая передо мной — точно на другой день похорон Ник<олая> Ив<ановича>. А все-таки она славная женщина. Много было тебе, Natalie, больно читать в ее письме — но она и С<ергей> Ив<анович> человечески правы, и стряхнуть отчаяние так же необходимо для жизни, как снять весь внешний траур. Ты пишешь, что не можешь плакать при посторонних, траур — слезы на платье. Я всегда боролся с постом и пр.

Благодарю тебя сильно за то, что ты вступилась за меня. Какая мерзавка эта баба, насплетничавшая на меня. Слова холодного о Сер<гее> Ив<ановиче> никогда, ни в каком случае — не переходило моих губ. Тат<ьяна> Ал<ексеевна> пишет, что не верит — но если б совсем не верила, то и не писала бы. Грешно ей, напиши еще раз.

Его смерть, его призыв Огар<еву> — мне даже хотелось плакать. О жизнь, жизнь — не будем портить последние страницы ее. Дай и твою руку — или просто обнимаю тебя с печалью и любовью.

С Бассо не бранись — но и не церемонься. Решетку вели поменять. О надписи, если безобразна, тоже скажи. Зачем же ты не видала прежде решетки и надписи? Как же было не ходить десять раз. Прилагаю записку к нему и другую к тебе от Бессонши. Она принесла эту записку в пакете без надписи, и она с неделю провалялась в столовой — потому что я не хотел открывать, не зная от кого.

Как поместиться, мы увидим — в жары не надобно очень тесниться, не отдаст ли Фе мне еще одну комнату довольно большую в его доме (если Тата будет у вас) — в моей спальней заниматься нельзя. Верно, дом пустой будет к половине июня. Узнай.

Верь мне, что как только определено что-нибудь соображу — я напишу. Я знаю одно — что я никого из вас не оставляю и что для тебя с Лизой я нужен — и сделаю все возможное.

Сегодня дине у Долг<орукова> с Фоггом, Огар<евым>... Сын его вчера был долго один у меня — умен — но дальше не знаю.

81. Н. А. ГЕРЦЕН и А. А. ГЕРЦЕНУ

9 мая (27 апреля) 1867 г. Женева.

9 мая 1867. Genf.

Тата и Саша,

я к вам с коротким письмом — но очень важным. Обдумайте на все стороны, что следует делать.

Недели две тому назад я получил от Лугинина довольно длинное письмо, очень дружеское, печальное — и отвечал на него. Сегодня он пишет мне вдруг, что он решился ехать в Флоренцию и объясниться решительно с тобой. Его отец приедет через два месяца — и он решился *возвратиться* в случае, если ему нет надежды. В России — отец пишет — его все-таки сошлют, но он спасет именье. Оставаясь здесь, отец ему не даст ничего, кроме 320 000 (что за осел!).

Я написал длинное письмо, — сказал, что ты едешь в Ниццу, — что не лучше ли ему писать, предлагал сам писать (хотя и сказал, что, по-моему, надежда плоха).

Итак, на всякий случай скажи мне всю мысль, все, что на сердце. Подумай с Сашей — и отвечай в ту же минуту. Посоветуйся и с Мальвидой — ей было бы больно, если б ты ей не сказала.

Теперь я с своей стороны скажу в первый раз одно слово в пользу Лугинина: меня больше всего трогает постоянство его чувства к тебе — и глубокая грусть его писем. Это с одной стороны, с другой брак без взаимной любви — двойная нелепость.

И затем *liberté complète*¹.

Когда ты едешь в Ниццу? Я, вероятно, к 15 июня уеду отсюда.

82. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

9—10 мая (27—28 апреля) 1867 г. Женева.

Рукой Н. П. Огарева:

8 мая.

Благодарю тебя, Natalie, за присылку писем. Прости мне, что я их тебе не тотчас возвращаю, мне не хотелось с ними расстаться. Они меня взволновали так, что я их забыть не могу. Вся личность бедного Сергея так и встала передо мной и не скоро выйдет из памяти, и не скоро я успокоюсь. Но признайся, что в этом человеке было так много правды, что он и не может выйти из памяти. Перечти письмо Т<атьяны> Ал<ексеевны>, перечти его с строгой обдуманностью, — в нем все его понимание, она пишет с его слов.

К какой Погодиной ты хочешь писать и о чем? Разве ты ее знаешь? Разве твои слова для нее что-нибудь значат?

¹ полная свобода (франц.).— *Ред.*

Ради жизни и правды—не приучай Лизу к слезам... Дай ей развиться просто и интеллигентно.

Я совершенно здоров.

Прощай, Natalie, крепко жму тебе руку.

Милая Лиза, что ты подделываешь? Как твоё здоровье? Чему учишься? Что читаешь? Где гуляешь? Обо всем мне напиши. Целую тебя в шею.
Твой папа Ага.

9 мая. Четверг.

Письмо это Ог<арев> отдал мне вчера за обедом у Долг<орукова>. Там было не скучно в 1-ый раз — и это от присутствия Фогта.

Разговор невольно поставился на общую точку — вот как все зависит от умения и силы.

На этот раз — писать нечего. Прощай. Письмо Тат<ьяны> Ал<ексеевны> и я перечел.

10 мая.

От Лугин<ина> длинное, печальное письмо, он опять просит решительного ответа — и в случае отказа готов ехать в Россию, хочет сам спросить еще раз. Мне его жаль — видно, что дело не поверхностного чувства. Я думаю, что нет ни одного шанса.

Здесь дикое мясо, звери юной молодежи — делают всевозможные гадости над нами. Даже Огар<ев> начинает разочаровываться. Может, я улажу так, что «Кол<окол>» остановится до Нового года от 1 июля. (Десятилетие.)

Прощай.

Сейчас письмо от Нефталя из Берлина. Он путешествует — и нажил огромные деньги в Цинцинати.

83. М. К. РЕЙХЕЛЬ

10 мая (28 апреля) 1867 г. Женеве.

Ну, видите, что стыдно, то стыдно — Schande, Schande¹. Живете в Берне, узнаю от проезжих молодцов, сами ни строки, Львы тоже.

За это и я писать не хочу — а приехать могу, коли испросите прощения.

Рейхеля и детей целую.

Наши все здоровы.

Прощайте.

Genève, 7, Quai Mont Blanc.

10 мая 1867.

¹ стыдно, стыдно (нем.).— *Ред.*

11—12 мая (29—30 апреля) 1867 г. Женевы.

11 мая. Суббота.

Письма пришли, и я Татино письмо прочел с большим интересом и удовольствием. — Оно меня застало в невеселом расположении духа — сплетни и гадости здешних врагов наших переходят все границы, и я с истинной завистью смотрю на Огар(ева) — который, ничего не замечая, из всей грязи выходит как месяц из-за облака — обдумывая математическую формулу или музыкальную тему. Я не создан таким воздухоплавателем — и мечтаю об отъезде из Женевы. Очень может быть, что, пользуясь десятилетием «Колок(ола)», мы его приостановим на 6 месяцев (об этом ни слова).

Затем — посылаю 360 фр. зол. Это по курсу составит около 400. 100 Тате на дорогу, а 300 в хозяйство — из второй половины 1867. Тетка Белосгварда меня очень одолжила своей смертью. Во Флоренции ничего покупать нельзя — разве в самом деле одну мебель. Я сам примусь искать дачу — по Корниче.

Ты — любезнейший D-г — еще слишком млад в финансах, чтоб посягать на недвижимые покупки. Эту «младость» ты доказал два раза в последнем письме. Ты азбуки финан(сового) дела не знаешь.

1 — Ренты плотятся везде, спокон века, 2 раза в год. Ех(emp-
li) gr(atia) А. имеет 10 000 капит(алу), по 5% ему плотят

1 янв(аря) — 250,

1 июля 250.

Но А. вздумал продать В. свой заем в 10 000 — и вздумал именно в мае. Вот он и говорит: «Саго В. — я вам продам 10 000 по курсу, напр(имер), за 8000. Но так как на этих 8000 — уже есть фр. 220 процентов, то вы их и прибавьте, — а 1-го июля получите их у Авигдора, Ленс-фиса». Кажется, не головоломно — а ты воображаешь, что я могу написать до срока Авигдору: «Mon cher Av(igdor)» или Америке — «Ma chère Amérique, comme Alex(andre) n'a pas d'argent pour le moment, ayez la complaisance»...и — la mèrique — сейчас доллары на плюпку — да в Poggio Imperiale, да на виллу Мутье Нальдини!..

2-ое. Еще курьезнее. А. пишет В.: «Сейчас, сию минуту, если можно, полчаса тому назад, пошли 125 фр. туда-то». Thorz(евski) de courir, lettre de change de s'écrire — la cire à cacheter coule, le timbre se mouille¹ — а милый А. через не-

¹ Тхорж(евский) начинает бегать, вексель пишется, сургуч течет, печать смачивается (франц.). — *Ред.*

делю пишет: «Может, недостает чего, так справься мол (хотя *гиды* есть не только во Флоренции *брадславы* — но в Фернамбуке) — прежде». Ескузе, *dottore* — все, что я могу сделать, — это доплатить здесь что будет издержано. Пусть займет фр. 40 или фунта 1½ где угодно. В заключение я должен сказать, что из 2-ой полов<ины> 1867 ты уже взял 850 франк. и тебе остается до 1 янв<аря> 1650, et que Dieu vous protège¹.

Я очень рад, что Тата едет с креол<кой>.

Жду вашего письма насчет Луг<инина>.

Ах, Мальвида... Мальвида... Мальвида Филиппевна — сбелосгвардничала-таки — карейшая.

Ольгу целую и писать больше времени не имею.

P. S. Так как я и вас считаю русскими, то желал просто знать, как на вас подействовало письмо к Аксак<ову> — потому что оно имеет большую важность.

Мар<ья> Касп<аровна> в Берне, я поеду к ней.

Опять англичанка и с ней мальчик 14 лет свалились близ Villeneuve'a в пропасть — мальчик уцелел, и она осталась жива, но совсем сломалась — охота же.

12. Воскр<есенье>.

Деньги посланы. От Нефталя письмо из Берлина, он приехал прокатиться — заработавши страшные деньги в Цинцинати.

Addio.

2-ая часть. Bellosguardo.

За итальянской рентой — у меня свободных нет. Амер<иканские> продаются в 85%. Стало, и тут была бы потеря в 15 на 100. Я считаю, что наш placement² — это дело довольно пустое... но *libre arbitre* у тебя не отнимаю. В делах — первое условие — совершенно холодно разобрать — и уж не увлекаться видами и домиками. Помни, что если Италия не обанкротится совсем, то 9000 с 180 000 будут получаться вернее, чем доход с упеченных в дачу 120 000. Что у вас говорят о финансах? Ех<empli> gr<atia> Доманже? Первое, что следует, требуй отсрочку³.

Скажи Тате, что ей буду как-нибудь писать особо. — Брошюра Сер<но>-Сол<овьевича>, исполненная желчи и ругательств против меня, вышла, вероятно, она составлена сообща с разными змиями, откармливаемыми Огаревым — с его бесконечной добротой. А *rgoros*. Если дело переезда к Огар<еву> решено — делать нечего, а чем больше я присматриваюсь — тем больше вижу, что это величайшая нелепость.

¹ и да защитит вас бог (франц.); ² помещение капитала (франц.). — *Red*

³ За такой важной вещью следует или мне приехать в Флор<енцию> или тебе сюда.

Р. S. Совсем было забыл: помни, что на ренте, лежащей у Авигодора, уже есть процент от января — до 10 мая, т. е. около 4000, которые должны взойти в счет.

Далее. На каких основаниях *hypothèque*?¹ Мало знать, что на 10 лет. Какие % и условия? Потом надобно увидеть, что же будет при продаже *aux enchères*².

В. Если он принимает *rente*, *hypothèque* не нужна, но нужна *purge hypothèque*³, свидетельствующая, что нет долгов на даче, или если есть, следует знать. Для этого надобно легиста и нотариуса.

Думай и думай.

Но что же в 8 дней сделаешь — когда 4 прошли?

А что мнение Combe? Худшие в этих делах лучшие.

Посоветуйся с Пьянчани. У меня сердце не лежит к *immeubl'ям*⁴ в Флоренции.

85. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

12 мая (30 апреля) 1867 г. Женева.

12 мая. Воскресенье.
7 утра.

Ну вот, Natalie, и начало разных решений. Решено «Колокол» не издавать от 1 июля до 1 января (это тайна и должно остаться тайной до 15 июня) — таким образом, я свободен от конца июня до начала декабря. Огарев решительно до тех пор остается здесь — да, вероятно, и после. Вместо «Колокола» выйдет сборник. 15 мая я объявляю, что не хочу иметь никакого дела с фондом (ты думать не можешь, что здесь за мерзости творятся, — жизнь С(ерно)-С(оловьевича) посвящена одной интриге против меня, и он с Ник(оладзе) вертит всеми... кроме Мерч(инского) и Мечник(ова)).

Второй вопрос решается почти так же круто. Наконец я получил подробные письма из Альзаса. Без сомнения, что школ нигде нет лучше, — и даже есть в Страсб(урге) один женский пансион⁵, где нет религиозного преподавания.

Но несмотря на мир или перемирие жить там, говорят, очень плохо и трудно. Всё на военную ногу и пр., дополниай картину сама; из этого выходит ясно, что надобно обратить все

¹ закладная (франц.); ² с аукциона (франц.); ³ выкуп закладной (франц.); ⁴ недвижимостям (франц.). — *Ред.*

⁵ Действ(ительно), там, где масса, близ Кольмара, решительно не принимают полупансионеров.

внимание на гувернанту и на школы в Генуе или Марселе. (Мне опять хвалили новые части города и школы там.)

Гувернант в Альзасе нет, тамошние девушки предпочитают за меньшую плату быть в пансионах и не уезжать — особенно в частные дома. Стало, опять искать приходится в Швейцар(ии), и я как управляюсь с этим «Колок(олом)» (он выйдет 16 мая) — еду в Лозанну и в Берн к Мар(ье) Каспар(овне).

Между тем поговори с Татой и посоветуйся — верь мне, что она основательнее смотрит, чем ты думаешь.

Прощай. Теперь жары — сними с себя черные платья, я очень любил твой домашний костюм в Лозанне, — сделай себе белые блузы — я так хочу тебя застать.

Прощай.

Тата пишет, что она едет с креолкой — приятельницей Осип(а) Ив(ановича), о которой я рассказывал. Прими ее получше, напиши с ней к Саффи или Ос(ипу) Ив(ановичу).

Лиза — пиши подробнее, что ты делаешь с Жени? И пришла ли книга. Тата к тебе собирается. Когда ты получишь это письмо, будет ровно месяц, что я уехал.

Кланяйся Elisabeth.

Прощай.

В Висконсине и Канзасе всем женщинам 21 года дано право выбора депутатов.

86. Н. П. ОГАРЕВУ

13 (1) мая 1867 г. Женева.

13 мая. Понедел(ьник).

Посылаю корморана от пленитуды горечи всяческой и оттого, что нужен твой ответ (не с кормораном — а в 5 часов или $1\frac{1}{2}$ в кафе или дома).

1-ое. Письмо от N(atalie). Что она хочет, я не понимаю, но чувствую бесконечную и разлагающую боль. Она доведет меня до того, что я соглашусь на поездку их в Россию. А Сатин-то не едет — да и не едет. Я сказал, что к июлю буду в Ницце — что же сделать? И почему Татин приезд требует решения? Подумай, что отвечать.

2-ое. Саша Пассек умер в Париже. Говорят, что Тат(ьяна) Петр(овна) совсем подшиблена этим, совсем.

3. У сына Мар(ьи) Касп(аровны) сильная скарлатина, — и она просит меня не ездить.

4. Не зайдешь ли ты к Мерч(инскому) перед кафе? Послать Чернец(кого) к В(ормсу) — такое унижение меня и Чернец(кого), которое ты посоветовал, думая о другом, — а я принял, вовсе не думая. Отдай ему глупую записку Ник(оладе) и освободи его от дальнейшего участия. Это крепкий Schwächling¹. Об тебе же Тхорж(евский) говорит: «Когда Н(иколай) П(латонович) отвечает, он думает о поэзии, а потому ответ не подходит». Каков? Я сегодня, говоря с ним, решил, что твой совет безумен.

5. Принеси с собой адрес Мечникова непременно.

Долг(орук) просидел до 11. Я тебе не мог надивиться — охота сидеть в такой скуке. Он меня уводил, чтоб спрашивать о деле «Бел(ого) террора», однако не очень ругался, да и я сократил рассказ. Обещал клятвенно молчать, но что В(ормс) писал статью, знал прежде.

Вот тебе и от Лизы письмо со цветком. Не знаю отчего, но и в депном mauvaise humeur².

*Finale*³: Мар(ья) Касп(аровна) прислала письмо от Егор Ив(ановича), диктованное, — он совсем ослеп, и у него было последовательно восемь карбункулов.

*Cancan*⁴: Вот еще сплетня, — *но тайна и ни намек*: у тебя Шарл(отту) называют «M-me Herzen»; я думаю, что это неправда, но если ... как же Тата и пр.?.. Не понимаю. Уверял же меня Саша, что он решительно перервал всё, кроме патерничета... Или я помешался, или действительно все кругом помешано... Попали мы в guêrier⁵.

При сем «Колок(ол)» за 1866.

87. М. К. РЕЙХЕЛЬ

13 (1) мая 1867 г. Женева.

13 мая.

7, Quai Mont Blanc.

Зачем проклятая скарлатина? Впрочем, летом она не так зла. Напишите о ходе болезни. Приеду я непременно, но хочу, чтоб вы совсем были покойны — я после 20 мая свободен. Еду в Ниццу и потом в Италию около 20 июня. Приехал я сюда 15 апреля, пробыл 4 месяца в Флоренции и Венеции. Детьми

¹ заморыш (нем.); ² плохом настроении (франц.); ³ финал (франц.); ⁴ сплетня (франц.); ⁵ осиное гнездо (франц.). — *Ред.*

очень доволен — да, чтоб и вы были довольны, посылаю Ольгу. Тата развилась превосходно. Саша читал публичные лекции. При свиданье расскажу все. Останавливаюсь я в Bernerhoff и в Schweizerhoff'e — я к отелям так привык, что ни у вас, ни у Львицы не останавлиюсь.

И из Ег(ора) Ив(ановича) письма словно из подвала так и хватило мразью. Саша Пассек умер. Жалкий был характер — слабый, но добрый.

И Мельгунов умер, не заплативши мне 13 т(ысяч) долга.

Прощайте. Сегодня не выдавлю из себя ничего светлого — двумя левыми ногами встал.

А что, кабы Рейхелю в самом деле — в Москву, в консерваторию? Хорошо и вам бы было — наверное, что вы там уже изнемились.

Пишите.

88. М. МЕЙЗЕНБУГ

14—15 (2—3) мая 1867 г. Женева.

Мальвиде.

Chère annexée, si je ne vous écrivais pas à *parte* — c'est que je n'avais presque rien à dire. La vie ici est franchement dégoûtante — un crapaud surgit après l'autre, lâche une odeur fétide à mon adresse et disparaît. A force de calomnie — l'infâme et ignoble Ser.-Sol. est parvenu à amener contre moi un tas de vauriens, de crétins... je brûle de m'en aller... laissant Ogareff dans ce guêpier. Mais lui, il a une autre nature, il ne pense pas à ce qui se fait autour de lui, somnambule réveillé — on pourrait se fâcher de tant de bonté. Je vous dis en secret — jusqu'au 1 juin — c'est que nous fêtons notre decennium du «Kolokol» — et que nous prenons un repos de *six mois*. Le «Kolok(ol)» ne paraîtra pas jusqu'au 1-er janvier 1868. J'irai probablement vous voir à S. Terenzo. A propos pensez-vous qu'il soit possible de trouver une bonne école à Gênes pour Lise. Son sort est vraiment triste — cette solitude, tout l'entourage, doit agir d'une manière non salubre sur un enfant plein d'esprit, mais nerveux. Informez-vous. Moi je ne connais parmi les Genoïs — que Colomb, Mazzini et le Fiesco de Schiller.

Faites donc traduire par Tata ma lettre à Aksakoff (la grande) — comme j'ai prévu elle a fait beaucoup de bruit — même dans les journaux de Paris on en a parlé.

Eh bien — il povero Fri V — j'ai immédiatement après avoir lu le menu — couvert de cendre ma tête, déchiré ma robe — et lu une messe de mort. Encore une étoile... qui file... *fille et se marie. Ja, er kann jetzt weit oder nah gehen — ficelé...*

En parlant de typhus d'hyménée figurez-vous que Louj. m'écrit encore une lettre — me déchirant le cœur parce que je l'aime. Mais pourtant cela n'est pas une cause suffisante pour se faire aimer.

Pierre Leroux est ici et vient me voir ... *Corpo di bacco*, je n'ai jamais vu des ténèbres si claires, une confusion si harmonieuse, une force d'intelligence dans l'absurde — comme chez ce vieillard... C'est, la raison humaine — rebroussant chemin et s'en allant dans le chaos — il m'a apporté un livre énorme sur Job — *erlauben Sie dass ich mit dieser Hiob's Post endige.* — Ah vous avez voulu des Calembours — en voilà.

Devotissime

A. H e r z e n.

Si vous pouvez avoir «l'Opinion Nationale» du 13, vous y trouverez *le peccavi* des Polonais.

Appendix. Proverbe *ad hoc* — chaque Fric a sa Fricaine. Pour cela il faut être A (à) Fricaine: et je désire à Fri V d'avoir un Fri VI.

Перевод

Дорогой аннексированный друг, если я не писал вам *особо* — то потому, что мне почти нечего было рассказать. Жизнь здесь прямо отвратительна — жабы появляются одна за другой, испускают зловонный запах по моему адресу и исчезают. Посредством клеветы бесчестному и подлому Серно-Соловьевичу удалось возбудить против меня сборище негодяев, креинов... я горю желанием сбежать... оставив Огарева в этом осином гнезде. Но у него другой характер — он не замечает происходящего вокруг него, разбуженного лунатика, — можно выйти из себя от такой доброты. Скажу вам по секрету — до 1 июля — что мы отпразднуем десятилетие «Колокола» и тогда отдохнем в течение *шести месяцев*. «Колокол» не выйдет до 1 января 1868. Я, вероятно, приеду повидаться с вами в С. Теренцо. Кстати, полагаете ли вы, что в Генуе можно найти хорошую школу для Лизы? Ее судьба, право, печальна — одиночество и все окружающее должны оказывать неблагоприятное влияние на ребенка — умного, но нервного. Разузнайте. Я же знаю из генуэзцев только Колумба, Маццини и Фиеско Шиллера.

Пусть Тата переведет мое письмо к Аксакову (большое), — как я и предвидел, оно наделало много шума — даже в парижских газетах говорили о нем.

Итак — *il rovero*¹ Fri V — как только я прочел меню, я посыпал пеплом главу, разодрал на себе ризы — и отслужил панихиду. Еще одна звезда... падает... *девушкой и выходит замуж*. Ja, er kann jetzt weit oder nah gehen² — он на веревочке...

Кстати, о лихорадке Гименей: представьте себе, что Лугинин еще раз написал мне — его письмо раздирает мне сердце, потому что я люблю его. Однако этого еще недостаточно, чтобы быть любимым.

Пьер Леру здесь и навещает меня... *Corpo di basso*, я никогда не видал мрака столь ясного, путаницы столь гармонической. сочетания бессмысленности с силой ума — как у этого старца... Это человеческий разум, идущий вспять и доходящий до хаоса — он принес мне огромную книгу об Иове — *erlauben Sie. daß ich mit dieser Hiobs Post endige*³. — Вы желали каламбуров — вот он.

Devotissime⁴

А. Герцен.

Если вы достанете «l'Opinion Nationale» от 13-го, то найдете там *le pessavi*⁵ поляков.

*Appendix*⁶. Поговорка *ad hoc*⁷ — каждый Фрик имеет свою Фриканку. Для этого нужно быть (а)фриканкой: и я желаю Fri V иметь Fri VI.

89. Г. Н. ВЫРУБОВУ

17(5) мая 1867 г. Женева.

17 мая 1867.

7, Quai Mont Blanc.

Очень рад с вами опять перекликнуться и с искренним желанием успеха прочел вашу программу. Во имя науки, освобожденной не только от религии, но и от метафизики, можно идти на проповедь. Худший враг ваш — это двойство образования, это овраг, который делит вас, лейб-компанейцев разума, с всей толщей народонаселения, в котором есть слои «всех возрастов, от тридцати до двух годов считая», — прошлых исторических формаций, но нет *современного* слоя. В стране 800 000 солдат, в которой журналы подстрекают на войну, в стране, где уничтожение тюрьмы за долги принимается за дебоширство, вы останетесь фалангой будущего. Где тот ряд

¹ бедный (итал.); ² Да, теперь он может идти куда угодно (нем.);

³ позвольте мне закончить письмо этой вестью из книги Иова (нем.);

⁴ Преданнейший (итал.); ⁵ покаяния (итал.); ⁶ Добавление (лат.);

⁷ кстати (лат.). — *Ред.*

сильных произведений, которые бы подтверждали скорые надежды развития? Но работать надобно — тут нет выбора, и потому ваше дело, разумеется, прекрасно. В следующ*ем* «Колоколе» мы объявим о «Revue».

Письмо мое к Аксакову — не к Аксакову, я так, как вы сами говорите, просто и взял его за предлог, чтоб еще раз им поставить уже не *points sur les i*¹, а пате на «ижжах».

Здесь делаются чудеса — составила^{сь} легкая банда русских эмигранцев (это новое слово, для них придуманное мною), которой крепкая голова — Сер^{но}-Сол^{овьевич}, выпущенный меньше года из сумасшедшего дома. Они себе поставили целью — обругивать меня, печатают брошюры, лгут, напр^{имер}, о моей розни и ссоре с Чернышевским, — словом «демолируют» меня да и только.

В Париж я теперь не поеду, больно грузно. А к 1 июля поеду опять в Италию — и, может, до зимы.

Я рад, что вам по душе «Былое и думы», — у меня есть готовые V и VI часть да еще суплементин (V — Лондон и эмигранты нерусские, VI — История типографии и «Колокола», из нее будет большой отрывок в «Кол^{околе}»). Суплемент состоит из «Швейцарских видов» и «Venezia la bella»; последней статьей я доволен.

Читали ли вы «Дым» И. Тургенева? Не стыдно ли в седине своей мастурбировать такую дрянью. Я его немного задел.

О Шахов^{ском} тоже весть ваша хороша. Помогайте ему, пожалуйста, тем больше что с 15 мая я уничтожил общий фонд — благодаря нахальству эмигранцев. (Если когда вздумаете прислать на бедных — знайте, что я теперь распоряжаться буду самодержавно.)

Затем прощайте — не знаю, будет ли что у меня, но если найду у кого из наших подходящую статью, то можно ли ее вам послать *по-русски*?

Будьте здоровы.

А. Герцен.

Луг^{инина}, если опять увидите, поклонитесь ему и передайте о Сер^{но}-Сол^{овьевиче}. Я Луг^{инина} очень уважаю и очень люблю. Вероятно, русских, qui s'exposent à l'exposition², видимо-невидимо?

А вы мне 1-ую книжку «Revue» пришлите.

Сейчас получ^{ил} от Баку^{нина} письмо, он в Искии — хлопочет, шумит — прочтите его письмо в «Кол^{околе}».

¹ точки над *i* (франц.); ² которые выставляются ля на выставке (франц.). — *Ред.*

90. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

17—18 (5—6) мая 1867 г. Женева.

До моего приезда Бассо платить не нужно. Только обделаи с ним дело поделикатнее.

Кстати *помни о деньгах* Огар(ева) из России, насчет Мельгунова один косвенный ответ есть. Если Титов не ответит — я 1-го июня напечатаю письмо М(ельгунова) к нему. Ог(ареву) я передал до копейки 3300 присланные, и у него уже нет ничего.

Позже.

Сейчас получил письмо от Саши — он пишет, что Тата собирается дней через десять. А Алек(сандр) Ник(олаевич) едет в Париж к 4 июню.

Еще письмо от Бакун(ина) — чудака живет себе в Искии.

Я на днях еду к Прогер — ничего нет подходящего — а из Страсб(урга) ответа нет. Жду письма от Мар(ьи) Касп(аровны) из Берна и разом побываю в Лозанне и Берне.

Здесь наконец погода хороша, тепло, без жара.

Прощай.

Лизу целую — получила ли арифметику?

91. И. С. ТУРГЕНЕВУ

19(7) мая 1867 г. Женева.

19 мая 1867. Женева.

7, Quai Mont Blanc.

Я только что немного тебя ужалил за «Дым» — а ты мне его посылаешь. Письмо твое дает мне случай — именно потому предложить тебе сделать баланс *credit* и *debit* и, если хочешь, *похерить счет*, а не хочешь — как хочешь. Шуточная заметка моя идет не из злобы — я никогда не сержусь больше одной недели и даю слово, что мои зубы против тебя давно выпали. Но что ты поддерживаешь Каткова — это больно видеть, будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика, о котором ты сам отзывался (кажется, мне говорил Авд(еев)) с омерзением.

Итак, сделаем счет, и если ты не очень осерчал — а сам захохотал над моей заметкой — напиши. Я искренно признаюсь, что твой Потугин — мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья? Гейдельбергские арабески не знаю.

Итак, жду твоего вычитанья и заключения *de la comptabilité en partie double*¹.

¹ по двойной бухгалтерии (франц.). — *Ред.*

Семья моя так себе. Я недавно из Италии. Мой сын адъютантом у Шиффа, Тата и Ольга в Флоренции — они цветут, и я всеми очень доволен.

О тебе во Флоренции разнесся скверный слух — что ты очень болен, и я искренно — ну уж в этом-то не сомневайся — тебя жалел и хотел писать.

Прощай.

Sauf erreur et omission¹ (как в банкирских счетах).

А. Герцен.

P. S. Если ты не читал письма к Акс<акову> — прочти в посланном экземпляре.

92. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

20—21 (8—9) мая 1867 г. Женева.

20 мая. Понедельник.

Дай твою руку — и поговорим, — всякий раз как ты говоришь о своем положении — у меня бьется сердце сильнее, и мне так хотелось бы тут найти якорь спасения для тебя. Воскресни — рождением — могила тебя только доломала — пусть колыбель спасет. Я тебе это пишу — глубоко потрясенный, сам удивляясь моей молодости и прочности надежд. По переписке я узнаю — скользнут мои слова или взойдут в тебя глубоко.

Ты постоянно хлопочешь о внешней прочности — о внешнем устройстве, тебе мало того, что в моих строках, — оттого я бессилен тебе помочь. Твой консерватизм — одно пустое беспокойство. Той прочности в нашей жизни, к которой ты могла привыкнуть, нет ... не для нас, а для всех... Вчера Пьер Леру мне сказал: «Вот в 72 года ... я брожу ... без крова, без семьи — и ищу где приклонить голову... и это так ненадолго». Вчера проезжал приятель Бакун<ина>. Бакун<ин> пишет: «Вероятно, еще месяцев шесть останемся здесь — а там что?» Я тебе написал о верных месяцах, в которые можно сказать всё, — ты и этим недовольна. Потому-то я и ищу мира и выхода в твоём положении (не вырывай у меня и этот якорь). Оно окончит дурную сторону траура и того отчаянья, против которого восставал Астр<аков> и в котором была *не одна печаль*, что он и провидел.

Твоя встреча с Татой определит ее будущее отношение к этому времени.

¹ Ошибки и пропуски не в счет (франц.).— Ред.

Умей теперь навеки приобрести Елизавету — теперь это легко — но с простотой, с любовью и смирением.

Аминь.

Мне очень не нравится, что у тебя остается сумасшедшая кухарка. Береги нервы Лизы.

Завтра припишу.

Вот и опять Петр Рыжий — как его звал Белинский — просидел часа три. «Я, говорит, смотрю на вас и не насмотрюсь — все черты не французские — и энергия иной расы и пр.»

 NB. А прогос, вот работа: сейчас принимайся переводить письмо мое к Аксакову на франц<узский>. Оно шумит.

21. Вторник.

Представь себе, что с моего приезда — не было *пяти* дней порядочных. Дождь, холод, вьюга. Дождь льет теперь две недели. Как же ехать из южного климата сюда! Вероятно, Ниццу тебе придется оставить к концу года — но все же не дальше Марсели. Об этом будем думать вместе.

Гадости и сплетни продолжают. Я получаю одно ругательное письмо за другим.

Письмо это, очень может быть, придет вместе с Татой.

Прощай.

Что книга Лизе — пришла?

93. Н. П. ОГАРЕВУ

Между 14 и 20 (2 и 8) мая 1867 г. Женева.

Это опять та же прошлогодняя фантазия — о беременности, — если б правда была, может спасло бы от многих сумасбродств — но я не думаю. Вспомни, что было в прошлом году.

94. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН и Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

25 (13) мая 1867 г. Женева.

Суббота.

Лиза — смотри в оба за Татой, я ее особенно поручаю твоим заботам. Скоро пора купаться — только не здесь — у нас такой холод, что все недели зимние платья. Что же, рада ты была? Как встретила? Все напиши и Тату за меня поцелуй, — я ей буду писать на днях.

26 Mai - Dimanche

Ich bin der alte Wasserman
und gieß Kall Wasser was ich
Kann.

Je n'ai eu de tout simplement
que j'ai deux seaux d'eau froide
- mais on me traiterait comme
un troisième (sor).

Le premier est météorologique.
Le vent ^{du} or
avant hier au
tin - à 6 heures
le 24 Mai en
quatre heures
avec - il y
avait de
appelé un
la combe

<p>La neige qui tombait mercredi jusqu'au pied des montagnes est descendue plus bas encore hier matin 24 mai, puisque vers 4 heures et vers 7 heures des bourrasques en chassaient sur notre ville des tourbillons aussi épais que si nous nous fussions trouvés en plein hiver. Cette pluie de flocons blancs faisait un singulier effet sur les masses de verdure des arbres des Bastions et de Plainpals qui sont dans leur plus beau moment de fraîcheur et d'abondance de feuillage. Heureusement que la campagne a échappé à la gelée, le temps ayant été couvert pendant la nuit. En effet, à 10 heures du soir, jeudi 23 mai, le thermomètre Réaumur marquait au Jardin des Plantes 2 degrés, et hier vendredi 24 mai, à 5 heures du matin, seulement 1 degré au-dessus de zéro.</p> <p>En outre, le minimum de température constaté à l'Observatoire pendant la nuit de jeudi à vendredi a été de 0,8.</p>

Le second seau - la seconde neige
c'est "la philosophie positive" - revue
de Littré et Weyrouhoff. Je le connais
beaucoup et Weyrouhoff - c'est un homme
capable, un sage qui a écrit la "Sage
Tata le Connait", il a de la fortune.
Si on pouvait faire une fabrique de
deux revues - cela pourrait aller

Первая страница письма А. П. Герцена к М. Мейзенбург, О. А.
и А. А. Герценам от 26 мая 1867 г. Автограф.

Bibliothèque nationale (Париж)

— Dans l'après-midi de jeudi 23 mai, la neige est tombée à Lausanne pendant environ trois-quarts d'heure.

P. S. Мне, я думаю, все же придется прислать ящик с разным хламом по *petite vitesse*¹.

Была Бессонша — она что-то чудит, пришла принять какой-то ярлык в 50 фр. и, кажется, в долги детей ничего не заплатила. Сегодня Тхор<жевский> узнает.

NB. А отчего же не ехать куда-нибудь под Геную — на лето? Отчего не увидеться и с Ольгой?

95. И. С. ТУРГЕНЕВУ

25 (13) мая 1867 г. Женева.

25 мая 1867.

7, Quai Mont Blanc.

Твое письмо со скидкой 200 из № и всего неприятного из памяти получил — и вот тебе моя рука без задних мыслей. Наше замирение начинается равенством цифры 7 в квартирах — мы сделаем вычитанье, о котором я писал, — и затем, поставив нуль, выведем из Люксембурга войско — и не будем поминать старое. Ты смотришь на свет ипохондрически — как и следует человеку, который вина не пьет — а подагру имеет. Я — сангвинически, как человек, который подагры не имеет — а вино пьет, — мне все еще эта борьба с шумом и неприятными звуками, криками, грязями и воплями кажется эпической борьбой, и отчаяния я не имею.

Если ты совсем добр и не очень занят (написанное останется между нами) — напиши несколько слов о русском обществе. старом и молодом, официальном, этнографическом и тайнобрачном. Мы, вероятно, забыты, ну а вообще? Только напиши без иры и студии, а пуще всего без боткинского размягчения мозга (у которого в голове, говорят, готов жиденький суп Mosk Firste без перцу — так что его череп можно будет опрокинутый подать за стол немного подогревши).

На этот раз довольно. Я еду в конце июня опять в Ниццу и Италию.

Прочти в «Кол<околе>» от 1 июня (он выйдет, несмотря на объявление) мою шалость «С того света», для того что ведь и наша переписка является оборотнем.

Два слова еще о моих детях. Саша читал публичные лекции по-итальянски в Флоренции о рефлексном процессе нерв и о нервах вообще с успехом. На одной я был. Ольга очень похорошела — умна и, след., до сих пор имеет отвлечение от ученья. Татой я бесконечно доволен.

¹ малой скоростью (франц.). — *Ред.*

Республиканцу Долгор<укову> я съябедничал. Он переселится в Италию.

Ну прощай.

А в «Голосе» читал о твоём романе?

Книги я не получил.

96. М. МЕЙЗЕНБУГ, О. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

26(14) мая 1867 г. Женева.

26 mai. Dimanche.

*Ich bin der alte Wassermann.
Und gieß kalt Wasser, was ich kann.*

Je vous aurais dit tout simplement que j'ai deux seaux d'eau froide — mais vous me traiteriez comme un troisième (sot).

Le premier est météorologique. Le voilà — or, avant-hier matin, à 6 heures, le 24 mai, an de grâce — après trois ou quatre semaines de froid, de pluie, de vent — *il neigeait* — comme dans le poème de V. Hugo. Voilà ce qu'on appelle un climat — très bon pour les concombres salés.

Le second seau — la seconde neige c'est la «*Philosophie positive*» — revue de «Littre et Vyrouboff». Je le connais beaucoup ce Vyrouboff — c'est un homme capable, un Russe qui a quitté la Russie. Tata le connaît, il a de la fortune. Si on pouvait faire une fusion des deux revues — cela pourrait aller.

Or commencez par réfléchir, «*collegialiter*» <à> ce qu'il faut faire. Les noms, vous les aurez — certes, Vogt (que je verrai aujourd'hui) ne le refusera pas à moi. Pour des actions — je ne fais que les actions de grâce. Comment vous — *cara florentina* — comment pouvez vous me panofkiser encore — sachant que l'imprimerie russe — ne gagne rien et les etc. Dolgoroukoff — n'est pas sûr — je le tâterai.

Maintenant je donnerai volontiers des articles gratis — tant que la Revue marchera lentement. Ogareff aussi (Vyrouboff en demande *idem*).

Le reste de votre lettre — *ist sehr gut*. Et non seulement vous restez le «vieux de la vieille» — mais par votre étonnante pureté d'âme, par votre active amitié — vous restez la jeune de la vieille et une personne profondément sympathique. Votre dernière lettre m'a réchauffé de Genève (voir l'annexe météorologique).

La grande nouvelle du N 7 Quai Mont Blanc — c'est que je me suis luxembérgé avec J. Tourguéneff. Il m'a écrit une lettre amicale — après avoir lu mon article très hostile. Alors j'ai fait sortir les troupes du «Kolokol» — et j'ai démantelé Tkhor-

zevsky (faute de mieux). J. Tourg(uéneff) m'a répondu — *con tenerezza*.

Ah... devant la mort toutes les rancunes s'effacent — et on devient pacifique comme l'océan.

Votre *devotissime*¹.

Что же, Ольга, ты уж никогда ни строки — полно лениться, теперь без Таты больше досуга. Целую тебя.

Почтенный D<octo>г. А ведь комиссии нельзя давать тебе. Вероятно, банкир, у которого ты спрашивал, счел меня за дурака, если думал, что я спрашиваю о билетах с купонами, т. е. о безыменных. Мои инскрипции **НОМИНАЛЬНЫЕ**, взятые в ТУРИНЕ, и потому % платят в Италии, а я желаю их пере-

26 мая. Воскресенье.

¹ Ich bin der alte Wassermann.

Und gieß kalt Wasser, was ich kann.

<Я — старый водовоз

И лью холодную воду по мере сил (нем.)>

Я сказал бы вам попросту, что у меня два ведра холодной воды, но вы обошлись бы со мною, как с третьим (дураком).

Первое — метеорология. Вот она — итак, позавчера утром, в 6 часов, 24 мая, в благословенный год, после трех или четырех недель холода, дождя, ветра — *пошел снег*, как в стихотворении Виктора Гюго. Вот это называется климатом — весьма подходящим для соленых огурцов.

Второе ведро — второй снегопад — это *«Позитивная философия»* — журнал Литтре и Вырубова. Вырубова я хорошо знаю — это способный человек, русский, покинувший Россию. Тата его знает, у него есть капитал. Если бы можно было объединить оба журнала — то дела пошли бы.

Итак, подумайте *«collegialiter»* <коллегиально (лат.)>, что нужно делать. Имена у вас будут конечно, Фогт (с которым я увижусь сегодня) не откажет мне в этом. За акции я плачу лишь любезностями. Как это вы, *saга florentina* <дорогая флорентинка (итал.)>, как можете вы меня еще *«панофкизировать»* — зная, что русская типография не приносит дохода и т. д. Долгоруков — ненадежен, я его позондирую.

Покамест я охотно буду давать статьи даром, до тех пор пока журнал не станет на ноги. Огарев — тоже (Вырубов просит его *idem* <о том же (лат.)>).

Остальная часть вашего письма — *ist sehr gut* <очень хороша (нем.)>. И вы не только остаетесь «старым гренадером старой гвардии» — но благодаря удивительной чистоте души, благодаря вашей деятельной дружбе — вы остаетесь молодой в старой гвардии и глубоко симпатичной особой. Ваше последнее письмо отогрело меня после Женевы (смотри метеорологическое прибавление).

Великая новость дома № 7 на Quai Mont Blanc заключается в том, что я люксембургировался с И. Тургеневым. Он написал мне дружеское письмо — по прочтении моей очень враждебной статьи. Тогда я двинул вперед рать «Колокола» — и разгромил Тхоржевского (за неимением лучшего). И. Тургенев ответил мне *con tenerezza* <с нежностью (итал.)>.

О... при приближении смерти старые размолвки исчезают — и становишься тихим как океан.

Ваш *devotissime* <самым преданным образом (итал.)> (франц.). — *Ред.*

вести на БЕЗЫМЕННЫЕ и получать во Франции — как это делается? То ли ты мне отвечал?

Ну, а что лекция хорошо шла — и знают, что *studiate la fisiologia — e lasciate l'economia pratica*¹.

Прощай — тороплюсь для Мальвиды. Дай подробности о *Revue*.

От Таты еще нет.

97. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

29—30 (17—18) мая 1867 г. Женева.

29 мая. Середа.

Я два дня думал, что мне отвечать на твое письмо от 25 — и решил ничего не отвечать, а укреплять себя — против несчастья неотвратимого. Это несчастье — твой характер. способный на любовь, но не способный, в вечном беспокойстве. дать вздохнуть всему, что ты любишь. С болью и горестью видел я, что то чувство, с которым было писано мое письмо, проскользнуло мимо и ты не обратила внимания на то благоговение, с которым я встретил твою весть. У тебя на уме другое. Что? Ты не знаешь, тебе от внутренней, избалованной праздностью (да — не сердись — праздностью, от которой светских женщин спасает светская жизнь, а несветских — серьезная умственная работа) тревожности хочется перемен. Ты мне даешь на выбор — Россию или что? Ты назвать не умеешь *что*? Конечно, невозможного — напр<имер> чтоб то, что было, не было, — ты не потребуешь, это безумно, ну что же! Сделать общее житье — я согласен, сказать о том, что ты рассталась, так, как прежде говорила m-me Hawkes, с О<гаревым>. Я говорил с О<гаревым>, он согласен и я — что же можно еще сделать — без страшного ридикюля или наконец без процесса? Ты не боялась Лизу не крестить — а боишься ее воспитать в ином понятии о браке. А для чего же я всегда хотел в глаза бросающейся близости Таты и Ольги с ней, с тобой?

Начни же с того, что крести Лизу — и тогда ставь вопрос, которым (и ты это знаешь) ты всякий раз пластаешь мне грудь *au vif*².

Я устал, Natalie, и тем больше, что этот удар еще менее заслужен, чем все прежние. Я по-своему работал для иного устройства.

Когда я ехал — я еще раз говорил — прежде всего давай Сатина сюда. Почему же ни одна моя просьба не исполнена?

¹ изучайте физиологию и не занимайтесь практической политэкономией (итал.); ² по живому месту (франц.).—*Ред.*

Почему ты имеешь право думать только о себе, вырывать у меня из рук Лизу — не зная даже, умеешь ли ее спасти?

Да — сурово идет моя старость, я наказан, я не защищаюсь — но смотрю с ужасом на беспощадность других — я им никогда ничего подобного не делал и не сделаю. Облей слезами эти строки — но отвечай на них обдуманно или не отвечай совсем.

Перехожу к другому. Время это очень важное для меня и Огарева. С одной стороны — интриги и гадости партии мошенников, т. е. С(ерно)-С(оловьевича), дошли в обвинении нас и в клевете до предела. С другой — письмо мое к Аксакову действительно сделало поворот. Остановка «Кол(окола)» будет запросом на *to be or not to be?*¹ Она меня может задержать до 1 июля — надобно узнать первый отзыв. Уже теперь много поднялось голосов за нас. Дальше не могу написать всего, что говорится о предстоящем свидании в Париже, Ал(ександр) Ник(олаевич) пробудет десять дней, — т. е. до 10 — а потому и «Кол(окол)» может опоздать и выйти 20 или 15 и 20.

Я на всем вижу *черту* — но перехожу ее, как старик переходит в богадельню. Кроме общих надежд, все темно, и ведь я чувствую, что тебе и Огар(еву) было бы легко, чтобы эту тьму превратить в свет и что вам бы было легко. Но с его стороны болезнь тела — и преждевременная старость, и жизнь, в которую мы толкнули его, и бедность, у тебя причина любви — ты любишь быть несчастной и недостаточно любишь, чтоб другие были счастливы (в разумном смысле слова) — вот где беда!

30 мая.

Письмо твое и Таты. Я и ими недоволен. Всю ночь решительно, часов до 5, не спал — и теперь совсем *abattu*². *Natalie* — чего ты хочешь? Я еду к вам — я никогда не собирался лето жить в S. Firenze, а *если* твоя жизнь не может продолжаться вместе с Татой — свезти ее туда и пробыть неделю. Я не говорю, что свиданье с Ольгой было бы твоей обязанностью — этого ты не поймешь.

Еще раз — я прошу тебя — ну хоть в память всего бывшего и настоящего, в память — мне она дорога — тех минут, *когда и тебе было хорошо*, во имя того нового существа, которое я начинаю любить, — перестань мучить и мучиться. Сблизься с Татой — я буду жить с вами, если она и уедет. Найми дом возле Гарибальди, кухарка может приехать после меня, она очень честная. Если ты декабрь не хочешь провести в Ницце — я предлагаю решительно Геную или Марсель. Я все сделаю — кроме глупого и смешного, — не иди дальше.

¹ быть или не быть? (англ.); ² разбит (франц.).— *Ред.*

Истинно опасно ломать даже и такое чувство — которому, как «Колоколу», 10 лет. Не сгуби все из-за пустых фантазий. Бросься просто — просто ко мне, зови меня, — зови теплыми словами. Я это пишу в последний раз.

98. М. А. БАКУНИНУ

30(18) мая 1867 г. Женева.

30 мая 1867.

Женева, 7, Quai Mont Blanc.

Любезнейший Бакунин,

Серно-Соловьевича посылаю. Он наглый и сумасшедший, но страшно то, что большинство молодежи *такое* и что мы все помогли ему *таким* быть. Я много думал об этом последнее время и даже писал, не для печати теперь. Это не нигилизм; *нигилизм* явление великое в русском развитии. Нет, тут всплыли на пустом месте — халат, офицер, писец, поп и мелкий помещик в *нигилистическом* костюме. Это мошенники, оправдавшие своим сукиносинизмом меры правительства, невежды, на которых Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указывают пальцами. Это люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чем на Скарятина, говоря просто, что они завидуют, что они хотели бы обобрать и что они не могут переварить художественной стороны статей. Ты и Огарев, вы этих скорпионов откармливали млеком вашим. — Это верно. Caro mio — подумай. Им будущности нет, это меньший венерический брат, который умрет — и на его могиле встретится старший с еще более меньшим.

У меня Samro Formio с Тургеневым. Он мне писал mit Zärtlichkeit¹, я ответил mit Gemütlichkeit² — и это несмотря на злой отзыв с моей стороны о «Дыме».

99. Ж. МИШЛЕ

30 (18) мая 1867 г. Женева.

30 mai 1867.

Genève, 7, Quai Mont Blanc.

Cher Monsieur, j'ai été bien heureux de recevoir vos lignes — elles me servent de précieux témoignage que vous pensez quelquefois à votre vieux cosaque. Il y a un mois que j'ai quitté l'Italie — avec tristesse (non avec regret) — pénurie, incapacité gouvernementale, de la prose, du vulgaire — et une population

¹ с нежностью (нем.); ² с добродушием (нем.). — Ред.

artistique qui en souffre. La brochure de votre ami Quinet (La France et l'Allemagne) — c'est un son de la trompette du dernier jugement. Le monde latin s'en va dans l'orgie de l'exposition — le dernier article qu'on exposera au pilori — sera le pauvre Maximilien. J'ai l'audace de penser que notre ami Henri Martin ne sauvera pas son monde par l'accouplement du vieillard — contre les jeunes forces des peuples demi barbares — qu'il détruit «en effigie».

Je ferai mon possible pour profiter de votre bonne invitation — et je prendrai la liberté d'écrire un mot la veille. C'est alors que vous me donnerez la permission de vous ennuyer un peu par mes barbariades.

Comme preuve — que nous ne sommes pas morts politiquement j'ajoute la découpure (incluse) de «l'Opinion Nationale».

Nous avons ici Pierre Leroux — qui aurait dit que le pays de Voltaire produirait des Job et des Ezéchiel un demi siècle après sa mort. C'est un essénien de Guersay, un Rabby — poète appartenant au saint-simonisme et au Talmoud.

Je vous salue de tout mon cœur et présente mes hommages à Madame.

Alex. H e r z e n.

Перевод

30 мая 1867.

Genève, 7, Quai Mont Blanc.

Дорогой господин Мишле,

я был счастлив, получив ваши строки — они служат для меня драгоценным доказательством того, что вы думаете иногда о вашем старом казаке. Вот уже месяц, как я уехал из Италии — с грустью (но без сожаления) — безденежье, бездарность правительства, сплошная проза, пошлость — и народ с артистической душой, страдающий от всего этого. Брошюра вашего друга Кине («Франция и Германия») — это трубный звук страшного суда. Латинский мир умирает среди оргии выставки — последним экспонатом, выставленным к позорному столбу, будет несчастный Максимилиан. Я имею дерзость полагать, что нашему другу Анри Мартену не удастся путем омоложения спасти свой дряхлый мир от молодых сил полуварварских народов, которых он уничтожает «на бумаге».

Я сделаю все возможное, чтобы воспользоваться вашим любезным приглашением, и осмелюсь черкнуть вам накануне. И вот тогда вы позволите мне немного надоесть вам своими варварадами.

В доказательство того, что мы политически не умерли, посылаю вам вырезку (прилагаемую) из «Opinion Nationale».

Здесь сейчас Пьер Леру — кто бы сказал, что родина Вольгера породит Иовов и Иезекиелей спустя полвека после его смерти... Это эссе из Джерси, равнин, — поэт, примыкающий к сен-симонизму и к талмуду.

Приветствую вас от всего сердца и почтительно кланяюсь госпоже Мишле.

Алекс. Герцен.

100. Н. П. ОГАРЕВУ

Вторая половина апреля — начало июня 1867 г. Женева.

Гер-гот не без милости — вот тебе письмо от Анны Плат(оновны). Я его распечатал, воображая, что от раскольника. Ну что же ваша трагедия?

Зотов много городил петербургских сплетен.

А зачем Генри приходил вчера? Я согласен с Тхор(жевским), что Цирцею музыки тоже следует в три шеи.

Всего лучше тебе переехать без мальчика — в другой город.

101. Н. А. ГЕРЦЕН

2—3 июня (21—22 мая) 1867 г. Женева.

Tante.

Жду твоего письма и тогда буду отвечать. Завтра я еду в Montreux — к Мишле и Кине, там же встречу Monod. Со мной едет Баум-Риттер, который сильно кашляет (он кланяется Natalie и тебе). У меня был Клапаред — зоолог, очень умный человек, — он был во Флоренции. Но всего чаще бывает у меня старик Pierre Legoux — что за удивительный сумасшедший, поэт — что за руина 30-х годов. Друг Ж. Санд и всех знаменитостей того времени — беден, дряхл — и сохранил юный дух — мистик страшный. Он говорит, что Mme Engelson никогда не умирала.

Лугинин для меня загадка — но он очень несчастен. Я ему писал, что могу встретиться в Лионе. Но выходит затруднение — Авидгор писал мне для перевода фондов, чтоб я проехал Туринном и там бы обделал. Его странная пассия — меня не меньше дивит, и я вполне согласен с тем, что ты писала. А жаль его. Чистый человек и chevaleresque¹.

Целую тебя от души.

Пиши же.

¹ рыцарский (франц.). — *Ред.*

«Письма об из〈учении〉 природы» — пришлю, — посмотри у Висконти Дрепера об Амер〈ике〉 или что-нибудь из Lewis. Дети Рейхель все еще большы.

102. Н. П. ОГАРЕВУ

3 июня (22 мая) 1867 г. Женева.

3 июня.

Вот письмо от N〈atalie〉. Нет, ее ничем не наведешь на иной путь. Я беру весь крест и все последствия на себя, — даю тебе слово, что мои письма не были жестки. Если она в самом деле в том положении, то беды нет. А есть то, что она не может больше писать Елене, *что она совсем оставлена.*

В ответ я написал опять совершенно тихо, но просто, что я ей представляю выбор трех городов: *Генуи, Марселя, Лиона.* Лион в 6 часах от Женевы, стало, в случае чего-нибудь и ты посетишь. Я вотирую за Лион — но согласен и на те и снова спрашиваю, *чего же она хочет?* И откуда теперь, через десять лет, эти скрююли... Ты подумай.

Что у вас? Если меня не нужно, я мог бы в 4^{1/2} уехать в Montreux и воротиться завтра с последним train. Могу ехать и завтра в 8. Зависит от твоего ответа и твоих дел.

Можно ли тебе оставаться в Лансу? Это тоже вопрос. Когда срок квартере?

Не забудь сказать Г〈енри〉, что ты больше двух лет за него 1200 фр. не будешь платить. По бюджету в 6000 это страшная бреша, остается 4800. Конечно, Чернец〈кий〉 и этого не имеет... но вино и то и сё — ты концов не сведешь. Надобно от Сат〈ина〉 опять взять. До моего отъезда у меня денег больше 100—150 фр. не будет. К 1 июля придут ренты. Сегодня послал 600 N〈atalie〉 и Тате.

Буду собираться. Если ты согласен с Лионом — то при случае пиши в Ниццу.

К Саше писал еще. Как все это было ненужно. Я сильно отвечаю за то, что способствовал отдалением тебя с N〈atalie〉 всем падениям и вертижам. Корень тут — и это ест меня.

103. Н. П. ОГАРЕВУ

3 июня (22 мая) 1867 г. Женева.

Понедельник.

Я хотел сегодня идти к тебе, чтоб взглянуть на мальчика — не могу, т. е. не могу после этого письма себя наладить. К тому же что я скажу его матери — что ему и себе?

Письмо это меня поражает сильнее по тону безусловно теплomu и дружескому моего письма и двух.

Я не понимаю, что мне делать. Чего она хочет? Как ехать в Россию — или что же — заявить о твоей дали с ней — кому? Это бывают надразумения. С чего же начать? Тата знает, Саша знает. Не полиции же заявлять? И ехать к зиме! Совета и ты не найдешь. Но подумай об ответе. Я кончу тем, что скажу: «Делай как знаешь. Двое погибли — бери треть дитя на твою ответственность». Ведь я хотел к июлю ехать *до ноября*, — а если б в самом деле она была в том положении, о котором писала — остался бы и до января. Полгода не выдаться с тобой — тяжело, но я в Женеве задыхаюсь. Переписка иногда лучше — покойнее. Мы на многое смотрим больше разное, чем прежде.

Горе выходящим — без сил, а только с мыслями — из обыкновенной колеи жизни. Горе женатым пророкам и волхвам...

Жаль, что этого нет в книге Иова.

Я хотел послать корм(орана), но Тхорж(евский) желает сам снести — я посылаю с ним Ш(арlotte) маленький портмоне и в нем 50 фр. Что за нелепость, что ты Саше написал, что ей на харчи довольно 30 фр. — уж не 30 ли сантимов? Да как же ты за Г(енри) платишь 30. А *propos*, думаешь ли ты или нет отдавать Г(енри) совсем в школу? Я сам не советовал, но совладеешь ли ты с тем, чтоб из него что-нибудь сделать? Его вид *efféminé*¹ и даже выражение — *nicht ganz sicher*².

Помнишь, как М. А. Языков мне писал после первой болезни своей жены: «Ну, люб(езный) д(руг), как эти священные обязанности — гнусны, и счастливое положение — грузно»...

Ехать бы в Америку с 10 000 фр. в год.

Я не буду писать дня два. Напиши твое мнение скорее. Обедать как хочешь — всегда в $\frac{1}{4}$ 7-го.

104. М. МЕЙЗЕНБУГ и О. А. ГЕРЦЕН

4 июня (23 мая) 1867 г. Монтре.

4 juin 1867.

Cette fois — chère Malvida — j'écris pour vous dire que je n'ai rien à dire, — que je suis à Montreux et que Monod n'y est pas — de manière que mon dialogue avec lui devient Monologue et le Baum-Ritter — n'est pas d'acajou mais plutôt de Baum Wolle.

Je verrai aujourd'hui la femme de Michelet — peut-être l'insecte et l'oiseau aussi. Je n'aime pas sa femme (ni l'écrivite, ni l'écrivante).

¹ изнеженный (франц.); ² не вполне уверен (нем.). — *Ред.*

Pierre Leroux fait mes délices — pas de trace éloignée de bon sens.

Adieu.

Votre *fidelissime* ami
А. Н.¹

Ольга ты единая, что же так мало пишешь и ничего не рассказываешь о вашем житье-бытье? Что ты читаешь после *Monod*? Вообще соберись написать серьезное письмо. Я тогда буду тоже писать ответ и совет.

Обнимаю тебя.

Ал. Г.

105. Н. А. ГЕРЦЕН

7 июня (26 мая) 1867 г. Женева.

7 июня 1867. Пятница.

Милая Тата, твоим письмом я очень доволен и целую за него от души. Что ты права насчет Лизы — в этом нет сомнения. Но главное, что надобно, — это иметь влияние на *Nat(alie)*. Я тебе скажу с полнейшей откровенностью — фонд дурного в ее натуре идет из двух источников: ревности и необузданность. Она может любить людей — и из ревности делать над ними бог знает что. Если б я не видал явно, что главное чувство в ней — привязанность ко мне (в какой бы форме она ни выражалась) — многое было бы иначе. Если ты можешь настолько победить ее, чтоб иметь влияние на Лизу, — это великое дело. Но я думаю, что вряд нужно ли теперь оставаться — может, лучше возвратиться зимой, если *N(atalie)* действительно в том положении. Кстати — ты говоришь о *неловком* положении. Я думаю, что мы, толкуя много о новом воззрении, — такие же старые люди, как и те, которые не толкуют. Выше всех нас головою *Огар(ев)* — и он всего дельнее говорит, что скрывать поздно и глупо. (Не афишировать и не скрывать.) — Я хочу с тобою быть совершенно откровенным. Когда *Ог(арев)* заметил у *N(atalie)* сильную любовь ко мне — ему не пришлось еще сказать слова, как она ему все сказала — и *тогда же* сказала мне. Это был поступок чистый и смелый. *Огар(ев)* был, как всегда, бесконечно благо-

¹ На этот раз — дорогая Мальвида — я пишу вам только для того, чтобы сказать вам, что мне нечего сказать, — что я в Монтрэ, а Моно здесь нет — так что мой диалог с ним превращается в Моно-лог, а Баум-Риттер — не из красного дерева, а скорее из Баум Волле.

Сегодня я встречу с женой Мишле — может быть, также с насекомым и с птицею. Я не люблю его жену (ни описанную, ни пишущую).

Пьер Леру доставляет мне отраду — ни малейшего намека на здравый смысл.

Прощайте.

Ваш *fidelissime* <вернейший (итал.)> друг
А. Г. (франц.). — *Ред.*

роден и, не имея больше с своей стороны особенной страсти, сказал, что он свободно передает мне N<atalie> и остается ее братом.

Все дурное вышло не из этого — а из сумасшедшего права и необузданности. Капризы отдалили Огар<ева>, капризы отдалили вас, страшнейшее бедствие в Париже, — все идет из одного источника. Но Лиза стояла тут — великой связью, — и я понимал мой долг к ней, не одну мягкую — но и жесткую сторону его.

Переезд из Буасьеры — положил новую черту. Ог<арев> — переехал в Лансу, и вся наша жизнь, как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась. Если б кто-нибудь умел их собрать?.. Сумей ты.

Береги это письмо. Это моя исповедь.

К Лугин<ину> теперь писать не стану, я жду еще ответ от него. Пусть он едет в Россию, — кажется, теперь он подойдет под амнистию... потом может приехать снова с своим вопросом. Думаешь ли ты, что ты тогда примешь его предложение? Ог<арев> полагает, что он очень ревнив, — а почему, не знаю.

Прощай. Целую тебя как ближайшего друга. Отчего не ехать в Геную на зиму? Мне теперь от 1 июля до 1 декаб<ря> свободно.

Знай, что ты имеешь право ехать когда хочешь. Пора бы сделать свиданье с Ольгой и ей сказать обо всем.

Прощай.

Храни это письмо втайне.

106. А. А. ГЕРЦЕНУ

7—9 июня (26—28 мая) 1867 г. Женева.

У Лугинина умер второй брат, он в отчаянии, я ему писал в том роде, как ты мне. Я ничего не могу сделать. — Зачем сам не едет?

Крауфорд-старик тоже умер. Саффи в конце месяца — переселяются в Италию.

Твоим успехом я был очень доволен. Может, действительно твой талант в популяризации науки. — Я ничего не имею против этого. Напротив — бесплодность, напр<имер>, Гуго Шиффа меня ужасает.

Я написал громовую статью «Мазурка» — которая будет в «Колоколе» 15 июня. Посылаю отрывок из «Op<inion> Nat<ionale>». Nos actions montent¹. Сегодня спешу.

Скажи Malvid'e Фил<ипьевне>, что она вложила записочку

¹ Наши акции поднимаются (франц.). — *Ред.*

в свое письмо так хитро (о приезде Monod), что я ее нашел в пакете через два дня.

Пиши скорее.

Утомленный твоим непониманьем в деле фондов, я все разузнал от Авидора. Разумеется, это не легко — надобно доверенность и пр.— всего легче самому сделать в Турине.— Теперь напиши, сколько лажу (aggio) на французском золотом, т. е.

20 фр. принимаются за

22

21

20—50

или как?

Нефталь в Берлине, кланяется тебе и Мальв(иде), разбогател.

107. Н. П. ОГАРЕВУ

6—7 июня (25—26 мая) 1867 г. Женева.

Огарев. Чтоб не забыть, записываю два-три пункта.

При рассказе комиссару, без сомнения, явился вопрос, какая же может быть причина побега? Дело плохое, если ты ее не сказал. Все полицейские дела растут на недомолвках. Также следовало сказать, зачем она вообще приехала.

Далее, тебе следует взглянуть на письма Саши. Что за скотство, что он записал ребенка на свое имя. Как будто он не мог его назвать и не записывая. Ясно, что дойди это до газет — Сашу смешают со мной, мне это неважно, но la manière¹ как — важна, об этом я ему напишу. Вот с какой стороны прорвет плотину, — дай-ка дойти до Цверц(якевичева) брата, который пишет, что «Gmina» просила у Плон-Плона денег и он выслал 20 фр.

Чернецкому сказать необходимо о Ш(арлотте).

Не издать ли 2 «Кол(окола)»?

У тебя коррект(ура)?

108. И. С. ТУРГЕНЕВУ

8 июня (27 мая) 1867 г. Женева.

8 июня, суббота.

7, Quai Mont Blanc.

Во-первых, Вырубов очень милый и хороший человек, я его знаю года два. Он думал занять кафедру в Моск(овском) уни-

¹ способ, образ действия (франц.).— *Ред.*

⟨верситете⟩ (адъюнктом по минерал⟨огии⟩) — но по доносу Каткова ему отказали. Он имеет состояние и, вероятно, «Revue» будет на его счет. Готовится еще ревью позитивно-физикальный, — участвуют самые близкие люди мне и долею известный изд. Monod. — Участниками — Шифф, Молешотт, Фогт, мой сын, meine Wenigkeit¹ и пр. Они хотят переговорить с Вырубовым о фузии.

Теперь тебе предстоит дело — именно проситься в Карамзины: в государя столько стреляют, что история его царствования может быть напечатана как

Записки дурных охотников
хорошим.

Долгор⟨укову⟩ я сосплетничал твой эпитафия: «Республиканец Д.». У меня с ним ни интимности, ни ссоры нет. Так, как у тебя с воришкой и шулером Некрасовым и обер-шпионами à la Katkoff. Долг⟨оруков⟩ издавна не делал таких гадостей. Русский человек слаб — и неразборчив.

Поляки помешали мне дописать путешествие du Tzar, я только было свел его со Шнейдер в Мабиль. — Однако допишу.

Затем прощай и, если что нового, дай знать.

А. Г.

Справься, отчего я книги твоей не получил? Здесь я справлялся — нет.

109. П. ЛЕРУ

8 июня (27 мая) 1867 г. Женева.

8 juin 1867. Samedi.

Très cher monsieur,

Nous vous attendons à 5 ou 5¹/₂ aujourd'hui. Il n'y aura personne à l'exception d'Ogareff — qui désire beaucoup de vous être présenté. Vous pouvez vous imaginer — quelle sensation a produit dans notre cercle la nouvelle du coup de pistolet tiré sur le tsar. Au revoir — avec sympathie et respect —

tout à vous

A. H e r z e n .

На обороте: Monsieur Pierre Leroux.
Campagne Baumgarten.
Saint Jean.

¹ моя скромная особа (нем.). — *Ред.*

Перевод

8 июня 1867 г. Суббота.

Дражайший господин Леру,

мы ждем вас сегодня в 5 или в 5¹/₂. Никого не будет, за исключением Огарева, который очень желает быть вам представленным. Вы можете себе вообразить, какую сенсацию произвело в нашем кружке известие о выстреле из пистолета в царя. До свидания — с симпатией и уважением —

всецело преданный вам

А. Герцен.

На обороте: Господину Пьеру Леру.
Деревня Баумгартен.
Сен-Жан.

110. К. ФОРТУ

8 июня (27 мая) 1867 г. Женева.

Samedi.

Très cher Maestro,

Monod et Fenestre me prient de vous les présenter aujourd'hui. Monod — homme tout à fait distingué — veut fonder la revue à Florence de laquelle j'ai parlé. Permettez-moi de les amener à 1 heure — ou à 1¹/₂ après votre dîner. Je peux aussi venir vers 4 (à 5 chez un rendez-vous) ou demain matin.

Une réponse est sollicitée, attendue et espérée.

NB. Si cela continue de cette manière — l'histoire universelle doit être écrite par J. Tourguéneff sous le titre *des récits de mauvais chasseurs*.

А. Герцен.

Перевод

Суббота.

Дражайший маэстро,

Моно и Фенестр просят меня представить вам их сегодня. Моно — благороднейший человек — намерен основать во Флоренции журнал, о котором я говорил. Позвольте мне привести их в час или в половине второго, после вашего обеда. Я могу прийти и к 4 (в 5 у меня свидание) или завтра утром.

Ответ является предметом ходатайства, ожидания и надежды.

NB. Если дела будут продолжаться таким образом, то всеобщую историю должен будет написать И. Тургенев под заглавием «Записки дурных охотников».

А. Герцен.

111. М. К. РЕЙХЕЛЬ

*10 июня (29 мая) 1867 г. Женева.*10 июня 1867.
7, Quai Mont Blanc.

Шерейшая Марья Каспаровна. Голова идет кругом — новости, сплетни, пули, цари, лошади, — надобно держать ухо востро и писать — а потому я дня все еще не могу назначить, да и у вас все еще не совсем исправно (Рейхелю-то как не стыдно на старости больным быть!).

А вы вот что сотворите — я прочитал в газетах, что у вас в Mattenhoff'e есть какой-то пансион, — не ехать ли прямо туда. А если очень скверно, я в Bernerhoff поеду. До 15-го я, наверное, не буду — впрочем, я вам напишу. На днях я ездил в Montreux к Мишле и Кине.

Тата в Ницце, я еду 1-го июля (оно потеплее там).

Затем жму вашу руку и руки всех ваших.

От Ольги Ивановны записочку получил, — если что можно, сделаю для ее протеже — попросите у нее прощение, что не писал, я все хотел на словах передать. А вот и к ней просьба подобная и к вам тоже. Фогт и жена его просили меня, нет ли места для молодой девушки гувернанты-немки, дочери адмирала, вконец разорившегося (я всегда говорил, что для Германии флот не нужен), она не столько ищет дороговизны, сколько дружеского тона и деликатности. В Россию поедет.

Засим прощайте.

Жду ответа.

112. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

11 июня (30 мая) 1867 г. Женева.

11 июня — час.

С каким странным нетерпением я ждал ответ на мое письмо из Montreux, и что же получил — твою невыразимо дурную записку. Пришли мне ты — за что же ты испугалась — за все мученья раз дать мне каплю хорошего. И почему ты сочла себя тотчас в необходимости мстить — спросила ли ты: «Да каково ему было при всей этой передраге, при виде Ог<арева>, при море неприятностей, окружающих в последнее время?» Natalie — тебе стыдно. Я жду записку, которую ты не послала — она облегчит мне, может, влияние сегодняшней...

Какой ты грех сделала — убив твоим письмом столько, столько хорошего... Мне жаль тебя и потому жду того письма.

Дай Лизе немного денег (я их еще не получил — но пусть тешится).

Ни тела Ш<арлотты>, ни вести — совершенный штиль немой ночи.

Я требую ответа 15-го в субботу — и до тех пор писать не стану.

113. М. МЕЙЗЕНБУТ

13 (1) июня 1867 г. Женева.

Malvid'e.

Cherissime protectrice de la revue future.

Monodfenestrebaumritter — ont été chez nous. Je les ai régalez par Pierre Leroux et j'ai régalez par eux Vogt. Fanny Le-wald — à passé chez moi une soirée — qui est devenue double, car son mari y était aussi.

La revue n'ira pas à Florence, mais elle peut aller ou à Genève ou à Bruxelles.

Or tous les avantages étaient pour Genève. — Telle est mon humble opinion. Si Monod se décidait (il n'en sait rien, car est parti me laissant sur les bras de Baum — Wollenritter) — je commence le «Kolokol» en français pour le 1 janvier 1868 — et nous imprimons la revue chez L. Czerniecky. Appartement, Tkhorzevsky et le lac — gratis. (Si on veut avoir une dame du lac — comme extra, cela doit se compter à part — nous fournissons le mal — seulement).

Pour parler avec Louguinine, Vyrouboff — ils ont envoyé Baumritter — qui n'a pas de voix, pas de connaissances. Je crois qu'ils ont fait cela — parce que la Pologne révolutionnaire — avait pour son ambassadeur à Londres Cwierzekewitch.

I beg your attention — Mame — à mon article «La Masur-que» — c'est le voyage de l'Empereur Alex<andre>.

Alexandre peut traduire.

Je pense quitter Genève vers le 1 juillet.

Où allez-vous? — Et pourquoi allez-vous si vous ne pouvez vous baigner dans la mer. L'eau de mer (c'est à dire au moins le sel de mer) vous pouvez l'avoir partout?

Votre reviseur de la revue.

Encore une lettre de J. Tourguéneff — chant de rossignol et *Rosenduft*.

13 juin 1867.

*Cherissime*¹ покровительница будущего журнала!

Монофенетрбаумриттер — были у нас. Я угостил их Пьером Леру, а ими угостил Фогта. Фанни Левальд провела у меня вечер — который должно считать за два, так как ее муж тоже присутствовал.

Журнал не будет издаваться во Флоренции, но может выходить либо в Женеве либо в Брюсселе.

Все преимущества на стороне Женевы. Таково мое смиренное мнение. Если Моно решится (он ничего об этом не знает, так как ушел, оставив меня на руках у Баум-Волленриттера) — я начну издавать «Колокол» по-французски с 1 января 1868, и мы будем печатать его у Чернецкого. Квартира, Тхоржевский и озеро — даром. (Если пожелают иметь озерную даму — как прибавку, то за особую плату — мы поставляем *le mal* — и только.)

Для переговоров с Лугининым, Вырубовым — они послали Баум-Риттера, у которого нет ни голоса, ни знакомств. Думаю, что они так поступили — потому, что революционная Польша имела своим постом в Лондоне Цверцякевича.

*I beg your attention*², Мэм, на мою статью «Мазурка» — это путешествие императора Александра.

Александр может перевести.

Предполагаю уехать из Женевы около 1 июля.

Куда вы отправляетесь? И зачем вы уезжаете, если вам нельзя купаться в море? Ведь морскую воду (т. е. по крайней мере морскую соль) вы можете получить всюду.

Ваш ревизор журнала.

Еще одно письмо от И. Тургенева — соловьиная песнь и *Rosenduft*³:

13 июня 1867.

114. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

14—15 (2—3) июня 1867 г. Женевы.

14, пятница.

Хотелось написать несколько слов — и я остановился. И это удовольствие, и этот отдых у меня почти отнят. На мое письмо из *Montreux* — ни слова. На мое второе письмо отсюда, где я благодарил, ни слова. Но на письмо, которое тебе показало — не по шерсти (в нем ничего нет жесткого, а есть ответы), ответ в четверть часа. Жду что будет.

¹ Дражайшая (франц., итал.); ² Обращаю ваше внимание (англ.); ³ благоухание роз (нем.).—*Ред.*

25 июня выйдет последний «Колокол», и если ничего не помешает, я к 1 мог бы ехать... и как я хотел, ты видела это... и все-то ты опять испортила, и нет светлого направленья.

Буду ждать письма. Дом, т. е. квартиру, сегодня наняли — маленькую за 800 в год: 7 Boulevard Plein Palais au 2. Я, вероятно, туда не перееду или — только переночую. Ящик дорожный достал.

О Ш<арлотте> — ни малейшей вести. Говорят, что в Роше есть пещеры под скалами, в которых пропадают без следа, другие тела — уносятся в Марсель и море. Писала ли ты в Россию о деньгах Ог<арева>, страшно нужно — *хоть бы еще 1000 руб. сер.*

15, суббота.

За несколько строк в конце — я прощаю твое дурное письмо. И ни слова об этом. Мне не на что тебе отвечать — окончательно. Пересмотри мои письма, ты в них увидишь все. *Я хочу к вам* — сделай только, чтоб мне у вас было легко, бестревожно. Мне, вероятно, надобно будет сделать две отлучки — очень короткие, до 1 января (а может и одну). Я был бы раньше готов — но выстрел изменил все, нельзя было остаться в подозрении, что мы, испуганные, остановились. Если «Кол<окол>» сегодняшний дойдет — порадуйся его благородному тону — эту чистоту со временем оценят.

Если ты можешь вспомнить — хоть что-нибудь из хорошего письма, напиши — мне так дороги иные теплые слова, и ты меня так *мало баловала*, что можно переписать по памяти.

1-го июля или тотчас после я отправлюсь. До тех пор я прошу *сейчас написать* мне, что я должен говорить с Прогер — она 1 сент<ября> свободна. (Да разве ты не в том положении, в котором думала? Как же это не написать.)

Дом нанимай какой хочешь — мне надобно немного вида и простора. Помни, что тень тоже нужна. Прощай. Горячо обнимаю тебя и умоляю — не падать опять в старую колею.

Кухарка до 15 июля не может ехать. Подумаю. Разумеется, что Чернецк<ие> знают о Шарл<отте>.

115. Н. П. ОГАРЕВУ

14—15 (2—3) июня 1867 г. Женева.

Чтоб не забыть в теперичных суетах — скажу тебе, что и в последнем случае мой инстинкт был вернее твоего, и, подвергнувшись сильным упрекам, выиграл карту опять я. Я получил второе письмо от N<atalie> по поводу моего сообщенья о Ш<арлотте>. То, что я добивался рассуждениями, доводами

и бранью, то сделал поразительно трагический пример возле. Она просит не показывать письма. Это основано на том, что она не знает, отдашь ли ты ей ребенка (я вовсе не согласен брать его теперь); затем выписываю: «Меня мучат твои строки об Ш(арлотте). Я не могу ничего делать, мне страшно за нее и ребенка, привези его». «Пусть Саша его возьмет после, — а может, он этого не сделает, может, видя, как мое сердце болит за него, лишенного любви матери, он многое забудет и станет мне другом. Может, и Ог(арев) и потом Мейзенбург с Ольгой захотят с нами соединиться».

Итак, Огарев, мое *предосудительное* письмо сделало то, чего не могли сделать ни любовь, ни злоба до ненависти, ни твое, ни мое влияние.

Ты не думай, что я делю этот план или что я его подсказал, — ни одним словом. Но я должен сказать, что я на этом начале мог бы сделать многое.

Ты можешь быть доволен тем, что ты меня разобрал напрасно, — а может, и поделом, но в случае, в котором *случайности* в мою пользу и в пользу моего чутья.

Ведь и с Вурмом и вшами женевского нигилизма с твоей стороны — только любовь к меньшей братии, а пониманье их — с моей.

Полагаю, довольно.

Если же ты желаешь что-нибудь сказать мне об этих планах, лучше напиши.

До Пьера Леру.

116. Г. Н. ВЫРУБОВУ

17 (5) июня 1867 г. Женева.

17 июня.

7, Quai du Mont Blanc.

Благодарю вас за письмо и брошюру, в которой тотчас прочел вашу часть — и очень доволен ею. Я на днях писал вам небольшую записку с неким Баум-Риттером — но он уехал в Гейдельберг и ближе недели не будет в Париже. Дело вот в чем. В то самое время, как я напечатал вашу программу в «Кол(околе)», я получил проект подобного «Revue» — но больше специального, которое собирались издавать во Флоренции несколько молодых людей, редактором хотел быть Monod — человек очень дельный, умный и образованный; Шифф и Молешотт обещали участвовать, Levier d-г и мой сын тоже. Меня просили статей о России и Фогта.

Устоят ли два такие журнала? Вот вопрос, в силу которого я просил их приостановиться и просто посоветоваться с вами

и Литтре. Нельзя ли сделать fusion¹ или акцентуировать разницу? Идут они все из основ положительной философии.

Флоренцию я не считаю удобным центром, издавать можно в Лондоне², Париже, Брюсселе и Женеве.

Я думал, что Monod поедет в Париж — а он уехал в Берлин и поручил очень милому и очень больному поляку Baum-Ritter'у побывать у вас. *Omni casu*³ прошу вас его ласково принять. Напишите мне ваше мнение. Думаете ли вы, что в Париже долго будут терпеть ваше «Revue»? Вы в вашей статье мастерски проехали между скалами. Это не всегда удается — особенно при полемике. Отчего вам не иметь редакц(ию) в Париже, а издание в Женеве. Вы сделали бы этим большую пользу типографии нашей (т. е. Чернецкому). Подумайте — я бы вам привел всю эту молодежь. Вот вам задача.

Хорошо ли видетсяя в Лионе? — С тех пор как я писал Лугинину, много утекло воды. Что вам стоит приехать в Женеву — на сутки? Луг(инину) просто грех уехать так; я же ему писал вопрос о комиссии — и не имел ответа.

Чтоб вы никогда не читали «Колокол» через 15 дней, я вчера послал новый (от 15 июня) *sous bande*. Прошу вас написать, получили ли его, — мне это *нужно* знать.

Как я отнесся к делу Березовского — вы видите. Милого нашего Фальстафа я осмел в конце №. Очень хотелось бы знать, как эти статьи подействовали на русских, ех(empli) gr(atia), на графиню Салиас и на не-графа Утина. Скажите, что я жду также отзыва от Лугин(ина).

Вы мне должны сказать ваше мнение без пощады.

У нас одна новость — это мой Кучук-Кайнарджи с И. С. Тургеневым, примирение и *ein zarter Briefwechsel*⁴.

Прощайте. А мне жаль, что вы отняли свои силы от России. Такой уж у меня нрав. Огар(ев) разделяет мое мнение.

Я до 1-го июля и не думаю ехать, мне надобно съездить дни на два в Берн. Если бы вы или Луг(инин) хотели забежать в Genf, напишите два дня прежде — и подождите ответа.

Еще раз прощайте и будьте здоровы.

Ал. Герцен.

Если Луг(инин) не хочет в Женеву — можно выбрать возле Женевы, да я и здесь берусь спрятать от дурного глаза.

¹ слияние (франц.).—*Ред.*

² страшно дорого.

³ Во всяком случае (лат.); ⁴ нежная переписка (нем.).—*Ред.*

117. Н. П. ОГАРЕВУ
17 (5) июня 1867 г. Женева.

17 июня.

Memorandum

по финансовой части.

Я еду между 1 и 5 июлем и, вероятно, до половины сентября не приеду. В сентябре приеду дней на десять. Отъезжая, я оставлю тебе:

деньгами —	400
два чека —	800
	<hr/>
	1200

К этому должен буду присовокупить от Саши по 50 фр. за три месяца — 150, total ¹ — 1350. Этого должно хватить до 1 октяб<ря>. 1-го октяб<ря> ты снова получишь:

чеками —	1200	} 1350
и снова —	150	

до Нового года.

Если Сат<ин> вышлет больше 2400, то половина excédent ² тебе и половина в amortissement ³; напр<имер>, если он пришлет 3400, то, сверх сказанного, 500 за дом, 500 на хозяйство.

Я ему писал, т. е. через Ниццу etc.

За 1-ую полов<ину> 1867 ты истратил	3500
за 2-ую — если	2400
	<hr/>
	5900

Далее 6000 я не советую идти.

118. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ
18 (6) июня 1867 г. Женева.

18 июня. Вторник.

Сначала о кухарке. Она совершенно согласна ехать, и даже раньше сказанного, т. е. в начале июля. Жал<ованье> 30 фр. она получает, кажется, 6 фр. на стирку. Она тиха до того, что ее не слышать, глупа, честна, трезва и готовит изрядно, некоторые вещи прекрасно. У нас, впрочем, теперь удивительный мясник. Итак, приказывайте — для гуверны я взял у Георга книгу, о которой ты говорила: «L'amie de la maison».

¹ всего (франц.); ² излишка (франц.); ³ погашение долга (франц.). — Ред.

Милейшие tracasseries¹ продолжают. Вдруг Трюбнер тирировал на меня вексель в 800 фр. Я падаю в обморок и велю себя нести к Тхорж(евскому). «Как, я должен Трюбнеру?» — «Никогда. Трюб(нер) вам должен 50 фр». Что же этот разбойник сделал — весь хлам книг, данных им на комиссию Баксту и Тхорж(евскому), — он поставил на мой счет. Но сделал мастерски свое дело. Вексель à l'ordre² Чернецкого. Так мне приходится морить Чернец(кого) голодом. Я написал фюльминантное письмо и жду ... О деньги ... деньги — что за темная сила, что за цепь! Откуда достать бы?

Жду твоего письма, чтобы тотчас идти к Прогер.

Вчера застал в кабачке княг(иню) Мещерскую (похудела ужасно) с Серебряк. — она «кутила», выдержавши экзамен в консерватории. Тебе кланяется, немного сконфузилась — но rather³ добродушно.

Ты пишешь, что я мало пишу подробностей, — я их делю на твое письмо и Татино. Да их мало, Natalie, однообразие жизни поразительно.

В 6 ровно встаю.

В 9 кофе.

В 1 — котлета или холод(ное) мясо, газеты, сода, абсент, пиво, прогулка.

В 6¹/₂ суп и мясо. Огарев.

В 10 Огар(ев) уходит — мы провожаем до театра.

В 11 все в постелях.

Вариации: в 8 — Дол(горуков) с сыном или Мерчинский.

В 2 иногда Pierre Leroux.

Les «Sloutchainosti» ne sont pas comptées⁴. Огар(ева) здоровье очень недурно. Припадки реже. Не вино его победило — а он вино. Его безденежье меня огорчает — но выше сил.

Прощай — я много думал о тебе, о себе, о Лизе, об нас. И все хорошо. О друг мой — уверься в одном: всё ... всё *внутри нас*. Ты никогда не принимала этого. Верь же — и не вызывай только тех страшных сил, которые так много сгубили ... Ты пишешь о твоей любви — да ведь она-то и спасла ... в ней я никогда не сомневался — ее я чувствовал, видел, осязал — от нее я отворачивался, когда она соединялась с тем злым началом, которое мне враждебно, противно — и тогда ты не умела победить себя. Я вынес-то все ... невозможное, унижение, угрызение — из-за того, что верил в твою любовь. Спаси ее будущее ... но уж без судорожных rechutes⁵. И не только себя — всех надобно спасти — не мешай — я берусь за все.

Не забудь к приезду цорядочно одеться. Княг(иня) Мещ(ерская) вчера напомнила мне.

¹ кляузы, придирки (франц.); ² на предъявителя (франц.); ³ довольно (англ.); ⁴ «Случайности» в счет не идут (франц.); ⁵ падений (франц.).—Ред.

19 (7) июля 1867 г. Женева.

19 juin 1867. Genève.

Chère Malvida — cela serait plus juste de dire Benvida — mais je crains le calembour — comme vous savez. Ce changement de mal en bien m'est venu après avoir lu votre lettre. J'étais maussade et même triste — et vos lignes ont dissipé le brouillard. Une chose m'a frappé. Vous avez écrit à Tata — *parfaitement la même chose*, presque en mêmes termes. Vous dites «elle ne peut par rien s'éduquer elle-même, autant que par l'éducation d'autrui»... j'ai développé ce thème dans ma dernière lettre.

Je déteste cordialement Genève — et certainement ce n'est pas par égoïsme que j'ai proposé la chose. Il n'y a que Genève et Bruxelles¹. Au reste, attendons la réponse de Vyrouboff. Je lui ai écrit une longue lettre sur la fusion. Moi, je ne pense pas que Florence — soit le vrai centre (le vrai serait Paris). Si Monod trouvera les moyens pour la revue, je recommencerai sous sa rédaction — le «Kolokol» — en français.

Maintenant il faut vous expliquer — pourquoi j'ai été maussade. Sans le moindre désir je suis presque sûr qu'il faudra aller à Paris. Toute la dette américaine Un<ited>St<ates> à 6% — est remboursable le 1 Janvier 1868. *Volens nolens* — je dois recevoir le capital — et cela serait très heureux. Mais comment? Serait-ce une partie en or et une en billets — ou tout en billets ou tout en or? *That is the question*. Si je retarde — je perds les intérêts. Or il faut acheter quelque chose en Amérique — dans le cas où le paiement n'est pas fait en or. (Les *Green-backs* auront toujours la perte de 25% — c'est exorbitant — 75 au lieu de 100). Lisez cette poésie financière à Alexandre pour ne pas lui répéter. S'il était homme pratique je l'aurais envoyé à New York. *Ma... ma* — à la Haug.

Vous recevrez après le 1 juillet — l'argent d'Avigdor — il y en aura pour vous et Olga 3000 — faites vos comptes avec Alexandre.

Figurez-vous que le vieux coquin de Trübner, sans me dire un mot, a tiré sur moi une lettre de change de 800 fr. pour des livres qu'il a donnés en commission — à Genève et qui ne se sont pas vendus. J'ai refusé de payer en lui disant: «Vous êtes trop Bismark» — mais comme véritable Bismark — il a tiré la lettre de change — à l'ordre de Czernietzky de manière que je dois l'affamer — ou payer ... c'est artistique.

Adieu.

¹ Londres aussi — mais c'est trop cher.

Chère Malvida. Lisez ce que j'écris à Olga sur la lecture. Pourquoi ce fatras inutile et qui ne peut être digéré de poèmes hindous.

Avez-vous lu ma description du voyage d'Alex<andre> dans le «Kolokol»?

Перевод

19 июня 1867. Женева.

Дорогая Мальвида — справедливее было бы сказать Бенвида — но я опасаясь каламбуров, как вам известно. Эта замена зла добром пришла мне в голову после прочтения вашего письма. Я был не в духе и даже в унынии грустил — но ваши строки рассеяли мглу. Одно поразило меня. Вы написали Тате — *совершенно то же самое*, почти в тех же выражениях. Вы говорите: «Ничто так не может воспитать ее самое, как воспитание другого»... я развил ту же тему в своем последнем письме.

Я всем сердцем ненавижу Женеву — и, конечно, не из эгоизма сделал это предложение. Подходящими являются только Женева и Брюссель¹. Впрочем, подождем ответа Вырубова. Я ему написал пространное письмо о слиянии. Я не думаю, чтобы Флоренция была настоящим центром (настоящим был бы Париж). Если Моно добудет средства для журнала, то я примусь за издание под его редакцией — «Колокола» по-французски.

Теперь надо вам объяснить, почему я был не в духе. Не имея ни малейшего желания ехать в Париж, я почти уверен, что придется побывать там. Весь 6% американский заем подлежит уплате 1 января 1868. Volens nolens² — мне придется получить свой капитал — и это было бы очень удачно. Но как? Получу ли я часть золотом, а остальное ценными бумагами — или все бумагами, или все золотом? That is the question. Если я опоздаю — то потеряю проценты. Итак, придется купить кое-что в Америке — если уплата не будет произведена в золоте (Green backs³ всегда приносят потерю в 25% — это непомерно — 75 вместо 100). Прочтите эту финансовую поэзию Александру, чтобы мне не повторять ему. Будь он человек практичный, я послал бы его в Нью-Йорк. Ma...ma⁴ à la Гауг.

Вы получите после 1 июля деньги от Авигдора — там будет для вас и для Ольги 3000,— сосчитайтесь с Александром.

Представьте себе, что старый плут Трюбнер, не сказав мне ни слова, выдал на мое имя вексель в 800 франков за книги,

¹ Также и Лондон — но там слишком дорого.

² Хочешь не хочешь (лат.); ³ Банкноты (англ.); ⁴ Но...но (итал.).— *Ред.*

сданные им на комиссию в Женеву и непроданные. Я отказался платить, сказав ему: «Вы перещеголяли Бисмарка», — но он, как истинный Бисмарк, представил вексель — оборотной надписи Чернецкого, так что я вынужден или уморить последнего с голоду, или платить... Артистически подстроено.

Прощайте.

Дорогая Мальвида. Прочтите то, что я написал Ольге о чтении. К чему этот ненужный груз индусских поэм, который невозможно переварить?

Читали ли вы в «Колоколе» мое описание путешествия Александра?

120. А. А. ГЕРЦЕНУ

19 (7) июня 1867 г. Женева.

Côté Alexandre¹.

Обрати все внимание на финансовую новость, о которой я пишу Мальвиде. Это до такой степени важно, что все должно подчиниться этой операции. Думаю, что я слажу с домом Ротшильда в Париже, но для этого надобно ехать туда. Мне приходило в голову выписать тебя — или дать rendez vous² в Турине. На июль поздно менять итальянскую ренту — но для будущего я хотел бы дать доверенность тебе — ты получал бы из Парижа 9000 фр. в год, брал бы свои 5000 и передавал бы 4 т(ысячи) Мальвиде в счет. Дело американское важнее (оно пахнет потерей $\frac{1}{4}$ капитала) — и мне, *safo mio*, очень досадно, что ты оказался так совершенно bestолков в твоих ответах об итал(ьянских) фондах. На всякий случай имей в виду, что, может, я тебя выпишу. Если операция пойдет хорошо — в Америке — я готов выделить вам $\frac{1}{2}$ капитала, т. е. каждому номинально 25 т(ысяч) doll. — и мы бы не толковали о деньгах, — остальное разделили бы пропорционально. Это было мое всегдашнее желание.

Я отдал Ог(ареву) за тебя 150 фр. Это за три месяца. О Ш(арлотте) — ни слуху ни духу, я почти уверен, что она утилась. Ог(арев) успокоился — но отдача Генри в школу его разоряет — 1200 фр. помимо платья и другой школы.

В. Пиши Авигдору, чтоб он прислал тебе деньги 4500 — словом, всю $\frac{1}{2}$ пол. ренты. Из них — твоих только 1500 fr., остальное отдай Мальвиде.

¹ Сторона Александра (франц.); ² свиданье (франц.). — *Ред.*

21 (9) июня 1867 г. Женева.

21 juin 1867. Genève.
7, Quai Mont Blanc.

Messieurs,

Je profite de l'envoi du reçu pour vous faire une proposition. Il y a beaucoup de choses de mes écrits russes — qui sont traduits en partie par moi, en partie par d'autres personnes en français. Pensez-vous qu'une publication pareille serait opportune?

J'ai par ex<emple> le quatrième vol<ume> de mes «Souvenirs et pensées d'Iscander» (les 3 v<olumes> ont été trad<uits> par H. Delaveau, c'est Dentu qui les a imprimés sous le mauvais titre — «La Russie et le monde révolut<ionnaire>»). J'ai une série de nouvelles et même des articles qui n'ont pas paru en russe.

Vous m'obligerez beaucoup en me disant si vous voulez entreprendre quelque chose dans ce genre — par ex<emple> sous le titre d'Almanach russe, Etoile Polaire etc. et quelles seraient les conditions — l<es> honoraire<s>.

Je me suis assez deshabitué d'écrire le français — mais je trouverai toujours des littérateurs de mes amis qui se chargeront de la correction. Ici à Genève Pierre Leroux — m'a offert son aide.

Peut-être un de mes amis viendra vous parler de ma proposition.

Dans tous les cas vous me permettrez d'attendre une réponse.

Recevez — Messieurs, mes salutations les plus distinguées.

Al. H e r z e n.

Messieurs Lacroix, Verboekhoven et C-ie.

*Перевод*21 июня 1867. Женева.
7, Quai Mont Blanc.

Господа,

пользуясь посылкой расписки, я хочу сделать вам предложение. Есть много моих русских сочинений, которые были переведены на французский язык частично мною, частично другими лицами. Думаете ли вы, что подобное издание было бы уместно?

Так, например, я располагаю четвертым томом «Воспоминаний и мыслей Искандера» (3 тома были переведены И. Делава и изданы Дантю под скверным названием «Россия и революционное общество»). У меня есть ряд рассказов и даже статей, которые не были напечатаны по-русски.

Вы меня очень обяжете, если сообщите мне, намерены ли вы предпринять что-либо в этом роде — например, под заглавием «Русский альманах», «Полярная звезда» и т. д. и каковы были бы условия — гонорар.

Я отвык писать по-французски, но легко найду среди друзей литераторов, которые возьмут на себя редактирование. Здесь, в Женеве, мне предложил свою помощь Пьер Леру.

Может быть, кто-нибудь из моих друзей зайдет к вам поговорить о моем предложении.

Во всяком случае позвольте мне ждать вашего ответа.

Соблаговолите, господа, принять выражение моего величайшего почтения.

Ал. Герцен.

Господам Лакруа, Вербукховену и К^о.

122. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

21 (9) июня 1867 г. Женева.

Пятница. 21 июня.

Я считаю твое последнее письмо болезнью — иначе я должен бы был его считать безнравственным. У меня опустились руки. На горячий призыв, на мольбу о теплом слове — ты отвечаешь старым плачем об Елене и себе. На что же я, моя любовь, мои слова? Я думаю, что ты не читала моего письма. Ни слова больше. Жалко за себя, за тебя, что приеду не в том расположении, в каком хотел. Это невозможно.

Мы переезжаем 25 или 26.

«Колок(ол)» выйдет 27.

В промежутке я поеду к Мар(ье) Кас(паровне) — потом, как дожусь второго ответа от Рот(шильда), так и поеду — сначала ли в Париж, сначала ли в Ниццу — еще не знаю.

К Прог(ер) пойду непременно, я хочу ее изучить настолько, чтоб знать, стоит ли за нее особенно держаться, и узнать, как она смотрит на вопрос.

Для французских переводов открывается сбыт. Парижские книгопродавцы поговаривают об издании статей. Что письмо к Аксак(ову)? Я снова думаю издавать «Кол(окол)» по-франц(узски) с 1-го января. Pierre Legoux готов поправлять.

Встретил Саффи Spr(osa)¹, она их ждет к концу месяца. Неужели тебе не жаль ее? Если я их увижу — что мне сказать от тебя? Если они поедут на Ниццу?

¹ супругу (итал.). — Ред.

Вторник. 25.

В самую последнюю минуту явилась кухарка с отказом. Ее подбили, вероятно, родные. Стало, на нее считать нечего.

Дом вы наняли недорого. Уроки Лизе все продолжать следует.

У нас важное событие. Ко мне адресовались какие-то ан-т-ре-пренеры, заводящие здесь большую справочную контору — они хотят Чернецк-ому поручить свою типографию с тем, чтоб он переехал к ним (даром), и притом дают квартиру и жалованье. — Это такое дело, что я и Ог-арев — мы прыгаем. Сегодня иду к ним переговаривать. Покамест Чернец-кий согласен. Но на его характер я не надеюсь.

Сегодня мы начали переезжать, завтра поеду на два дня к Мар-ье Кас-паровне и там буду ждать приказа от Рот-ш-ильда, дело американское еще не худо. Я спрашивал Р-от-ш-ильда, ехать мне в Париж теперь или после. Если я замешкаю неделю — не удивляйся.

Не хочешь ли что поручить словесно Лугинину в России?

Я, Natalie, не рассердился на твое письмо с *инсинуациями* — а с глубокой горестью увидел, что и этот раз мой план разбился — о твою строптивость. Будем нести крест друг друга. Конечно, лучше бы было не писать этого письма, его уровень очень low¹, особенно замечание о прогулках. Ты испортила мой приезд и из Таты не умела ничего сделать ни для себя, ни для Лизы — *отпусти ее с миром*. Ты не допустишь свободное лицо до воспитания, сама же не много сделаешь. *Школа и школа* — из этого я поставлю вопрос истинный. Должна же ты чем-нибудь серьезным жертвовать для Лизы — не бери же на себя порчу ее. Под школой я разумею — школу, куда ходить, такую, как здесь у Прогер. Вероятно, она имеет недостатки — но сама взвесь, что эти недостатки перед вечными бурасками. Больно, очень больно, — и может всего больнее, что ты никогда не поймешь, что вина твоя. Прочти мое письмо из Montreux и еще два. Что ты сделала из них?

Не пиши полемических писем — я постараюсь психически светлым приехать, ты знаешь, что полемика меня раздражает, к тому же она не сообразна с ожиданием близкого человека. До сентября можно жить, даже до октяб-ря в Ницце, а потом

¹ низкий (англ.). — Ред.

школа на первый план. Тата ни в каком случае не должна ехать ближе месяца.

О Лизав(ете) я не то писал, т. е. вовсе не о ее любви — а о том, что она *должна знать*, — иначе очень несвободно жить будет.

Почему ты упорно не отвечаешь на вопрос о твоём положении?

Скажи Лизе, чтоб она устроила мою комнату.

Пишите просто адрес: *Genève*.

Лизу посылай в клас(с) <не>пременно. Уроки дома... от погоды, какая бы ни <была>¹, не отучай.

Скажи ей, что я стремлюсь к ней — чтоб заняться не как учитель, а как будитель, vector.

Очень рад, что ты спрашиваешь об Огар(еве). Физически ему недурно. Даже и ум его свободнее — но жизнь мне не нравится. Я утомляюсь у него... и эта бедность. Я опять купил салфетки и всякую дрянью... Невольно вспомнишь Сат(ина) и его барскую игру. Жду лихорадочно *ответ*.

124. Н. П. ОГАРЕВУ

27 (15) июня 1867 г. Женева.

Четверг. 27 июня.

Гохгешетцг.

Вчера переехали: 7, Boulevard Plain Palais. Тесно, но дешево. Необходимо знать насчет ночи и обеда. Я приглашаю к Visios'у, где ел вчера. Собраться у нас в 5... 4... 3... когда хотите, только скажите подробно.

Что за день вчера?! Не было кислорода ни на волос. Я купался — хуже, пил пиво — хуже; наконец, взял № в Hôtel de la Poste и в 4 часа лег спать и проспал до 6 1/2. Это первый раз со мною с 1812.

Новости: α) От Ротшильда письма: он пишет: «Donnez mon enfant² — всё сделаю к общему удовольствию. Присылайте фольмахт».

β) От Лакруа — он не прочь меня печатать по-французски — спрашивает, что я за себя беру.

γ) От Лизы и Таты письмецо посылаю. N(atalie) есть записочка: lowspirited³; я говорил, что она испугается письма.

Я хотел бы завтра ехать в *Берн* — и для того сговориться. В Ниццу назначаю 5-го. Когда обедать у Чернецкого? Хотите 2-го?

¹ Автограф поврежден.—*Ред.*

² Давайте, дитя мое (франц.); ³ расстроена (англ.) —*Ред.*

125. М. К. РЕЙХЕЛЬ

28 (16) июня 1867 г. Женева.

28 июня, пятница.

Вот à la fin des fins¹ я и отправлюсь, как султан в Париж, к вам. Свитой будут 200 пассажиров и пр.

Дела устроились так, что ехать могу в понедельник, — и приеду в 4-10 или в 8-50. Пробуду у вас втор<ник> и сер<еду> — в четверг приеду в Женеву и в субботу отправлюсь в Ниццу и Италию.

Если что неладно, пропишите.

Адрес новый: 7, Boulevard Plain Palais.

Всех ваших обнимаю.

Комнату возьмите в Mattenhof pension'e.

126. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и Н. А. ГЕРЦЕН

30 (18) июня 1867 г. Женева.

30 июня. Воскресенье.

Писем нет. Дела идут — но всё не так скоро. Вчера отпечатан «Колокол» и послан. В Берн еще не ездил потому, что Чернецкого дело застряло. И он чудак, с своей меланхолией, и те, разумеется, хотят выторговать. В четверг, вероятно, дело лопнет или подпишется. В промежуток я съезжу в Берн.

В пятницу у Долг<орукова> прощальный обед.

В воскресенье — если ничего не случится очень важного — отправлюсь, какой дорогой — не знаю.

У нас биза. Лето было дурно. Я купался, впрочем, несколько раз в Роне. Вода 14 и 14,5 град<усов> по Реом<юру>. Сегодня ясно. Ага и я — мы обедаем у Чернец<кого>, которому я отправил все вина и запасы и подарил свою печку. Это годовщина 1 июля.

2 часа.

Письма нет, не знаю даже адреса. Пишу на авось. [Лизе посылаю карту — где Ницца и пр.]².

Тата — узнай у Висконти, есть ли в Ницце американский консул, и напиши, письмо меня еще застанет.

¹ в конце концов (франц.). — *Ред.*

² Фраза зачеркнута. — *Ред.*

127. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

2 июля (20 июня) 1867 г. Берн.

2 июля. Mattenhof,
Bern.

Natalie — писем нет, — а письма необходимы, я их жду, чтоб еще раз сондировать, что меня ждет. Отчего же писем нет?

Vendetta¹ или переезд? Я даже не имел ответа на письмо с программой Прогер.

Дела все кончаются — я мог бы ехать 8-го — но истинно хочу знать прежде — еду ли я начинать последний совершен-нолетний отдел жизни или тянуть старую канитель — взрывов, упреков, в которые изредка вставлены светлые минуты. На последнем будущего не построишь. Внутренне я декуражирован.

Хорошо, если б ты написала ответ на это письмо, поработавши еще раз над собой; тебе, Natalie, а не мне надобно принять то твердое решение, о котором ты пишешь.

Письмо это придет 4,7-го может быть ответ.

Я не знаю вашего адреса.

Целую Лизу. Что бы ей привезти?

Прощай пока.

Здесь деревня — вид, все напоминает деревню — и коровы и птицы, можно легко устроиться везде, даже в Швейцарии. Немного мебели есть.

Кельсиев явился на русскую границу, объявил, что он Кельсиев, — велел себя арестовать и сдать правительству. Что это — отчаянье, плутовство или просто безумие? Увидим. Новости эти уже в русских газетах.

Если письма не потребуют ответа, то я писать больше не буду — и это будет значить, что я восьмого поеду. Телеграфировать ни в каком случае без адреса нельзя.

Почта пришла, писем нет.

8 вечера.
Берн.

¹ Мечь (итал.).— Ред.

128. А. А. ГЕРЦЕНУ

2 июля (20 июня) 1867 г. Берн.

Берн — Mattenhof.

2 июля.

Предложение Мейзенбург купить что-нибудь из имений духовенства — превосходно. Капитал америк<анский> мне возвращается 60 000 doll.— их надобно поместить. Земли, вероятно, будут продавать за бесценок — хлопочи и узнавай. Никогда я и не думал, что могу начать хоть частные выделыв вам. Помни одно, что 5% минимум (дохода) — и только в случае большой надежды можно изменить. Но тогда надобно знатока агронома.

Около Генуи надобно искать дачу.

А ргоров, я позволяю вам, обдумавши, искать квартиру без мебели — я мало-помалу умеблирую (остатком капитала при placement).

Письма сейчас отошли. Охота им в жар ехать в Венезию — гнилию.

Кельсиев передал себя аресту. Прочти в письме Ольги. 10-го я в Ницце.

Прощай.

Р. S. Мар<ья> Кас<паровна> состарилась и похудела, но ее супруг процветает — и действительно честная и благородная натура. Не сделался бисмарцем. Они получают 5000 fr.— имеют превосходную квартиру (800 fr.), трех детей и Морица. Когда я подумаю, что и вам и мне не достают наши доходы — я краснею.

Чернецк<ом>у мы было нашли большое дело — это могло бы его обеспечить. Напишу, если устроится.

129. М. МЕЙЗЕНБУГ

2 июля (20 июня) 1867 г. Берн.

2 juillet 1867.

Chérissime des Malvides,

Vous avez du sang de Vasco di Gama et de Magellan. Voyageuse intrépide, lagunophile et terrophobe. Je ne sais où vous écrire — je me décide à envoyer la lettre à la Specola.

Mais en outre ce n'est pas tout que vous avez q<uel>q<ue> chose de Lapeyrouse et du C<apita>in Cook (comme Cook il a inventé les Sandwich) — vous avez un vrai talent financier — un talent Turgot Cobden. Votre idée de séculariser en ma faveur quelque propriété du clergé — est très juste. Trouvez-moi un

homme — pour réaliser cela. Les grandes conditions — pour avoir un homme sérieux, c'est de le chercher — parmi les ennemis, parmi les rétrogrades — il doit être assez coquin — pour comprendre qu'en me volant, il gagnera moins, pas de dévouement, pas de philosophie, pas de nom historique, s'il est sympathique, vous le chasserez. Enfin cela doit être un homme d'affaires — sans idées, sans autre science — que la flouerognosie.

Avez vous ce *Ecce homo!*

Partie polémique.

I-e Non — ma docte amie — non, je ne partage pas votre opinion ni sur les livres, ni sur mon observation. Quel est donc le culte de l'amour-propre qui empêche d'un côté — une critique toute amicale, et de l'autre — fait accroire ex. gr. à une jeune personne qu'elle a la voix de Grisi... et le style épistolaire de Mme de Sevigné? A quoi donc? (Madame Lyon, soit dit en parenthèse, n'a jamais entendu de Panofka — mais elle m'a parlé d'un ou de deux Italiens très forts). Nous avons assez gâté — rafistolons. Maintenant des livres. Cette éducation — classique — a fait son temps. On peut, on doit lire Homère et la Mahabarata — mais cette lecture ne doit *pas primer*, il y a une lecture qui développe beaucoup plus — émancipons-nous de l'Olympe — comme nous sommes émancipés de Golgotha. Pensez-y sérieusement — sans idées préconçues, sans le conservatisme littéraire. Et qu'avons-nous de commun avec les chinoiseries des Hindous? Rien. Schlegel a mis à mode la sanscriterie au temps le plus honteux de l'histoire moderne. Pulsky — a été son Isaack.

Addio.

Перевод

2 июля 1867.

Cherrissime из Мальвид,

в вас течет кровь Васко ди Гама и Магеллана, неутомимая путешественница, лагунофилка и землефобка. Не знаю, куда писать вам — решаюсь послать письмо в Спекола.

Но это еще не все — в вас есть кое-что от Лаперуза и от компании Кук (как Кук, он открыл Сандвичевы острова) — у вас воистину финансовый талант — талант Тюрго и Кобдена. Ваша мысль секуляризировать в мою пользу некую церковную собственность — очень правильна. Найдите мне человека, чтобы осуществить ее. Основное условие — чтобы добыть серьезного человека — это искать его среди врагов, среди ретроградов — он должен быть порядочным плутом, чтобы понимать, что, обворовывая меня, он меньше заработает — ни предан-

ности, ни философичности, ни исторического имени; если он внушает симпатию, то вы его прогоните. Словом, он должен быть деловым человеком — без идей, без каких-либо знаний, кроме умения надуть ближнего.

Имеете ли вы такого *Esse homo*¹?

Часть полемическая.

1. Нет — мой ученый друг — нет, я не разделяю ваш взгляд ни на книги, ни на мое замечание. В какой же степени нужно быть самолюбивым, чтобы, с одной стороны, не допускать даже вполне дружеской критики, а с другой — чтобы уверить, например, молодую особу в том, что у нее голос Гризи... и эпистолярный стиль госпожи де Севинье? И для чего? (Госпожа Лион, будь сказано в скобках, никогда не слыхала о Панофке — но она мне говорила об одном или двух итальянцах, очень способных.) Мы с вами достаточно портили — давайте поправлять. Теперь о книгах. Классическое воспитание отжило свой век. Можно, должно прочесть Гомера и Магабарту — но это чтение не должно быть *на первом месте*, есть другое, которое развивает в гораздо большей степени — надо эмансипироваться от Олимпа — как мы уже эмансипировались от Голгофы. Подумайте серьезно об этом — без предвзятой мысли, без литературного консерватизма. И что у нас общего с китайщиной индусов? Ничего. Шлегель ввел в моду санскрит в самый постыдный период современной истории. Пульсский — был его Исааком.

Addio.

130. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

6 июля (24 июня) 1867 г. Женева.

6 июля 1867.

7, Boulev. Plein Palais.

Письмо твое я получил. Оно мне было необходимо — и хотя я им не очень доволен, но еду не с тем тяжелым чувством, с которым бы ехал без него.

Маленькие шалости — я кладу совсем в сторону: в Венецию до будущ^{его} года я не собирался, кухарку не ехать не уговаривал и не могу отвечать за глупую женщину, вдруг отказавшуюся.

¹ Се человек (лат.). — *Ред.*

Natalie — помни, что и того мало, чтобы не упрекать и не жаловаться, — упрекать можно из ревности и из неверья. Жаловаться слабо. Но надобен сверх того еще шаг — не говорить о том, что не упрекаешь и не жалуешься.

Если б ты смотрела на дела с больше гуманной точки — ты сказала бы: «Лучше потерей еще неделю, но устрой Чернецкого». Тут речь о куске хлеба для него и его жены. И это правда, я из-за него потерял (и, может, без пользы) целую неделю.

Теперь главное кончено.

Сделай же, Natalie, чтоб я приехал к тебе на отдых. Сделай, чтоб я чувствовал, что ты работаешь над собой — и просто, чтоб мне хотелось остаться дольше. Теперь последнее время — я сам чувствую, что или и впредь мы пойдем по камням, или *именно теперь* ты можешь ближе прижаться ко мне — поправить недоразумения. Жди же меня прямо и просто — и иди, как Тата, в мои объятия — встретить меня ими и Лизой... и я буду в своей семье. Остальное все неважно... без этого все на песке и все хрупко.

Суббота. 9 часов.

Вчера я послал 500¹ фр., везу с собой тебе 1500 и Тате 300.

Получили ли — т. е. 500?

Я еду во всяком случае в половину нынешней недели, так что, наверное, к концу ее (ты не велишь писать и потому я оставляю *dans le vague*²) я в Ницце.

Писать ко мне не нужно больше, если б что случилось, пусть Тата напишет к Огар<еву>.

Тату обнимаю и Лизу.

А Сатину пиши о деньгах опять и опять. Ог<ареву> плохо.

Лизе поручается мне приготовить сыру и каких-нибудь пикблей.

Скажи ей, что я в Берне и здесь купался в воде в *13 град<усов>*.

Тате скучно не будет — за это я отвечаю. Ей надобны занятия — они будут.

Часы твои идут превосходно.

Итак, до свиданья!

¹ Если не получили, телеграфируй в понедельник, и даже во вторник, и справьтесь на почте, письмо было на имя Таты.

² в неопределенности (франц.).— *Ред.*

131. М. К. РЕЙХЕЛЬ

6 июля (24 июня) 1867 г. Женева.

6 июля.

7, Boulevard Plain Palais.

Старый друг, — и тем самым лучше новых двух, — пишу вам, чтоб сказать, что я истинно и искренно очень доволен моей поездкой к вам, и, повторю, всего больше тем, что в вашем круге светло — от работы и чисто — от нее же. Для тени вы выписали, я думаю, нарочно Лионов. Помещичья руина, он похож tantô росо¹ на того потерянного таракана, который — как рассказывал Карл Ив(анович) Зонненберг, — попавши в сито, говорил: «Дыр много — а выйти некуда»...

Детей, мне кажется, вы балуете физически. Но чувствую, что после болезней делать нечего, старайтесь их укрепить к ноябрю. Климат в Берне дрянной. Да еще — вы, кажется, слишком школите Алекса. Вы не сердитесь, я говорю что в голову придет.

Далее — помните, что я на ваших детей смотрю как на родственников, и во всяком случае — *теперь и после* — считайте не только на меня — но и на детей моих.

Вчера я послал Эрнсту и Максу книги. У меня лежали на душе дрянные подарки.

Еду я в вторник — в 3 часа. Если скоро ответите — я получу, а не то пишете в Ниццу по адресу Таты: 7, Promenade des Anglais.

Еще скажите Адольфу Фогту, что я его много уважаю. Диссертацию пришлю из Ниццы.

Рейхеля обнимаю.

Addio.

В среду я уже обедаю с Татой.

132. А. А. ГЕРЦЕНУ

8 июля (26 июня) 1867 г. Женева.

8 июля. Женева.

Завтра в три я еду и послезавтра, т. е. в четверг, буду в Ницце. Читал я твое длинное письмо к Огареву. Он хочет тебе на него отвечать, — не зная еще его ответа, скажу несколько слов. Вся мораль и вся жизненная философия этого письма — слабы, в ней напутаны христианские эхо, романтические souvenirs². Люди могут очень хорошо поступать без всяких

¹ немного (итал.); ² смутные воспоминания (франц.). — Ред.

теорий и иметь очень хорошие теории, поступая скверно. Но тот, кто берется возводить свою жизнь к принципам, должен приобрести и больше единства и больше аналитического смысла. Такие моральные недозрелые теории, как твоя, — надобно оставить французским романам. Если ты хочешь позаняться и обдумать мои слова, то ты увидишь, что это тот самый недостаток, в котором я вообще тебя винил — и в научных спорах и во всем, — недостаток серьезного философского, общего взгляда.

Что такое чистота?

Что такое нечистота?

Думал ли ты об этих выражениях — и не приходило ли тебе в голову, что чистое может быть не чисто — и наоборот? Все это туман.

Ты читал мою главу о браке — что ты из нее понял? А если ты с ней не согласен — чему же вы восхищались?

Вся твоя диссертация написана исключительно в доказательство, что ты *загладила* какой-то поступок. Но — только такое заглаживание имеет смысл, о котором сам человек думает, что он мало сделал. И что за христианское искупление? Искупаться надобно пониманьем, шириной. Никто тебя в данном поступке *не винил*. Когда же ты поймешь, что тебя никто не упрекал в поступке, а в том, что ты написал сухую диссертацию в свое оправдание — там, где надобно было вскрикнуть: «Ах... все-таки жаль бедную женщину!» — и этот крик сердца был бы доволен, никто от тебя не требовал ни физиологических экспериментов — воздержности, ни будущего брака, и ты бы не дошел, может, до католических понятий о браке и его неизменной нерасторгаемости (как последнее идет с отрицанием воли — я в толк не возьму) — если б смотрел без доктринерства.

Старайся — *саго шю* — поступать согласно с совестью, но не строй теорий, не имея на это материала. Мне очень хотелось бы возбудить в тебе истинный дух наблюдения и анализа.

Ты много говоришь о дурных примерах, окружавших тебя. Много было дурного, но был же рядом пример — и даже два — *мышленья*, отчего же они-то и прошли мимо?

Чистотой я называю — как я, кажется, писал тебе или Тате — жизнь Рейхелей и Адольфа Фогта — эту работающую, здоровую, бедную, сильную жизнь, вовсе не зависимую от половых отношений.

Какое правило выйдет для жизни из этих бессвязных и старых понятий? — Поработай над этими вопросами поглубже и поговорим опять когда хочешь.

А теперь прощай.

Итак, Ольга и Мальв<ида> — в Венеции. Пускай себе, хоть и правильнее было бы спросить прежде совета.

Денег вам столько вряд придется ли. Сверх того я Тате се долю отдам.

Я писал о немеблированном доме. Сверх дома помни об имении попов — т. е. о их продаже. К Новому году или в январе можно многое сделать. Зачем ты отрываешься неспособностью — будь способен, это не игра на арфе и не живопись, а дело простого вниманья.

133. Н. П. ОГАРЕВУ

10 июля (28 июня) 1867 г. Ницца.

№ 1.

10 июля 1867.

7, Promenade des Anglais.

Приехал в 3 часа. Всех застал веселыми и в порядке — Тату в головной боли, но цветущую, N<atalie> для prime abord¹ очень дружелюбно встретила.

Жар на дороге был силен от 9 часов, но сносно.

Я забыл в Женеве лучшие летние панталоны — вероятно, со временем их можно прислать. Не понимаю, как они остались.

Вещей вовсе не смотрели.

Прощай.

Лиза благодарит и говорит, что очень мне рада.

Аминь.

Тх<оржевскому> поклон.

134. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

14 (2) июля 1867 г. Ницца.

14 июля 1867.

7, Prom<enade> des Anglais.

Любезнейший Тхоржевский,

я очень был доволен вашим извещением — и жду с нетерпением окончания. 500 фр. не нужно брать у Поворни — я их Чернец<кому> дам вперед на будущую работу. Я послал форму объявления о типографии, т. е. о перемещении ее. Пожалуйста, устройте несколько объявлений у Версова в журнале и три в «Journal de Genève». Необходимо с Вер<есовым> переговорить — об вывеске. Я прошу ее сделать на мой счет — кра-

¹ начала (франц.).— Ред.

сиво, как на лучших магазинах, по-русски и французски:

«Вольная русская типография
Imprimerie russe
L. Czernieckу»

Сегодня, т. е. в семь утра, едем в Монако — до вечера. Жар до сих пор стоит; до 6 вечера никто по улицам, по крайней мере по солнцу, не ходит. Ночи и вечера — теплы, как в бане, но с моря постоянно ветер. В комнатах прохладно — оттого что во всем городе ставни закрыты, и окна открыты внутрь, и постоянно сквозной ветер. Зато, выходя на улицу из темноты, можно ослепнуть. В сущности — все же климат здесь лучше, чем в Швейцарии. Если б не комары.

Прощайте. Книгу Черныш(евского), изд(анную) в Жен(еве), пришлите, когда будете что-нибудь посылать — выпишите ее от Бенды или купите.

Отдайте следующую страницу Чернецкому. Нат(алии)

{ Алексе(евна)
{ Александ(ровна)

и Лиза кланяются. Кухарка здесь хороша, но провизии мало (кроме рыбы), все портится от жара.

Будьте здоровы.

Бывшая горничная моей матери, которая тонула с ней и которая имела здесь ресторан, — сняла отель величиною с Eau de Genève... Вот что значит настойчивая работа — я не надивлюсь.

135. Н. П. ОГАРЕВУ

17 (5) июля 1867 г. Ницца.

17 июля.

7, Prom(enade) des Anglais.

№ 3.

Давненько нет писем. Дело Берез(овского) — вероятно, ты читал in extenso дебаты — конечно, блестяще для Франции и двойной плюхой для престолотечества. Сравни всё с каракоз(овским) процессом. Да и сам Березовский вырос в мученика. Я посылаю несколько строк в «Смесь», да еще о «Гмине» в спасибо за превосходные статейки их.

Жары сильные — но жить бы можно, если б не закрытые окна от комаров в спальнях. На сквозном ветру хорошо. К тому же все купаются. 14 мы были в Монако и там тоже купались. Я водил дам показывать казино и большую игру — поставил золотой и проиграл. А rporos, на дверях написано: «Французские подданные не впускаются». К этому и Флорестан прибав-

вил: «а также и подданные принца Мопасо». Так-таки наивно и сказано: лупи иностранцев, сиречь англичан и русских, пожалуй, американцев. Herrlich!¹

Дома все печально. Ответом на мои замечания — о ужасном воспитании Лизы (по плюсу и по минусу) — пошли упреки и наконец предложение ее отдать в Кольмар в пансион. Мое мнение ты знаешь — не вовсе не за пансионы — но при этих обстоятельствах я не вижу другого спасения; только я не верю, чтоб это было в самом деле. С тех пор жизнь ухудшилась настолько, что я предложил, под предлогом осматривания учебных заведений, уехать из Ниццы до сентября... и дал срок 24 часа: или изменить тон или отпустить меня. Мне больно за Тату да даже и за Лизу.

Несчастная женщина ... лишь бы все безумие не обрушилось на Лизу.

NB. От Тхор<жевского> получил от 16-го ответ на мое письмо от 14.

Прощай.

Я давал урок Лизе о Рюрике, Олеге и др. Все слушает, все помнит и учится легко. Не постигаю, что за неуменье. Если пансион истина — в сентябре переезжать.

Письмо твое сейчас получил.

136. М. МЕЙЗЕНБУГ

17 (5) июля 1867 г. Ницца.

17 juillet.

Vous êtes — *wasserumschlungene* Malvida — très arriérée. Vous attendez encore des *Zanzari* et nous en avons à Nice — une quantité prodigieuse. Que ferez-vous au mois *doux*? — C'était mon plus profond sérieux concernant les terres saintes. Mais on dit que l'affaire est impossible, que les financiers se sont déjà ligués.

Je suis mécontent de l'éducation de Lise — et je ne sais que faire, avec son esprit et sa mémoire on pourrait tout faire. Reste la pension... A propos encore une fois la prose — si vous pouviez avoir un maître de français pour Olga je payerais à part les frais. Croyez-moi — tout *Lagunenfrau* — que vous êtes, qu'elle a fait peu de progrès et qu'elle écrit comme on écrit à 10 ans. Prenez d'assaut la grammaire et après <I нрзб.> et les Nibelungen. Pensez que je le dis 5 ans — et un peu plus. Tata s'empoisonne, elle vit dans la mer.

¹ Превосходно! (нем.). — Ред.

Ah! Vous avez donc pincé votre Panofka — dans le grand canal, j'en avais le pressentiment. St.-Marc — et Panofka.

Was willst Du denn mehr?

Avez-vous lu (je suis sûr que non) — le procès de Bérésovsky, quel homme?... Acrenom! —

Le tribunal français s'est montré noblement.

Adieu.

Récapitulant vos deux lettres je trouve trois choses à noter.

1° Le 5 juillet vous trouvez que le climat de Venise est parfait étant venue — le 3.

2° Le 5 juillet vous dites que chaque semaine Olga envoie des rapports à Domengé et qu'elle s'occupe très bien — toujours étant venue le 3.

3° Dans la seconde lettre — l'énumération de livres que Olga lit — Richard Cobden, Mac-Culloch, Sir Sidney Smith, Laplace, Hegel et Salvandy... Mais... grâce... grâce... grâce... pourquoi lit-elle tout cela... et en premier lieu Richard Cobden?... *Fata Morgana*.

Bis morgen.

Votre ami

Sempiternel.

Перевод

17 июля.

Вы — wasserumschlungene¹ Мальвида — очень отстали. Вы еще ожидаете Занзари, а у нас здесь в Ницце они имеются — в потрясающем количестве. Что вы будете делать в *теплый* месяц? Все, что я говорил относительно святой земли, было совершенно серьезно. Но говорят, что это дело невозможное, что финансисты уже объединились.

Я недоволен воспитанием Лизы — и не знаю, что делать; при ее уме и памяти можно было достичь всего что угодно. Остается пансион... Кстати, еще раз проза — если бы вы подыскали учителя французского языка для Ольги, то я оплатил бы этот расход отдельно. Поверьте мне, — хотя вы и Lagunenfrau², — что успехи ее ничтожны и что она пищет, как пищут в 10 лет. Берите приступом грамматику, и лишь после этого *<1 нрзб.>* и Нибелунги. Подумать только, что я говорю это 5 лет — и даже немного больше. Тата скучает, она живет в море.

Итак, вы поймали своего Панофку — на Большом канале, я это предчувствовал. Святой Марк — и Панофка.

Was willst Du denn mehr?

¹ окруженная водой (нем.); ² венецианка (нем.). — *Ред.*

Читали ли вы (уверен, что нет) о процессе Березовского — какой человек?.. Черт возьми!

Французский суд поступил благородно.

Прощайте.

Подводя итоги вашим двум письмам, считаю нужным отметить три вещи.

1. 5 июля вы находите, что климат Венеции превосходен, в то время как вы приехали — 3-го.

2. 5 июля вы говорите, что Ольга посылает каждую неделю отчеты Доманже и что она очень хорошо занимается — а приехали вы 3-го.

3. Во втором письме — перечень книг, которые Ольга читает: Ричард Кобден, Мак-Кюлло, сэр Сидней Смит, Лаплас, Гегель и Сальванди... Но... пощадите... пощадите... пощадите... почему она читает все это... и в первую очередь Ричарда Кобдена?.. *Fata morgana*¹.

*Bis morgen*².

Ваш друг
вечный.

137. А. А. ГЕРЦЕНУ

17—19 (5—7) июля 1867 г. Ницца.

Tout ce que l'on conçoit bien s'enonce,
Et les mots pour le dire arrivent clairement, aisement³.

Ты это испытал очень хорошо, твои чтения о предмете тебе ясном — *были ясны*, и ты за словами не останавливался. Уже в споре об *libre arbitre* — ты больше брал усердием и военной атакой. А потому мне сдается, что ты напрасно ссылаешься на русский язык. Ты взошел в предмет случайно да и хотел его разрубить сплеча, — а он стоит рефлексов — так легко не рубится. Все конкретные вопросы, особенно в которых спутана традиция и революция, религиозная отрыжка и социальный перестрой, — вовсе не поддаливы.

Ты пишешь, что *много*, что всю жизнь думал об этих вопросах семьи и пр. Смотри прямо и насколько возможно объективно на себя — и не идеализируй и не фантазируй. В 1860—61 году ты был под влиянием старушки Фогт, практически устроившей прекрасно семью по чисто немецким понятиям — с примесью *Güte* и *Spießbürgerlichkeit*⁴. Отсюда сентиментальные *überspannte Gedanken*⁵ — и с ними период tanto poso буржуаз-

¹ Мираж (итал.); ² До завтра (нем.); ³ Все, что хорошо понимаешь, можно выразить, и слова для этого находятся ясные, непринужденные (франц.); ⁴ мещанства (нем.); ⁵ преувеличенные идеи (нем.).— *Ред.*

ного сватовства, потом обретение второго идеала в семье Шиффа — добренькая, гладенькая семья, выходящая из-за уровень физиологией и наукой, а вовсе не решением вопросов о браке, о семье. (Даже antecedенты Шиффа не идут в пример.) Далее беседы с Мейзенб<уг> — которая пущена как волчок без компаса по морю по океану всех мнений. Везде благодородная, везде в идеализме сороковых годов.

От меня, от Огар<ева> ты всего менее занял. Тут ты возражал, критиковал, делал оппозицию — и оттого написал сумбур, который, переведи по-английски или по-латыни, останется непереверенным сумбуром.

Общих правил нет — но есть импровизация поведения, понимаешь, такт, эстетика поступков, до которой развитой человек доводит себя — и которые составляют нравственный круг его действий и формы их.

Я снова ставлю вопрос: что такое чистота и нечистота, что такое плотоумерщвление, что грех и не грех? Нельзя же по бабью довольствоваться словами, избившимися в катехизисе и всех моральных книгах, и не критиковать, не разбирать.

Я навожу тебя на путь, сколько сумеешь пройти по нем — твое дело. Мне жаль, что я не прочту Огар<еву> письма.

По финанс<овому> делу ты все так же еще плоховато понимаешь. 1 янв<аря> 1868 — Америка отдает мне 60 000 doll. и затем баста процентов. Ротш<ильд> заверил, что он получит au pair¹ (золотом). Затем финал %. Стало, покупку надобно сделать — бумаги ли, дом ли, пароход или аэростат — но такой, который бы давал *навверное десять лет* минимум *шесть %*. Хлопочи, ищи, узнавай, я тебе охотно дам 100 000 фр. на личную покупку — и гораздо больше, если вы хотели бы купить втроем. Узнавай, не очень разглагольствуя. Я напр<имер> уверен, что по дороге от Ниццы в Геную, где будет желез<ная> дорога, можно купить удивительно дешево — дома и перепродать через пять лет вдвое, втрое. С системой ипотек, за $\frac{1}{3}$ наличного капитала всегда можно купить.

Но на все это следует труд.

Аделгейда — которая тонула в 1851 — держит здесь restaurant, а с 1 октября сняла hôtel величиной с Hôtel des Bergues.

Дело Берез<овского>, если ты не читал, прочти все. Что за милый — святой, и что за дитя. Он чистотой спасся travaux forcés² не навеки. Алекс<андру> Ник<олаевичу> сильный урок.

¹ по номинальной цене (франц.); ² от каторжных работ (франц.). — *Ред.*

18 июля.

Жаль мне, ужасно жаль, что Лизино воспитанье идет через пень-колоду. Жаль, что всякая связь между ей и тобой с Ольгой ослабнет. Тата ей полезна — но все же должна будет уехать. Я вовсе не решил, когда поеду, — может назначу свиданье в Генуе и приеду в 68 году.

Чернецкому мы приискали и устроили одно хорошее дело — не знаю, удастся ли.

Затем прощай.

Nice. 7, Promenade des Anglais, au 2.

19 июля. Пятница.

Забыл вчера послать. Все ладно — и еще прощай.

138. Н. П. ОГАРЕВУ

19 (7) июля 1867 г. Ницца.

19 июля. 7, Prom(enade) des Anglais.

N(atalie) посылает тебе прилагаемый портрет — а ты скажи мне, сразу ли узнал? Что за удивительная голова, что за печаль, за сила мысли... Это просто красота. Оригинальная фотография еще лучше, и гораздо.

Нового ничего. У нас потише, на некоторые перемены в воспитании Лизы я настоял и даю ей всякий день уроки. Меня одного она слушает — и Тате при мне легче с ней. Можно многое поправить и двинуть вперед. Скрепя сердце N(atalie) уступает — значит, *отлив*.

Лиза начинает плавать одна, без куржей. Море остается главной игрушкой.

Жар силен. Но со всем тем, что ни толкуй, жить можно только в этих полосах — богато хороша, изящна природа и как-то гуманнее швейцарской. Тата согласна, что здесь и до Генуи, Специи красивее Флоренции. Теперь, при перемещении капиталов, легко было бы купить дачу здесь или возле Генуи (я даже думаю съездить туда) — но «не подымается рука!» Безобразная triada наша, или трирасщепление, делает все невозможным. Одна Тата — я это вижу — готова и будет, пока можно, жить вместе. Может, всего досаднее, что и наша-то жизнь, т. е. твоя и моя, не может идти вместе и сурово разведена так, что концов не свяжешь.

Жаль, очень жаль, что все стало мечтой... Nous ne l'avons pas voulu, и крест положен по заслугам — но логичность того, что в иных случаях нос проваливается, не утешает пациента...

Чума Ниццы — это страшнейшая вонь в старом городе. Это ужас при 30° — не сделано ничего для дренажа (о А. Фогт!), и при этом жаре — нечистоты и гнилая рыба делают весь город клоакой. Мы вне этой атмосферы — для пояснения чего посылаю план. У нас совершенно чистый морской ветер...

Прощай.

139. Н. П. ОГАРЕВУ

22 (10) июля 1867 г. Ницца.

22 июля. 7, Prom<enade> des Anglais.

Переписка наша не идет, видно, за неимением материала, а потому я начну с печатного — неужели следующие статьи существуют в своде уг<оловных> зак<онов>? Их цитировал Эман. Араго при защите Березовского. Если так, напечатай перевод в «Смеси»¹.

«Art. 1425. On doit dénoncer dans le cas de ce genre de crime non-seulement les principaux coupables, mais aussi ceux qui leur ont accordé leur aide, ou donné leur conseil, ou *qui avaient l'intention de commettre le crime quoiqu'ils ne l'aient pas réalisée*: on doit les dénoncer non-seulement en se fondant sur des preuves évidentes et sûres, *mais aussi dans le cas où l'on ne peut se fonder que sur les récits et les oui-dire des autres*.

Art. 1426. Si quelqu'un déclare à son confesseur à la confession, qu'il a un mauvais projet contre l'honneur et la vie de l'empereur; ou qu'il se propose de faire une révolte ou d'accomplir une trahison, et si, en le déclarant, il ne manifeste ni regret, ni intention de renoncer à son projet, mais s'il le confesse uniquement pour s'affermir dans son projet criminel par le silence du confesseur, celui-ci doit le dénoncer immédiatement, vu qu'une

¹ Далее в письмо вклеена вырезка из французской газеты, текст которой представляет собой перевод двух статей «Свода законов Российской империи»:

Ст. 1425. Доносить надлежит в сем роде преступлений не токмо о начинщиках умысла, но и о тех, которые им помогали или совет подали или волю и хотение к тому имели, хотя в действие и не произвели; доносить надлежит в сем роде преступлений не токмо по известиям очевидным и достоверным, но и в тех случаях, когда кто сделался о том известным по слуху от других.

Ст. 1426. Если кто на исповеди объявит духовному отцу своему об умысле на честь и здравие государя или о намерении произвести бунт и измену и объявляя о том не покажет раскаяния и намерения оное отложить, но единственно исповедует о сем, дабы согласием или молчанием духовника в преступном намерении своем более утвердиться: то духовному отцу доносить о том немедленно, так как таковая исповедь не есть правильная, ибо исповедующийся не во всех беззакониях своих кается. (Свод законов Российской империи, т. XV, СПб., 1842).— *Ред.*

confession pareille n'est pas régulière, car *le pénitent n'a pas manifesté de regret sur tous ses péchés*.

Чернецкий мне прислал корректуру, которую я просил не присылать, — сибирской статьи; недостаточно франкировал и надписал «Nisse» вместо «Nice». Я ее отсылаю и прошу об одном: чтоб безобразнейший набор заглавия изменить совсем — если вы сами не догадались.

ПРИМЕЧАНИЯ — можно немножко покрупнее.

. к — огромным заглав(ием) Ital.
расставить.

Как же Чернец(кий) *noster*¹ так мало щеголь в деле печати? Вчера были в Ville Franch'e и Saint Jean. Лиза прыгает в море (она писала тебе) — с досок.

Сегодня N(atalie) получила 3 письма из России. Ал(ексей) Ал(ексеевич) в Москве, куда приезжал по случаю сильной болезни Мар(ии) Ал(ексеевны). Он пишет, что он узнал и что никаких препятствий на возвращ(ение) N(atalie) нет, и он зовет ее с Лизой *на два года в Яхонтово* — за ним походить. Вот твое предположение-то и сбылось бы.

В газетах видел, не без радости, что у Маршева сгорела фабрика.

Лугин(ин) сошел с ума — получил от Черкес(ова) 150 руб. для Сер(по)-Сол(овьевича) и пишет, что послал мне в Ниццу. 1-ое — ошибся в адресе — и я денег не получил, 2 — зачем же он меня мешает в эту грязь? Я его разругал как следует.

Прощай.

140. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

22 (10) июля 1867 г. Ницца.

Отец Тхоржевский.

Если получили II часть «Guide à Paris», пришлите ее сюда. Кофейник, одетый в блузу и панталонах, приехал и уже вступил в должность. Взяли только 50 с.

¹ наш (лат.). — *Ред.*

Писем я ни от кого не получаю, из чего заключаю, что у вас все благополучно и ничего интересного нет.

Очень жаль, что вы не можете на недельку приехать. Кроме жара и комаров — хорошо, особенно вечером. Лиза прыгает вглубь с досок. Каково?

Все вам кланяются и обоим Чернецким.

Заглавие большой статьи больно противно.

Г.

Р. S. Ваше письмо от 21 и Огар(ева) от 20 получил. Как только дело окончится, я пришлю Чернец(кому) чек. Город с ума сошел — как типографии отказывать, где основание?

141. Н. П. ОГАРЕВУ

25 (13) июля 1867 г. Ницца.

25, четверг — после обеда.

Писем не имею, стало, ничего и не знаю ни о деле Чернецкого, ни о чем другом. Подожду 5 часов.

«Голос» рекомендует продажу западных земель — раскольникам с гарантией веротерпимости и предлагает звать русских из Турции и Пруссии, — вот как поляки узнают, будет тебе трезвон. Какой-то дурак прислал мне книгу о Польше — пустейшие декламации и ругательства à l'adresse России — а мне прислал! Дальше ты найдешь строки три для «Смеси». Я в «Zukunft» написал. А пожалуй, мы еще и будем в России. Кошут собирается в Венгрию, и поговаривают, что Ос(ип) Ив(анович) ищет случая ехать в Италию. Лишь бы без ран на спине — и не частным проходом, а общей дверью. — Осиротеет тогда кладбище в Ницце — а я иногда смотрю с удовольствием на наши места и думаю: вот тут будет Ог(арев) — тут я, все же зам(к)-нутая история, и даже точка будет общая.

У нас тихо, *aigre-doux*¹ — меня глубоко оскорбляет заглавное неудовольствие к Тате и желание доказать ей (какова политичность), что она Лизе не полезна. А Тата делает всё, — даже лучшее что есть — храброе плаванье в море — сделала Тата.

Перед будущим — я с трусостью закрываю глаза. Несмотря на все слова — просто в пансион N(atalie) не отдаст Лизу. Что же делать? Я думал уж о Брюсселе, о Лионе (это всего бы лучше) — против Швейцарии *acharnement*².

Повторяю тебе: N(atalie) не в нормальном состоянии — она психически потрясена. Хорошо, если это не пойдет дальше.

¹ кисло-сладко (франц.); ² ожесточение (франц.).— *Ред.*

Теперь она говорит, что я ее здесь компрометирую — после десяти лет и ряда писем «приезжай, приезжай». Лиза выровняется, ее спасет ум — но сколько будет ломки. Сат<ин>a — не придет в нынешнем году. Если б Тата захотела остаться до будущ<его> года, — можно было бы уладить — без нее я не могу себе представить глупое положение Лизы. Что касается до рисованья и пенья — я скажу, что Тата плавает и уже сделала себе в Ницце репутацию. Лиза ей подражает и плавает (возле беньора) au large¹. По-моему, это искупает многое.

Прощай. Кланяйся своим.

25 — вечером.

Письмо от 23 получил. Жду твой взгляд и нечто. Веры не имею в твоё суждение — но буду судить действительно по совести. «Весть» и «Моск<овские> ведом<ости>» получать за 1/2 цены готов. Здесь теперь я имею «Спб. ведом<ости>» и «Голос» от Долгор<укова>.

Тхор<жевскому> я писал о вещах и о том, чтоб он прислал «Paris-Guide», II часть, если получил, — помнится, в понедельник.

Прощай.

У меня мысль сделать сборник из твоей книги о России (переделанной) и из моих статей французскую книгу. Надобно опять их ошельмовать — дураки, т. е. франц<узские> публицисты. Е. Жирарден всех умнее.

142. Н. П. ОГАРЕВУ

27—28 (15—16) июля 1867 г. Ницца.

27 июля. Суббота.

Новостей мало. У меня был страшный понос и теперь еще не прошел, с резью à la choléra². Журналов русских нет — все перехвачены. Это очень досадно — так я и не увижу все мерзкое поведение по поводу Берез<овского> процесса.

Напомни Чернец<кому>, что, если дело состоится, подобает афишу Monstre в прибавл<ение> к «Колок<олу>» и в «Journal de Genève» (послед<нее> на мой счет). Если есть место лишнее, надобно разгонистее печатать.

N<atalie> Сат<ину> писала. Но все же я думаю, saго mio, безрассудно рассчитывать на ббльшую сумму, как 6000 в год.

¹ на просторе (франц.); ² вроде холеры (франц.). — *Ред.*

Ты, кажется, ошибся и полагаешь, что я деньги оставил до 1 сентяб⟨ря⟩, а я оставил до 1 октября. Ты пишешь об уплатах, они всегда будут — надобно строгий бюджет.

Я гарантирую 6000, и если б Сат⟨ин⟩ гроша не прислал, но не больше, — да и ты сам не захочешь. Отчего, финансист ты эдакий, Рейхелю, Шиффу, А. Фогту, которые лучше тебя живут, имеют детей, прием, достаточно 5—6000? Уж не вино ли делает брешу? Обсуди хладнокровно и мужественно, а пока вот тебе счет за 1867:

от Сатина....	3300
от меня.....	250
Два чека....	1200
<hr/>	
	4750+150 за маленького

Ерго, до 6000, след., получишь.

1250+150 (за Сашу) = 1400 до 1 янв⟨аря⟩ 1868. Зачем же меняли чек, когда я, *предвидя*, написал 1 августа?

Прими это как *Warnung*¹ благодушно. Я скажу откровенно, что по твоей жизни 6000 достаточно — если б было больше — *c'est un autre*² дело, хоть до 60 000.

Что же сделал Лугин⟨ин⟩ с 500 фр. Сер⟨но⟩-Сол⟨овьевича⟩? Я не получил — он послал через *Credit au travail*; никто здесь не знает, что это такое. А ведь почта возит исправно до 4000 — и отвечает.

Я сегодня спал первую ночь после приезда сюда — устроил, наконец, кузинею, так что комары не могут подлетать.

Addio.

28. Воскр⟨есенье⟩.

Сегодня сирокко, — душно, нервно и очень хорошо, небо, на египетский манер, накалилось на горизонте, и море бурное.

Письма поздно ты получаешь потому, что я их отправляю вечером, — по жару нельзя ходить.

Если что услышишь особенно гнусного из русских статей, сообщи.

Все последнее время Лиза вела себя гораздо лучше. Тата *irréprochable*'на³ с ней — и такую помощь *N⟨atalie⟩* упускает из рук без сожаленья. Она охотно осталась бы еще долго... но при постоянно недовольном взгляде она, пожалуй, через месяц уедет. Теперь опять (с тех пор как я писал) штиль...

Насчет ума Лизы нечего беспокоиться — умом она растет, — но что ты скажешь на то, что *N⟨atalie⟩* допустила ее почти

¹ предупреждение (нем.); ² это другое (франц.); ³ безупречна (франц.). — *Ред.*

совсем забыть по-русски. В то время как Лизав(ета) сохранила ей английский язык? Из-за этого были баталии.

Понос прошел. Я принимал опиум с какой-то дрянью — это была дисентерия.

Прощай.

Тата кланяется — она еще не получала твоего обетованного письма. А Саша получил ли?

Письма нет. Посылаю вечером, след., ты должен получить во вторник — может, вечером в Лансу. Напиши для сведенья. Я написал борзую статейку по-французски — не послать ли в «Liberté» Жирардену? На это отвечай в первом письме.

143. М. МЕЙЗЕНБУГ и О. А. ГЕРЦЕН

28 (16) июля 1867 г. Ницца.

28. Dimanche.

Je n'ai pas beaucoup à ajouter. La lettre de Tata est *grandissima*. Je remercie Malvida pour sa lettre — elle est comme toujours bonne et me pardonne mes petites tracasseries sur la lecture de Cobden etc.

Où allez-vous? — Quand? — On pourrait peut-être arranger une entrevue de Tilsitt — mais n'espérez pas que je *vinisse* (c'est à Dom<engé> de décider si on peut dire cela) à Florence avant la nouvelle année.

Au reste ne vous hâtez pas de quitter — «la reine de l'Adriatique» — vous ne verrez rien de mieux.

Saluez de ma part Otrembo (chez Munster), le comte Khotomsky (partout).

Votre
Phocéén.

Je pense que vous savez que Nice a été bâtie par les Phocéens et a été habitée par des faux Italiens.

Ольга — NB. Pour lecture «I promessi sposi», «La disfida di Barletta» Walter Scott.

Перевод

28. Воскресенье.

Мне почти нечего добавлять. Письмо Таты — *grandissima*¹. Я благодарю Мальvidу за ее письмо — она, как всегда, добра и прощает мне мои маленькие придирки насчет чтения Кобдена и проч.

¹ крупнейшее (итал.).— *Ред.*

Куда вы едете? — Когда?

Быть может, возможно будет устроить свидание в Тильзите — но не надейтесь, чтобы я приехал (пусть Доманже решит, можно ли так выразиться) во Флоренцию раньше Нового года.

Впрочем, не торопитесь покинуть «царицу Адриатики» — ничего лучшего вы не увидите.

Поклонитесь от меня Отрембо (у Мюнстера), графу Хотомскому (где бы то ни было).

Ваш
фокиец.

Я полагаю, вам известно, что Ниццу выстроили фокийцы. а поселились в ней поддельные итальянцы.

Ольга — В. Для чтения: «I promessi sposi», «La disfida di Barletta» Вальтера Скотта.

144. А. ЛАКРУА

29 (17) июля 1867 г. Ницца.

Monsieur A. La Croix
Librairie Internat(ionale)
15, Boul(evard) de Montmartre,
Paris.

Veillez envoyer le II vol(ume) de Paris-Guide — à Nice, Alpes Marit(imes), à mon adresse Alex(andre) Herzen 7, Promenade des Anglais (dans le cas si vous ne l'avez fait expédier à Genève).

J'ai reçu votre lettre de Bruxelles du 24 juin — je n'ai pas répondu encore, voulant proposer un volume entier d'articles — sur la Russie. Je pense pouvoir en parler personnellement dans le courant de l'automne.

Recevez mes salutations empressées

Al. H e r z e n.

29 juillet 1867.
Nice.

Перевод

Господину А. Лакруа.
Международный книжный магазин.
15, Boul(evard) de Montmartre,
Париж.

Соблаговолите отправить 2-й том «Путеводителя по Парижу» в Ниццу, Приморские Альпы, по моему адресу: А. Герцену, 7, Promenade des Anglais (если только вы не распорядились послать его в Женеву).

Я получил ваше письмо из Брюсселя от 24 июня — я не ответил до сих пор, желая предложить целый том статей о России. Надеюсь, что я смогу переговорить об этом лично в течение осени.

Примите мой сердечный привет.

Ал. Герцен.

29 июля 1867.

Ницца.

145. Н. П. ОГАРЕВУ

29 (17) июля 1867 г. Ницца.

29. Понедельник, 10 утра.

Письмо, писанное 25 — посланное 27, я получил 29 и сейчас отвечаю. Чернец(кий) прислал «Колокол». Что это за безобразие: «Благо есть место» на белой странице. Заглавие моей статейки, распущенное в целую строку... Что он, с ума сошел? Это так глупо, что мы погибнем под бременем хохота. — Исправь и останови. Далее, разве он моей корректуры не получил? Ни одной поправки нет — или я мечтал, что поправил?

Ламентации о газетах положи предел в Café de la couronne. Одна речь — не пословица.

Что об этих статьях свода было в «С.-П. ведомостях»?

Белая страница в «Кол(околе)» с надписью у меня перед глазами... Ну, если вы так махнули!? Лучше было бы белый заглавный лист,

приб(авочный) лист и пр. — *мельче*,
заглавие статьи — *крупнее*.

Быть 11 лет типограф(ом) и не уметь этого.

Лиза сегодня первый раз бросалась с помоста в море одна — совершенно одна — и очень гордится. Разумеется, все это делается Татой. — Послед(нее) время довольно тихо. В Россию я не пушу — в остальном на меня находит какая-то резигнационная злоба.

Тата совершенно понимает положение и хотела бы, чтоб Ольга приехала... Я не говорю ни слова. Но что будет 20 сент(ября) (срок квартиры)?

Читаю роман Черныш(евского). Господи, как гнусно написано, сколько кривлянья и <И нрзб.>, что за слог! Какое дрянное поколение, которого эстетика этим удовлетворена. И ты, хваливший, — куртизан! Мысли есть прекрасные, даже положения — и всё полито из семинарски-петербургски-мещанского урыльника à la Niederhuber.

Ну что же твоя философия нашей жизни?

30 июля.

И еще писемцо пришло. Не бойся отпора и пиши. Я отнесусь без *aggrège-repensee*¹ и с уважением (внутреннего честного разбора) к твоей философии жизни. Не верю в нее — потому что знаю твою реконструкцию жизни и распространение амнистии на нас самих. Мы поступали вообще бесхарактерно и распущенно, в силу чего так же распустили все вокруг. За это нас бьют следствия, и мы к концу жизней ведем дрянную, узкую, нестроенную жизнь. Мы даже не умели устроить своей жизни вместе — а обстоятельства нас разведут еще дальше. Что ж, Огарев, можно сказать против этого?

Я не знаю, что N<atalie> хочет, какой официальности наших отношений? Я, наконец, приступил к горлу в вопросе: «Я на все согласен — да что делать?.. Ну, что?» — «Я не знаю». — «Чего же ты требуешь?» Когда нельзя было не отвечать прямо, она принялась за упрёки и объявила, что как Лизу отдаст — уедет куда-то. Все это делается, как только я было наладил немного получше Лизино воспитание... Я действительно исхожу в бессилии — не могу и с Татой всего говорить... Бросить Лизу одну в Кольмаре — тоже мне противно... И все-то это делается под именем любви!..

Скажи, что же мы за публици<исты>, когда работаем два года и не можем найти средства переслать весть S<ати>ну? У нас нет с Россией связи. Необходимость дать им *Warnung* в деле N<atalie> ясна... Руки опускаются.

31 июля.

Отвратительная встреча. Лиза забыла у Висконти свою мантилью. Я с ней пошел и в дверях нос с носом встретился с Ковалевским — так что и разойтись нельзя было. Я руки не подал, но поклонился — сказал несколько слов. Глуп он был, и дерзок, и сконфужен. Я очень недоволен. И зачем же этот человек в Ницце, зачем он вообще беспрестанно ездит? Везде — как гриб. Лицо его стало ужасно — исхудал, вдвое прыщей. Так снова и пахнуло на меня из эллипдных мест — и твоя сентенция пришла в голову: «К Женеве надобно привыкать»...

Как только я уезжаю — у тебя часть жизни покрывается завесой тайны. Ты ходишь на «необходимые свидания», «встречи», ты видишься с таинственными г<оспода>ми, — уж просто бы, без алгебры — поверь мне, что тайн нет. Да и то еще, что

¹ задней мысли (франц.). — *Ред.*

au jour d'aujourd'hui¹ пусть читают, что ты виделся с Мечниковым и даже с Жуковским.

А пророс. Ков<алевский> успел мне сказать, что виделся с Лугининым. Он мне не отвечал насчет денег С<ерно>-С<оловьевича> — я начинаю убеждаться, что и он плох, т. е. Лугинин.

Прощай.

Русские газеты совершенно не доходят. Жду о Чернецк<ом>. Что, спас ли ты приб<авление> к «Колоколу»?

Ученую статью предложи Вырубову (пожалуй, я напишу) — его адрес: 5, Rue des Beaux Arts. Твою «ситуацию» refondue² можно напечатать в сборнике, о котором мечтаю. Русский «Кол<окол>» мне всего противнее.

Насчет переписки натягивать нечего. Когда нет матерьяла, довольно два письма в неделю — так я и руководствуюсь. В замедление не очень верю — вы бросаете письма зря, т. е. не наблюдая часа. Это письмо, если я пошлю — пошлю вечером, стало, оно вечером 2 августа и придет, а если б послал утром, т. е. теперь, пришло бы в Женеву в обед завтра. В Petit Lancy почта ходит раз.

Доброе дело, что проветрил Тхор<жевского> на Салев.

Какая жалость, что роман Чернышевского писан языком ученой передней, — в нем бездна хорошего.

147. А. А. ГЕРЦЕНУ

1 августа (20 июля) 1867 г. Ницца.

1 августа 1867. Nice.

Пора окончить вопрос, вызванный историей Шар<лотты>, — ты не хочешь или не можешь стать на ту точку анализа и сильного перебора всех отношений людских, на которую мы звали, совершенно независимую от людских суждений и принятых сентенций. Время и мысль, если эти вопросы тебя занимают, сделают все это яснее переписки. Видал ли ты во всех отношениях человека *чище* Огар<ева>? В его голове, я думаю, не было ни нечистой, ни завистливой, ни злой мысли. Рядом с ним возьми обыкновенного и добросовестного аскета — строго нравственного (в внешних поступках). Диккенс мастерски рисует их портреты — он *чист* перед законом, вот и все. C'est le ton qui fait la musique³. О твоём поступке *никто не говорил* — говорили о твоих аргументациях и себяоправданиях. У нас в виду был общий тон, и от него мы перешли в общий вопрос —

¹ на сегодняшний день (франц.); ² переделанную (франц.); ³ Тон делает музыку (франц.).— *Ред.*

ты смотрел через себя. Довольно. Думай о вопросах — и погоди решать докторально. Я перечитываю роман Чернышевского «Что делать?» — Пришлю его тебе — форма скверная, язык отвратительный, а поучиться тебе есть чему в манере ставить житейские вопросы.

Свежий воздух у Фогта и Рейхеля делает искренняя, истинная неотлагаемая работа. Мы все вполовину парализованы, вполовину развращены — наследством и рентой. От ренты ты занимался спустя рукава до 1863 года. От ренты — Тата не рисует и не поет. От ренты — Ольга безграмотная. От ренты — Nat(alie) ставит вверх дном воспитание Лизы. — Пора понять эту простую истину. Если б отец Огар(ева), а не он сам прокутил бы свое имение, наш Огар(ев) был бы признанный гений — и не имел бы эпилепсии. Мы защищены только тем, что сами ломаем дерево «злата и сребра», на котором сидим.

Приведи все это в порядок — да и подумай.

Мейз(енбург) писала, что ты хочешь нанять дачу в Poggio Imperiale. Я не советую — вы очутитесь в монастыре на всю зиму и будете за все про все иметь Monod и Levier. Лучше приискать квартиру без мебели, исподволь ее меблировать, а пока, пожалуй, жить в пансионе — верно, есть пансионы, которые ежемесячно возьмут от 5 до 6 фр. в день. След., за троих 15—18, за четвер(ых) 20—24.

Ergo в месяц 600 — max(imum) 700 фр. с Татой. Мебель я потому решаюсь покупать, что в январе будут фракции капитала свободны. Я во Флоренции не останусь надолго — и хотел бы купить что-нибудь или по взморью здесь или в Швейцарии. — Когда Тата воротится, я не знаю — вероятно, в конце сентября. Она очень полезна для Лизы (Лиза плавает, прыгает с досок в море, делает planche¹...). Жаль, что нельзя ничего устроить сообща.

Я здесь почти без газет из России, на 5 № — приходят 2..!

Прощай.

Переслать ноты можно, и, верно, дешево.

148. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

3 августа (22 июля) 1867 г. Пицца.

3 августа 1867, вечер.

Любезный пан.

Чернецк(ий) просит, сверх 500, поручиться за него в 1000 фр., — кому? т. е. у кого взять? В банк он должен 2000. Итак.

¹ буквально: доску, т. е. плавать на спине (франц.). — *Ред.*

будет на мне 3000 — да еще 500. Мудрено. Да сверх того нужны будут на машину через год с лишком 3000. Итого 6500. Нашей работы не будет больше 2500 в год.

Нельзя ли продать старые машины?

Впрочем, узнайте у банка или в другом месте. Если дадут по 6% на три года — я поручусь.

Пожалуйста, напишите ваше мнение и Огарева.

Мне очень хочется печатать на французском языке книгу. От Стеллы письмо — вы знаете, что он пишет о Желудкове? Получили ли вы деньги за «Колок(ол)»? Не нужно ли вам? Ковалевский — здесь живет.

Прощайте.

Пишите хоть раз в неделю.

3. Вечер.

Сейчас получил Огарева письмо — со всем согласен. Боборыкина не жалеть. А «Голос»-то напечатал, что «Кол(окол)» прекращается.

Ни «Вести», ничего нет.

149. Н. П. ОГАРЕВУ

4 августа (23 июля) 1867 г. Ницца.

4 августа). Воскресенье — вечер.

Совершенно дружески прочел твою утопию и отвечаю сейчас. Я не того ожидал. Я говорил о законности или консеквентности Немезиды — а ты делаешь план будущему. Не знаю, что возможно через год или годы, но теперь наша артель вряд возможна ли. Она даст место новым столкновениям и еще раз сгнетет и сузит нашу жизнь. После сильной передраги теперь мир и тишина, так что можно говорить — постараюсь поддержать это расположение. Но от этого до жизни вместе — бесконечность. Разве в одном городе — и двух разных домах? Иначе мудрено.

Насчет раскаяний — ты и не можешь их иметь, ты и до сих пор сохранил юность и чистоту. Все зло в твоей жизни произошло от пьянства, им ты потерял здоровое здоровье (под этим я разумею не аппетит, а способность жить как все люди и независимость от нервных страхов), им потерял состояние, которое облегчило бы тебе не только добровольные тяги, но участие в общем деле. Но это порок субъективный, и им ближних ты бил только рикошетом — стало, нет и речи о намеренном вреде или даже сознательном. Далее ты говоришь: «Не бросить же мне их». А кто же это предлагает? Если б я

не знал, что тебя заставляет так говорить раздражительный фамилизм — я бы рассердился. Между прочим, вспомни, как ты переехал из Буасьеры. Уезд N<atalie> в Montreux был преступленьем (точно так же, как страшный отъезд из Tinstalhou's в Париж в 64 году) — но что же нам мешало взять квартиру вместе (Рейнак предлагал уступить свои комнаты тебе, помнится, за 600 или 700 фр.). Ты не хотел. Но, может, мне удалось бы, пользуясь мнимой уступчивостью твоей, склонить тебя. Я не сделал этого. Вот причина: ты пил безмерно и говорил, что пьешь оттого, что не можешь спать — а спать можешь только на другой квартире — и оттого пьешь. Это было *смерть* или Petit Lancy. Я чувствовал весь вред переезда — но перед большим вредом остановился. Что же ты сделал? Стал спать на славу и пить вдвое — из-за этого мы чуть не дошли до ссоры. Помни, что я тогда верил, что вино тебе вредно. Будь ты как все люди, я и теперь сказал бы: заведи квартиру в городе с лавкой (заметь, что праздность M<eri> тоже ни к чему не ведет) — и найдем дачу близко, ты будешь ходить в город и жить на даче. Но жить на два хозяйства в одном доме — невозможно.

И что ты говоришь о лжи и истине? Если ты говоришь о прежнем времени — это панихида, а теперь и так все ясно. А лучше скажи мне, кто возьмет на себя сказать Лизе всю тайну. И как она должна в ней отразиться? Вот главное. Лиза тебя любит замечательно. N<atalie> готова сказать, я не позволю — разве один ты можешь это сделать... хоть передавая мне.

Кстати, Лиза степенью лучше — и я много способствую. Сверх учителя музыки (очень хорошего), к ней начал ходить професс<ор> лица для арифметики — тоже шустрый. Если б N<atalie> дала какую-нибудь волю Тате — можно было бы до зимы все устроить. Посмотрю, долго ли мир продержится. Мы собираемся все проводить Тату в половине сентяб<ря> в Геную. Пробудем там дней десять — хорошо бы зиму там провести N<atalie> и Лизе. Генуя теперь от Флоренции часов 8 езды. Связь с Татой была бы жива. Весной можно бы было, если воспитанье пойдет скверно, ехать в Альзас. Я, вероятно, в ноябре поеду в Париж — могу прежде завернуть в Женеву.

Еще — чтоб кончить о частных делах. Сегодня опять писано S<атину> о деньгах. Но какая же тебе разница, от него ли, от меня ли, — до 6000 ты непременно получишь, стало, ты именно и хочешь 7 и 8... Будь осторожен. Взял ли ты Генри из дорогой школы, знает ли он, что он должен выучиться *в срож*, ех<empli> gr<atia> в два года? Делать нечего, чем скорее возьмешь из пансиона — тем лучше.

Чернецк<ий> просит сверх 500 еще 1000. C'est un article très cher¹ в нашем хозяйстве — и конца нет.

Я француз<ское> предисловие написал бойко и с петардами — только книжку твою «Situation» надобно очень и очень переделать — refondre и renouveler, rafraichir et colorier².

Чернышевского роман читай, много хорошего. Он похож на Бакста: урод и мил. А вред он должен был принести немалый.

Addio.

Прошу ответ на все рассуждения — и представь больше удобоисполнимый план.

150. Н. П. ОГАРЕВУ

6—7 августа (25—26 июля) 1867 г. Ницца.

6 августа. Вторник.

Мысль моя та — издать француз<скую> брошюру, не замыкая ее, а оставляя себе право издать 2, 3 и т. д. Мне ужасно хочется обидеть лятеелей за их бессмыслие. Твоя книга должна представить Grund und Boden³. Но, вероятно, в ней многое устарело. Слогом ее были недовольны все французы — посоветуйся с Р. Leroux. Всего легче ее поправить переписывая. А там в форме — делай что знаешь. Прибавление ли, или refonte⁴. Наконец, явилась «Весть». Это статья «Kreuz-Zeitung», зачем же мне отвечать Скар<ятину>? Он не прибавил ни слова, а перепечатать имел право. «Zukunft» поместил мой ответ. Пошли приб<авление> «Кол<окола>» в «Голос», «Москву» и еще куда следует.

«La Nouvelle Pensée» я выпишу, она вовсе неизвестна. Я Жир<ардену> хотел послать для «Гласности». Его читают 50 000 человек (а сколько в café) — а «Новую мысль» читает Барни. Как кажется, придется издать книгой.

А вот забава. У нас лежала четыре года «История средних веков» Стасюлевича — в передней, везде. Я ее захватил без мысли (она Утина) и открыл, что это — клад. Сборник статей и отрывков того времени. Я держусь за мое вечное сравнение Европы с падающим Римом.

Твое «нечто» в последнем письме темно. Я и тебе делаю вопрос тот же, как N<atalie>: что делать? Я решительно готов

¹ Это очень дорогая статья (франц.); ² переплавить и обновить, освежить и придать колориту (франц.); ³ основу (нем.); ⁴ переделка (франц.).— *Ред.*

на все. Ведь переездом в один дом — того, о чем ты говоришь, не исправишь. N<atalie>, как пришлось сказать *что*, усмирилась за наименьшем такового. Напечатать в газетах?.. Истинно не понимаю.

О своде и книгах, которые надобно выписать, — мы уже говорили сто раз, и я всякий раз говорил, что их следует выписать, и, разумеется, не на счет денег S<атина>, а просто.

7. Середа.

В Ливорно холера, говорят — и в Генуе. Во Флоренции берут меры, и здесь, говорят, будет карантин. Вот тут и делай проекты. Мы, как я писал, живем на чистом воздухе, ну а за старый город отвечать нельзя.

«Zukunft» поместил мое заявление, пишу в «Figaro». «Pensée Nouvelle» никто не знает, даже в списке новых журналов нет. Видишь, что я отгадал. Нельзя ли от Барни узнать, кто издает, где и цену?

NB. Не дурно было бы, если б ты мне прислал экзем<пляр> твоей брошюры «Situation»...

151. К.-Э. ХОЕЦКОМУ

7 августа (26 июля) 1867 г. Ницца.

7 août 1867. Nice (Alp<es> Mar<itimes>).
7, Promenade des Anglais.

Cher Charles Edmond,

J'ai été très content de vous rencontrer si près dans le Paris Guide, — vous me précédez et vous mettez vos bottes sur ma tête. Je vous rencontre d'une autre manière — et très souvent à Nice — l'année 1851 (et 52) est constamment devant mes yeux. Je voudrais en effacer beaucoup — *ewig still steht das Vergangene*.

J'ai immensément à vous dire. Peut-être je passerai par Paris en retournant à Genève. En attendant j'ai un service à vous demander. Nous avons suspendu *jusqu'au 1 Janvier* 1868 — le «Kolokol». Nous en avons averti tous les libraires, nous en avons parlé dans le journal (que je vous envoie) — pourtant on s'acharne à dire — que nous avons *cessé de paraître* tout de bon — que la Cloche est morte. Hier j'ai vu cela dans le Figaro — j'ai écrit immédiatement — avant-hier dans la Zukunft. Voulez-vous m'aider en cela en faisant dire par les organes amis — que le bonhomme vit encore — et n'est nullement disposé de faire le plaisir du suicide pour S<a> M<ajesté> le Tzar¹.

¹ A propos — jetez un coup d'œil sur mon récit du voyage de S<a> M<ajesté> dans le Kolok.

Il y a deux mois — Michelet et Quinet m'on fait faire un faux pas. J'ai écrit un article sous le titre «Mazourka» — très petit et très mordant pour la Russie officielle (vous l'avez) — les deux Olympiens de Veytaux m'ont dit d'envoyer l'article à Neftzer — et de lui écrire une lettre. Or je ne savais pas — que notre philosophe Alsacien — répugne d'insérer des articles dans ce genre — et n'écrit pas de réponse à nous autres simples mortels. Je ne veux pas m'adresser à lui — *Le Siècle* — grand dieu quels articles sur la Russie il imprime — on croit lire l'Opinion nat(ionale).

Dites de grâce est-ce que cela vous plaît? — Le brave Henry Martin et le *fervent* Talbot... et l'absence de tout savoir, et les «thuraniens» (Le Paris Guide en a fait thusaniens) — et c'est par de pareilles armes — qu'on va faire la guerre — non au Tzar — mais à nous.

Vers la nouvelle année je publierai une petite brochure — sur cette question. J'ai été entre autres très mécontent d'une partie de vos compatriotes — à propos d'un article d'Ogareff — que nous avons expliqué, commenté etc, ils m'ont dit des sottises et des injures en oubliant que nous avons perdu toute notre influence — restant avec la Pologne.

Adieu. Je crains de vous ennuyer.

Je vous serre la main.

Al. H e r z e n.

P. S. Parmi les ruines de 51 et 52 j'ai trouvé ici —
Pacelli — photographe
Ferret — *idem*.

Les restes d'un tailleur — d'un Visconti, de Delbèque... tout le monde se rappelle de vous. J'ai aussi vu Haug en Italie — toujours érotique, toujours général — pour agir à coup sûr — sur les Vénitiennes, il avait un gilet bleu clair avec des fleurs et des mouches et une cravate bleu foncé avec des gueules de lion, l'œil d'un des lions était percé par une épingle en or et hydrocéphale — tellement la tête était grande et lourde.

A propos lisez-vous le russe — *encore?* J'ai fait un article sur Engelson.

Перевод

7 августа 1867. Ницца (Приморские Альпы).
7, Promenade des Anglais.

Дорогой Шарль-Эдмон,

я был очень доволен, встретив вас так близко в «Путеводителе по Парижу», — вы передо мной и становитесь башмаками мне на голову. Я встречаюсь с вами и по-иному — и очень

часто в Ницце, — год 1851 (и 52) постоянно у меня перед глазами. Я хотел бы многое в них забыть, но ewig still steht das Vergangene¹.

Мне надо об очень многом поговорить с вами. На обратном пути в Женеву я заеду в Париж. Покамест я должен просить вас об услуге. Мы до 1 января 1868 приостановили «Колокол». Мы предупредили об этом всех книгопродавцев, сказали об этом в самой газете (которую я вам посылаю) — тем не менее с остервенением утверждают, будто мы просто *перестали издаваться* — будто «Колокол» скончался. Вчера я прочитал об этом в «Figaro» — я тотчас написал — третьего дня в «Zukunft». Не можете ли вы мне, объявив в дружеских органах, что курилка еще жив и вовсе не расположен доставить удовольствие своим самоубийством его величеству царю².

Два месяца назад Мишле и Кине толкнули меня на ложный шаг. Я написал статью под названием «Мазурка» — очень маленькую и очень едкую по адресу официальной России (она есть у вас) — оба олимпийца из Вейто посоветовали мне отправить статью Нефтцеру и написать ему письмо. А я и не знал, что наш эльзасский философ терпеть не может печатать статьи такого рода и не отвечает нам, простым смертным. Я не хочу обращаться к нему — «La Siècle» — боже мой, какие статьи о России он печатает, — можно подумать, что читаешь «L'Opinion nationale».

Скажите, пожалуйста, как вам это нравится? — Доблестный Анри Мартен и ревностный Тальбот... и отсутствие всякого знания, и «туранцы» («Путеводитель по Парижу» превратил их в тузанцев) — и с подобным-то оружием будут воевать не против царя — а против нас.

К Новому году я издам небольшую брошюру по этому вопросу. Между прочим, я очень недоволен некоторыми из ваших соотечественников — по поводу статьи Огарева, которую мы объяснили, комментировали и т. д., они мне наговорили глупостей и дерзостей, позабыв, что мы потеряли все наше влияние, оставшись на стороне Польши.

Прощайте. Я боюсь наскучить вам.

Жму вам руку.

Ал. Герцен.

Р. S. Среди руин 51 и 52 я нашел здесь:

Пачелли — фотографа,
Ферре — idem³.

¹ вечно недвижно стоит прошедшее (нем.). — *Ред.*

² Кстати, взгляните в «Колоколе» на мой рассказ о путешествии его величества.

³ тоже (лат.). — *Ред.*

Остатки портного — Висконти, Дельбека... все вас помнят. Я также видел в Италии Гауга — по-прежнему эротичен, по-прежнему генерал, — чтобы наверняка действовать на венецианок, у него был светло-голубой жилет с цветами и мушками и темно-синий галстук с львиными мордами, в глаз одного из львов была воткнута золотая булава-гидроцефал — настолько головка была велика и тяжела.

Кстати, читаете ли вы по-русски — *еще?* Я написал статью об Энгельсоне.

152. Н. П. ОГАРЕВУ

8 августа (27 июля) 1867 г. Ницца.

8 августа.

Письмо от понедельника пришло. Чернецкий может с твоей помощью сделать французскую особую аннонсе¹ о типографии — и разослать (на мой счет) главным книгопродавцам.

Неужели ни Фогт, ни Резен не могут помочь? Чернецкий просил 500 и поручительство в 1000 фр. Что он теперь скажет, не знаю.

Твоя сциентифическая статья не может идти в сборник чисто политико-полемиический.

Охота вам встречать Нефгала — ну, были раз, и довольно.

Газеты, посланные вместе с письмом, всегда приходят 3-мя днями позже (так было зимой). Висконти получает через пять № один. Я уверен, что я половину «Голоса» не имел. Stell'e послал. Мне очень неприятно, что Долгоруков перестанет посылать и не предупредивши меня. Тхоржевский может ему это сказать. Три «Пунша» получены.

Какое же сомнение в симпатичном письме «Новой Мысли»? Non carisco². Моя статейка в «Guide-Paris», II volume³, мало искажена, зато опечатки ужасные.

Я вчера писал к Хоецкому, чтобы он трубил, что «Колокол» не прекращался. Мне кажется, что лучше делать издание лист французский и лист русский.

Когда ты начнешь роман Чернышевского? Это очень замечательная вещь — в нем бездна отгадок и хорошей и дурной стороны ультранигилистов. Их жаргон, их аляповатость, грубость, презрение форм, натянутость, комедия простоты, и — с другой стороны — много хорошего, здорового, воспитательного. Он оканчивает фаланстером, борделью — смело. Но, боже мой, что за слог, что за проза в поэзии (сны Веры Павловны), что за представитель семинарии и Васильевского

¹ объявление (франц.); ² Не понимаю (итал.); ³ том (франц.). — *Ред.*

острова! Как он льстит нигилистам! Да, и это, как гебертизм в 1794 году,— фаза, но и она должна пройти.

Прощай. Лугин<ин> поступил как мальчишка — не ответил мне насчет 500 фр. С<ерно>-С<оловьевича>. Ковал<евский> здесь и никуда не показывается. На мой вопрос «зачем он здесь?» он отвечал: «По делам». В Ницце — дела...

Дома — ни то ни сё. Я с ужасом предвижу для Лизы отъезд Таты (в конце сентяб<ря>). Лиза положительно лучше себя ведет. Но что за край, что за край, что за мягкость, за нега воздуха!.. Теперь яростных жаров не будет — везде цветы, запах... Какой грех ехать отсюда к зиме!

Addio.

Вечер.

Письмо Тхоржевского и Токаржевича получил, за Чернецкого поручиться на *три года — готов*. Засим addio.

153. А. А. ГЕРЦЕНУ

10 августа (29 июля) 1867 г. Ницца.

10 августа. Nice.

От Желез<нова> переведенные деньги. Чернец<кий> 56 фр. велел заплатить. Дело Чернецкого кончено, он снял новую типографию и, если будет очень стараться, может заработать до 4000. Это очень достаточно. Благо начал финансами, еще раз о твоих и наших счетах. Конечно, для оборота до Нового года можно нанять виллу Naldini. Составь порядком бюджет.

Я считаю, что ты получил от меня 1000 фр. Сколько ты взял из 4500 Авигд<ора> и из 255 и 300 после всего из 5000?

Тате я здесь дал 400 фр. Ольге послал 100 (послед<нее> не в счет) — нельзя же вам и за Тату там получать. Всего с 1 января вы получили 13 155. Тата до янв<аря> полу<чит> еще 400 и только по прошлому долгу вашему (если она останется дольше 1 октября) — я зато не вычту дальнейшее. Стало, вам придется:

13 155	15 000	В январе уж писал дома — опять 4500.
400	13 555	
<u>13 555</u>	<u>1 445</u>	Эти могу прислать в октябре.

Р. S. Огареву из них 150.

Помни, что Ад. Фогт, Шифф, Рейхель и пр. живут 5—6000 в год. Распоряжайся практично. — Тебе, Тате и Ольге — за глаза довольно (с уроками) — 15 000 фр., меньше вы и не получите.

Если Чернецкий устроится — это мне экономия в almeno 2000 фр. в год. Найди верное placement — хоть в 7 или даже 6 $\frac{1}{2}$ % в год — и я отделю тебе капитал.

P. S. По части экономии — можно держать одну кухарку и девочку, не ездить часто в карете — когда можно ходить, а главное забыть о существовании Панофки — совершенно брошенные деньги. Если я получу рано деньги — я могу только сделать одно: дать 1000 фр. вперед в 1868 год.

Напиши, почем теперь промен на золото.

Что у вас холера? Здесь берут меры. В Геную, видно, не придется ехать.

Прощай.

Нефталъ в Женеве, богат и едет навсегда в Америку.

W. Мне очень хочется издать на франц<узском> брошюру. Domengé бы, я думаю, лучше всех поправил. Но даром я не хочу и не могу. Спроси на всякий случай. Я хочу ругнуть прессу за то, что не умеют различать правительство в России от нас.

154. Н. П. ОГАРЕВУ

10 августа (29 июля) 1867 г. Ницца.

10 августа 1867. 7, Prom<enade>
des Anglais.

Акт, который мне прислал Тхорж<евский>, тем плох, что в нем не упомянут прежний заем Чернец<кого> (2000) — а он причислен к новому займу 1000 — и вышло 3000. Стало, у них в руках: а) гарантия в 2 т.,
b) гарантия в 3 т.
Сумма 5000.

Первую надобно взять назад — пожалуйста, если Тх<оржевский> и Чер<нецкий> не видят этого, растолкуй им дело. Теперь у нас в банке знакомые — а через три года кто там будет? Да и будет ли банк?

Я очень рад, что дело кончено.

Что касается до твоих планов, çaго mio, думаю, что всё это мечты. Подумай сам о всех столкновениях даже в двух этажах — и о характерах, и о всем остальном¹.

В двух домах в одном городе, и довольно близко — это всего возможнее. Можно ли делать семью из таких гетерогенных элементов? Я намекал N<atalie>, но что-то толку не

¹ Ex<empli> gr<atia> обед общий или врозь; если врозь — глупо. Если ты один с нами — неладно, а прислуга?

добился, ни отпора, ни симпатии к твоему плану. Теперь скажи мне, когда же мы с тобой договоримся до ясности во взгляде на нашу жизнь и дойдем до общего одного убеждения? Я настояще зло вижу в нечастном характере N<atalie> и его-то, а вовсе не фальшивое положение, и принимаю за последствия опрометчивого поступка. Но, может, я бы против такого последствия взбунтовался — не могу от Лизы. Это так просто и ясно, что нельзя не понять. Если б N<atalie> меня слушалась — без всяких артелей и фаланстеров, все шло бы гладко, как в Putney.

Тебя я никогда ни в чем не винил и об этом писал. Но я опять скажу, что как только речь доходит до твоих семейных отношений, ты теряешь пониманье. Неужели это не отчаянный фамилизм? Послушай, я говорю — жить надобно тебе с нами (буде было бы возможно), а для M<ери> нанять квартиру. Ты отвечаешь: «Бросить их я считаю подлостью». — Безумие, — я тебе объясняю. Ты поясняешь мне, что «бросить», по-твоему, значит удалиться в другой дом. Второе — далее: тебя опыт мало учит, и ты имел пример, что воспитывать юношей ты не можешь. В чем же *истина* твоего отношения к молод<ому> человеку? Ты его портил и, может, не только распущенностью — но и примером (о чем не раз говорила M<ери>) нетрезвого поведения. Итак, говори просто — *ты не можешь и не хочешь жить врозь*. Это будет ясно. Я, если б мог быть Лизе чем-нибудь, живя врозь, сделал бы это сейчас и приезжал бы к ним наблюдать — но с N<atalie> этого невозможно, она всякого рода внешней близостью мреят внутреннее отношение.

Мы воспитывать не можем — на это доказательство — сама N<atalie>, Саша... (и он был юношей — что же мы, два мужа, серьезно сделали для него: я с 1852, ты с 1856?). Мы *мало* даем себя — ты с любовью, я с фальшивым желаньем.

Наконец, на тебе и не лежит та Немезида, которая лежит на мне. Ты даже побеждаешь свой недуг.

Зачем я, зная по страшной истории 1851—52 года, дерзко и необдуманно бросился на увлеченье? Зачем я потом не пожалел детей? Ну, за это я и унижен в своих глазах и страдаю. Верь мне, что это не фразы. Наконец, еще раз — грехопадение не тут. Грехопадение как *причина* в распущенном эгоизме и как *факт* в истории 1851 года. Краеугольный камень был вынут — свод рухнул. И ни ты, ни Чернышев<ский> в романе — вы ничего не разрешили в этом вопросе.

Твоего выражения «призрачного характера» я не понимаю. Я полагаю, что и у меня и у тебя характеры *рамоли* в двух разных формах, и из всего этого заключаю о себе, что только в общих сферах я и имею значение, а семейный человек дрянной — а ты, при тех же условиях, сделался отличным семьянином.

Теперь к практике. Тата, может, останется здесь еще дольше — но что же потом? В отношении воспитанья N<atalie> совсем, окончательно поврежденная. Т<ата> сколько-нибудь, но немного держит в узде. Ехать бы, ну хоть весной, в Лозанну. Я предлагал теперь — ответа нет.

Ай да Нефталь — дошел не только до Ниагары, но до фотографии — пришли, если хороша.

Не съездить ли в Америку — меня подмывает. И дела устрою отлично, и весь путь даром — на проценты.

Где взять француза для поправки статей?

В. Я полагаю, что сборника франц<узского> можно издать несколько книжек. Твоя брошюра не взойдет вся в первый.

155. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

10 августа (29 июля) 1867 г. Ницца.

10 août 1867. Nice.

7, Promenade des Anglais.

Mon cher Tchorzevsky,

Je viens de signer ma caution pour m. Czerniecky — et je vous l'envoie. Mais, pour ne pas faire de confusion, il faut retirer ma caution de 2000 donnée antérieurement. De cette manière — il semblera que je garantis 5000 fr. et non 3000. Faites cela et donnez-vous la peine de m'en informer¹.

Если Бакст затруднится, не отдавайте бумаги. Само собою разумеется, в случае особенно хороших дел Чернецк<ий> может отдать и раньше 3 лет. С их условиями заем выходит в 8 процентов.

Засим прощайте.

А. Герцен.

P. S. Если Огар<ева> фотография будет удачна — закажите 6 экз<емпляров> для меня и пришлите.

156. М. П. ПОГОДИНУ

13 (1) августа 1867 г. Ницца.

Вы мне поверите, если я вам скажу, что строки ваши меня очень обрадовали. Рознь нашу мы оба знаем, но, стало, есть же

¹ Дорогой Тхоржевский,

я только что подписал поручительство за Чернецкого и посылаю его вам. Но чтобы не вышло недоразумения, нужно взять обратно мое поручительство на 2000, которое было дано ранее. А то будет казаться, что я поручился за 5000 фр., а не за 3000. Сделайте это и возьмите на себя труд уведомить меня (франц.).— *Ред.*

родная *русская бечевка*, которая нас связывает. Жду с нетерпением вашу статью о швейцарской встрече.

Письмо ваше я получил в Ницце — что бы вам ехать в Константинополь через Ниццу — Геную! Одним бы я вас угостил: я написал, для поучения французов, нечто вроде братского увещания, в котором бархатной перчаткой подал полынную пилюлю.

Я напечатала особой брошюрой «Encore une fois le vieux monde et la Russie». Меня в бешенство приводит их высокомерное невежество. Да и немцы не лучше. Одни англичане — не знают и молчат.

В России, сколько мне видно, только суды и идут хорошо. Остальное смутно и едва уловимо издали.

«Колокол» мы приостановили до 1 января. Хочется мне издавать его по-французски и по-русски, но не перевод, а общие статьи, *leading-articles* — по-французски, «Смесь» — по-русски. Мне пришла опять охота пожучить западных матadors.

Зачем в России нельзя печатать моих статей — ну, хоть без подписи?

Пышлю письмо, как вы указали, на имя *Monsignor'a* Васильева.

«Карамзина» не получал. Мне из Женевы все пересылают.

Благодарю вас еще раз, но непременно жду вашего «Русского». А вы подумайте: из Парижа прямо в Ниццу, отсюда 10 часов пароход в Геную — а там *Messageries Imperiales* и итал<ьянские> пароходы. Вы знаете, что в Сицилии сильная холера.

Ницца пуста и хороша. Напишите строку, и — *horribile dictu*¹, — я беру на себя квартирмейстерскую должность, и найду вам близко гостиницу.

Здесь Наталья Александровна, моя старшая дочь, и Лиза. Все занимаются плаванием в море.

Зачем вы едете к туркам? А ведь критян и болгар не надо бы было подбивать, если нет силенок помочь.

Весь ваш А. Г.

Если уведомите о получении письма, я буду очень благодарен.

Nicc (Alp<es> mar<itimes>)).
13 августа 1867 г.
7, Promenade des Anglais, au 2.

¹ страшно сказать (лат.). — *Ред.*

Что глаз болит — предосудительно, что он болит на другой день после отъезда Ньютеля — неосторожно. У нас здоровье à l'ordre du jour¹. Жара страшная и притом штиль, море не колыхнется, вода в море 20° (100° тер.) — и ничего, только работать трудно. Праздность итальянцев понятнее в такое время. Я встаю в 1/2 6-го и в 6 купаюсь. В 7 или в 1/2 8 жар уже невыносимый, и до 7 вечера — и вечером воздух только охлаждается близ моря. В 1/2 12-го мы ложимся. Мяса почти никто не ест, фрукты, мороженое и рыба в неистовом количестве. Лиза пожирает персики, ренклоды и землянику, как слон. Она здорова очень — но жар разваривает ее. И при всем эта полоса изящнейшая. Я никогда не чувствовал это больше. (Старость) — и Женовой не прельстишь меня. Даже я прощаю

Zanzari die Komarvollen Nächte

Die ich auf meinem Lager weinend saß.

Домик близ Генуи... и покой. Но это все еще за горами.

Погодину писал любезности и послал в Париж через *nona Васильева*.

Тхор<жевский> прав насчет объявления о типогр<афин>. Его следует сделать вместе с другими анонсами — но как же у вас не нашлось ни одного человека, чтоб в «Колок<оле>» (который, наконец, получил) — напечатать о перемещении типографии *на французский язык?* Ведь это ясно как день.

Ясно и то, почему твоя статья не может взойти в специальный сборник. Я, помнится, тебе писал, и не раз, что моя мысль издать по-франц<узски> сборник статей новых и старых *о России* под заглавием «Encore une fois le vieux monde et la Russie— Rec. redigé par Herz<en> et Og<areff>»... Теперь положим, что Александр Македонский великий человек, но его история Квинта Курция сюда не идет. А уж русские стихи еще меньше (об русском сборнике и речи нет). Стихи пусть попреют — к ужину (1 янв<аря> 1868) поспеют. Досадно очень, что я отрезан от журналов. Я дивлюсь, как ты можешь жить без них.

Я свое предисловие почти кончил. Можно из «La Cloche» взять статей десять. Не печатать ли все это просто француз<ским> «Колокол<ом>»? Я отвечаю за 10 первых листов.

Как только Погод<ина> журнал придет — прочти, что это за статья обо мне, и пришли ее, если не велика, пожалуй, в пакете². Меня очень интересует она. Я звал Погод<ина> заехать — по дороге (он едет в Константинополь и Иерусалим!)

Прощай.

¹ в порядке дня (франц.).— *Ред.*

² Он еще указывает на «Впечатл<ения> присяжного заседателя».

Рукой Лизы Герцен:
Милый Ага звалю тебя.

Это написано стоя и, по-моему, скверно.

А что роман Чернышевского? Брошюру твою получил.

Вечер.

Скажи Тхорж^(евскому), что письмо его получил от 12. Все очень хорошо. «Голос» следует выписывать — но не платить же за прошлое, — видно, до октября побиться. Да не может ли важные статьи отмечать Мерчинский? Со стороны Долг^(оруква) я считаю неприсылку «Голоса» за разрыв. Если он имел что против меня, он мог бы сказать мне, а не звать на прощальные обеды — хорошо было бы внушить ему это. «Моск^(овские) вед^(омости)» и «Весть» — с куроной.

Надобно бы «Русский вестник».

У Висконти теперь ничего нет, должно быть, он подписался до 1 июля — говорит, что получит.

Об объявлении я с Тхоржевским согласен. Может, и следует предупредить Трюбнера в перепечатывании с переделкой брошюры Огар^(ева) и ему дать 50 экз^(емпляров) за это — если попросит.

Отчего о «Голосе» просто не написать в редакцию от имени Тхоржевского и не послать за месяц деньги — будет опыт.

«Пунш» не пришел.

158. А. А. ГЕРЦЕНУ

17 (5) августа 1867 г. Ницца.

17 августа 1867. Nizza.

Пишу несколько строк. Письмо твое к Тате, т. е. финансовая часть его, меня привела в смущение — и я перебрал еще все записки. Когда я писал тебе, что денег после авигдоровских — в нынешнем году не будет, не помню. Если считать уроки Паноф^(ки), то вы получили все, и с хвостиком. Но видя, что вы как-то запутались, я их не считаю. Затем вот последний расчет.

К 1 ноябрю (или в конце октября) я пришлю 1000 фр. — отдам Огар^(еву) 150 и Тате 400. 150 Ог^(ареву) я не ставлю ни в какой счет, их я дарю тебе, — Виргиния заплатила 2200 фр. (с 1860 года в первый раз), из них тебе этот барыш. Если крайность, то я пришлю еще в декабре 1000 фр., но их зачту в будущий год. Я еще раз скажу, что считаю 14 000 совершенно

достаточными (с приб^ылью) выйдет до 15 т^ысяч), как нынешний год) — умеете распорядиться.

Мне советуют мой долг 6% Un<ited>-St<ates> променять на их же новый заем, может, я так и сделаю, за этим к зиме поеду в Париж.

Теперь два пункта. 1-ое. В Сицилии и в Ломбардии — т. е. в Комо, сильная холера. Кто отвечает за какое-нибудь Rimini? Полагаю, что Мейз^{ен}буг и Ольге возвратиться в Флоренцию — а если и там сильная холера, то ехать сюда. Обдумай это.

2-ое. Насчет Таты — я совершенно отдаю на ее волю. Полагаю, что пока я здесь — ездить ей незачем, у вас же нет ни дома, ни заведенья. Все это время шло довольно тихо — и я думаю, что Тата вряд потеряла ли много, что не была в Флоренции. Ваш круг очень односторонен и далек от другой кипучей жизни — и от России. У нас всё время шло чтение — преподавание. Теперь что делать с ее апатией (поддерживаемой твоими размышлениями, когда следовало послать ноты — что не может стоить дорого) в живописи и музыке — я не знаю и думаю, что в 22 года — нечего усиливаться. Лиза идет в ученье хорошо, у нее яркие способности, и особенно логические. Учители хороши, и очень. Плавает она au large — очень храбро. Главное баловство — в грубости. Присутствие Таты много помогает всей атмосфере. Вот и всё. К Мейзенбуг напишу сегодня.

Еще от тебя письмо. Тата, пока холера, не поедет. Я сам собираюсь — коли очень — двинуться внутрь Франции. А коли очень сильно кургуз возьмет — можешь и ты приехать.

159. М. МЕЙЗЕНБУГ

17 (5) августа 1867 г. Ницца.

17 août 1867. Nice.

Quoique je ne voudrais pas gâter la formation de vos Riminiscences, mais je vous écris un peu dans ce but. La Sicile est envahie de choléra, on parle de la Lombardie (à Como par ex<emple> elle est très forte). Dans ce cas la maladie peut se jeter à Rimini. Dans ces petites villes d'Italie il n'y a ni médecin, ni moyens de se préserver. Or je pense que vous devez au premier bruit aller à Florence. Si Florence serait envahie — (à Livourne, à Gênes — il y a beaucoup de cas) — je vous inviterai très sérieusement de venir passer un mois ou deux ici — peut-être même il faudra quitter Nice. — Dans ces cas il faut se concentrer — et non s'éparpiller.

Pensez-y. Les frais de voyage ne doivent pas vous inquiéter — à propos Alex<andre> ne sais pas compter et confond tout. Vous

avez encore 1000 frs. à recevoir pour cette année, et je pourrais faire une petite avance pour l'année 1868.

Maintenant encore un mot — tâchez avec Alex<andre> d'arranger les choses de manière à ne pas dépenser plus de 14 m<ille> francs avec Tata, par an. La 15-me mille ira en cadeaux et extra. Et c'est mon maximum. Je jure devant Dieu et Francesca da Rimini — c'est suffisant.

Ne regrettez non plus les leçons de Panofka. L'éducation aristo doit aussi enfin subir un changement radical (nous en parlons beaucoup et nous ne faisons rien) — à quoi bon cette perte énorme d'argent est-ce que Tata est devenue chanteuse? Olga ne la sera non plus — donc, ce sont des talents d'agrément — ces distractions esthétiques du «*dolce far niente*». Baser une éducation *moderne* — sur les demi-talents et la philologie est selon moi une faute. Certainement il vaut mieux d'apprendre la médecine, et quelque chose de positif. Laissez — *cara mia* — tomber la vieille Ève — comme nous tâchons de nous défaire du vieil Adam.

L'amour ne doit pas aveugler, j'aime Og<areff>, mais vraiment je ne dirai pas qu'il a une voix comme Linda et qu'il touche le piano comme Wilhelmina Claus. Je voudrais voir tous les talents possibles dans mes enfants — je me borne au petit nombre de ceux qu'ils ont.

J'écris un article de polémique — et je continue d'être agressif — pour ne pas sortir de la verve.

Or — je conseille au premier bruit de choléra — *d'andar via*.

J'écrirai une autre fois à Olga — je l'embrasse.

Rebus. Отгадать:

1-ый. Chacun court vers sa patrie

Dès qu'elle est en danger.

Tata devina vite.

Перевод

17 августа 1867. Ницца.

Хотя мне и не хотелось бы мешать наслоению ваших Римини-сценций, тем не менее пишу вам, имея в виду отчасти и эту цель. Сицилия охвачена холерой, поговаривают и о Ломбардии (на Комо, например, она свирепствует). При этих обстоятельствах болезнь может переброситься и в Римини. В маленьких итальянских городках нет ни врачей, ни предохранительных средств. Поэтому я полагаю, что при первых же слухах вам следует ехать во Флоренцию. Если и Флоренция подвергнется

вторжению (в Ливорно и Генуе — много случаев), я вполне серьезно приглашаю вас приехать на месяц-другой сюда — возможно, что и Ниццу придется покинуть. — В подобных случаях следует собираться вместе — а не рассеиваться.

Подумайте об этом. Пусть вас не тревожат путевые расходы. Кстати, Александр не умеет считать и все путает. Вам остается получить еще 1000 франков за этот год, и я мог бы дать небольшую сумму в счет 1868.

Теперь еще словечко — постарайтесь устроиться с Александром таким образом, чтобы тратить, вместе с Татой, не более 14 тысяч франков в год. 15-ю тысячу я дам в подарок и на чрезвычайные расходы. Это мой максимум. Клянусь богом и Франческой да Римини — этого достаточно.

Не жалейте об уроках Панофки. Аристократическое воспитание также должно подвергнуться коренному изменению (мы много говорим об этом и ничего не делаем) — к чему эта огромная трата денег? Разве из Таты вышла певица? Из Ольги тоже не выйдет — следовательно, у них только таланты для семейного круга, это эстетические развлечения «*dolce far niente*»¹. Основывать *современное* воспитание на слабой одаренности и на филологии, по-моему, ошибочно. Конечно, лучше было бы изучать медицину или вообще что-либо положительное. Страхните с себя — *saia mia*² — ветхую Еву, подобно тому как мы стараемся отделаться от ветхого Адама. Любовь не должна ослеплять, я люблю Огарева, но, право, не скажу, что он обладает таким голосом, как Линда, или что он играет на рояле, как Вильгельмина Клаус. Я бы хотел, чтобы мои дети были наделены всеми талантами, какие только возможны, но довольствуюсь тем немногим, чем они обладают.

Я сейчас пишу полемическую статью и все время нападаю — чтобы не потерять воодушевления.

Итак — советую при малейшем слухе о холере — *d'andar via*³.

Ольге напишу в другой раз. Я целую ее.

Ребус. Отгадать:

1-ый. Каждый стремится в свое отечество,

Как только оно в опасности.

Тата быстро отгадала.

¹ «во время сладостного безделья» (итал.); ² моя дорогая (итал.); ³ уезжать (итал.). — *Ред.*

18 (6) августа 1867 г. Ницца.

18 августа. Воскресенье,
после обеда.

Что за проклятая невралгия, и как долго! Вот тебе и Женева, а мы здесь на окраинах холеры благоденствуем. Только жары невмочь — но благодаря сквозному ветру — жить можно.

Журналом Погодина ты меня довел до припадка бешенства. Это вовсе не тот лист, мне нужна статья его *обо мне*, как он говорит, писанная в мою *защиту*. Я непременно об ней буду писать — но когда и где добуду?

Мое письмо в «Фигаро» и в «Zukunft» ничтожно, а также и строки в «Temps» — а по их поводу у меня был второй припадок бешенства. Хоецкий пишет ко мне (теперь-то!) — о твоей статье и считает тебя заклятым врагом Польши. Я долго думал, отвечать ли, и решил отвечать. Что это за мозги! Один Токаревич понимает что-нибудь. Я читаю теперь Духинского — и иной раз перечитываю, чтоб убедиться, что такую белиберду можно так серьезно писать.

Брошюру твою почти всю прочел (я ее читаю с Татой, оттого медленнее) — она очень хороша, но устарела во многом, и потому многое следует переделать. Слог больше небрежный, чем дурной, и какой-то местами беззвучный. Бездна английских слов оскорбляет: *settler, settlement, saving, beauty etc.*¹, счет на гиней — еще больше.

Обороты иные хороши только в полемике — а я хочу из твоей книги сделать для них руководство. Напр<имер>, называть освобождение крестьян «измененным рабством» — не годится. Особенно когда они не надвигаются, что и в посессию дали землю. Во многих местах надобно прибавить красок. Знай публику. Ко мне пришел здесь познакомиться сам председатель гражд<анского> суда. Юрист, ученый, не старый, серьезный — ну, а как дело дошло до России, — ни тени сведений. Я ему обещал дать твою книгу.

Дома все довольно хорошо, хотя и был опыт — вспышки (я ее ждал наверняка, потому что утром принесли письмо от Ал<ексея> Ал<ексеевича>, который потерял деньги на дороге и спросил в Москве долг у Вешнякова, — но тот отмолчался и прислал *сто* целков<ых> в уплату тебе, которые Ал<ексей> Ал<ексеевич> и задержал).

Лиза целыми днями мила. Все так же плавает. Она хотела тебе сообщить, что я сегодня тоже прыгал с досок в море и

¹ поселенец, поселение, спасая, красивая и т. д. (англ., франц.). — Ред.

плавал с ней au large, но вспомнила, что воскресенье и что писать нельзя. Говорит она точно большая, со всеми нюансами в выборе слов маркизы S. Germain'ского предместья. Она продолжает питаться ягодами, фруктами и мороженым.

Холера свирепствует в Палермо, Ливорно и *Комо* (туда как попала?). Я вчера послал Мейз(енбуг) инструкцию ехать из Rimini — сейчас в Флоренцию, если есть малейший случай болезни (во Флоренции нет). Я аларме не отдамся — но, если перебросит хол(еру) сюда — на свой страх не оставлю Тату, N(atalie) и Лизу. Можно ехать в Montpellier, даже в Тулузу, Бордо.

Засим прощайте.

А не правда ли, хитрая штука, что ты пишешь на имя Таты?

Тхорж(евскому) кланяюсь в пояс. Уж он не достанет ли Погод(ина) жур(нал) 9 и 10 листы? Да вот еще: когда он увидит Барни, он бы спросил у него, как мне сделать, чтоб заплатит за присылку «Coopérative» — кому и что? Зачем же даром получать.

161. К.-Э. ХОЕЦКОМУ

18 (6) августа 1867 г. Ницца.

18 août 1867. 7, Prom(enade) des Anglais.
Nice.

Mon cher Khojezky,

Comme ma lettre n'a pas un besoin urgent de réponse — lisez-la avec calme et un peu d'amitié. Votre dernière lettre m'a fait très sérieusement beaucoup de chagrin. Comment vous, qui me connaissez depuis vingt ans — vous, qui connaissez mes rapports avec Ogareff — vous répétez des calomnies d'hommes qui ne comprennent pas ce qu'ils disent, ou désirent se défaire des derniers Russes qui sont restés avec vous.

Citez-moi *une ligne, un mot* d'Ogareff qui pourrait justifier l'accusation que vous portez contre lui — *un seul mot*. Vous qui connaissez le russe, vous n'avez donc pas lu l'article spécial — qui a été pris pour prétexte de tomber sur nous. Vous ne connaissez pas de quoi il s'agit. Oui cela me navre le cœur — et j'ai cru mal agir en ne vous disant pas mon opinion. Ogareff en parlant de la vente des biens séquestrés a dit — pourquoi êtes-vous bête même dans vos iniquités, vous vendez à des seigneurs russes et à des Allemands. Mais si vous en êtes à des spoliations — pourquoi avez-vous exclu les paysans? — C'est tout. Et vous concluez de là — que Ogareff — cet homme dévoué,

aimant, grand a une haine contre la Pologne! Et cela après les dix années de nos travaux. Nous avons expliqué l'article — (la «Gmina» a reproduit notre lettre) — mais les unjures tombées nous ont obligé à nous taire.

Va pour les autres — mais vous!

Oui — il faut encore une fois dire en quoi consiste notre foi. Je le ferai. Je l'ai fait dans une lettre à Aksakoff que je vous ai envoyée. L'avez vous lue?

Ne m'en voulez pas pour cette lettre. Je ne pouvais me taire sous <le poids de> vos paroles.

Adieu.

Votre dévoué

A. Herzen.

Je vous remercie de votre coup d'épaule amical, j'ai lu les lignes insérées dans le «Temps» — et vous, avez-vous lu mon petit article — la «Mazourka»? Ce n'est pas trop hostile — *I think*.

Перевод

18 августа 1867. 7, Prom<enade> des Anglais.
Ницца.

Дорогой Хоецкий,

так как мое письмо не требует спешного ответа — то прочтите его спокойно и дружелюбно. Ваше последнее письмо в самом деле очень огорчило меня. Как это вы, знающий меня в течение 20 лет, — вы, знающий мои отношения с Огаревым, — вторяете измышления людей, которые не понимают того, что говорят, или которые желают освободиться от последних русских, оставшихся с вами.

Приведите мне *хоть строку, хоть слово* Огарева, которые могли бы подтвердить обвинение, взводимое вами на него, — *хоть единое слово*. Вы, который знаете по-русски, вы, стало быть, не прочли специальной статьи, которая послужила предлогом, чтобы обрушиться на нас. Вы не знаете, о чем идет речь. Да, это раздирает мне сердце — и я дурно поступил бы, не высказав вам своего мнения. Говоря о продаже секвестрованных поместий, Огарев сказал: почему вы глупы даже в своих беззакониях? Вы продаете русским помещикам и немцам. Но если вы дошли до этих грабежей, почему вы исключаете крестьян? — Вот и все. И вы заключаете из этого, что Огарев — этот преданный, любящий, большой человек — питает ненависть к Польше! И это после десяти лет наших трудов. Мы объяснили статью («Гмина» напечатала наше письмо) — но навшие на нас оскорбления заставили нас замолчать.

Другие — это еще куда ни шло, но вы!

Да, надо еще раз растолковать, в чем заключается наша вера. Я это сделаю. Я это сделал в письме к Аксакову, которое я послал вам. Прочли ли вы его?

Не сердитесь на меня за настоящее письмо. Я не мог молчать под <тяжестью> ваших слов.

Прощайте.

Преданный вам

А. Герцен.

Благодарю вас за вашу дружескую поддержку, я прочел строки, напечатанные в «Temps» — а прочли ли вы мою статью «Мазурка»? Это не так уж враждебно — I think¹.

162. Н. П. ОГАРЕВУ

23 (11) августа 1867 г. Ницца.

23 августа. После обеда. Пятница.

Давно нет что-то вестей, последняя записка была от Тхор<жевского> от 17 авг<уста>. Неужели все невралгия? У нас тоже своя невралгия. Недели три тихой жизни надоели. Что это за несчастнейшее существо, забивающее себе иголки под ногти, чтоб обвинять других в боли! Вчера я говорил с Татой — вижу, что ей уж не очень втерпёж — она сильно обижена беспрерывными намеками, что «она чужая Лизе», что «у Лизы семья — Сатины и больше ничего», — и я исключен. Я Тате сказал, что она может ехать через месяц. Вот и эта карта лопнула. И все это черт знает зачем. Начали искать квартиру на год — умнейшее, что можно сделать. N<atalie> объявила мне, что везет Лизу в Кольмар, — и это в половину сентября — хочет Лизу в пансион, сама идти в службу при пансионе... Письма из России сушая отравы. Теперь новая штука — Мария Алек<сеевна> Идиллия и Алекс<андр> Деспот-Зенов<ич> едут весной в Дрезден. Ал<ексей> Ал<ексеевич> придет за N<atalie>, чтоб ехать вместе в Дрезден. Мне в Дрезден ехать невозможно. Сат<ин>ы, кажется, в Москве. Хорош гусь С<атин> — ни малейшего отзыва на наши приглашения, — а без него беда.

Я предложил ехать Женевою — ни под каким видом. Я заметил, что это озлобление против тебя и детей страшно безнравственно. На это — предложение разрыва на том основании, что она, 1-е, не может примириться с тобой, 2-е, полюбить детей, 3-е — потому что не может официально признать нашу жизнь и сказать Лизе, что она дочь. Я считаю, что это душевредительство ребенка. «Ну, в таком случае я сделаю, чтоб она вовсе не

¹ я думаю (англ.).— *Ред.*

знала, кто ее отец, в пансионе легко». А потому ехать 10 сент¹ (ября). Здесь жить теперь превосходно, тихо и недорого, до весны было бы прекрасно. Но уж тут разум молчит, и (экономия, сберегающая ботинки и огарки—тоже) — «Ехать... ехать!» Я написал письмо строго и серьезно, хочу попробовать *сourir d'Etat*¹... Не знаю, что будет. По несчастью, у Таты нет приюта до октября, — может, я с ней проеду по Женеве. Я не за Кольмар и не против. Зато я против Пензы. А за что можно отвечать?

А ты, юноша, воображал завести *гинекей* и общинное житье. Тата, разумеется, возмущена.

Если переменится решение, я отрежу все флуктуации, наяв в Ницце дом.

Ужасно скучно и возмутительно!

163. Н. П. ОГАРЕВУ

24 (12) августа 1867 г. Ницца.

Холеры здесь нет, и в Генуе, кажется, прошла. Сегодня была здесь сильная гроза. Это, вероятно, и послед¹ (нее) очистит.

От Каппа письмо из New York. Он тоже советует продать бумаги и купить америк² (анские) — теперь *aggio*² хорош.

Может, и придется ехать из Ниццы — это не к добру, — здесь очень хорошо. В пансион N³ (atalie) Лизу *réaliter*³ не отдаст, а сцен будет много. Может, я поеду в Париж для амер³ (иканской) сделки.

Письмо, как видишь, получено (от 21).

164. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

24—25 (12—13) августа 1867 г. Ницца.

24 авгу³ (ста). Суббота.

Любезнейший Тхоржевский, получил еще письмо от Погодина. Он пишет, что отдал все № «Русского» и книгу (один экзем³ (пляр) — П. В. Долгорукову) книгопродавцу *Курхбергеру в Эмсе* и велел их отослать Георгу в Женеву, все опять говорит о своей статье обо мне. Попросите Георга написать (и франкируйте письмо) к нему. Мне нужен тот лист «Русского», в котором статья обо мне — «Встреча в Монтрё». Обделайте это дело.

¹ государственный переворот (франц.); ² лаж, промен (итал.); ³ в действительности (франц.). — *Ред.*

Мне, вероятно, придется съездить в Париж — Капп советует не ждать продажей до января, а продать теперь; он говорит, что курс на золото высок, так что я могу выиграть даром целый годовой процент; он думает, что надобно купить новый заем, но не нефтальский, а Uni<ted>-St<ates> 6% 1868—1881. Иду к консулу; должность его здесь занимает американский поп. Затем прощайте.

25. Воскресенье.

Сейчас из моря. Погода здесь удивительная. После грозы жары сдали — море тихо. Мы все научились плавать, вода теплая, и о холере ни слуха ни духа. Вчера было в «Figaro», что около Женевы открылась холера — не верю и думаю, что они говорят о Генуе. В Ливорне и Риме — есть, во Флоренции нет. От вас, вероятно, будет недельный рапорт — жду его.

Очень хорошо, что стол продали. Деньги возьмите в ваше хозяйство.

Ольга кланяется вам, я ей писал, что вы спрашивали. Они (т. е. Мейз(енбург)) возле Rimini — в Faeno, я писал строгий приказ — ехать в Флоренцию при первом холер(ном) слухе, и даже сюда.

Лиза учится гораздо лучше: учителя музыки и арифм(етики) очень хороши; она по-прежнему дивит умом, тактом — и большими шалостями.

Кланяйтесь Чернецким, Даничу и не кланяйтесь Касаткину.

Addio.

А что наши эллипидисты?

165. Н. П. ОГАРЕВУ

27 (15) августа 1867 г. Ницца.

27 августа. Вторник.

Твое письмо маленькое — но klein, aber lustig¹. Новость о Кельс(иеве) все-таки перевернула меня. Помнишь ли, как он раз в Orsett Hous'e защищал какого-то шпиона-поляка? Мы чуть не побрались. Хорошо иметь старую нравственность, когда у самого нет новой... 2-ое, приезд Бакун(ина). Что же это он в пис-конгрессе, что ли, беспокоится? Гвалтерю — его врага — прогнали с губернаторского места. Скажи ему, чтоб он не давал чинить реакцию Петру Влад(имировичу) в «Писе». Я очень рад, что меня там не будет, — и вообще, несмотря на твое высокое покровительство, Женева мне противна... Здесь

¹ маленькое, а веселое (нем.). — Ред.

я чем больше живу — тем больше вживаюсь. Да, это удивительная полоса земли.

А пророс — что я писал о Путнее и что хвалил, во-первых, я забыл, а во-вторых, наверное, ничего не хвалил. Прошу тебя справиться. Как можно хвалить начало всех осложнений?

Насчет общего житья — и думать нечего. Мало ли какие хорошие вещи могут мечтаться — неужели ты все еще не сообразил всю ширь невозможности.

Сат<ин> на ярмарке — жена его собирается в Москву. Деньги, вероятно, вышлет (сегодня письмо) — если нет, то я могу вперед тебе прислать 500 фр. Сиречь тебе следует до 6000:

1150
от Саши 150
Приб. 500

1800,

а если Сат<ин> пришлет достаточно, мой совет — возьми еще 700, тогда будет 2500 — а остальное оставь в экономии у меня на 1868 год.

Ты знаешь, что Виргиния заплатила какие-то паршивые 1200 фр. (да еще бумажками—доллар в 3 фр. 76), из них я и могу прибавить 500 — и 500 детям.

Если удастся Капшова программа, то я могу выиграть тысяч до 30—25 в кашит<але>, а 5 т. в impuls¹ нас всех. Я, вероятно, 5 сент<ября> (4 — Лизино рождение, напиши ей, она тебя очень любит) поеду в Париж. Вероятно, дам тебе адрес к Бамбергеру или Ротшильду. Пробуду там дней шесть или семь.

Дома у нас чудеса. Лишь только я согласился на Кольмар и принялся писать к профес<ору> Куфу и даже к Стелле—ветры подули с другой стороны — и решено Кольмар оставить до весны. Но это не всё. Лиза, сильно баловавшая последнее время с Татой, вдруг сделалась с ней большим другом. Это вещь замечательная. Только это секрет, и секрет потому, что Лиза просила Т<ату> не говорить. Тата ей рассказывала о том, как она была маленькой мила — и как избаловалась теперь, какой неприятный рli² приняла и пр. Лиза все слушала — слушала и тихо плакала, потом ушла одна в свою комнату и там все плакала, а вечером положила Тате под подушку письмо—по-французски, в котором пишет, что хочет исправиться и чтоб Тата ее любила, и просит об этом не говорить N<atalie>. С тех пор она ведет себя очень мило и страстно полюбила Тату. N<atalie> не надвигается. Она могла бы страшно много сделать теперь — но боюсь. Учится она положительно хорошо.

Вот и все. Я не купаюсь третий день — от морск<ой> воды вышла сыпь на руках. Погода необычайная.

¹ поддержка (англ.); ² привычку (франц.).— *Ред.*

«Русский» прислал Погод(ин), об этом я раза два писал. Я получил от него еще письмо — он отправился в воскр(есенье) в Иерусалим и пишет мне: «До свиданья на том свете».

Франц. «Prolegomena» готовы, 45 страниц. Весь вопрос в том, печатать ли отдельной брошюрой, или первым ливрезоном, или, наконец, «Колоколом». А кто поправит? Статья эта всем будет костью в горле. Я попробую в Париже прочесть отрывки.

Чем хуже и пустее статья, тем лучше плаванье. «Монитёр» перепечатал часть моей статьи из «Paris-Guide».

Прощай.

Я хотел писать статью о «Что делать?», но оставил, чтоб не раздражить его стаю. В нем много хорошего. Это — удивительная комментария ко всему, что было в 60—67, и зачатки зла также тут. Прочти же его.

Тхорж(евскому) я писал в воскресенье. Не предложить ли Бакун(ину) комнату, т. е. мою спальню, без servic'a¹ и еды? Мерчинскому кланяйся.

От кого слух о Кельс(иеве)? Не от лабазника ли Касаткина?

Читал ли ты процесс Касса и Parent? Прочти.

Знают же, кто русские ходят в «Куруну». Как же вора не поймать?

NB. От Хоец(ого) ответ дипломатический. Конст(антин) Ник(олаевич) хотел его видеть? Это что?

166. К.-Э. ХОЕЦКОМУ (черновое)

27 (15) августа 1867 г. Ницца.

27 août.

Je vous suis vraiment très reconnaissant de votre lettre que je reçois un peu tardivement, envoyée de Genève.

Si j'étais trop susceptible — pensez à ma position. [Toute ma vie]. Après une existence entière dévouée à une seule activité, à une seule idée, à un seul service, auquel tout était sacrifié [sans jamais faillir, sans avoir un seul reproche politique de méfiance et], traité par ses alliés (je parle d'une grande partie des Polonais de l'émigration) en ennemi et cela parce que l'on ne sympathise pas avec toutes leurs élucubrations. J'ai vu dans l'ensemble de vos paroles — leur insinuation, et je sentais

¹ услуг (франц.).— *Ред.*

vivement que je n'avais pas mérité cette méfiance. J'accepte de tout mon cœur votre explication, je vois que j'ai exagéré la portée de vos paroles et je vous tends avec la même franchise la main, en demandant un oubli complet de l'incident.

Mademoiselle Meisenbug...

Перевод

27 августа.

Я вам поистине весьма благодарен за ваше письмо, пересланное из Женевы и полученное мною с некоторым опозданием.

Если я проявил чрезмерную обидчивость, то войдите же в мое положение. [Всю мою жизнь] Посвятив всю жизнь единой деятельности, единой идее, единому служению, всем пожертвовав для этого, [ни разу не погрешив, не дав ни малейшего повода к политическому упреку, к недоверию и] — вдруг увидеть, что твои же союзники (я говорю о большинстве поляков-эмигрантов) обращаются с тобой, как с врагом, и только потому, что ты не сочувствуешь всем их разглагольствованиям. Я понял, что все ваши слова внушены ими, и живо чувствовал, что это недоверие не заслужено мной. От всего сердца принимаю ваше объяснение, вижу, что преувеличил значение ваших слов, и, протягивая вам с прежней искренностью руку, прошу прятать полному забвению случившееся.

Мадемуазель Мейзенбург...

167. А. А. ГЕРЦЕНУ

29—30 (17—18) августа 1867 г. Ницца.

29 августа 1867. Nizza.

Что же ты давно не пишешь о холере? Мне нужно знать и о Генуе и о Флоренции. Следует ли избегать — или ехать. А потому собери сведения и напиши. Пора бы и Мейз(енбург) возвратиться.

Тата в последнее время опять имеет больше влияния на Лизу. В ней, может, недостает того элемента мягкости, которого и в тебе нет. Но она берет потом и сердцем и всем. Вообще я Т(атой) доволен — если б не страшная потеря времени. То же было и во Флоренции. Умственной пищи здесь довольно — но энергии мало.

На днях я еду в Париж на неделю хлопотать об американских фондах. По Каппу — можно легко выиграть 20 т(ысяч) и побольше. Vedremo¹. Буду советоваться с Бамбергером. —

¹ Посмотрим (итал.).— *Ред.*

Что дальше, еще неизвестно — всего лучше жить в Ницце до весны. N<atalie> говорит опять о пансионе для Лизы, т. е. в Кольмаре, — но это еще так. Лиза au reste учится очень хорошо.

Если амер<иканские> дела пойдут особенно хорошо — то небольшой процент возьму для улучшения всей бригады. Мебель тоже можно тогда купить. Через два месяца — от сдачи дела Рот<шильду> всё узнаем.

Какая ужасная холера была в Albano. Как же это из ваших гелертеров никто не займется исследованием причин? Я все дивлюсь беспечному равнодушию научных людей.

30 августа.

В Париже выход<ит> новый журнал (месяца три) — «Pensée Nouvelle», совершенно в позитивном смысле, я могу тебе прислать. Статья моя готова, но задерживается по многим кон-сидерациям. Все пересылки отсюда трудны.

Бак<унин> отправляется в Женеву на пис-конгресс. Дол-горук<ов> перепугался и хочет ехать. Нельзя сказать, чтоб я особенно горевал о том, что меня не будет в Женеве, — он с женой. Я ему дам свою квартиру и буду восхищаться издали.

|

Прощай.

Вот какие чудеса — у меня от жара, комаров и моря сделалась сыпь — и нарыв под рукой. Не могу купаться.

Рукой Н. А. Герцен:

Прибавляю тебе только словечко, чтобы поцеловать и спросить, получил ли ты мое письмо и отчего Пирцина не отвечает?

Носятся слухи, что множество людей арестованы по доносам Кельсиева, что это за ужас, если правда.

Пиши же скорей.

Твоя Т а т а.

168. Н. П. ОГАРЕВУ

31 (19) августа 1867 г. Ницца.

31 августа. Суббота.

Твое и Тхор<жевского> письмо получил — также «Мос-к<овские> вед<омости>». От Бакун<ина> я письма не получал и вчера ходил справляться на почте. Письма нет, — а что он писал? Его бы следовало известить.

Зачем же ты, карейший, вдаешься в девилевщину и там, где просто сумбур и помешательство, предполагаешь замыслы, комплоты? Это так же unrichtig¹, как весной предположение

¹ неверно (нем.). — Ред.

вызова со стор⟨оны⟩ Ал⟨ексея⟩ Ал⟨ексеевича⟩. К тому же Мария Ал⟨ексеевна⟩ и не уговаривает ехать, — а что какие *arrière-pensées* у старика — кто знает, но всё же где тут комплот? Не вдаваясь в эту сторону.

Мое письмо N⟨atalie⟩ хотела мне отдать, но я не взял, а взял с него прежде список. С тех пор опять все утихло.

Если проект о Кольмаре удержится — я ничего не имею против, весною ехать можно. В Париж я поеду 8-го или 9-го. Я счегами Ротшильда недоволен, т. е. его американским променом, и непременно надобно переговорить с Бамбергером.

Холеры здесь нет, ни в Марсели, ни в Тулоне. А у меня от жара и купанья сделалась сыпь и даже чирей под рукой. В силу сего купаться в море не могу.

Уступок делать не следует в *писовке* (*abréviation*¹ писовки-конгрессовки) и, если Бакун⟨ин⟩ еще раз повлечет нас ко дну, — барахтаться. *Au geste* — ты его дома оставишь и направишь. Большое счастье, что меня нет. Ссора была бы хуже и, может, в самой писовке. Я до сего дня краснею за наши промахи.

Дела в России идут утомительно вяло. Те же доносы в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩», то же крепостничество в «Вести». Право, следует печатать по-франц⟨узски⟩. Русской публики для нас нет.

Тх⟨оржевский⟩ пишет о князе Гр⟨узинском⟩ и что он его не узнает. Он обещал в фонд. Нельзя ли ему объяснить, что фонда нет, но бедные эмигранты есть, и что мы берем на наш гонор. Да заставь его купить «Был⟨ое и думы⟩», «Колок⟨ол⟩» etc.

Затем прощай.

А.

169. Н. П. ОГАРЕВУ

3 сентября (22 августа) 1867 г. Ницца.

3 сентября. Вторник.

Итак, невралгия прошла. Это очень хорошо. Моя морская сыпь не проходит — стану ее лечить, как чесотку — серой.

У нас с той бураски — совершенная тишина, были и слова раскаяния и слезы. Письмо мое испугало. С Татой идет все гладко — но тоже ничего. Лиза учится хорошо — да, и еще раз — учителя превосходные. Я боюсь, что N⟨atalie⟩ поссорится с учител⟨ем⟩ музыки за то, что он кричит на Лизу и бранится, — а она делает большие успехи.

От Мейз⟨енбуг⟩ получил письмо — в Фанно нет холеры и около. Саша пишет, что и во Флоренции пока нет, но что,

¹ сокращение (франц.). — *Ред.*

если б и была, ехать нельзя. Правительство отставляет бегущих от холеры, особенно D^r, и печатает имена в газетах.

От Бамбергера сейчас получил письмо. Он на день останавливался в Париже и уехал в Трувиль. Придется ехать к нему туда, он мне необходим, и на *одного* Ротшильда полагаться нельзя. Когда решу, что ехать, напишу за 24 часа.

500 фр. пришлю из Парижа.

Как возможно Бакун<ину> предлагать квартиру с едой? Я предлагал только стены, стулья и Тхоржевского беседы. Это был бы такой антеце<де>нт и такое бы разорение, что упадешь.

Твое положение в «писовке» не из приятнейших. Если Баку<нин> с тобой согласен — ничего, если же вы будете не одного мнения — что ты сделаешь публично? Если Долг<оруков> будет от имени русских говорить вздор? (Как я знал, что Баку<нин> испугает его, напусти его хорошенько.) — Не занемочь ли тебе? Молчать нельзя, а публично собачиться ты не привык. Я пишу к Барни и влагаю письмо — ты при пакете его и пошли.

Статейка моя «Prolegomena» готова (50 страниц) — но что делать, потолкую с Бамб<ергером>. Я всякий день дальше от Запада — и даже не имею потребности видеть Гариб<альди> в Женеве. Зачем в России нет чистых, понимающих людей возле Гарун-аль-Рашида? Он не он, а рычаг, т. е. Levier, хоть и не тот, который был у тебя.

Пусть Барни читает, даже, если хочет, печатает мою эпистолу. Я бы прислал тебе § 1 моей статьи показать им. Может, и пришлю. Боюсь, пропадет. Вот Бакунин мог бы по поводу моего письма сказать слово-другое.

Кому дать поправить, не знаю. Всем им статья станет поперек горла. А слог гадить я не позволю — далее чистки subjontif'a ничего.

Тхоржевскому доношу, что жары здесь хуже июльских. В воскресенье было гуляние на Варе. Здесь извозчики ездят очень скоро, и жар был так велик, что лошади падали мертвые — мы сами *видели* трех.

P. S. Ты спрашиваешь, когда в Женеву? — Ну, «писовкой», Бакофкой, Грузиновкой и Князевкой — не заманишь. На «писовку» приеду только в случае, если ты потребуешь.

У нас ничего не решено. Ни о Тате (ей ехать до окончания холеры нельзя). На днях срок квартиры — и тогда все решится.

Мейзенбург посланное тобою письмо от Шурца получила.

 Пусть Тхоржевский купит франка в три игрушку и скажет, что я ее прислал — маленькому Lancier в Petit Lancy.

3 сентября (22 августа) 1867 г. Ницца.

3 сентября, понедельник.
Nice.

У вас во Флоренции были три случая холеры, и трое солдат в Боболи умерли. (Мы здесь лучше знаем.) Письмо твое пришло; ты прав, ехать тебе нельзя от холеры. Советую тебе утром пить petit v(egge)¹ распаленой настойки или ликера. — Здесь хол(еры) нет. У меня на руках сыпь от моря и солнца — купанье остановил. Сегодня получил письмо от Бамберг(er)a — он в Трувиле. Может, и я туда поеду — мне его видеть необходимо. Ты, вероятно, из моего письма понял (оно пришло после отправки твоего), что амер(иканский) капитал должен остаться в Амер(ике). Стало, говорить можно об итальянском.

Выделить сто тысяч ф(ранков) и раздел(ить) я готов. Для этого надобно все же кончить америк(анское) дело и посмотреть, сколько оно принесет. К 1 ноябрю все будет известно. Но мне твой проект вовсе не нравится. Что за недвижимое именье можно купить за 40 т. фр.? И зачем жить на даче, и почему во Флоренции, где цены теперь высоки, а после занятия Рима будут низки? Когда я говорил о землях духовенства, я говорил о покупке и сдаче на аренду, к тому же их продают с огромными рассрочками. Неужели ты считаешь, что ваша жизнь навеки пойдет во Флоренции? Что касается до aggio, — на нем-то я и выиграю в Америке и, след., если состоится, денег на мебель могу дать.

Далее, Огар(еву) не нужно еще 5 лет больше 600 фр. для м(аленького).

Обдумай еще раз. Мне кажется, что можно лучше распорядиться.

Вы будете получать с будущего года 15 000 дохода; я могу и весь капитал отделить. Затем останется еще вашего же капитала в ренту около 10 т. %; ее снова надобно капитализировать для приданого etc. Из всей вашей части я не возьму ничего (хоть бы было сто детей и пятьсот внучат). Лиза получит столько же, сколько каждый из вас. Мне ужасно хотелось бы совсем изгнать чудовище наследства между нами. Вы будете иметь ровно $\frac{3}{4}$ моего теперешнего состояния — и затем я свободен распоряжаться, как хочу, своей $\frac{1}{4}$.

Я полагаю, что это справедливо.

И еще раз скажу за всем тем, что жить рентой без труда почти стыдно. Нас среда поставила в борьбу, у тебя среда другая.

Тату до окончания холеры буду уговаривать жить здесь.

Затем — обнимаю тебя.

¹ рюмка (франц.). — *Ред.*

3 сентября (22 августа) 1867 г. Ницца.

Мальвиде.

Unbarmherzige Florentinerin —

Tata m'a communiqué vos reproches — mais mon dieu — (dieu de Michel-Ange, Brunelleschi, Tasso et Dante) — pensez-vous que c'est si facile d'aller à Florence de Nice — lorsqu'on a besoin d'aller encore une fois à Paris, encore une fois à Genève? C'est plus près de Florence à Rome, — et vous voyez que cela ne va pas si vite. J'ai le mal des 6% de l'Amérique, je veux régler les affaires avant tout — *ich harre* — pour savoir ce que je pourrais faire. — Vous ne m'écrivez pas ce que vous payez pour l'appartement. L'appartement à Nice est aussi au 3 — au dessus de l'entresol — 3000 — mais avec la faculté de le quitter après le 1 Mai. Il me semble que vous devez chercher maintenant un appart^{ement} non meublé — avec les meubles que j'ai à Genève (on peut les envoyer pour 300 fr.) en ajoutant 2000 ou 2500 fr. — on peut se monter. Et bien attendons pour tout cela jusqu'au 5 Novembre. J'ai proposé à Tata de rester jusqu'à ce terme — mais si Alex^{andre} veut venir, elle peut partir avant.

Elle n'a pas perdu son temps ici — par rapport à la lecture. Au moins elle connaîtra enfin l'histoire de la Révolution française et notre *Weltanschauung*. Pour les arts — elle a fait peu. Elle a avec une très grande persévérance — abandonné le chant, et — forcée par moi — elle a fait deux — trois portraits — et assez bien. L'indolence — lui empêche beaucoup.

Le développement de Lise — va d'un autre train. Chez elle — *das Lernen geht am Besten*. Énorme mémoire, amour-propre et facilité très grande pour les choses abstraites — elle fait très bien les problèmes avec les fractions décimales. Fait aussi des progrès en musique. De l'autre côté — elle rappelle les plus mauvais traits du caractère d'Olga. N^{atalie} plus aveugle que vous — la défend comme vous avez défendu Olga — et le caractère se gâte terriblement. Je dirai comme vous — le temps — le temps corrigera — et à 20 ans elle sera mieux — j'en suis sûr. Et les traces?

Adieu. Votre invariable ami et censeur.

P. S. Ne pensez pas à la cuisinière — *tatarische Phantasien*. — Aussi la cuisinière du Dr. Veron est libre.

J'embrasse Olga.

Мальвиде.

Unbarmherzige Florentinerin¹—

Тата сообщила мне ваши упреки — но, мой бог (бог Микель-Анджело, Брунеллески, Тасса и Данте), полагаете ли вы, что так просто приехать во Флоренцию из Ниццы — когда необходимо еще раз съездить в Париж и в Женеву? От Флоренции до Рима ближе — и вы видите, что все-таки это делается не так быстро. У меня плохо с 6% американскими ценными бумагами, прежде всего я хочу устроить дела — *ich habe*², чтобы знать, как следует поступить. — Вы не написали мне, сколько платите за квартиру. Квартира в Ницце тоже на 5-м этаже — 3000, но с правом съехать после 1 мая. Мне кажется, что вы должны теперь искать немеблированную квартиру — с мебелью, которая у меня имеется в Женеве (ее можно перевезти за 300 франков), — добавив 2000 или 2500 франков, можно устроиться. Ну что ж, подождем со всем этим до 5 ноября. Я предложил Тате остаться до этого срока — но если Александр захочет приехать, то она может выехать раньше.

Она не теряла времени здесь — в отношении чтения. По крайней мере она познакомилась наконец с историей французской революции и с нашим *Weltanschauung*³. Что касается до искусства — она сделала мало. С очень большой настойчивостью, бросив пение, и — побуждаемая мною — написала два-три портрета — и довольно хорошо. Лень ей сильно мешает.

Развитие Лизы идет другим путем. У нее — *das Lernen geht am besten*⁴. Огромная память, самолюбие и очень большие способности к абстрактным дисциплинам — она очень хорошо решает задачи с десятичными дробями. Имеются успехи и в музыке. С другой стороны — в ней повторяются наиболее скверные черты характера Ольги. Натали еще более слепа, нежели вы, защищает ее, подобно тому как вы защищали Ольгу — и характер страшно портится. Я скажу, как и вы: время — время исправит, и в 20 лет она станет лучше — я в этом уверен. А следы?

Прощайте. Ваш неизменный друг и цензор.

P. S. Не думайте о кухарке — *tatarische Phantasien*. — Да и кухарка доктора Верона свободна.

Целую Ольгу.

¹ Безжалостная флорентинка (нем.); ² я жду (нем.); ³ мировоззрени-ем (нем.); ⁴ учение идет отлично (нем.). — *Ред.*

5—6 сентября (24—25 августа) 1867 г. Ницца.

5 сент(ября) 1867. Четверг.

Эпиграф этот был употреблен нами несколько раз. Пожалуй, второй стих и можно. Но когда же будет второй суфлемент?

Тема твоей баллады больно допотопна, от «Бедной Лизы» Карамз(ина) до Ниобы и Шарлотты она была высказана во всех формах — но это не резон, и всё вместе недурно.

Я рад, что послал Барни письмо, и если б он отвечал, я рад писать второе — и даже для печати. Нам надобно себя поставить в противоположность с глупыми обвинителями.

Прочти статью в «Temps» от 3, кажется (если цела, я пришлю), и всенепременно статью Клячко в «Revue des Deux Mondes» 1 сент(ября) — о панславизме, где он кадит Австрии и Турции и зовет их на войну против России.

Неужели нам все сидеть между кресел — зад на полу. Надобно просто стать против этих клочков старой ткани. Место в западной публицистике для нас есть, и большое. Не напечатать ли мою статью, как *сoup de tam-tam*¹ особо, вроде *spécimen*'а. А ты напрасно меня остановил от Эмиля Жиранд(ена). «Новую мысль» я читал — мило, умно, свежо — но всё же *studentmäßig*² и так же не будет расходиться, как вырубковка.

Фогт имел колоссальный успех в Париже. Он там за обедом восхитил своей речью, его и Фирхова особенно фетировали. «Liberté» говорит: если Фирхов похож на Робеспьера (?), то Фогт — на Дантона. Скажи ему это.

Приезд Бакунина меня интересует. Это очень хорошо, если он остановится у Клапр(еда) (будет Кл(апред) всю жизнь помнить). Он знаком с Скарятиним и вообще мне хочется узнать, как он станет с эллипьевкой — а главное с поляками. Что он мне писал? Спроси его. К Гарибальди тебе придется сходить. Скажи ему, почему меня нет.

Я жду ответ (второй) от Бамб(ергера) — и, вероятно, скоро поеду в Париж на несколько дней.

Мне очень жаль, что я не видался с Погод(иним). Постараюсь найти Ханыкова — мы ничего не знаем, т. е. ровно ничего.

Затем скажу, что жары здесь в августе шли крепче, чем в июле, а теперь крепче, чем в августе, т. е. от 7 утра до 5 вечера — жогом жжет.

¹ звук там-тама (франц.); ² по-студенчески (нем.).— *Ред.*

Я не съедаю $\frac{1}{4}$ фунта говядины в сутки. Зато питаюсь фруктами и легким медоком с содовой водой — без конца, но с абсентом.

Все, впрочем, совершенно здоровы. Лизе я до твоего письма прислал — от тебя — красивую книгу и другую небольшую от Тхоржевс<кого>, так что письмо вышло démenti¹ем¹. Но она не догадалась. Она тебе сообщает, что у нее был soirée² и на нем:

5 françaises (m.l. avec des italiennes)³

2 irlandaises⁴

1 anglaise⁵.

Старшей даме — 10 лет.

Самой меньшей — 2 года 8 месяцев.

Лизавета и кухарка сделали иллюминацию.

Завтра едем в Cannes.

Сыпь не проходит.

После обеда. Пятница.

Погодина статью и письмо от 4 получил. Отсутствие на конгрессе — просто «рельеф». Кланяйся Бакунину. Жду и жду вестей.

Новый формат писем.

173. Н. П. ОГАРЕВУ

8 сентября (27 августа) 1867 г. Ницца.

8 сентяб<ря>. Воскресенье.

Вчерашний день был скучен и неудачен. К тому же Тата была не совсем здорова с вечера. Я был на могиле один. Совершенный хаос мешает всему, т. е. хаос в голове N<atalie>... Что мы воду толчем — это так, но комплота все же не было, она сама не могла надвинуться решенью Мар<ии> Ал<ексеевны> и в особенности Десп<от>-Зеновичу. Лизу от Пензы я спасу, а что еще — не знаю.

Я жду еще записки от Бамб<ергера>, чтоб ехать — au reste до 15 сент<ября> и даже 20 — большой крайности нет. В начале ноября все покончится, т. е. будет ответ из New York.

Попроси Тхорж<евского> прислать «Journal de Genève» — (или что самое подробное будет о конгрессе). В жур<налах> здешних не все напечатается. У вас Луи Блан — кланяйся ему и Thiers. А все же мне внутренний голос говорит, что мы —

¹ опровержением (франц.); ² вечер (франц.); ³ французенки (вперемежку с итальянками) (франц.); ⁴ ирландки (франц.); ⁵ англичанка (франц.). — *Ред.*

не у места. И это была бы единственная заслуга, которую мог бы сделать Бакунин, если б он это сказал. Он может говорить как фармацевт, как демократ, как социалист, как богослов неверия etc., etc.

Но пусть скажет, что, как русский, он мог бы только вести полемику за то, что вся Европа нас понимает по-польски. Скажи ему.

Кстати, если ты найдешь нужным, скажи Баку<нину> о домашних делах. И вообще поступай со всеми как знаешь. К Б<акунину> я буду писать. Пусть он в письмах осторожен. Спроси, как ему понравилась моя статейка об нем.

А proros, зачем или за что ты посылаешь мне Погодина журнал? Я хотел только исключительно тот №, в котором статья обо мне. Он рассказал встречу верно, хотя и есть пропуски преднамеренные. Далее я его журнал в руки брать не хочу — это бред в духе холопской демократии, пропущенной через кишки попа и пузырь старой няньки, любящей Митрофанушку. А не забыл сказать, злодей, что в Montreux виноград стоит лучший 50 сент. фунт. Как он подл в описании обеда у Берга! А все же он многое бы рассказал, и я жалею, что не видал его.

Прошу же и тебя, и Тхорж<евского> всякие подробности и анекдоты. Конечно, любопытно было бы взглянуть, но... но, entre nous¹, я очень рад, что я не в Женеве. Даже наша жизнь врознь — и все остальное — лежало бы плитой на груди.

20 сент<ября> надобно быть на другой квартире, но ничего еще не решено, даже того, остается ли N<atalie> в Ницце. У ней разные фантазии. Cholera в Италии проходит. Дни через два напишу все планы.— Прощай.

Тата письмо получила.

174. Н. П. ОГАРЕВУ

9 сентября (28 августа) 1867 г. Ницца.

9 сент<ября>. Поведельник.

Поздравляю с открытием писовки... Да, да и да, мне нечего было делать на этой Vanity fair² — и есть случай объясниться, что мы не с ними.

¹ между нами (франц.); ² ярмарке тщеславия (англ.).— Ред.

Я действую и по рассуждению, и по чутью. Конечно, есть демон подталкивающий — но баста ошибаться:

Польский вопрос,

Раскольники

и Микро-нигилисты

проучили... Я готов всю полемику вынести на своих плечах.

Скажи Баку<нину>, чтоб прочел книгу Талбота «О Европе и России» (верно, есть у Георга или кого-нибудь, не то пришло). И эту глупую дряню с горохом перевозносят! Жду писем. Прощай.

От Бамбер<гера> письмо самое удовлетворительное с двумя рекомендациями к банкирам.

Напишу, когда поеду. Ищу квартиру — и весь в чирьях (четыре!) и в сыпи. Вот море-то!

Прошу Тхоржевского

новостей,

«Journal de Genève»

и еще

пусть пришлет 5 экз<емпляров> «Ca<micia> rossa» на имя Visconti libraire.

175. Н. П. ОГАРЕВУ

11 сентября (30 августа) 1867 г. Ницца.

11 сент<ября>. Середя.

Жду с ярым нетерпением ваш рапорт и фельетон Тх<оржевского>. Меня сокрушает моя сыпь, и я от нее не поехал к Ротш<ильду>. Пять небольших чирьев и мелкая сыпь. D-г дает bicarbonati di potassi для мытья. К утру, кажется, все кончено, а как только на солнце или много ходишь до поту, сыпь и красные пятна выступают. Да это бы ничего, но тогда начинает чесаться и колоть.

Кажется, окончательно решено: N<atalie> остается до весны. Хотя она и грозит, что если нужно, то уедет в Дрезден, когда приедет Ал<ексей> Ал<ексеевич>, но не верю в решимость. Страннейший нрав. С учителем музыки была стычка — и мне надобно было употребить колоссальные усилия, чтоб смягчить дело. А учителя превосходные. Ну не безумство ли? «Да он кричит на Лизу — и она *может* от этого занемочь, у нее нервы расстроены». А она бросается в море и плавает полчаса, растет сильна... где же болезнь? И еще — она любит и боится учителя и учится хорошо у него. «Я не хочу, чтоб этот мерзавец учил». — «А я — такого бессмысленного поступка — и должен буду уехать» etc. Кой-как уладил. Она ему написала, чтоб «не кричал» — он добродушно извинился... Вот и писовка.

Мое предисловие готово. Я пишу теперь lettre à M. Basoupine. В нем-то я хочу на свой манер бросить перчатку, шитую жемчугом по бархату,— Западу. Благословите, отцы-святители, — у меня накипела такая злоба, что я пишу с мягкостью млека и меда. Там я скажу in extenso, что сказал в письме к Барни. (Ты мне ничего не писал о его получении, я послал 3-го.)

Я здесь дождусь последнего письма о писовке — и тотчас поеду. В Трувиль мне ездить незачем. В П<ариже> пробуду 5 или 6 дней. Пиши сюда до перемены адреса.

Если нужны какие деньги на «писовку», ты не скупись и скажи Тхор<жевскому>, чтоб он за меня возносил или за себя на мой счет.

Кланяйся Бак<унину>, жду письма от него.

Жара здесь продолжается — сегодня тучи, может, будет легче.

В письмах будьте мудры, яко змии.

После обеда, 5 часов.

Читал два вечера Тате «Юмор». Нет, господа Tchernychevsky et école¹, вы не вырвете эту полосу поэтического пробужденья — этот юный размах и пр.

Писем нет. Если б я не знал, что есть тайные мощи, — то на этот раз я очень рассердился бы.

Ждал, ждал, —
ну, стало, прощайте.

Лиза пишет к тебе письмо и не показала мне — хочет сама отправить.

Сегодня было письмо от Ал<ексея> Ал<ексеевича> — ничего

176. Н. П. ОГАРЕВУ

14 (2) сентября 1867 г. Ницца.

14 сент<ября>. Суббота.

Я до того оставлен без всяких вестей и сведен на здешние новости, что и винить вас не хочу. Письма опаздывают безобразно. До сего времени я не знаю, дошло ли мое письмо к Барни.

Квартеры не можем найти. Можно пока съехать на неделю в пансион, хотя все это дорого. В Париж не могу ехать от чирьев — а ехать нужно. У вас какой-то хаос — всё вместе очень скучно.

До писем.

¹ Чернышевский и его школа (франц.).— Ред.

Тата, вероятно, в начале октября возвратится в Флоренцию. Лиза все последнее время лучше. N<atalie> могла бы уговорить T<ату> остаться еще месяц. Сим оканчиваются все мои опыты сближений и примирений. Наружно все спокойно.

Когда и какие стихи о Михайлове? Здесь не получал — но мало ли их было прежде.

¿Говорил ли ты с Бак<униным> о его французской тетради? — вот пробный камень.

Сейчас узнал из «Temps», что ты вице, а Вырубов секретарь. То, что я прочел о речи Бак<унина>, мне не нравится, — и я еще раз радуюсь, что меня не было.

Вечер.

Дом нашли — и наняли. Тут же на Promenade des Anglais № 27, третий этаж, это (т. е. лестница) — худшее дело, но квартера an sich¹ хороша и поместительна. Раз можешь писать по старому адресу.

Письма, стало, не будет, ergo переписка окончательно невозможна. Я с истинным бешенством склоняю голову под эти каудинские фурукулы.

Далее сказать нечего.

Было ли послано письмо после 9-го?

177. А. А. ГЕРЦЕНУ

14 (2) сентября 1867 г. Ницца.

14 сент<ября>. Суббота.

Женевский конгресс, кажется, лопнул без пользы — и чуть ли не Гар<ибальди> виноват. Подробностей я еще не знаю (письма почти вовсе не доходят со времени конгресса или дня через четыре). Бакун<ин> и Огар<ев> вице-президентами. Бак<унин> говорил речь, я недоволен ею (читал, впрочем, только сокращение). Я написал Барни объяснительное письмо, почему не приехал. Со временем напечатаю. — Это будет черта. Я нахожу, что мы в ложном положении с запад<ными> демократами и до объяснения работать вместе не можем.

Жду последних вестей и поеду в Париж на 6 дней оканчивать амер<иканское> дело. Я уже тебе писал, что до окончания (в ноябре) ничего обещать не могу — положись на меня, все будет сделано. — О ренте ты меня не понял — надобно для того работать, что одной ренты достанет только про нужду — больше 10 000 ренты ты никогда не будешь иметь — но с

¹ сама по себе (нем.). — Ред.

работой и оборотами доведешь ее легко до 20 т<ысяч>. Больше 20 т<ысяч> тратить не нужно и женатому.

Что ты пишешь о холере, очень интересно — но к терапии вряд ведет ли. У меня вот что сделалось: сначала от укусов комаров небольшие ранки, морской водой их разтело — затем сыпь на руках и один нарыв под мышкой — потом сыпь на груди и пять нарывов поменьше. D-гдал sol. carbon. de potasse¹ мыть, велел всякий день брать ванны простой воды с отрубями (son) — ни малейшего действия, я перестал пить водку и пиво, пил одно легкое бордо — ничего. Как только мне жарко или пот, начинается зуд с колоньем. Неужели и тут медицина несостоятельна?

Квартиру новую нашли — 20 переезжаем. Тут же на Promenade, возле Hôtel Victoria, — пиши по прежнему адресу — № не знаю.

Тата, вероятно, к зиме воротится. Ей помещенье славное — и вид. Если у вас нет квартиры, не торопи ее. Лиза учится прекрасно (когда хочет — по счастью, хочется теперь часто).

Прощай.

Журнал и Выруб<ова> послал.

178. М. МЕЙЗЕНБУГ

14 (2) сентября 1867 г. Ницца.

14 sept<embre> 1867. Nice.

Tata a une telle intempérance epistolaire qu'il n'y a aucun moyen de trouver une place dans les lettres pour dire un «bonjour».

Je ne connais que la minime partie des affaires de Genève. Dieu m'a sauvé de la participation — il me semble que tout était incohérent et a mal fini. Je ne suis pas content du «speech» de Bakounine. Je ne voulais pas y aller — et je donnerai une explication *in extenso*.

Vers le 20 j'irai pour une semaine à Paris — pour finir la transfusion de l'or de l'Amérique. Je gagnerai peut-être, dans tous les cas je ne perdrai rien sur les Un<ited> States.

Je ne sais pas si je viendrai chez vous cette année, je ne crois pas. Peut-être au commencement de 1868.

Addio. Je ne reçois les lettres de Genève que quelques jours plus tard. Cela me soutient dans un état de fièvre.

Venez la mer suivant à Nice, — il fait très beau ici.

¹ раствор углекислого калия (лат.).— *Ред.*

14 сентября 1867. Ницца.

У Таты такая эпистолярная неумеренность, что в ее письмах невозможно найти место, чтобы сказать «здравствуйте».

Из женевских дел мне известно лишь немного. Бог спас меня от участия — мне кажется, что все было бессвязно и плохо кончилось. Меня не удовлетворил «speech»¹ Бакунина. Я не хотел туда ехать — и объясню причину *in extenso*².

Около 20-го я поеду на неделю в Париж — чтобы закончить с «переливанием» американского золота. Может быть, я выгадаю; во всяком случае я ничего не потеряю на американских вложениях.

Не знаю, приеду ли я к вам в этом году, не думаю. Возможно, в начале 1868.

Addio. Я получаю письма из Женевы с опозданием в несколько дней. Из-за этого я пребываю в лихорадочном состоянии.

Приезжайте. по берегу моря, в Ниццу, здесь превосходно.

179. Н. П. ОГАРЕВУ

16 (4) сентября 1867 г. Ницца.

16 сентяб⟨ря⟩. После обеда.
Понедельник.

Наконец-то письмо от 13-го. Не особенно умно, что ты не писал, тем не меньше из совокупности газет видно, что Конгресс провалился — и это можно было предвидеть по неопределенности и разношерстности. Бак⟨унина⟩ письмо жду. Но речью его я недоволен — скажи ему. — Это все было хорошо при Николае в Батиньолах, когда цвел Служальский. Если б он сказал: «Мы в том же положении, как вы, — у вас и у нас Польша и Муравьев», — другое дело. История не идет такими путями. Письмо к нему (француз⟨ское⟩) я изодрал. У Кине есть мысль. Он ходит возле дела, да, им нужно «сознание падения».

Я все еще не знаю, получено ли мое письмо Барни.

Квартера нанята порядочная, немного высоко, — но вид в обе стороны удивительный, и две террасы. Дороговизна страшная, в год и эта стоит 3000. Я полагаю, что Ольга и Мейзенб⟨уг⟩ могут ее занять на лето. Впрочем, я сделал условие, что м⟨ожно⟩³ съехать весной. Хозяйство идет п⟨орядком⟩³, т. е. тратится немного.

¹ «речь» (англ.); ² полностью (лат.). — *Ред.*

³ Обрыв на конце страницы автографа. — *Ред.*

Вот и еще письмо от 14 сент<ября>. Да разве Бакун<ин> не может сделать процесса за квартиру? 500 фр. от Тхор<жевского> получишь. Если б Сат<ин> прислал, я бы написал. Буде Бак<унину> действительно на перехват нужно фр. 100, дай ему — и возьми у Тхорж<евского>.

Меня очень огорчает, что мало о Долгор<укове>.

Напиши о деле Шарл<отты>. Я в Париж еду 21-го — если б очень нужно было, я заехал бы — но не знаю, лучше потом.

С учителем все уладилось, дома штиль. Лиза учится превосходно и пишет свои мемуары. Она очень рада была, что ты произв<еден> в вице-през<иденты> — она читала это сама в «Temps».

Прощай.

Писать можешь еще раз на старый адрес — или и на новый. После 20-го: 27, Promenade des Anglais au 3me.

На обороте: Н. П. Огареву.

180. Н. П. ОГАРЕВУ

19 (7) сентября 1867 г. Ницца.

19 сент<ября>. Четверг.

Твою записку из Café de la Couronne, пропитанную пачулями и которую ты так свернул, что половина мокрая стерлась, — получил. Что значит «неблагоприятные слухи» о Сатине? — А с другой стороны, зачем ты надеешься, чтоб он больше присылал? Круглым счетом он посылал от 4 до 6 т<ысяч> в год, прибавляя в продолжение десяти лет: «и скоро вышлю еще». Вероятно, тысячи три он пришлет. Саго mio, на Сат<ина> надейся, а сам не плошай, живи на *бюджете* 6000 фр. и ни в каком случае его не переходи. Пока я не разорюсь — он будет выплачен, а Сат<ина> присылки будут изредка помогать мне и тебе. Я держусь за одно — за бюджет — и знаю, что это для тебя стеснительно — но тут уж дело мужества и расплаты за бывшее.

Как пробивается Бак<унин>? Тхор<жевский> пишет, что Долг<оруков> печатает против него артикул. Что тебе понравилось в его речи? — и в детских тезисах фан-Левальда! Вы все были до драки Фази в благодушии и умилении — пяти дельных слов не было сказано и кроме плача Кине — все плохо. Это fiasco и черта, 1848 год схоронен так же, как Сазонов — в Женеве. Vorwärts¹.

¹ Вперед (нем.). — *Ред.*

После обеда.

Читал ли письмо Осипа Иван<овича> в писовку, — отчего его не прочли? Умно и последовательно.

Еду я 21-го, в 1/2 2-го и, стало, вечером 22 буду на Ort und Stelle¹. Газеты посылай сюда: 27, Promenade des Anglais au 3, а если что нужно сообщить, пиши Mr L. Bamberger, 26, Rue de la chaussée d'Antin, pour remettre à M^r H.

Поездка эта скучна (30 часов кряду) и дорога — но решительно необходима. Может, я и улажу выгодно.

Что же письмо Баку<нина> и твоя критика?

Сейчас иду на новую квартиру.

Ты говоришь, что Бак<унин> меня ждет — т. е. зачем? Возвратившись, придется в начале окт<ября> везти Тату до Генуи — может, заехать во Флоренцию? И что же я буду делать собственно в Plain Palais? Женева после писовки еще противнее. Если нужно, я заеду теперь — дней на 5 — но нужно ли? Об этом черкни на адр<ес> Бамберг<ера>. Все свиданья с друзьями (кроме тебя т. е.) до большого добра не доведут.

А что же «Кол<окол>» издавать по-французски — или нет? Русский бесполезен.

181. Н. П. ОГАРЕВУ

22 (10) сентября 1867 г. Париж.

Париж. Hôtel de Bade.
Boulevard des Italiens.
7 1/2 часов. Воскресенье.

Имею счастье донести, что в здешнюю столицу прибыл в вожделенном здравии час тому назад. После Ниццы холод страшный — пиши сюда, но помни, что я дольше субботы не останусь. Комната № 10, прямо на мое имя.

Иду завтра к доктору Tardieu. Сыпь и чирьи жить не дают.

182. Н. П. ОГАРЕВУ.

24 (12) сентября 1867 г. Париж.

24 сент<ября>. 26, Rue de la
chaussée d'Antin.

Вот тебе и Hôtel de Bade. Бамберг<ер> меня спас от него и его дороговизны и нашел комнату в том доме, где живет.

¹ месте (нем.). — *Ред.*

Вчера целый день хлопотал. Сегодня аудиенция у Ротшильда. Гольдшмит советует разделить операцию на два. Нет моего Шомбурга... Hélas!¹

Никого не видал. Скука, толпы туристов овладели Парижем: ни места обедать, ни места идти по бульварам. Дороговизна чудовищная — и все ест, пьет с утра до ночи.

Слышали ли о книге Мориса Дюфреса? — услышите, если нет.

Пойду сегодня к Выруб(ову) после дел и отыщу Ханыкова — для новостей.

Затем прощай.

В Париже был слух, что мы разошлись за твою статью о Польше и что я бросил «Колокол» по этой причине.

Письмо твое через Ниццу получил уже здесь.

Скажи Тхорж(евскому), что я готов давать статьи Брокгаузу, да и ты можешь. Пусть бы он печатал у Чернецкого, но, вероятно, на это не согласится.

Приехать я готов, но ты вовсе не пишешь зачем. Видеть Б(акунина) могу и после. Ты мне лучше скажи, что же за мысль в его речи? Вся вещь, что русское правительство — не хуже и не лучше других. И тост его о Польше — анахронизм.

Совсем секретно приехать мудрено. А тут Дол(горуков), еще не знаю, как решится. К началу октяб(ря) пришлю тебе 1000 фр. на два чека, для того чтоб один оставить до ноября — тогда посмотри, что Сат(ин). Я не считаю на него.

183. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

26 (14) сентября 1867 г. Париж.

Милая Лиза, я не мог никак прогнать мухи с бумаги — она хочет читать, а потому я ее оставил. Скоро приеду, на твой журнал я подписался. Целую тебя — некогда.

Тате буду писать завтра. Поцелуй ее за меня и будь с ней очень умна, а то она скоро уедет.

Прощай.

Р. С. Песня мухи:

Ж...Ж... Ж...Ж... Ж...
ж... Ж...Ж... Ж...

¹ Увы! (франц.). — *Ред.*

184. О. А. ГЕРЦЕН
26 (14) сентября 1867 г. Париж.

Посылаю эту муху Ольге с поздравлением, о счастливом приезде.

Ж... Ж... Ж... Ж
ж... ж... Ж... Ж... Ж

Это муха поет, а я под диктант пишу.

Итак, за работу.

Мальвиде жму руку.

Что ты совсем забыла по-русски или нет?

Париж, 26 сент<ября>.

185. А. А. ГЕРЦЕНУ
26 (14) сентября 1867 г. Париж.

26 сент<ября>. Четверг.
26, Chaussée d'Antin. Paris.

Ну-с, *alea jacta est!* — вчера подписал доверенность Belmont 'у в New York о продаже 60 000 doll. — сумму велел разделить на два — 30 000 перевести сюда, 30 000 оставить там. А признаюсь — все-таки мороз по коже дерет. Мало что и что может быть — от потопленья (тогда длинный процесс) — до банкротства. 1 ноября мы будем <иметь> ответ.

Ты пресмешной физиолог в финансах. Пойми же окончательно — что именно теперь у меня нет капитала *свободного*. После 1 ноября я, если все будет цело, могу тебе отделить 80 000 фр. Но не торопись. 80 000 — предст<авляют> в моих руках 5000 дохода.

Его если ты с дачи не можешь получить эквивалента, то не покупай — а если это верно, рискни с разными рассрочками или уступками.

Я предоставляю тебе решать. *Но до ответа из Америки обещать капитал не могу* — как же ты этого не понимаешь? Дача возле Флоренц<ии> в 40 000 не может быть серьезным помещением. Ты можешь на эти деньги — купить акции Lombard 'ской дороги и даже австрийской через Альпы. Это верно и наверное даст процентов 7 (с премиями). Если ты приедешь за Татой — мы сговоримся, и я могу тебя послать в Париж к Ротшильду — за акциями.

А что у вас за кутерьма с Гар<ибальди>?

Моя сыпь и нарывы оказались *diabetis*'ом — это уж начало конца. D-r See, который знает твою работу и Шиффа, разлагал урину и убедился, что в ней сахар. Он говорит, что эта болезнь специальность Шиффа.

Он советует:

1) Замена содовой воды — eau de Vichy¹,

2) Уничтожение пива и minimum водки.

3) Употребл(ение) одних француз(ских) вин и несколько хереса.

4) Мало хлеба, ничего мучнистого, мало леномов.

5) Ну уж забыл.

Дай мнение Шиффа — пиши в Ниццу. Я, вероятно, в субботу уеду — и из Лиона съезжу к Огареву дни на три.

Прощай, здесь шум, скука, треск и Савич.

1000 фр. вам на расход у меня лежит готова.

Кошута сына встретил у Rothschild'a — он живет в Турине.

Лекцию твою получил и очень доволен. — Работать, работать...

Десять советов — об америк(анских) фондах — теперь, когда дело сделано. — Риск во всем — и Ротш(ильд) себя выгораживает от всякой ответственности. Будем ждать.

Прощай.

186. Н. П. ОГАРЕВУ

28 (16) сентября 1867 г. Лион.

28 сентяб(ря). Лион, Grand Hôtel.
Суббота.

Приехал сюда в три часа совсем в cold'e². Ночь была иркутская — хочу себя поправить и для этого остаюсь до понедельника, а то и свиданье — не в свиданье. Я пишу на всякий случай Тхорж(евскому). Нужно же ему было ехать теперь в Вевей.

Я приеду в 3 1/2 на станцию, если никого не найду, велю снести чемодан в «Швейцеров». Пробуду дня четыре.

Вырубовым, как человеком, я доволен, но он француз и доктринер.

Затем до свиданья. Если cold еще остановит — я буду телегр(афировать) в понедельник, часов в 9 утра — на имя Тхоржевского.

Говорят, Кавелин очень болен.

¹ вишнейской минеральной водой (франц.); ² простуженный (англ.). — *Ред.*

3 октября (21 сентября) 1867 г. Женева.

3 октября. Четверг. Женева.
7, Boulevard Plain Palais.

Вот откуда пишу это письмо. Я из Парижа приехал сюда на пять дней — увидиться с Огар(евым) и посмотреть, что делается.

Дело америк(анское) — идет, и надобно сложа руки ждать до начала ноября—тех выгод, о которых писал Капц, я не получу, все останется chemin faisant¹ в банкирских руках. Я опять очень сожалею, что не отправил тебя. Но дело сделано. Мне хотелось бы, чтоб ты за Татой приехал — тогда, когда будет ответ, — это развяжет многое. Может, я поеду с тобой, а может, тебя пошлю одного в Париж для окончания дела.

Теперь разные пункты, очень важные.

1-е. Я сегодня посылаю тебе золотом 1000 фр. — ты тотчас напиши в Ниццу о получении — через Messagerie — от имени Thorzevsky.

2-е. Кн. Долгоруков уехал отсюда в самых дурных отношениях со всеми. Напечатал глупую брошюру против Бакунина и вообще идет по дороге примирения с правительством. Он едет во Флоренцию. Прошу и Мейзенб(уг) и тебя — не любезничать с ним. Ты можешь ему сказать, что я очень недоволен его брошюрой. Наконец, tiens toi pour averti² — холодно-вежливо отделайся.

3. Я хочу мнение Шиффа о моей болезни — и о диете, предписанной d-g See.

У вас творятся чудеса — и даже на улице Maggio — тебе нет необходимости мешаться в политику, но не забывай, что твоя сторона — сторона Гариб(альди) — а не ваших трусов министров.

Теперь еще слово, и полусекретное. Я опять слышал не вовсе хорошие вещи о Доманже. По части нравственности вообще. Смотри, хорошо ли Ольгу посылать к нему — я слышал о разных его хвастовствах на мой счет — но на это плевать, но первое очень важно. Вспомни, что ты мне говорил сам об нем.

Прощай. — Вырубов человек хороший, но француз и докторинер. — «Колок(ол)» будет выходить по-французски. Видел ли ты ответ Бак(унина) на мое письмо в «Libertà e Giustizia»? Фрикен здесь avec l'africa.

Когда приехала Ольга? И как ты ее нашел?

Огарев кланяется и целует. Маленького я видел — цветет. Я еду послезавтра в Ниццу.

¹ по дороге (франц.); ² намотай себе на ус (франц.). — *Ред.*

188. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

3—4 октября (21—22 сентября) 1867 г. Женева.

Милая и безграмотная Лиза (безграмотная потому, что не пишешь). По делам нашим насчет «Paris-Guide» мне приходится сто франков, а решились мы разделить их так

2/3 Ольге
1/3 Лизе
2/3 от 100—75 фр.
1/3 от 100—25 фр.

100

Стало, ты имеешь 25 фр.

Как прикажешь — прислать их по векселю на Авигдора, натурой по почте, ассигнациями или золотом? Не положить ли в банк, или привезти с собой?

Прошу немедленно отвечать.

Да кстати, пожалуйста, посоветуйся с Татой и пересмотри мамашин гардероб и заставьте вдвоем купить все, что надобно. Смотри и об этом донеси мне.

Целую тебя.

А Тате самый «Guide» — такой же толстый и четверугольный.

189. Н. П. ОГАРЕВУ

7 октября (25 сентября) 1867 г. Ницца.

Поведельник. Ницца,
27, Promenade des Anglais.

Вчера приехал весьма вожделенно сюда. Все здоровы. До Тараскона было очень холодно — оттуда солнце греет сильно, и днем жарко. Но холодный ветер и здесь.

Нашел здесь приглашение от Ротшильда, опоздавшее в Париже, — это очень жаль — и твое последнее письмо. Если нужно, я пришлю дополнительные 400 фр. к тысяче. Но как же ты дотянешь до Нового года? Не понимаю. Пиши сейчас об этом. От Сат(ина) ничего нет. Возьми как можно скорее Г(енри) из школы. Тхоржев(ский) поможет.

Вот и всё.

Лиза здорова и весела. Бумагой очень довольна.

Прощай.

190. А. О. БАУМАНУ

8 октября (26 сентября) 1867 г. Ницца.

8 октяб⟨ря⟩ 1867.
Nice (Alp⟨es⟩ mar⟨itimes⟩), 27,
Promenade des Anglais, au 3.

Письмо, которое вы были так добры, что переслали мне в Женеву, — я получил. Содержание вы его знаете. Пробу сделать я готов, т. е. прислать какую-нибудь небольшую рукопись, если Кр⟨аевский⟩ напечатает ее, не исказив, и пришлет гонорар книгопродавцу Георгу (George, Genève, Corraterie pour remettre à M-r V. Zagorski). Когда и кому ее доставить? и как? Не напишете ли об этом сюда — просто на мое имя и по адресу, как написано.

Еще раз благодарю, ваш
А. Герцен.

191. Н. П. ОГАРЕВУ

8—9 октября (26—27 сентября) 1867 г. Ницца.

8 окт⟨ября⟩. Вторник.

Второй день на море страшная буря, шум, вьюга — воображаю, что у вас. Здесь фон воздуха теплый.

... Дома тихо, я нашел N⟨atalie⟩ в очень кротком расположении. На Сат⟨ина⟩ она начинает сердиться крепко за деньги; между прочим, она писала в январе, чтоб Мишелю послали должные ей Ал⟨ексеем⟩ Ал⟨ексеевичем⟩ 400 фр. Са⟨ти⟩на обещала — не посылала и преспокойно пишет в сент⟨ябре⟩: «Мишелю еще не послано» — иначе, намекая: пошли, мол, ты. Все вместе крепко конфузят N⟨atalie⟩, и она начинает видеть, что злодеи pas si chien¹, а добродей — pas si ange². Вот откуда свет прорвался. Как мера действ⟨ительности⟩ 400 фр. эти очень термометерны. И в этот мир N⟨atalie⟩ хотела упрятать Лизу... Это лечение. Лиза учится хорошо, читает беспрестанно — но в смысле характера и, главное, дерзости исправленья нет, и это странно отдаляет. Теперь будут ходить три девочки вместе учиться, я этому способствую. Тата до половины ноября остается. Во Флоренции не могут найти квартиру меньше 3000. Я писал, чтоб брали немеблированную, а я свою мебель пришлю, — увидим.

¹ не такие уж скоты (франц.); ² не такие уж ангелы (франц.). — *Ред.*

Ты переслал письмо Мар^{<ьи>} Касп^{<аровны>}, в котором она пишет, что Шумахер с женой в Германии. Где же лучше случай? Я ей написал и Сатину резко. Ты бы тоже послал Мар^{<ье>} Касп^{<аровне>}.

N^{<atalie>} сегодня опять начинает говорить о поездке в Россию. Толгауз.

192. А. А. ГЕРЦЕНУ

9 октября (27 сентября) 1867 г. Ницца.

9 октяб^{<ря>}. Nice. 27, Pr^{<omenade>}
des Angl^{<ais>}.

Письмо твое от 6 получил. 4-го я послал тебе из Женевы 1000 фр. зол^{<отом>} в Слеколу, о получении их жду ответ.

Ты пишешь очень рассеянно — а потому мне нужно более дельное мнение о болезни. 1-е. Если сахар от сыпи — то все же диета, предписанная d-g See, может продолжиться (не есть хлеба, овощей, картоф^{<еля>}, теста, мало сахару, не пить пива и пить eau de Vichy — grande grille¹ — вообще полезна ли она? 2-е. Какие признаки настоящей diabète sucrée?² Не может же быть, чтоб ровно не было никаких — и тогда достаточна ли диета See? Напиши с той ясностью, с которой ты писал о холере и пр. Даже если и некогда — все-таки напиши.

Об америк^{<анском>} деле раньше 10—15 ноября не узнаем. Я не хочу ничего предпринимать до устройства этого дела. Мне, вероятно, придется опять ехать в Париж и Женеву — а потому от Флоренции отказываюсь до весны. Тогда уж и в Рим.

Брокгауз и со мной в сношении, он хочет издавать русский сборник. «Колокол» будет решительно издаваться по-французски. За перевод, мною просмотренный, я полагаю, ты можешь спросить 15 талер^{<ов>} с листа, но узнай прежде о ценах. Рукопись я должен необходимо просмотреть, — если в ноябре ты приедешь на сутки за Татой — то привезешь с собой. Многое надобно выпустить.

Бакун^{<ин>} в Женеве. Его жена сделалась старухой, болезненной и чахлой. Он тот же.

Маленький у Огар^{<ева>} процветает.

Я в Париже не нашел изд. «Nouvelle Pensée». Но здесь я получаю и тебе пришлю — скажи тем, кто хотят получать, чтоб писали в редакцию и выслали деньги. Или напиши ты. Оно молодое — но недурно.

¹ буквально: вишнейская вода — высокая решетка (франц.); ² диабет (франц.). — *Ред.*

Засим — прошу ответа.
Где новая квартира?
Ольгу обнимаю, Маль〈виде〉 чекенс.

NB. Следует или нет пить содовую воду?

193. М. К. РЕЙХЕЛЬ

9 октября (27 сентября) 1867 г. Ницца.

9 октяб〈ря〉 1867.

Nice, 27, Promenade des Anglais, au 3.

Здравствуйте. Очень рад вашим строкам. Тата будет писать на днях, она здесь еще на месяц. Я был в Париже и Женеве, хлопотал об американском капитале. Пришел срок — не знаю, чем кончится, а знаю, что доходу меньше.

Прошлое письмо ваше я получил. Кто же вам говорил, что я переменялся? Я не Кетч〈ер〉 & С〈отра〉пие.

А теперь тороплюсь вам отвечать. Прошу вас, серьезно и очень, сейчас переслать прилагаемую записочку Сатину Юл〈ии〉 Богданов〈не〉. Они оставляют Огар〈ева〉 в страшном положении, и в то же время мы слышим от Лиона и других, что С〈атин〉 играет и пьет, — я ужасно сержусь за это и прошу непременно доставить.

Записка нарочно без имени. Отвечайте, послали ли.

Щербак〈ову〉 фр. 50 велю Тхорж〈евскому〉 дать. Фонда нет больше.

Я здесь еще месяц.

Если Шум〈ахер〉 уехал в Россию — напишите ему сейчас.

194. Е. А. и Н. М. САТИНЫМ

9 октября (27 сентября) 1867 г. Ницца.

Зачем ты оставляешь О〈гарева〉 совершенно без средств? я пишу с его ведома и прошу тебя — как бы ни было трудно — выслать сейчас вексель в Ниццу. Я делаю все, что могу — но есть граница.

9 окт〈ября〉 〈18〉67.

О〈гарев〉 болен — еще раз говорю тебе — я требую этой высылки, да и впредь нельзя его так оставлять — или надобно сказать, что не можешь посылать.

На обороте: Елене Алексеевне или супругу ее.

13 (1) октября 1867 г. Ницца.

13 окт<ября>. Воскресенье.

Для заглавия я советую лучше употребить слово «Essai d'une exposition»¹... или просто «Essai d'une théorie cérébrale»². Заглавие должно быть коротко. Можно: «A propos de la théorie cérébrale»³.

Я до окончания америк<анского> дела никуда не поеду. Дело это может быть выгодно и нет, может увеличить доход и уменьшить. С этой тревогой и необходимостью почти верной поездки в Париж — я хочу сидеть на месте и ждать, понять это — *саго mio* — не трудно.

О болезни я писал в прошлом письме — мне надобно знать только одно за глаза: *какими признаками я могу определить, догадаться, что это diabète sucré или что другое*. Есть же здесь химики, которые сумеют разложить урину. Чирьи проходят, и эксема на груди тоже — я совершенно здоров и только замечаю: 1-е. Что ем вполовину мяса и что тяжелое мясо мне меньше нравится. 2. Что вино часто мне очень невкусно (не от воды ли Vichy?). Вот главное.

Теперь о Тате. — Если ты хочешь приехать сюда на сутки (в случае крайности я готов ехать до Генуи), то приезжай. Мне хотелось бы знать прежде конец дела. Считай так — послано в New York через

Лондон —

1 октября.

Положим, что придет к Belmont 14 октября.

Десять дней на негоциацию — 24.

Обрат<ный> путь 14—

7 ноября.

Завтра 14 число, и, стало, можно ответ получить через 23—24 дня. До тех пор и ваша римская сыпь кончится. Хотя, я думаю, вы там от близости меньше видите — все идет на венецианский лад.

В частном отношении важно, подымутся или нет итал<ьянские> бумаги. Если нет, то надобно их в Турине переменить на безыменные так, чтоб получить процент во Франции и не терять, как в 1865 и 66 году. Оторваться за серьезным делом дни на четыре — можно. Мне следовало бы самому съездить в Америку.

Приехал ли Фри V?

Что же Monodus voster — сплеховал? Видно, папенька у него с форсом. Я, пожалуй, и доволен в том смысле, что эта туча

¹ «Опыт изложения одной теории» (франц.); ² «Обзор церебральной теории» (франц.); ³ «По поводу церебральной теории» (франц.). — Ред.

миновала Ольгу — а ее натягивала сильно М<альвида>. Он вовсе ей не пара — и будет умный, честный консерватор.

Вырубов чистый француз.

«Pensée Nouv<elle>» получишь через 5 дней.

От Луг<инина> есть слухи — ему позволили остаться в Петерб<урге> больше месяца, он поехал в ссылку — к отцу в именье — на полтора года. Говорит, что нашел настроение умов гораздо лучше и серьезнее, чем думал, и хочет идти в кандидаты — по земским выборам.

В. П. Боткин сделался пиетистом и ходит всякий день в церковь. Это страх перед смертью. Экая дрянь.

«Колок<ол>» будет изд<аваться> решительно по-франц<узски>. — Но если будет война, ничего не буду издавать.

Кланяйся Шиффу. Ольге разрешается бархатная мантилья — советую сделать без рукавов, деньги на это ассигную с Татой. Что здоровье Мальвиды?

Здесь холодно.

¿ Как ваш адрес?

¿ Что ты думаешь о том, что я писал о Доманже?

¿ Сколько промена тебе пришлось за золото?

196. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

15 (3) октября 1867 г. Ницца.

15 октября.

Любезнейший Тхоржевский,

пора Чернецкому перервать все связи с мошенниками — хорошо, если процесс удастся. Кланяйтесь ему. Напечатать прежде всего следует объявление, которое я вам послал на франц<узском>.

Я не могу найти письма d-g See — кажется, я его оставил на столе. Пришлите. Да вот что — посылайте «Голос» тотчас, как Огар<ев> прочтет. «Москов<ские> вед<омости>» он может держать и присылать *особенно важные* № — пусть их и дает Бакунину. А то это выйдет, как в прошлом году, — я буду получать последний — а мне нужно же знать.

Отдали ли вы Mme Вакоупин портрет Бакун<ина> молодого и ему Ольгу?

Здесь опять лето и теплый дождь.

Ротшильдово письмо (старое, посланное в конце сент<ября>) — пропало. Беды нет, но пример опасный. Я жду окончательного ответа из New York'a к 5 ноября, т. е. через 20 дней или 25 д<ней>, — жду с нетерпением, чтоб знать, что могу делать и чего не могу.

Брокгауз предлагает Саше купить у него франц<узский> пер<евод> послед<него> тома «Былое и думы». Саша издает новую книжку о физиологии мозга на франц<узском> языке.

Тата нездорова.

Лиза цветет. Н<аталья> Ал<ексеевна> кланяется.

Портрет Бакунина хорош — но Левицкого лучше.

197. А. А. ГЕРЦЕНУ

19 (7) октября 1867 г. Ницца.

19 окт<ября>. Суббота.

Когда ты написал о болезни дельно — тогда я понял ясно, — мне сдается, что See ошибся и что все дело было в сыпи и нарывах. Теперь и то и другое — почти совсем прошло. Анализ урины я буду давать аптекарю — и тебе сообщу.

Насчет Таты — я уже писал, мне хотелось бы прежде всего узнать о конце операции. Сегодня в газетах говорят, что генер<ал> Бутлер снова предлагает конгрессу платить долг бумажками, — пройди это именно теперь — и 6% непременно падут. Если же Belmont их уже продал — то я в выгоде. По выгоде я могу судить — на сколько могу что-нибудь сделать extra. Ответ, вероятно, будет к 5 нояб<ря>. А потому, если ты хочешь приехать за Татой прежде, до Генуи, то, назначив день, я могу ее довести до Генуи и встретиться в Hôtel de la Ville. Ты пробудешь сутки со мной и возвратишься с Татой. Если же тебе можно доехать до Ниццы — тем лучше. Я тебя не задержу — и *трех с половиной* суток довольно на оба пути. Кухарку я никак не советую — это все старые, аристократические блажни. Во-первых, она вам будет дорога — и во-вторых, при вашей Аделаэиде, вы должны иметь девочку — этого довольно. Как теперь лаж на золото?

Если мне вовсе не нужно будет ехать в Париж, может, я и приеду на короткое время — хотя ездить теперь довольно неприятно. Кстати, если ты поедешь, возьми свой паспорт.

Какие говняки ваши осударственные люди! Пропустили золотое время — и дали опомниться и списаться всем врагам. Мое мнение, с которым я приехал из Венеции, усилилось. Я с биением сердца — жду развязки.

Книгу твою никак не называй «Арабесками» — это сюда не идет. Надобно бы что-нибудь эквивалентное «Beiträge» или просто «Zug». Я пришлю несколько книг по Messag<erie>, чтоб Тате меньше везти.

Затем прощай и работай. Шиффу поклон.

Отчего ты пишешь: Piazza S.-Felice — а Мальв<ида> Piazza Pitti?

Я буду писать в Spescol'у, пока получу правильный адрес — Piazza S.-Felice — или Pitti. — Palazzo Guidi — via Maggio??

198. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

19 (7) октября 1867 г. Ницца.

19 октября. Суббота.

Любезнейший Тхоржевский,

посылаю вам корректуру, из которой я вымарал поправки Гея. Я прошу поправлять ошибки — а не приписывать.

Лучше было бы, если б объявление было напечатано в форме письма на одной странице — все до подписей и кроме цены, — на третьей имена книгопродавцев. Можно, впрочем, и так оставить, но я попрошу прислать еще раз, если перемените формат; следует печатать двести — мне прислать sous bande 50.

Скажите Чернецкому, что корректуры будет много (авторской) в двух первых статьях. — Что его процесс?

Насчет предложений Брокгауза вот мой ответ, — и я вас попрошу его передать вполне:

1-е. Моих рукописей ни на ревизию, ни на оценку г. Брокгауза и его русских приятелей я не пошлю. Если он хочет безусловно печатать — я ему дам и потребую за лист 100 талеров. Он имеет право отослать назад рукопись — но плоды «реvisions и оценки» оставить у себя. Если в три месяца нет ответа, я печатаю где хочу.

2. Пусть Мечник<ов> или кто желает из наших близких вступит прямо в сношение или через вас.

Мне все это дело кажется несерьезным.

Пошлите прилагаемые строки к Давыдову в Лондон, для Савича — это дело нужное.

Затем прощайте.

199. Н. П. ОГАРЕВУ

22 (10) октября 1867 г. Ницца.

22 окт<ября>. Вторник.

Ты новости знаешь. Признаюсь, что крест современного человека не по плечам человеческим. Я истинно подавлен — не неожиданностью — а тем, что должен все это смотреть zögernd¹, по капле. О Вырубов и Latium! Прав я был — и в 1849, и после.

¹ медленно (нем.). — *Ред.*

А ты толкуешь о «независимости мысли». Да, что она лучше, чем зависимость, спора нет. Только что она невозможна без отрешения себя от всего человеческого — что и делали схимники и монахи. Я и не жду гавани — отдых потом.

А тут для диверсии Осип Ив<анович> пишет правительству, что теории Шиффо-Молешоттовские губят молодежь, что пора остановить зло материализма. Вот à propos-то, так à propos.

Дома — покойно. Я не двинусь до ответа из New York'a. Может, Саша заедет за Татой — я ей разрешил ехать когда хочет; разве переждать несколько дней неизвестности. Les va et viens¹ будут трудны.

Тесье ускакал в Париж. Ему новое предложенье, и очень выгодное.

После обеда.

«Голос» приходит исправно. Отметь для твоей будущей статьи — о проекте «цензуры». Это лучше теории «сечений». Мне что-то не пишется об наших лужах — в озерах грязи. О, если б теперь мне воля — да журнал! Я бы этим «писам» и краснобаям задал перцу.— И тут склоняй голову и молчи.

200. М. МЕЙЗЕНБУГ

24 (12) октября 1867 г. Ницца.

24 oct<obre> 1867.

Nice. 27, Promenade des Anglais.

Eh bien — chère Malvida — je vous serre aussi la main, et je vous souhaite de ne pas finir l'année suivante comme vous finissez celle qui passe. Quelle histoire de petitesse, de misère — et de véritable désolation. Oui — à la fin on se fatigue.

Je félicite Olga — c'est à elle qu'appartient en partie votre fête. Dites à Alex<andre> que j'ai reçu sa lettre. J'ai déjà écrit sur le départ de Tata. S'il veut venir — elle peut partir de suite. Si non, il faut attendre au moins jusqu'au 5 nov. C'est à dire la réponse en Amérique. Tata n'a pas terminé sa lettre.— Elle peut écrire la continuation demain — je ne veux pas que celle-ci retarde.

Adieu — je vous embrasse de tout mon cœur.

¹ Перезды туда-сюда (франц.).— *Ред.*

24 октября 1867.

Ницца. 27, Promenade des Anglais.

Ну что ж, дорогая Мальвида, я тоже пожимаю вам руку и желаю, чтобы будущий год вы закончили не так, как нынешний. Что за нагромождение мелочности, страдания — и истинного отчаяния! Да — в конце концов устаешь.

Поздравляю Ольгу — ведь это отчасти и ее праздник. Передайте Александру, что я получил его письмо. Об отъезде Таты я уже писал. Если он хочет ехать — то она может отправиться вслед за ним.

Если нет, то надо ждать по крайней мере до 5 ноября, т. е. до получения ответа из Америки. Тата не кончила своего письма. — Она может написать продолжение завтра — я не хочу, чтобы это письмо задерживалось.

Прощайте — обнимаю вас от всего сердца.

201. Н. П. ОГАРЕВУ

25 (13) октября 1867 г. Ницца.

25 октяб<ря>. Пятница.

Твое письмо конфузно означено «18 окт<ября>». Вторник», — на пакете: Genève 22. Ог¹ — вторника в октябре 18 не было — а ошибиться четырьмя числами труднее, чем вспомнить настоящее...

Об открытии Тесье пишут в газетах чудеса. В Париже делали опыт — он взял привилегию освещать кислородом в New York'e, Париже, Канаде и Петербурге — он зашибет больше 300 000 фр. Вот работа так работа!

Посылаю тебе одну из галет корректуры. Страшная перестановка. Объясни ее Чернецкому. Да знаешь ли что — поправлять, читая про себя, недостаточно, надобно читать с David'ом, корректором, т. е. сверять по оригиналу. Ошибок теперь немного. Я послал Чернецк<ому> третью главу, четвер<тую> пришлю через пять дней. Можно 1-й лист отпечатать 15 ноября, как *spécimen*², с числом «1 янв<аря> 1868». Как будут беситься галлы, — я не нарадуюсь. Объявление печатать сейчас — и рассылать направо и налево.

Будет ли русское прибавление? Вероятно, и начало «Situation»? Может, напишу несколько строк о Кельсиеве. Он нас явным образом выгораживал — правда ли, что других утопил?

Никакой Б. не был.

¹ А ведь (франц.); пробный (франц.). — *Ред.*

Письмо Ротш<ильда> пропало при посылке из Ниццы в Париж. N<atalie> адресовала в Hôtel Helder — я в переписке с bureau de réclamation¹.

Vorwort твой ничего, но ты все словно пишешь наскоро — grainant². Надобно фразы — круто резать, швырять — и, главное, сжимать.

Объявл<ение> я послал на адрес Тхорж<евского>. Корректуру остальную — Чернецк<ому>, и в другом пакете ему же рукопись. Не худо о получении написать.

Ваши письма приходят через день — аккуратно.

И. Аксаков говорит о насильственном уничтожении католицизма всеми средствами. Какая свинья!

Дома нового ничего.

Читал ли ты, что Босак и Булевский сделали за вызов нам?.. Жалости подобно. Хочешь, я отвечу с дигнитетом и иголкой?

202. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

25 (13) октября 1867 г. Ницца.

25 октяб<ря>, пятница.

Любезнейший Тхоржевский,

кроме перестановок — поправки хорошо идут. Я получил от Delacroix — «Librairie intern<ationale>» — письмо. Он очень рад взять депо «Кол<окола>». Его имя *очень для нас важно*. Я ему написал, что о дальнейших условиях он узнает от вас. Пошлите ему 5 экзем<пляров> объявления. Сверх того, посылайте куда хотите как можно больше. Напечатайте на тонкой бумаге.

Пришлите мне 50 экзем<пляров>.

Что за вздор прислал Булевский? Зачем это?

На журнал мирного конгресса подпишусь, когда будет выходить. Если у Чернецкого, то возьму больше, если нет — меньше.

Имя «Libr<airie> internat<ionale>» следовало бы поставить прежде Trübner'a.

1-й лист «Кол<окола>» будет хорош. Я посылаю Чернецк<ому> рукопись — и еще пришлю в конце недели. Пусть он отпечатает № к 15 ноября — с числом 1 janvier 1868. Объявл<ение> пришлите sous bande 50 экз<емпляров>.

А коррект<уру> — в письме. Надобно о заглавии постараться.

В конце «Колок<ола>» надобно поместить все русские книги, напечатанные у нас.

На обороте: Suisse. Monsieur S. Tchorzevsky.

7, Boulevard Plain Palais.

Genève.

¹ бюро рекламаций (франц.); ² растянуто (франц.). — *Ред.*

28 (16) октября 1867 г. Ницца.

26 октяб(ря). Понедельник.

Дела принимают такой оборот, что я серьезно снова себя чувствую в том трагически тяжелом состоянии, как в июньские дни двадцать лет тому назад. — Тяжела жизнь современного человека — если он не умел ее спасти или в науке или в эгоизме.

Тесье уехал. Он обогатится. Он имеет привилегию на новое открытие свое (освещать кислородом, который он отделяет за бесценок из воздуха) — в Париже, Нью-Йорке, Канаде и Петерб(урге). Одно страшно, как бы его не надули.

Сегодня я к тебе пишу по особому делу — и напишу по-французски для того, чтоб ты прочитал вместе с Мальвидой.

J'ai reçu hier une lettre d'Arthur Beni (ci devant Danton en herbe de la rue d'Alger № 4) — il est à Genève et va venir un de ces jours à Florence. Vous savez qu'il m'a boudé depuis 1861 — quoique j'ai agi comme chaque homme sérieux devait agir. Je ne l'ai jamais soupçonné — mais je n'avais non plus un trop grand désir d'endosser tout ce qu'il faisait alors en Russie. Maintenant il désire quelques lettres pour lui faciliter ses correspondances. Le «Spectator» et «Fortnightly review» — l'ont chargé de faire une correspondance. Je crois que vous pouvez l'aider un peu — et principalement Malvida — moi, je ne connais presque personne¹.

Примите его учтиво — а Петра Владим(ировича) можете дипломатически отдалить.

Прилагаю записку к Бени (можешь ее прочесть).

Если ты можешь и хочешь за Татой приехать, то напиши за два дня — езды собственно ва et vient² трое суток, — au plus³ 4. Одну ее не пошлю, особенно теперь. Сам до ответа — не двинусь. (Жду к 5 нояб(ря).) Но ты можешь — сделать прежде экскурсию до самой Ниццы — frais payés⁴.

¹ Вчера я получил письмо от Артура Бени (бывшего Дантона в проекте с Алжирской улицы, № 4) — он в Женеве и на днях явится во Флоренцию. Вы знаете, что он дулся на меня с 1861 г. — хотя я поступал так, как должен был поступать всякий серьезный человек. Я никогда не подзревал его, но и не имел особого желания поручиться за все то, что он делал тогда в России. Теперь он хочет получить несколько писем, чтоб облегчить себе корреспондирование. Дело в том, что «Spectator» и «Fortnightly review» предложили ему писать корреспонденции. Я полагаю, вы могли бы немного помочь ему, особенно Мальвида, а я ведь почти никого не знаю (франц.); ² туда и обратно (франц.); ³ самое большее (франц.); ⁴ расходы будут оплачены (франц.). — *Ред.*

Кельсиев амнистирован. Я не верю, чтоб он запутал кого. Об нем длинная статья в «Голосе». — Он поселился в Петербурге. Французский «Колок(ол)» № 1 уже готов — и очень хорош.

Chère Olga,

Figure-toi que <je> viens de recevoir maintenant ta lettre de «Fano» — lorsque j'étais à Paris, Tata l'a envoyée sans écrire mon adresse à Paris avec une lettre de Rothschild. De cette manière sans avoir reçu la lettre à Paris — j'ai écrit au bureau de poste et hier je l'ai reçue.

Tata prendra avec elle quelques livres. Nous avons lu tout ce dernier temps sur la Révolution française — Carlyle et Michelet¹. Тебе советую взять сначала роман об этом времени, или «Chevalier de Maison rouge» (может, я приплю), или «Barnave» — Jules Janin.

А что по-русски ты неужели совсем забыла?

Pour Alex(andre).

P. S. Для Саши. Пожалуйста, запиши — сколько денег М<альвида> тратит на Панофку — я хотя и уверен, что эти уроки не нужны, но заплатить следует.

Рукой Н. А. Герцен:

Папаша мне позволяет только несколько слов приписать.

Что за ужасное время, опять с нетерпением ждешь каждую газету. Как бы мне хотелось быть уже с вами во Флоренции и видеть, как народ волнуется. Молодец Гарибальди, но, кажется, недолго ему остается жить — где итальянцам противостоять против французов!

Я боюсь, что если мне придется ждать известия из Америки, то, пожалуй, до декабря не вернусь во Флоренцию.

Прощай, крепко вас всех целую, на днях буду писать Ольге. М<альвиде> объясни, что я письмо к ней на днях не кончила, Папа его так послал. А Ольге скажи, как она могла отдать часы серебряные Терезине — она N<atalie> обещала никому их не отдавать. N<atalie> их требует назад, как только она получит золотые. Я ей (т. е. N<atalie>) ничего не говорила об этом — но часы надобно будет отдать.

Целую Терезину.

Твоя Т а т а.

¹ Дорогая Ольга, представь себе, что я только что получил твое письмо из «Fано». Когда я был в Париже, Тата послала его вместе с письмом Ротшильда в Париж, не написавши моего адреса. Таким образом я, не получив этого письма в Париже, написал на почту и вчера получил его.

Тата возьмет с собой несколько книг. В последнее время мы все читали о французской революции — Карлейля и Мишле (франц.). — *Ред.*

204. Н. П. ОГАРЕВУ

28 (16) октября 1867 г. Ницца.

28 окт(ября). Понедельник.

Откуда попал Бени к вам, и зачем ты об этом не писал? Я получил от него из Женевы письмо,— хочет рекомендательных писем в Италию.

Тоска от общих и частных дел, доходящая до сплина, до невыносимой боли. А что Гар<ибальди>? С своей шлюпкой вдвоем махнул через Средиз<емное> море. Вот новая легенда.

У нас были вещи нехорошие — и все идет к дурным развязкам. Я тебе писал в прошлом письме о Тате (ты ничего не отвечал). Теперь уже ссора и со мной. Я вступился за совершенно несправедливое обругивание кухарки (за Лизу!). Я действительно видел в этом развращение ребенка и обиду всем моим убеждениям. Я не должен был молчать—не мог, не сделавшись изменником. Из-за этого вышли ужасы... Я их остановил и перевел на другой terrain¹. Но тут вопрос — на разрыв и Россию? За Лизу сердце рвется на части — а делать нечего. Хуже для нее ничего не может быть. Тата едет через неделю.

После обеда.

Писем еще не приносили. N<atalie> писала по секрету от меня в Россию... От Сат<ина> ничего. Я могу 1 числа прислать 400 fr.

205. Н. П. ОГАРЕВУ

29, 31 (17, 19) октября 1867 г. Ницца.

29-го окт(ября). Вторник.

Ты решительно изменил календарь — и поправил ошибку прежнего письма 4 днями вперед (+—= 0):

29 октября. Суббота².

Я написал начало очень небольшой статьи — для увертюры русского прибав<ления> к «Колоколу». Пришлю ее на разбор и набор. Вероятно, спокойный тон не понравится юному Бак<унину>. Не хочется больше лаять на ветер.

А Кельсиев-то читал лекцию о хлыстах в Географ<ическом> обществе. Я еще больше убеждаюсь, что он пакостей политических не наделал.

У тебя что-то много русских (и здесь их бездна, но плохи); пиши с каждым С<атину> — десять, двадцать записок. Они упорно молчат на запрос N<atalie> о деньгах.

¹ почву (франц.).— *Ред.*

² Вклейка из письма Огарева.— *Ред.*

Роман Достоевск<ого> я частью читал в «Русск<ом> вестнике» — в нем много нелепого. Получил ли ты грудку «Москов<ских> ведом<остей>»? — Знаешь ли, что нам нужно — «Отголоски русской печати». Они здесь есть, совершенно бесцветное и дрянное направление, но отрывков бездна.

31 окт<ября>.

Ты пишешь о хлопотах, да ведь время-то сколько? Никакой нужды нет выдать номер *spécimen*¹ — до 20, 25 ноября, так чтоб он пошел 1 декабря.

Если Бакун<ина> статья по-французски — то помни, что Лакруа (книгопродавец) мне писал о строгости таможни. Если она длинна — то будет ли место. Считай 2 листа франц<узского> и 1 русс<кого>, больше ни под каким видом. Второй лист 15 января.

Гулевич прибыл в здешние столицы.

Перед обедом.

Всё плохо. 1-е. От Сатиных письмо, видно, что денег нет, он поехал что-то закладывать — *ergo* пиши и пиши. 2-е. Я наконец не могу дольше бороться и сказал, что если к 1 мая Сат<ин> придет и докажет безопасность для Лизы и если она будет крещ<ена> — то я противиться не стану. Но — до весны надобно с ним списаться, если до марта никого верного не будет. Я готов послать. Ни тени пониманья, ни тени раскаянья.

В следующ<ем> письме пришлю чек в 400 фр.

Жду на днях америк<анский> ответ.

206. М. МЕЙЗЕНБУГ

Октябрь 1867 г. Ницца.

Je jure que si cela dépendait de moi — je ne quitterais jamais les contrées méridionales — moi physiquement je me trouve *wie ein Fisch im Wasser*. La belle perspective d'aller au mois de novem<bre> à Genève — me réjouit médiocrement. Ah, que je voudrais — avoir un point fixe. Archimède le voulait aussi...

La vie n'est pas mauvaise ici, Tata et Lise — sont aquatiques. Vraiment le courage de Lise dans la natation est extraordinaire — elle va au large et saute (*vide* l'illustration page 2) d'une hauteur. Faites faire la même chose (double) pour Olga — ou je serai humilié. Sa dernière lettre est très bonne. Je lui envoie 25 et 75 pour vos extra.

¹ пробный (франц.). — *Ред.*

C'est décidé que nous allons à Gênes — je veux voir si l'on peut y rester pour l'hiver. La seule grande chose c'est l'éducation de Lise. Son intelligence se développe avec rapidité, mémoire énorme — mais par moments elle est insupportable et cela n'est pas dans sa nature; lorsque N<atalie> se fâche — elle est d'accord que ce serait mieux de la placer en pension. Où? Colmar, Strasbourg — l'affreux climat de l'Alsace.

Je suis très content de Tata. Seulement elle travaille peu. Enfin à 22 ans — *finita la comedia* — on s'éduque — on n'est plus éduqué.

Adieu.

Перевод

Клянусь, что если бы это зависело от меня, то я никогда не покинул бы полуденные страны, — физически я себя чувствую wie ein Fisch im Wasser¹. Прекрасная перспектива поехать в ноябре в Женеву — мне мало улыбается. Ах, как я хотел бы иметь точку опоры. Архимед тоже мечтал о ней...

Жизнь тут недурна — Тата и Лиза — не выходят из воды. В самом деле, храбрость Лизы в плаванье поразительная — она заплывает далеко и прыгает в воду (*смотри* иллюстрацию на стр. 2) с высоты. Заставьте делать то же самое (и то и другое) Ольгу — или я буду унижен. Ее последнее письмо очень хорошее. Посылаю ей 25 и 75 на ваши неподвижные расходы.

Решено, что мы едем в Геную, — я хочу посмотреть, можно ли там остаться на зиму. Единственно важная вещь — это образование Лизы. Ее ум быстро развивается, у ней огромная память — однако по временам она невыносима, но это не в ее природе; когда Натали сердится — она согласна с тем, что лучше всего было бы отдать ее в пансион. Куда? Кольмар, Страсбург — ужасный эльзасский климат.

Я очень доволен Татой. Но она мало работает. В конце концов в 22 года *finita la comedia*² — человек воспитывает себя сам, его уже не воспитывают.

Прощайте.

207. Н. П. ОГАРЕВУ

3 ноября (22 октября) 1867 г. Ницца.

3 ноября. Воскресенье.

Посылаю чек в 500 фр., возьми 400 и дай Тхорж<евскому> 100 на расходы. В числе этих денег 150 за маленького. —

¹ как рыба в воде (нем.); ² кончена комедия (итал.). — *Ред.*

Может, я поеду с Татой в Турин — и туда выпишу Сашу, — надобно спасать итальянские фонды. От Ротш<ильда> ответа еще нет.

А как страшно умирает дряхлый латинский мир.

Предисловие кончил, о Кельсиеве посылаю — не бойся печатать.

А читал ли ты вторую статью о Кельсиеве в «Голосе» (фельетон)? Просто приглашение. «Правительство готово отступить от возмездия за вину, для того чтоб возратить полезных граждан»...

Ко всему сюда приехал Фед<ор> Апол<лонович> Жемчужников, брат Нат<альи> Ап<оллоновны>, с больной женой. Ал<ексей> Ал<ексеевич> положительно говорит, что едет весной за Nat<alie>.

Так скучно... так скучно. Когда ж мне судьба даст хоть месяц покоя? Один совершенно хотел бы провести время в том, чтоб опомниться.

— Ан нет! —

Прощай.

208. Н. П. ОГАРЕВУ

3 ноября (22 октября) 1867 г. Ницца.

Отдай безбоязненно набирать. — Предисл<овие> к «Колоколу» готово. Пришло.

209. М. МЕЙЗЕНБУГ, О. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

3—4 ноября (22—23 октября) 1867 г. Ницца.

Il y a du temps — très chère Malvida — où je cesse de rire — et où avec tout le scepticisme et toute la prévision — on s'attriste dans la douleur. Il n'y a du reste rien d'inconséquent à cela. Un homme sent que la goutte monte au cœur — *il sait* que cela fera mal. Ce n'est pas une raison pour ne pas sentir le mal et n'en souffrir. D'un autre côté rien d'imprévu. Pensez à tout ce que j'ai prêché à Euston Square, à Richmond House, Cholmondeley Lodge — et les autres Ventnor.

Eh bien — marche funèbre — et en avant... Où?.. Vers le néant.

Savez-vous que Kelsieff — tout pardonné — est le lion à Pétersbourg. Je ne crois rien à ce qu'on dit qu'il compromet des personnes. Alors, on se cache — mais il y est au grand jour fêté.

Etes-vous contente de Nota Beni?

4 oct<obre>, Lundi—after dinner.

Olga — je t'embrasse, Tata viendra te raconter bientôt de toutes les choses — peut-être moi aussi.

La question du piano — comme toutes les autres seront résolues après la réponse de Rothschild.

Adieu¹.

Alexandre.

3 ноября. Воскресенье.

Пишу к тебе еще раз и, вероятно, в последний до отъезда Таты. Ответа еще нет от Ротшил<ьда>. Может быть дни через два-три — и тогда подробно и тотчас будет решено на следующих консидерациях.

1-ое. Если мне необходимо *тотчас* ехать в Париж — я тебе напишу, чтобы ты приехал на один день в Ниццу — и взял бы Тату.

2-ое. Если я могу располагать двумя неделями, то я поеду в Турин с Татой (тебя выпишу туда для передачи итал<ьянских> фондов) и приеду на неделю во Флоренцию.

Кажется, совершенно ясно? И вариация может быть в какой-нибудь неделе. Если 6-го не будет ответа, я напишу Рот<шильду>.

Дела ваши в Ит<алии> мне легли каким-то камнем на душу — на столько подлости я не был готов. Зато Гар<ибальди> — это античная фигура, искупительная XIX веку.

Вчера послал тебе «La nouvelle Pensée».

¹ Бывают времена, дорогая Мальвида, когда я перестаю смеяться и когда при всем своем скептицизме и способности все предвидеть — я погружаюсь в скорбь. Впрочем, в этом нет ничего непоследовательного. Человек чувствует, что болезнь доходит до предела, *он знает*, что это причинит боль. Но он все равно будет чувствовать боль и страдать от нее. С другой стороны, ничего непредвиденного. Подумайте обо всем, что я проповедовал в Истон-сквере, в Ричмонд-хаузе, Холмонделей-лодже — и в других Вентнорах.

Ну что ж, похоронный марш — и вперед... Куда?.. В небытие.

Знаете ли вы, что Кельсиев — совершенно прощенный — светский лев Петербурга? Я не верюнисколько тому, что говорят, будто он кого-то компрометирует. В этих случаях прячутся — а он у всех на виду, пользуется успехом.

Довольны ли вы Nota Beni?

4 октября, понедельник — after dinner (после обеда (англ.)).

Ольга — целую тебя, Тата приедет вскоре и расскажет тебе обо всем — может быть, и я приеду.

Вопрос о рояли — как и все другие вопросы — будет решен после ответа Ротшильда.

Прощайте (франц.).— *Ред.*

210. О. А. ГЕРЦЕН

4 ноября (23 октября) 1867 г. Ницца.

Объясни Мальвиде, что эту страницу я отрезал, кладя письмо в пакет. О частных делах я позволяю теперь, как и всегда, писать без цензуры — но об общих *alia tempora*¹. Примите это к руководству. Я взглянул, и это совершенно случайно, и за ножницы.

4 окт(ября), понедел(ьник).

Франц(узский) «Колокол» — выйдет на 1 декаб(ря), блестящий №.

2 листа франц(узских)

1 — русский.

211. Г. Н. ВЫРУБОВУ

6 ноября (25 октября) 1867 г. Ницца.

6 ноября 1867 г.

27, Promenade des Anglais, Nice.

Посылаю вам, почтеннейший и нагорный житель Лациума, нашу программу. Хорошо, если б об нас сказали в двух-трех журналах. Я пошлю в «Courrier» и в «Liberté», даже в «Temps», просто вы знаете кой-кого из «Courrier».

Ну, довольны ли вы передовой страной? Или до ваших горных селений не доходят наши воздыхания?

Я полон ненависти до конца ногтей.

Благодарю за ваш добрый прием — может, скоро придется опять побывать в П(ариже) — из Америки еще нет ответа.

Если вам не жаль, то пришлите книжку «Revue» вашего. От Огар(ева) не добьюсь. Да (в силу предложения <ва>шего²) не вышла ли 3 книж(ка) Карлейля на франц(узском)?

Весь ваш А. Герцен.

212. Н. П. ОГАРЕВУ

6 ноября (25 октября) 1867 г. Ницца.

6 октября. Середа.

Все получено — т. е. «Голос»,
«Самі(іа) Rossa»,
Объявл(ение),
Письмо Тхорж(евского).

¹ времена другие (лат.).— *Ред.*

² Автограф поврежден.— *Ред.*

Я писал, если Бак<унину> нужно, то предложить ему *сто фр<анков>*. Но Тхор<жевский> пишет, что он их требует на какое-то дело... Это в самом деле «другое дело» — и в таком случае следует отказать. О Щербак<ове> писала Мар<ья> Касп<аровна>. На днях я отправил чек в 500 фр. и статью о Кельсиеве на твоё имя.

Глядя на ужасы, происходящие кругом, я могу, в сущности, только одобрить Кельсиева. Я ещё ни разу не доходил до такой полноты безнадежности — и в общем, и в частном. Ещё раз обучить дураков, что такое Россия, да и оставить в покое и удалиться куда-нибудь.

Письма твои, вообще рассеянные, писаны в недосуге или в кафе, что видно по почерку и по содержанию. Ты пишешь: «Если б я имел право, напр<имер>, я не отпустил бы Лизы...» Да и я ещё не отпустил — но вопрос не в желании и не в праве — а в возможности или невозможности препятствовать, в возможности или невозможности так жить. С Татой и, след., со всеми во Флор<енции> будет разрыв холодный и финальный, как она уедет. С Россией переписка, к тебе ни тени доверия, на меня затаенная злоба и желание отомстить. Ал<ексей> Ал<ексеевич> едет, говорят, в конце зимы. Говорить я буду и с ним и с Сат<иным>. Но ты видишь, что Сат<ин> — человек, который проигрывает тысячи, оставляя настоящий долг чести в стороне.

Что же я сделаю? Ещё одно средство — твоё письмо к Сат<ину> и Ал<ексею> Ал<ексеевичу>, но это надобно побегать до последнего дня.

Господи, какая скука! Устроили мы жизнь! — А тут, того и смотри, опять денежное расстройство (по итал<ьянским> фондам).

Ответа от Ротшильда нет.

Тхорж<евского> благодарю за все, завтра Чернец<кому> пошлю статью. Предисловие посылаю, поправь и отошли набирать.

Посылайте объявления всюду — напр<имер>:

London — Mr Schlesinger Esq.
25 Upper Bedford place
Russel sq.
E. Piggot Esq.
9 Bouveris Street
(«Daily News») Fleet Street
N. York — F. Kapp Esq.
P. O. Box 3750

213. Л. ЧЕРНЕЦКОМУ

6 ноября (25 октября) 1867 г. Ницца.

6 ноября. Середа.

Это конец «Prolegomena». Затем во французском тексте огар(евская) книга. К 1 декабрю непременно отпечатайте. Будьте здоровы. Все вам дружески кланяются обоим.

Преданный А. Герцен.

27, Prom(enade) des Anglais. Ницца.

Очень нужное. NB

Скажите Тхоржевскому, чтоб сейчас прислал Висконти три первых тома «Былое и думы» — и «Письма из Италии».

214. Н. П. ОГАРЕВУ и Л. ЧЕРНЕЦКОМУ

6 ноября (25 октября) 1867 г. Ницца.

NB

Если найдете лучшим франц(узское) объявление напечатать не в начале, а в конце листа франц(узского) №, то это тоже можно. — № должен быть разослан к 1 декаб(ря), — а потому возьмите все меры.

215. Н. П. ОГАРЕВУ

9 ноября (28 октября) 1867 г. Ницца.

9 ноября. Суббота.

Ожидание ответа из Америки — который мог быть к 5 — наводит тоску. Я было написал длинное письмо вчера — но бросил его в камин. Скучно плакаться — на общее и частное — надобно понатянуть мышцы и идти. Меня убивает — безумная трата времени и беспокойный провизуар. И Тата сидит с уложенным чемоданом. Саше приехать не хочется и недосуг — я до ответа Рот(шильда) не знаю, какими деньгами я располагаю — столько нужд и желанья помочь и поправить — и молчание. Вчера я писал к комп(анию) Рот(шильда).

Конечно, Бак(унину) отдать след(ует) 100 фр. — для него, но не для чего другого.

Жемч(ужников) ничего о С(атине) особенного не рассказывал, кроме их перестрелки в Москве с Ал(ексеем) Ал(ексеевичем). Он уговаривал Ал(ексея) Ал(ексеевича) прекратить завод — говоря, что он *постоянно* ему в ущерб, на что Ал(ексей) Ал(ексеевич) отвечал: «Хорошо, я прекращу завод, когда ты прекратишь игру, в которой ты *постоянно* проигрываешь». Этот анекдот — лучшая комментария. Они все переезжают на житье в Москву. Спасу ли я от России Лизу или нет — не

знаю, сделаю все... до уступок и лжи, — во всяком случае до 1-го июня N(atalie) не уедет из Ниццы.

На меня гнев, хотя и скрытый, продолжается за дело кухарки. Я поступил круто — но был безусловно прав.

Насчет коррект(уры) и писем ты никогда не заботься. Прими со мной за общее правило — пока я не переменю адреса, писать по старому, и если я дал адрес в Ниццу и ты узнаешь, что я в Исландии, то письма пиши в Ниццу. Это единственное средство, чтоб письма доходили. Для меня письма слишком важны, чтоб я не распорядился.

6 окт(ября) я послал Чернец(кому) статью и тебе статью. Пора набирать. Я очень рад, что Бак(унина) статья в том же духе. Я ни в чем европейском не буду участвовать — ни в «писе» ни в «каке».

Итак, лабазник, гостинодворец и дрягиль Касаткин сердится, — я ему говорю то же, что медведь ужалившей пчеле, но бескорыстнее медведя: отказываюсь от второй части.

Засим прощай.

Тхоржевскому буду на днях писать — а пока спроси, послал ли он Висконти «Былое и думы» — первые три тома — и «Письма из Италии» — и что стоит с пересылкой.

В. Если не посылали еще в Россию объявление, — непременно следует послать sous bande «Голосу», «Сев(ерной) почте», «Jour(nal) de S. Péters(bourg)».

В Монпелье написать не штука, когда Сп(иридов) поедет.

Я, не знаю с чего, переехал с красного вина на белое и пью шабли в 1—50 сант. и таковой же grave¹. Est-ce grave?²

216. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

11 ноября (30 октября) 1867 г. Ницца.

11 ноября. Понедельник.

Сейчас отправляйтесь за шампанским и угощайте с гласом трубным и биением литавр — Огарева и Чернец(кого). Вы наш представитель — нашего дома.

Дело америк(анское) вполнину кончено. Сейчас получил от Ротшильда письмо — бумаги (т. е. половина) куплены и проданы очень хорошо. Вторая, верно, устроится также — риску больше нет, потому что все получено в New York'e у Белмон. Я смело могу употребить на все проекты и улучшения несколько тысяч франков (напр(имер) до 10 т(ысяч)); посторонним не говорите о последнем.

¹ Сорт белого вина. — *Ред.*

² Разве это важно? (франц.). — *Ред.*

Если статья, т. е. последняя, не взойдет — то ее *всю* следует оставить до следующего листа. Но я не могу понять, чем же наполнены *два листа*.

Объявление о выходе 1 декаб⟨ря⟩ необходимо. Пусть Огар⟨ев⟩ и Давид напишут — коротко, и следует напечатать *за деньги* в «Кёльнской газете», в «Indépendance» и в «Temps», пожалуй, в «Siècle». Вересов, вероятно, имеет агенцию. Это довольно будет дорого — но необходимо.

У вас холодно, а здесь лето, все вам кланяются.

Рядом с барышом в Америке — итальянские фонды грозят на это полугодие сильно, — вот поэтому-то я и думаю ехать в Турин, — иду толковать с Авигдором.

Еще ничего не решено. До воскресенья (17-го но⟨ября⟩) я не двинусь — и, стало, можете еще раз написать. Вообще помните правило, о котором я писал Огар⟨еву⟩: пока я не перемену адреса, *писать по старому*.

Скажите же Чернецкому — он, верно, порадует, да и бутылочку-то выпейте. Если нужны сейчас деньги — могу прислать.

Прощайте.

217. Н. П. ОГАРЕВУ

11 ноября (30 октября) 1867 г. Ницца.

11 ноября. Понедельник.

Из письма к Тхор⟨жевскому⟩ ты увидишь, что в Америке мы одержали викторию и что потери прошлых годов могут вознаградиться так, что доходу в прибавке будет 5000 фр. ежегодно. (Да в убавке Virginio и Olio St⟨ock⟩.) Прошлогодние дефициты сим покроются, и свободы движенья больше. Теперь только куплены Un⟨ited⟩ St⟨ates⟩ 6%, — 1882 — на половину суммы.

Для другой операции надобно съездить в *Париж*. Посторонним об этом не толкуйте — ни даже Бак⟨унину⟩. К тому же на итал⟨ьянских⟩ фондах будет большая потеря.

Я еще не знаю — когда и куда поеду — вероятно, придется съездить в *Турин*. Может, и в Флоренцию — на неделю; тогда я поеду в Париж после.

Дома все печально — теперь N⟨atalie⟩ решается ехать не в Россию, а в Америку. *И говорит пресерьезно*. Есть, должно быть, что-нибудь против Сатина: *Жемчу⟨жников⟩* говорит, что он проигрывает кушами в 5 и 6000 р., меня это бесит). До мая я за все отвечаю.

Устрой объявление о «Колок⟨оле⟩» в журналах, вроде <...>¹

¹ Подлинник поврежден. — *Ред.*

Я возьму у Рот<шильда> 15 000 — из них ему долг 7000, а остальное на подмазывание колес — типогр<афских>, наших, детских. Стало, и тебе могу прислать. Иду к Авиغدору.

Получил ли мою статью русскую? Чернец<кий> получил франц<узскую>.

На обороте: Огареву.

218. Г. Н. ВЫРҪБОВУ

12 ноября (31 октября) 1867 г. Ницца.

12 ноября 1867.

Nice (Alp<es> mar<itimes>), 27, Promenade des Anglais.

Письмо из Лациума получил, — cum tabellario¹, как расписывался Цицерон, получая в Брундузиуме цидулки от своей супруги.

Карлейля только 3 книгу пришлите. У него картины хороши, — а рассуждения à la Jean-Paul Richter ins Blaue hinaus².

Взгляд ваш на историю я очень делю и понимаю его. Но ведь в истории мы играем двойную игру — зрителей и актеров, если актер не будет страстно проникнут своей ролей — он ее играть не станет и останется профессором истории, а не деятелем. Вот отчего одни смотрят на болезнь и изучают ее, а другие ею болеют, они сами доктор и больной. Нельзя не знать, что сломленной ноге будет больно — а ведь все-таки больно.

Далее, ваш научный взгляд позволяет вам сказать, ехpli>gr<atia>, что Испания в маразме, в старости, в величавой импотенции, а что Сев<ерная> Ам<ерика> пышет здоровьем, но многое в ней сыро и не обтерлось, — но вам ее будущее ближе к сердцу, чем интересная агония в Эскуриале.

Далее, вы не вовсе правы в том, что жожаками остались Франц<ия> и Англия. Англия идет, но не ведет, авангард ее — Америка. А солдатская страна прет назад — и нашла коса на камень, т. е. на Пруссию. Она поведет; теперь праздник в немецкой слободе — колбасократия. Франция — твердый и мощный оплот всякого консерватизма; старшая дочь церкви, она и должна была спасти святой сиеж.

Засим прощайте. Дело в Америке вчера кончилось (т. е. вчера получил письмо) успешно, даже с выгодой.

Третью книжку жду и вперед благодарю. Может, к 15 декаб<ря> лично явлюсь.

¹ с секретарем (лат.); ² как у Жана-Поля Рихтера — пальцем в небо (франц. и нем.). — *Ред.*

Объявил ли об нас во французской болезни «Courrier»? Или я пошлю на съедение первый лист.

Искренно преданный А. Герцен.

Здесь говорят, что в финансовой нужде в России заготовлен ужасный указ — об обязательном выкупе казенными крестьянами земель, — безобразнейшее дело.

Александр Николоевич сделался ханжой и все толкует, что, если будет третий атентат, то беда, и поэтому специально и усиленно молится.

Пошлите ему 3 книжку.

219. Н. П. ОГАРЕВУ

12 ноября (31 октября) 1867 г. Ницца.

12. Вторник.

Resolved¹ — я еду с Татой в Турин — в воскресенье, 17 числа, и буду во Флоренции 20-го, — там пробуду дней 10 и возвращусь в Ниццу, — а потом в начале декабля — т. е. *empli gratia* 10, буду у Ротшильда. Одно письмо, может, и можешь прислать еще сюда, если тотчас напишешь.

Здесь один русский, очень дельный, рассказывал мне об ужаснейшем указе, заготовленном — и, он думает, уже опубликованном, — об обязательном выкупе казенной земли казенными крестьянами. Условия ужасные и совершенное разрушение коммуны.

Счета от Ротшильда получены.

1-ое. Капитал спасен до копейки.

2-ое. Куплено бумаг на 8000 дол. больше, и при второй покупке сойдет еще, что и представит около 4000 франк. дохода больше.

3. Вся операция стоила — посылками, комиссиями и пр. — 2690 фр. Вот и всё.

Я возьму на расплаты и пр. из капитала, — это понизит немного доход, да сверх того итальянские бумаги опять теряют 12%, и так все-таки выйдет 3000 фр. в год барыша. Это меня поставит à flot².

220. Н. П. ОГАРЕВУ

14 (2) ноября 1867 г. Ницца.

14 ноябля. Четверг, Ницца.

Спешу уведомить о благополучном прибытии Вормса — что не помешало милейшему Бени попасть в тюрьму, да еще в

¹ Решено (англ.); ² на ноги (франц.). — *Ред.*

поповские лапы, и получить, будучи зрителем, un soup de poule¹, как говорила какая-то барыня. Вот совок — да неловок. Он потерял чемодан и все вещи. Вероятно, его, как корреспондента, пустят.

Далее — сколько я ни предупреждал, мои неловкие флорентинцы все-таки приняли Долгор(укова), и он дал rendez-vous Фрикену у них и сидел весь вечер. Это мне ужасно неприятно, хоть я и возьму все меры, но нельзя же у себя в доме делать сцену. Думаю написать ему тихо и покойно, что мы не можем продолжать знакомства. Как ваша опиния?

Дома к отъезду все стало тише. Кажется, N(atalie) хотелось бы кое-что поправить, но не сознаваясь, что вся вина с ее стороны. До приезда Ал(ексея) Ал(ексеевича) о России не заботься, хотя с Жемч(ужниковым) и были переговоры о крещении. Тот уверяет, что это легко.

Лиза продолжает так же учиться — хорошо, и даже очень. Но в первую минуту досады — делать ужасы. Надо надеяться, как ты сказал в стихах, на здоровый ум.

Русский уехал (о котор(ом) я писал) — и прямо в Петербург, — отсюда через Вену — пять суток. Это нигилист pur sang², со всеми их достоинствами и паршами. Но очень не глуп. Самолюбие — без границ, и вялость, усталость — ему 24 года! Нас в России не читают и не хотят, вообще в заграничную прессу не верят. Школы внутри России задавлены надзором и попами. В катковский лицей — втрое больше охотников, чем места. Худяков сослан на поселенье в якутскую деревушку. Жена его в Петерб(урге) вела себя геройски.

Все тот же вопрос: «Что делать и что делать?» — Ты обещал об этом писать в твоих письмах. Мне теперь хочется только ругаться с Западом.

А что это за подлый «Голос»!

Ответ Босаку и Булев(скому) готов, это для второго №. Он тепло-зол — не против них, разумеется.

Еду. Едем в воскр(есенье) в 5 вечера, утром переезжаем горы (Col(le) di Tenda) и к вечеру в Турине. Пиши во Флоренцию — туда пошли и корректуру и все. Я непременно буду там 20 или 21 — рожденье Ольги.

Italia. Florence.

9, Piazza San Felice (Via Maggio).

¹ куриную кожу (франц.); ² чистокровный (франц.). — *Ред.*

15 (3) ноября 1867 г. Ницца.

15 ноября.

Началом твоей статьи я бесконечно доволен. Именно такую-то refonte¹ я и хотел. Изложение ясно и дельно.—Но как же вы хотите ее поместить прежде окончания «Prolegomena»? Au reste — это как желаешь. Mise en pages мне необходим. Во Флоренцию можете просто послать sous bande и франц<узские> корректуры два экземпляра.

Детали шуваловские мне не нравятся. Вся история кабака и добыванья бумаг некрасива. Нужна ли она? В тексте есть прибавочки ex<empli> gr<atia> (сохрани боже).

Есть плохие новости из общих — их сообщу из Specola.

Кельсиев произвел своей лекцией эффект дурной тем, что прикинулся православным,— стало, статейка-то кстати.

Лиза с acharnement² учит ролю из Амалии — и декламирует с утра до ночи. К тебе писала два письма — и не дописала.

Прощай.

Остальную корректуру послал Чернецкому. Пожалуйста, прочти внимательно III «Prolegomena» — тут наврано много. Mise en pages пошли Саше.

Если ничего не помешает, послезавтра будем в дороге.

Лиза благодарит Тхорж<евского> за альманах и зовет его в Ниццу — непременно.

Я ему буду писать скоро. Письмо его получил.

Напиши, достаточно ли тебе до Нового года 800 фр. — я делаю теперь бюджет. Прислать их могу сейчас.

19 (7) ноября 1867 г. Турин.

№ 1.

19 нояб<ря>. Вторник.
Torino. Hôtel Feder.

Вот и в Италии. Одна часть души отдыхает... Col<le> di Tenda, несмотря на два дня тропического дождя, мы переехали торжественно по белому снегу и солнцу. Здесь сыро, холодно, — гораздо хуже, чем в Ницце.

Ниццу оставили мирно. Was weiter³ — не знаю. О России все замолкло. Я и сам теперь не знаю, куда летом ехать. Жить даже в Ницце невыносимо тяжело. Что за неисправимое несчастье было в разброде из Буасьеры. Это — второй грех,

¹ переделку (франц.); ² ожесточением (франц.); ³ Что дальше (нем.).— *Ред.*

взятый N<atalie> на душу (первый — отъезд из Tunstal House). Ничего теперь не сладишь. Лизе в Ницце хорошо, много детей, учителя превосходные, к их числу я прибавил Гулевича. Настоящего сближения с Татой не было, — нет натур противуположнее, — но Тата едет, жалея N<atalie> как больную.

Может, я Тату отправлю завтра одну вперед во Флоренцию — и кончу здесь банкирское дело.

Ненависть ко всему французскому — безгранична. Пусть попробуют, каково было нам при Николае.

Письмо твое я получил и, право, не понимаю — вскую ты плачешься так на типографию. Куда вы торопитесь — и как может *серьезно* быть много работы от трех листов корректуры в две недели (а теперь в месяц) — полагая по *три часа*¹ на лист, выходит девять часов на пятнадцать дней. Я писал к Чер<нецкому> или Тхор<жевскому> как-то о *необходимости читать корректуру* вместе с рукописью.

Объявление 2-ое о «Колоколе» плохо — нельзя было позволить им печатать без твоего *bon à tirer*². *Journal* redigé par M. M. H<erzen> et Og<areff> — я не видывал, чтоб себя называли «Messieurs». Но это не важно. Жду во Флоренции *mise en pages*.

Статейка моя в ответ Босаку готова — и зла.

Засим — *addio*.

Тата тебя обнимает и дрожит от холода.

223. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

22 (10) ноября 1867 г. Флоренция.

22 ноября. Firenze.

9, Piazza San Felice (Via Maggio).

Вот, любезнейший Тхоржевский, я и в Флоренции. Своих застал хорошо. Мы с Татой приехали сюрпризом в день рождения Ольги. Никто не ждал — и у них было веселье. Но снаружи не весело — все траурно и плохо; того, что было, нельзя себе вообразить... ну, при свиданье расскажу.

Кому послать «Колок(ол)», я напишу в следующем письме. Отправляю корректуру — поправлена она плохо, и без моего *bon à tirer* печатать я не могу позволить. Я здесь, во Флоренции, до 2, 3 декабря, прислать успеете («Кол(окол)» может выйти хоть 10 декаб(ря)).

¹ А теперь выходит три листа в пять-шесть недель. В Лондоне разом шли сборники «Былое и думы» и «Поляр(ной звезды)», «Колокол» — etc.

² разрешения (франц.). — *Ред.*

Если бы можно было соединить Чернецк<ого> с Пфефером, — я бы сделал все возможное. Устройте это дело. Я и деньгами и всем готов помочь.

Корректуры покажите Огар<еву> прежде, — писемцо его получил — короткое. Долгор<укова> не видал. Он все здесь нас подхваливает, — вероятно, для мировой. И это меня ставит в скверное положение.

Ольга вам кланяется и все.

Прощайте.

Считайте, что я здесь буду до 2, 3 декабря.

Рукой А. А. Герцена <?>:

Дружески жму вашу руку, пан, — кланяйтесь Чернец<кому>.

224. Н. П. ОГАРЕВУ

23 (11) ноября 1867 г. Флоренция.

Firenze.

23. Суббота.

Посылаю корректуру. Ошибок много, и всё умничает Давид. Я пишу «rétrovolution», он — «rétro révolution»; наконец, «Prolegomena» он пишет «Prologomenes»; франц<узское> окончание ничего, но это *O* — уголовно. Пропущено слово «jugu», и вышла бессмыслица. Если ты думаешь, что возможно печатать, печатай. А не то лучше еще раз прислать. Ко 2 или 3 декаб<ря> можно прислать.

Далее. Формат гадкий, и надпись такова же. Хоть бы на палец побольше. Да не лучше ли «Колок<ол>» сверху по-русски? Все заглавие следует расставить — красивее, шире... Первую страницу — непременно сделать *последней*. Надобно это схлопотать, потом тебе отдых от коррект<уры> до начала января.

А если б Чернецк<ий> соединился с Пфефером — я дал бы дорого, посоветуй ему дружески, я даже часть расхода возьму на себя.

Письма Мейз<енбуг> и Ольга и я получили.

Здесь великая скорбь налегла на всем. Странно, что люди все-таки сердцем солидарны со страной. Всё чувствует обиду — всё чувствует пятно и преступление.

Тхор<жевскому> буду писать.

Мне что-то стало казаться, что мы придаем слишком важности Долгор<укову>. Еще не видал его.

225. Г. Н. ВЫРУБОВУ

28 (16) ноября 1867 г. Флоренция.

28 ноября 1867.

Florence, 9, Piazza S. Felice (Via Maggio). 3°p°.

Я уехал из Ниццы, не получив вашего ответа, и пишу к вам теперь по поводу одного небольшого дела. Мой сын написал небольшую и очень недурную вещицу («Conversations physiologiques»), довольно популярную — о нервных явлениях мозга, о рефлексах и пр. Думаете ли вы, что ваш издатель возьмется за издание, и если да, то на каких условиях? Книжка будет в 140—150 стр. такого формата, как Карлейль. Я готов напечатать в своей типографии, — но полагаю, что наши пути далеко не так хороши, как у Ж. Бальера (кажется, так?).

Пожалуйста, черкните об этом строчку.

Далее — у меня есть и еще просьба. Вы меня можете сильно обязать... — взглядывая сами или поручив кому-нибудь — в журналы между 5 и 15—20 дек(абря), не будут ли нас заушать за 1-й лист «Колокола». Я даже попросил бы, если что будет особенного — мне прислать, после сочтемся. Если и вам захочется пощелкать нас в вашем «Revue», пощелкайте. Я здесь слышал, что ваша статья о мир(ном) конг(рессе) очень хороша, — но за что же вы ее не прислали, т. е. 3 книжку. Или вы ее послали только в Женеву?

Здесь та тоска, которая бывает в доме после большого несчастья, и притом некрасивого, — когда отца повесят за воровство, сына за насилье отдерут кошками или в этом роде.

Меня Heimweh¹ по Англии разбирает. Вы ее уж возьмите в милость и будьте здоровы, а если можно, покойнее и веселее меня.

Преданный вам

А. Г.

Р. С. «Кол(окол)» вы получите, я полагаю, 5 или 6 дек(абря). Мой переезд его задержал. Слышали вы, что К. Фогта в Аахене прусские жандармы с обнаженными саблями спалили от набожной аудитории, скандализированной его вольнодумством в зоологии?

226. Н. П. ОГАРЕВУ

5—6 декабря (23—24 ноября) 1867 г. Флоренция.

Я думаю ехать к 10 декабря.

Вам следует приготовить полфевральского и мартовский листы. Leading article в фев(альский) будет доставлен мною. Но почти вся «Смесь» должна составиться в Женеве.

¹ тоска по родине (нем.). — *Ред.*

В мартовский лист нужна статья de fond ¹.

В начале марта я приеду.

Для этого необходимо снова приняться за газеты.

А что же «Non possumus?»

Твоя статья о «Что делать?» может очень быть удачна. Но начать ее надобно иначе. В начале ты решительно повторяешь мое введение — это некрасиво.

Non ris in idem, как говорят немцы (и что можно перевести: не надобно мочиться, когда идешь).

227. Н. Н. ГЕ

7 декабря (25 ноября) 1867 г. Флоренция.

7 декабря, суббота, вечер.

Флоренция, 9, Piazza S. Felice (Via Maggio). 3°p°.

Почтеннейший Николай Николаевич, сегодня искал ваш дом и не нашел. Доманже взялся доставить записку. Дело в том, что Тата нездорова, а ко мне назвался скучный гость завтра. Позвольте прийти в другой день. Я остаюсь еще неделю, а может, и больше. При сем с почтением русская половина «Колокола».

Весь ваш А. Герцен.

228. Г. Н. ВЫРУБОВУ

9 декабря (27 ноября) 1867 г. Флоренция.

9 декабря 1867.

Florence, 9, Piazza S. Felice (Via Maggio). 3°p°.

Виноват и виноват. Книгу М. Дюфреса прочитал, оставил в шкапе и уехал из Ниццы. Книга эта хорошая, и я ее охотно оставлю, — купите другой экземпляр, а я вам отдам в Париже (где буду, вероятно, в январе). Я уехал из Ниццы 17 ноябрь, и тогда вашего revue не было.

А ведь старичка Кине вы упрекнули даром в конце статьи. Одно сказать: у человека на сию минуту совесть (нравственное сознание своего отношения к людям) затмилась, и другое — что на это есть причины. Это и не противуречие, а констатация, с одной стороны, и объяснение — с другой. Может, отсутствие совести — хороший признак в течении исторического катаклизма, — как расчищение для новой совести.

О Величк. узнаю.

Насчет рукописи Саши еще не знаю, но Мечников ставит тот же вопрос. Он прочел несколько лекций, и Огарев

¹ редакционная (франц.). — *Ред.*

пишет — весьма не дурно. Ему хотелось бы их издать на французском). Я говорил ему, чтоб обратился к вам.

«Колок(ол)» для зарекомендования себя явится 15 декабря (с числом 1 января) 1868). Мне жаль, но за многое вы меня побраните. Журналы, если будут писать, оборвут. Жаль, если и «Курье Франсэ» с ними.

Иду в Камеру смотреть, сегодня решается вопрос — есть совесть или нет у итальянцев.

Пожалуйста, не сердитесь за Дюффреса, это все жизнь бегуна или вагабонда.

Сын мой кланяется.

А. Герцен.

Собираюсь 15-го ехать на Милан.

229. А. А. ГЕРЦЕНУ

9 декабря (27 ноября) 1867 г. Флоренция.

9 декаб(ря) 1867. Флоренция.

Ты должен на всякий случай знать, где главные документы и свидетельства моего состояния. Записку эту сбереги.

1. В доме Ротшильда и его нью-йоркского корреспондента — Белмон свидетельства на 38 000 дол(ларов) займа 6% Uni(ted) St(ates). У них же купленные впоследствии примерно 26 000 д(олларов) (еще нет счета).

2. У него же 175 акций или облигаций Женевско-Лпонской дороги.

3. Документы по парижскому дому — в Женеве в деревянном ящике.

4. У меня из америк(анских) свидетел(ьств) Ohio-Canal Stok 20 000 doll. commonwealth of Virginia 17 000 d.

5. Бельгийский заем в 2 1/2 пр(оцента) — номинальный капит(ал) 80 000 фр.

6. Рента итальянс(кая) в 9000 и свидетельства на нее. Вероятно, я их депонирую у Ротшильда.

7. Внесенные в Фрибургский банк 20 000 cautionnement¹ имеют свидетельство, находящееся в Banque Générale Suisse в Женеве.

8. Остальные документы — все в железном сундуке в Женеве.

8. Еще у Ротшильда — свидетельство итальянской ренты в 3000.

9. У меня смешанно хранится во всем капитале 20 000 франков бахмет(евских) денег.

¹ залога (франц.). — Ред.

230. М. К. РЕЙХЕЛЬ

10 декабря (28 ноября) 1867 г. Флоренция.

10 декабря 1867.

Флоренция, 9, Piazza S. Felice (Via Maggio). 3°p°.

Горы двигаются мало, а люди двигаются много, и я опять здесь. Замечательно, что в 1847 я был при рождении Италии — а теперь присутствую при ее кончине. Жития было двадцать лет. Убита корсиканцем середь белого дня. Вот вам и *Rondinella pelegrina* — *Pelegrina rondinella*¹.

Письмо ваше к Тате вельми хорошо — вы эдакий гранитный осколок (из хорошего гранита — с кварцем) старой гвардии лейб-Московского батальона; только и есть на свете, что несколько людей, а остальное «буки люди, буки жлуди, буки ь, вив Ганри катер».

Я еду отсюда 15-го, побываю в Турине и Милане, потом в Ниццу, потом в Париж, потом в Женеву, — очень холодно у вас. Такие Вятки завели, что упадешь. С будущего года мы начинаем «Кол(окол)» по-французски и по-русски приб(авление), — вам, разумеется, пришем.

Кланяйтесь и целуйте всех ваших с прибавлением Ад. Фогта. Lion, кажется, едет сюда. А прогос, если б вам когда занадобилось фр. 500 — пишите тотчас: я дела несколько поправил.

Прощайте.

Ал.

Львам тоже поклонитесь.

231. М. МЕЙЗЕНБУГ

18 (6) декабря 1867 г. Милан.

Мальвиде.

18. Dezem(ber) 1867.

Zu Mailand, im Cavourischen Gasthaus.

Hohe Kunstgönnerin und Mäcenas! Sie allein haben ein Recht, meine Rapporte über den Dom zu fordern. Auch will ich «drastisch» (wie der schwertführende General Haug sich auszudrücken pflegte) — meine Ansicht über Mailand im Dezember geben. Die Historie <И нрзб.> von Kroupoff hat meinen Gusto zu Grunde gerichtet. Nach Venedig habe ich noch nie so eine steinerne Narrheit gesehen, wie der große marmorne Dom. So schön wahnsinnig, so unnütz erhaben, so stalaktitentoll. Ja, der Mensch ist nur im Unsinn groß. Sagen Sie nichts davon weder Kinkel, noch Althaus-Strübing — die werden mich steinigen.

¹ Ласточка перелетная — перелетная ласточка (итал.). — *Ред.*

Im Theater steht an der Tür ein Schweizer, ganz zierlich vergoldet, ein großer Kerl. Man gab Wilhelm Tell — wahrscheinlich spielt er da — La Muette de Portici.

Gute Xsundheit¹.

Р. С. Огарев просит «Голос» сберець не для Панофки, а для него. Прошу собрать.

232. Н. А., О. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

18 (6) декабря 1867 г. Милан.

18 декаб(р)я. Середя. Milano.

Кто говорит о Милане, тот говорит о соборе, но я уже почтенной представительнице Гессен-Касселя на него жаловался — а тебе скажу, что я здесь видел превосходную гравюру той картины Фландрия, о которой говорил Уст(инов). Действительно, замечательно хорошо, в джиоттовском вкусе. Если где-нибудь в лавке в Флоренции есть, постарайся посмотреть. Он отошел назад несколько веков, чтоб быть настоящим христианином, и удалось. Это уж не Овербеку чета и всей компании Кранахов с Луком и пр. — Иду сегодня взглянуть на музей и на Леонарда да Винчи «Вечерю». Затем пойду в Scala — взглянуть «Ромео» Гуно и залу — затем баста. Ничего не хочется смотреть — город, а ргоро, шире, богаче и больше Флоренции — новая галерея, или пассаж, между собором и La Scala необыкновенно изящна и грандиозна. Вот чего требует наш век от зодчих. Au reste, такой галереи и в Париже нет.

Письмо Огар(ева), пересланное тобой, получил, и из Турина тоже, там все готово — а потому я в пятницу ночью или в субботу поутру туда поеду — и оттуда в Геную. Там пробуду дни три — а может и больше. Особенно важного туда не по-

1

18 декабря 1867.

В Милане, в Кавурской гостинице.

Высокая покровительница искусств и меценат! Вы одна вправе требовать у меня отчета о соборе. Да, я желаю дать «резкое» (как говаривал бравый генерал Гауг, вооруженный мечом) выражение — моему мнению о Милане в декабре. История <1 нрзб.> Крупова окончательно отравила мой вкус. После Венеции я еще ни разу не видел такой каменной глупости, как этот огромный мраморный собор. Такой поразительно безумный, бесцельно возвышенный, сталактито-сумасшедший. Да, человек велик только в бессмыслице. Ни слова об этом ни Кинкелю, ни Альтгаузу-Стрюбингу — не то они побьют меня камнями.

У входа в театр стоит швейцарец, детина в раззолоченной одежде. Ставили «Вильгельма Телля» — вероятно, он исполнял в нем роль Немой из Портичи.

Доброе Xsundheit (здоровье) (нем.). — Ред.

сылайте, а лучше прямо в Ниццу, — а так что-нибудь черкните — и именно чтоб моя безграмотница Ольга написала обо всех, сверх вас самих. Расчет немудрен.

Письмо это придет 19 утром.

Если вы тотчас напишете, то я здесь или в Турине получу, — если же напишете в Геную *perma in posta* через сутки, то я получу там.

Газет, о которых пишет Ог(арев), еще не получал.

Мое письмо, вероятно, дошло.

Засим всем бенедикции, а кому следует — поклон.

Огар(ев) пишет, что уже о «Кол(околе)» шумят.

Тата должна помнить, что ее рождение не 25 декабря, а *bien*¹ 6 января.

P. S.

Книгу Наке я прочитал — плохо, бедно и угловато. Зато смело. Я ее пришло Саше — из Швейцарии. Саша — совершенно свободный в сфере науки и теологии — далеко не так свободен в понятии о семье, да и о практической жизни вообще. Наке не сделает переворота — он даже во многом врет, но распатает и заставит подумать. Мысль, что семья, так же как государство, — форма, и притом необходимая для развития, но что она должна быть перейдена, — *donne à penser*².

Книга о работниках Бехера очень полезна — я и ее пришло.

233. И. С. ТУРГЕНЕВУ

20 (8) декабря 1867 г. Милан.

20 декаб(ря) 1867. Milano.
Hôtel Cavour.

За письмо спасибо. На этот раз и «Дым» получен в Женеве, но как же он пропал в первый?

Ты видишь, что я на старости лет все двигаюсь... а ты все оседаешь, да еще выбрал Бад-Бад (с твоей собственной ванной, о которой рассказывал Бакст еще до ее построения, выйдет Три-Бад — что нехорошо). Я только что из Флоренции. Все процветают, Саша заменил Савонаролу и читает проповеди о желудке — там, где тот читал о духе. Посылаю одну тебе. Еду отсюда в Турин... Геную... Ниццу, там пробуду немного и в Париж — а оттуда в Женеву. Если хочешь, пиши в Женеву, письмо перешлют.

С конца сентября — везде погода страшная, я не могу отделаться от непрерывных маленьких простуд. Земной шар не обитает. Нет ли какого-нибудь четвероугольника, на котором

¹ именно (франц.); ² наводит на размышление (франц.).— *Ред.*

можно было бы жить так спокойно, как вошь на голове какого-нибудь пензенского или тамбовского мальчика, — если есть, сообщь — я там заведу свой трибад.

Полемизировать не стану. Если я слишком сжал время и слишком en gros¹ смотрю на «новое слово», которое Россия явно громко говорит своим социальным исключением пролетариата — то, что ты не видишь даже и после совершенного падения Франции, с которой утянулась и Италия, — что это: гибель, смерть или *кризис*, — я этого не понимаю. Пожалуй-ста, заметь «или кризис» — я это говорил всегда: есть еще силы, которые могут оплодотвориться наукой и спасти организм, но сама наука, не воплощаясь, не спасет мира, так, как Плиний, Сенека не спасли его. Науке дела нет — в Америке ли, в Камчатке ли или ином месте ей будет фатера.

Praktisch — если немцы одолеют французов, может, и выйдет новая эпоха довольно порядочного развития — и прескверного тона. Если же нет?

Вот что из-за туч и тумана поднимается — фенианизм. Четыре взрыва в Лондоне — и капитал разбежится, да, это варварство — сам Луи Блан переполошился — ну а не варварские средства много сделали?

Еще слово. Дай тебе русскую картину — эдакого Гвидо, Тинторетто, д'Урбино. Хорошо, только дай же и ты Тициана, Мурильо из Америки.

Да и вряд в художестве ли выражается теперь человечество — я смотрю на эту мраморную беловежскую чашу здешнего собора. Такого великого, изящного вздору — больше не построят люди.

Лучшая новая картина из тех, которые я видел — *ложь*, гениальная ложь — Фландрий так подделался под Джиотто, что натянул действительно христианское вдохновение — даже маленький осел возле большого — святой осел...

Однако довольно.

Для утешения скажу на закуску, что Долг<орук> все пакостничает, и потому я прервал дипломатические сношения (только все же он не крал, как Некрасов, и не посылал доносами на виселицу, как Катков).

Что скажешь о Кельсиеве?

А. Г.

Р. С. Представь себе, какое старье сделало фурор в небольшом литературно-ученом кругу во Флоренции...—«Доктор Крупов» в франц<узском> переводе.

¹ общо (франц.).— Ред.

234. А. А. ГЕРЦЕНУ

21 (9) декабря 1867 г. Турин.

Турин. 21 декаб⟨ря⟩.

Все денежное дело кончил. Банкир слушил как следует больше 200 фр., да правительство первый семестр выдало ассигнациями — поэтому их везти мне не приходилось — я и велел тебе переслать 4435 фр. (с вычетом frais ¹) — деньги эти прошу тебя положить в банк и не трогать до 1 мая.

Холодно — но ясно, я много кашляю, это скучно, сегодня еду в Геную. Может, я там останусь долее, чем в Милане.

Пишу у Fidel, Verne et Cie. От них получишь и деньги. Всем кланяюсь.

Г.

235. Н. А. ГЕРЦЕН

21 (9) декабря 1867 г. Турин.

Также и от Таты получил рапорт. Вот ей приписка.

Тата,

all right ² — но несколько замечаний скажу. Вы очень рассеиваете ваши силы и средства — это раз. Другое — я никогда не выбрал бы для подарка серьги — пустые вещи поддерживают пустые вкусы, — не лучше ли было бы купить или материи, или что-нибудь на плечи etc. Обедом я доволен (хотя только завтракаю) — но погода ужасная. Бегу в Геную. — О днягах писал.

Получил длинное послание от Тургенева о «Колоколе». Он против — но очень любезен. Вам всем кланяется.

Напомни Домангаю, что он хотел писать возражение, — это для нас очень полезно. Огар⟨ев⟩ пишет, что полемике ждуг, т. е. многие говорят, что «это вовсе несосно», как говорил Зонненберг.

Получил от Тхоржев⟨ского⟩ длинное послание и от Огар⟨ета⟩ извещение, что он будет писать и что ему некогда, — получил и вторые газеты — а первые? Что ж, их сжег Муций Сцевола или извела на папилиотки Аскефизия? — Или их бросил Саша, или их забыла ты?.. Прошу прислать: Genova, ferma in p⟨osta⟩.

Довольно...

В утешение Мейз⟨енбург⟩ скажи, что и у меня кашель усилился от дождя. Сегодня прочищается — а то два дня ливмя лил дождь и стоймя стоял туман.

¹ издержки (франц.); ² все в порядке (англ.). — Ред.

Если в Генуе будет так же скверно, поеду, может, 24 декабря в Ниццу.

P. S. А что скажете о новой дикой силе — фенианизме, они после тюрьмы сделали опыт взорвать что-то в City. Не хотели люди революцию Гарибальди — вот им идет Яга-бальди (я думаю, ты слышала о бабе-Яге и о Гауг-Рапа-baldi)... Представь себе, как Савич и другие капиталы дрожат в своих конторах.

236. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

22 (10) декабря 1867 г. Генуя.

22 декаб(ря).

Генуя — Höt(ел) Feder.

Третьего дня я вам послал страховое письмо из Милана, любезный пан, вчера все обделал в Турине и вчера же в ночь приехал в Геную — вот и опять у нашего моря.

Когда еду, еще не знаю — коли бурно, поеду в дилижансе, коли тихо — на пароходе. А так как дилижанс может свалиться, а пароход потонуть и документы пропасть — то прошу вас сохранить следующее.

21 декаб(ря) 1867 получены мною от банкирского дома Fidel, Berné & C(омпа)nie в Турине, Via della Providenza, 42, одиннадцать сертификатов на итальянский заем 5% — девять в 1000 фр. ренты, один в сто и один в пятьдесят; все выданы банкиру или подписаны 1 декаб(ря) 1867 и все au porteur¹:

тысячные от № 1 483 919 до 1 483 927.

сто № 1 483 928

50 № 1 483 929.

Если б у меня украли их или что-нибудь случилось бы — вы идите к итальянскому консулу и заявите и тотчас пишите банкирам в Турин.

Само собой разумеется, что вы эту записку припрятуйте. Всего, как видите, выходит ренты ежегодной 9150 фр.; до 1 июля 1868 проценты получены — надобно остановить, если возможно, капитал. В случае потери в море, пожара, я думаю, что это возможно.

Ну вот все. Второе письмо и «Голос» получил. Досадно, что все кашляю, — а то бы ничего. Как же это я буду в Женеве жить в ваших льдах? Я совершенно здоров, хотя все говорят, что немного похудел, но беспрестанно простужен с конца сентября. Это делает такую тяжесть головы, иногда и боль в груди, что беда.

¹ на предъявителя (франц.). — *Ред.*

Затем желаю в Вевее поприздравать, Рейхелю поклонитесь, Бакунину, Мр(о)чк(о)вск(ому) и пр. А «Польша польская» — значит та, о которой Бакунин писал в своей статье в «Колоколе», — он пусть и объяснит. Кому же нравится наш злой взгляд — напишите.

Усердный богомолец А. Г.

237. Н. П. ОГАРЕВУ

22—23 (10—11) декабря 1867 г. Генуя.

22 дек(абря). — Генуя. Feder.

Почти тот же № и тот же коридор, в котором мы жили — Тесье, Саша и я — после похорон в 1852... Здесь-то, сидя у меня на постели, теперичный проконсул Сицилии, генерал etc. Медичи, пришедший, когда я уж лег, поймал скорпиона, и мы его утопили в масле, оставшемся от салада. Здесь Энгельсон, Орсини, Пичакане... и страшно при этих воспоминаниях — и благородно-печально.

Когда поеду, не знаю. Тон писем из Ниццы — убийственен, ни тени человечности, пощады. Что дальше? Что я сделаю, чтоб спасти, наконец, даже *свое* уважение к себе, — не знаю. Ночь и стена, перелезть можно, — а Лиза?

Надобно было доносить траур 1852... Как месть за бесхарактерность меня преследует ненависть N(atalie) к детям покойницы... Ну, да ведь ты все это знаешь. Выхода нет...

Работа, работа... И тут загвоздка. Я свое сделал. Платонически заниматься наукой не хочется, реально — не может. Наше слово сказано и даже услышано. Другого у нас нет. Мы, как Диккенс, повторяем одно и то же. Может, я шутки ради и напишу по поводу письма Тург(енева) еще «Концы и начала», одно письмо, но и в нем будет тоже репетиция.

А мы браним или смеемся над Тур(геновым), что он в Бад-Баден удалился, спит на мягкой постели и моется в мокрой ванне. Что же, мы нашим эпикуро-стоицизмом лучше устроились?

Даже нет приюта. Разве остаться здесь на зиму в Генуе? Письмами все будет отравлено... Разве проситься в Ташкент или в Абиссинию?

Прощай.

23 декаб(ря). Понедельник.

Прими к сведению мою промеморию к Тхоржевскому насчет сертификатов.

На обороте: Прошу вручить Огареву.

23 (11) декабря 1867 г. Генуя.

23 декаб<ря>. Genova. Hôt<el> Feder.

Я с 1852 был много раз в Генуе и никак не попадал в тот отель, где был тогда — с Тесье и Сашей. Наконец-то добрался до него. Тот же коридор и старинные переходы, массивные лестницы — чуть ли даже не та же комната, в которой Медичи у меня на постели поймал скорпиона (прочти в «Бы-л<ое> и думы», вероятно, это в той же главе, где об Орсини), к тому же «Записки» Орсини так и воскресили давнопрошедшее. Ты с Ольгой были тогда в Париже у Мар<ьи> Каспар<овны>. Кстати, «Зап<иски>» Орсини я завтра вам пошлю — читайте их с Ольгой, они очень интересны — жаль, что он увлекается тогдашней злобой на Мац<цини>.

Воздух здесь мягче — видится, что нас балует морской, сыроватый воздух, и сыроватый на свой манер. В Милане и Турине — без огня нельзя было сидеть, здесь я еще не топил, и кашель, кажется, уменьшается.

Писем еще ни от кого здесь не получил, — может, поеду завтра или в рождество. И море тихо, и дилижанс для рождества пустой — еще не решил. А старые-то времена — из отеля посылаются паспорта во Францию в консульство. Без визы решительно не пропускают через французскую границу.

Avant de partir je vous informerai — et certainement à l'adresse de l'honorable Olga — représentante de M^{selle} Bakoffen ¹.

Ну что же Мещерский пропал?

Если не будет контрордра, пишите в Ниццу 27 d<écemb>re...

Мне досадно, что я нагрузил себя туринскими бумажками, — это ужасно мешает двигаться, фланировать и пр. Надобно лучше прикладывать papier rayé<le> ².

Мальвиде поклон от меня и перевод от вас.

23 (11) декабря 1867 г. Генуя.

Эту часть оторви Саше.

Помни еще вот что по делу итальянс<кого> долга. Если бы сертификаты были украдены, пропали бы, сгорели... или утонули, надобно сделать все усилия, чтоб заявить — и, буде возможно, остановить выдачу и продажу. При сгорении и потоплении это легко. Вероятно, есть же закон, что по объявле-

¹ Прежде чем уехать, я вас извещу — и непременно на адрес почтенной Ольги — представительницы г-жи Бакоффен (франц.); ² бумагу, подлежащую оплате (франц.). — *Ред*

нии, если в три года никто не явится, выдают новые — для этого не мешает иметь в виду след<ующие> подробности.

21 декаб<ря> 1867 — выданы банкирским домом Fidel, Berne et Cie в Турине, Via della Providenza 42 — одиннадцать сертификатов на сумму ренты 9150, выданные 1 декаб<ря> в Турине в перемену именного билета — положенного у них от меня — банкиром Авигдором в Ницце.

Засим кланяюсь.

Советую и тебе со Степаном прочесть записки Орс<ини>, особенно вторую часть, т. е. историю побега.

240. Н. А., О. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ и М. МЕЙЗЕНБУГ

25—26 (13—14) декабря 1867 г. Генуя.

25 décem<bre>. Genova. Среда.

Федорова гостиница.

Во-первых, я все еще не решил, завтра ли еду или нет. Морем или сухою. Кашель уменьшился — но зато я à la Schiff¹ совершенно потерял обоняние — так что не отличил бы Ess-Bouquet от Зонненберга. Во-вторых, Геную я рассмотрел в детали... Et voilà mon rapport que tu dois lire à Malvida. Gênes est sans doute une des plus belle<s> ville<s> de l'Italie, tout à côté, à Nervi, il y a des maisons et des cités magnifiques sur une colline en vue de la mer. La ville très tumultueuse, n'offre rien que sa beauté... C'est une chose étonnante, tout ce qui est très beau en Italie est en même temp<s> absurde. Ex<empli> gr<atia> Venise, le dôme de Milan, les rues de Gênes... on voit partout les traces d'un enfant de génie — et nul<le> part les traces d'un officier du Génie. Le calembour vient de soi-même — comme aussi que les rues de Gênes — gênent, écrasent, on n'est plus habitué à vivre à la manière des punaises en circulant dans des fissures. Résultat. On peut admirablement passer ici de mai jusqu'au septembre, et on peut aussi s'en passer.

S'il y avait un besoin de quitter Nice je recommanderais sans hésitation Gênes. Il y a même des maisons à côté du jardin — qui sont de toute beauté (Piazza Corvetto etc.).

Mais je pense qu'on pourra rester jusqu'au printemps à Nice — et ensuite chercher q<uel> q<ue> chose nella Svizzera.

J'ai fait tort à Turin — je l'ai vu l'autre jour à travers un catarrhe,

une migraine,
un brouillard,

¹ на манер Шиффа (франц.). — *Ред.*

Cette fois — la ville m'a paru très animée, et je regrette que je n'y sois pas resté 24 heures de plus. (Figurez-vous que c'est en allant au chemin de fer pour partir que je me suis souvenu de Moleschott).

Milan, et au plus haut degré Florence, sont affectés... натянуты — ce n'est pas simple, les ruines et les monuments, le bon et le mauvais — font d'éternelles décorations. Turin est tout de bon une ville — comme Brighton, comme Lyon, peu de «memento mori» et beaucoup de cafés. Il me semble que les habitants à Turin et à Milan — sont meilleurs que chez vous. A Gênes on court trop — on ne peut fixer les figures — embarquement, débarquement — *Partenza*... fourmillière navale ¹.

Вчера я послал Ольге «Записки» Орсини. Шляясь по улицам, я купил у букиниста «Записки» Тренка, которого Фридрих II полжизни продержал в тюрьме. Хвастун он страшный — но сравнение двух эпох, двух тюрем и двух личностей — забавно.

Заметьте, какая здесь превосходная бумага, я купил на 3 ф. 50 сант. целую провизию.

Прощайте.

26 декаб(ря).

Иду как Фауст — без Вагнера — смотреть, как пирует народ — всю ночь решительно пели песни — и изредка молитвы. Погода удивительная (обыкновенно в Генуе я видал проливной дождь) — тепло и ясно, даже ночью. — А пока я писал, поднялась биза.

¹ И вот мой отчет, который ты должна прочесть Мальвиде. Генуя — бесспорно — один из красивейших городов Италии; совсем рядом, в Нерви, есть великолепные дома и кварталы на холме, обращенном к морю. Сам город, очень шумный, ничем, кроме красоты, не отличается... Странное дело, но все, что в Италии очень красиво, в то же время и бессмысленно. Ех(empl) gr(atia) Венеция, Миланский собор, генуэзские улицы... повсюду чувствуется рука гениального ребенка... и нигде — рука инженера. Сам собой напрашивается каламбур — так же, как хочется сказать, что генуэзские улицы теснят, давят, мы уже отвыкли жить, как клопы, ползая по щелям. Вывод. Можно превосходно провести здесь время с мая до сентября, но можно обойтись и без этого. Если бы встретилась необходимость покинуть Ниццу, я, не задумываясь, рекомендовал бы Геную. Там, рядом с садом, есть дома даже просто прекрасные (Пьяцца Корветто и др.).

Однако я думаю, что до весны можно остаться в Ницце, а затем поискать что-нибудь *nella Svizzera* (в Швейцарии (итал.)).

Я обидел Турин. Я видел его наемни сквозь простуду, мигрень, туман.²

На этот раз город показался мне очень оживленным, и я жалею, что не остался там еще на сутки. (Представьте себе, что я вспоминал о Молешотте только по пути на железную дорогу, уезжая обратно.)

Omnibus ¹.

6 часов вечера.

В 7 я на пароходе, в 8 — пар, в 5 утра Ницца. С паспортами возня, как в Австрии сто лет тому назад.

Stabilim(ento) della concordia ².

241. А. А. ГЕРЦЕНУ

26 (14) декабря 1867 г. Генуя.

26 дек(абря) 1867. Четверг.

Сегодня я, вероятно, поеду — мой груз итал(ьянского) долга мне ужасно надоел — и я очень досажую, что не остался в Турине. Здесь слишком бойкое место, чтоб таскать с собой столько. Вот с именными-то билетами — и спи спокойно.

Вероятно, я спокойнее того доеду. Но помни все мои инструкции — и прошу тебя и Тату вперед знать, что если б я умер — Лизе выделить четвертую часть. Если же Сат(ин) уплотит весь огар(евский) долг — то и он должен быть разделен — также на четыр(ех). — Так и Огареву я передам. Мне не нужно говорить, что пока Огар(ев) жив, ваша святая обязанность — дополнять ему чего Сат(ин) не вышлет, меньше 6000 фр. он не может иметь в год.

Далее — великий секрет, никому ни слова, кроме Тате. Черт знает как, но пришедши в аптеку, я не нашел твоего письма с рецептом. Кашлю лучше, но рецепт пришли.

Вчера я искал же не только рецепт — но шарф в Stabili-menti di Concordia, и гарсоны искали — до тех пор, пока я догадался, что шарф на мне, и от стыда тихонько ушел.

На обороте: Al(еxandre), Dottore nella Specole ³.

242. Н. П. ОГАРЕВУ

27 (15) декабря 1867 г. Ницца.

27 декабря 1867. Nice.
27, Promenade des Anglais.

Проспавши, как у себя в постели, целую ночь в каюте, «мы бросили якорь» в 6 утра в Ницце. Ergo, я здесь. Пишу, только чтоб тебя успокоить насчет пучин и мглы.

Милан, а еще в большей степени Флоренция, напыщенны, натянуты — в них нет простоты; руины и памятники древности, хорошее и дурное — образуют вечные декорации. Турин просто город как Брайтон, как Лион, мало memento mori «помни о смерти» (лат.) и много кафе. Мне кажется, что жители Турина и Милана лучше, чем у вас. В Генуе слишком много беготни — нельзя разглядеть лиц — погрузка, выгрузка — partenza <отплытие (итал.)... морской муравейник (франц.). — *Ред.*

¹ Всем (лат.); ² Водворение согласия (итал.); ³ Ал(ександру), доктору в Спеколе (итал.). — *Ред.*

Лиза умна и весела, для ее физического развития Ницца превосходна. Климат здесь все-таки удивительный, даже после Флоренции и Милана (уже в Генуе чувствуется морская влажность и мягкость).

Что же я скажу о N(atalie)? Приняла она меня нехорошо... но я с ужасом вижу, что она решительно не понимает, в чем дело, и самым страшным словам не придает значения таких выражений, как *fichtre*¹. Я два раза пробовал сказать, что если я сделал жертву приездом, то что я знаю и цену ей, да и что чемодан еще уложен — так что я могу и ехать. А она говорит: «Если тебе скучно, то и поезжай — а сердиться *так долго нехорошо...*» Руки опускаются. Вот пока и все. Жду писем. От Тхорж(евского) с счетом b(an)que получил. За Бессонов следует заплатить и следует сказать, что еще за год будет заплачено, *если* и семья что-нибудь даст.

Вот пока и все. Тхоржевск(ому) скажи, что Vichy пить не нужно — все это вздор. «Cicergone» получил.

Прощай.

243. Н. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

28 (16) декабря 1867 г. Ницца.

28 декаб(ря). Nice.

Проспавши целую ночь на пароходе без малейшей качки, я прибыл в Ниццу. Светло, ярко и не холодно. Я возвращаюсь к прошлому письму, что итальянские города — памятники, их надобно изучать, уважать, а жить в таких трактирах, как Ницца.

Подарки все вручил. Лиза хлопочет о репетиции для меня «Сандрильоны». Все по-старому. Monod кричит, Крафт — стягивает лицо, Висконти — etc., etc. Рошроль etc.

Казино открыт под почетным президентством баварского короля... Экой старый шут. Завтра возьму билет на месяц.

«Колок(ол)» франц(узский) идет, и Георг взял уже сверх обыкновенного числа 400 экз(емпляров). Виск(онти) все продал — да по дороге и русс(кий) за целый год.

Засим поздравляю с Новым годом.

Мальвида Филиппевна — матушка и милостивая государыня — поздравляю вас с Новым годом, который, вероятно, будет хуже всех предшествовавших.

Читаете ли вы о ужасе в Лондоне от фениан? Войну ждут

¹ черт возьми (франц.). — *Ред.*

почти все. Игнатъев еще не назначен на место Горчакова. Русских здесь mille e tre ¹.

Посылаю «Pensée Nouv(elle)», когда же у вас подпишутся?

После обеда.

Все окна открыты, теплынь как летом, я снова надел летний пальто.

Всех обнимаю.

Нефталь почти совсем ослеп.

Je charge spécialement Olga de me faire un rapport sur la présentation du marbre Zabiela à Schiff. Effet, speechs...

Tu ajouteras mes félicitations.

Je salue tout spécialement la petite Schiff — elle a été indisposée, lorsque j'ai quitté Flor(encé).².

У Огар(ева) опять невралгия надглазного нерва — спроси у Левье — рецепта нет ли какого, хинину он дуёт — но она не помогает.

244. Н. П. ОГАРЕВУ

29 (17) декабря 1867 г. Ницца.

29 декаб(ря). Воскресенье.

Пишу к Тхорж(евскому) о вздоре — чтоб он устроил étrennes ³ — и прибавлю только строку. Как всегда было — сто и двести раз — теперь тишь и гладь — испуг (а не то что пониманье) и внешняя суета. Жемч(ужников) получил письма и едет во вторник прямо в Россию через Триест — вот был бы случай писать С(атину). Мне ужасно больно, что я его обидел запяской. Но, с другой стороны, все же и Жемчу(жников) говорит, что он проигрывал суммы — а поэтому стегнуть надобно было. С(ати)на напис(ала) ⁴ сильно зло <...> ⁴ тил — тебя и меня — и прибавила, что N(atalie) может показать нам — но она не показала, говорит, что «нехорошо»... Это за деньги. А ведь денег-то и не посылают все же. Я верю в его любовь, в его дружбу — но, Огарев, отчего же ни на одного русского положиться нельзя, и отчего слово «долг», «обязанность» только тогда существует, когда есть возле палка?

Читаешь ли о фенианах?

Дан финал — и ра<...> ⁴ и нас прищемит где-нибудь, как

¹ тысяча и три (итал.); ² Особо поручаю Ольге представить мне донесение о том, как мрамор Забелы был поднесен Шиффу. Эффект, спи-чи... Поздравь и от моего имени.

Особый привет маленькой Шифф — она была нездорова, когда я уезжал из Флоренции (франц.); ³ новогодний подарок (франц.). — *Ред.*

⁴ Автограф поврежден. — *Ред.*

мух... вот отчего и трудно писать «Смесь» — но постараюсь в следующем письме прислать.

Прощай. Здесь Слепцов и Батанов.

Все окна у нас открыты. Солнце печет. Лиза совершенно здорова.

Аминь.

На обороте: Передайте Огареву.

245. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

1865—1867.

Ты хочешь быть вместе с Г<ерценом> без Таты... Как же это сделать, думала ли ты?.. Ты ссылаешься на то, что Тата боится с тобой жить. Что же ты сделала, чтобы этот страх у нее прошел? Вспомни всю прошлую жизнь вместе... Я не верю...

246. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

1867.

Теперь-то, моя милая Лиза, дружок мой — скоро мы увидимся. Мне хочется посмотреть в твои глазки и поцеловать тебя в лоб.

Прощайте.

1868

247. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

1 января 1868 г. (20 декабря 1867 г.). Ницца.

1 января 1868.

Ну вот и Новый год. В общем он будет не легок и черен. Будьте в нем здоровы умом и телом, здоровы сердцем, а что будет, то будет.

Вот Касаткин, например, не будет: он умер с 27 дек<абря> на 28 ночью — без всякой болезни, от аневризма. Сообщите Фрикену.

Je vous remercie beaucoup pour votre lettre — chère Malvida — elle est si amicale et si sincère que je veux vous le dire. Mais comment êtes-vous arrivée à l'idée de m'envoyer une autre lettre à Turin — j'ai écrit de m'adresser à Milan — ou à Gênes. J'ai réclamé — nous verrons. Je ne vois pas une ligne, pas un point lumineux — dans l'année dans laquelle nous entrons, tâchons de vaincre tout *mit der inneren Fülle* et résignons nous avec fierté. Et que la jeunesse soit jeune. — Le 1 janvier 1848 — j'ai été à Rome — et j'ai lu le 1-er article de «Vom andern Ufer» — que j'avais terminé. Quel volume d'histoire après — et sur chaque année des lambeaux de notre chair. *Um klassisch zu sein* — je citerai Ulysse, qui raconte qu'il avait ensanglanté chaque rocher en nageant vers l'Itaque.

Hier grande représentation de Cendrillon par Lise et C—ie — cela allait bien. Elle est très heureuse ici, les enfants qui viennent sont charmants — et elle est bien portante comme deux. Il y a aussi une petite Russe de 11 ans — Исеева — je ne sais pas si Tata la connaît ¹.

¹ Я вам очень благодарен, дорогая Мальвида, за ваше письмо; оно такое милое и такое искреннее, что мне хочется сказать вам это. Но как вам пришло в голову послать мне другое письмо в Турин — ведь я писал, чтобы мне адресовали в Милан — или в Геную. Я затребовал ваше письмо — посмотрим. Я не вижу ни одной светлой черточки, ни одной светлой точки в наступающем году; постараемся всё победить *mit der inneren*

Жи́рар, которую ты, Тата, знаешь, — совершенная злодейка, она хочет домучить вторую дочь — до монастыря. Она делает над ней ужасы. Добрая М^{ме} Гар<ибальди> не хочет к ней ходить. Жена Менотти — простая женщина — за обедом у Жи́рара не вынесла и расплакалась до спазм; она вспомнить не может о том, что мать делала и говорила. Вот негодяи-то!

248. Н. П. ОГАРЕВУ

4 января 1868 г. (23 декабря 1867 г.). Ницца.

4 янв<аря>. Суббота.

В благонамеренность Никол<адзе> и его добродушие не верю. В том, что Эллидин нелеп, согласен. Ты испытал, как трудно в публике встречаться — с неприятными людьми. Это-то и было со мной и Долгор<уковым>.

У тебя было два обморока через день — я уверен, что ты паки и паки принялся за быстрейшее разрушение, но так как в этом ты непоколебим — *taceamus*¹.

Фогт пишет между прочим, что Густав жалуется на интриги Бакунина по Конгрессу...!... О Бедлам!

Мое сумасшествие в том, что не могу решительно работать — написал небольшую статью об Италии, но перед совокупностью всего — падают руки. Статейка, разумеется, в «Колок<ол>» не идет. «Полярную звезду» я печатать готов хоть с марта, — надобно бы взять записки декаб<риста> у Касаткина.

О корреспонденциях, разумеется, отвечать надобно положительно: да — можно сделать отдел, да — ненужно полное единство.

Программы я не понимаю — литературным произведениям места нет в «Кол<околе>», но есть же замечательные вещи, не идущие ни под какой ранжир. Корресп<онденции> хотят помещать в франц<узском> или русском? Платить следует (*max<i>imum</i>*) 10 фр. с колонны) в *том случае* — когда сказано вперед, что хотят платы, и, разумеется, после напечатанья.

Fülle <полнотой внутренней жизни (нем.)> и гордо смирится. И пусть молодежь будет молода! 1 января 1848 — я был в Риме и читал 1-ю главу «С того берега», только что оконченную мною. Сколько исторических событий пронеслось с тех пор — и каждый год отрывал ключья нашей плоти. *Um klassisch zu sein* <выражаясь классическим слогом (нем.)>, я процитирую Улисса, который рассказывает, что он обгаграл своей кровью каждый утес, плыва в Итаку.

Вчера — грандиозное представление Золушки Лизой и К^о — все сошло хорошо. Она чувствует себя здесь счастливой, дети, которые приходят к ней, очаровательны — и она здорова за двоих. Тут также русская девочка, 11 лет — Исаева — я не знаю, знакома ли Тата с ней (франц.). — *Ред.*

¹ помолчим (лат.). — *Ред.*

Мне все кажется, что при всех усилиях «Колок.» — ни фр<анцузский>, ни русский — не пойдут — смотри на ниву, куда ли ветер дует, — а этот ветер еще будет дуть до конца войны. У меня несчастное чутье — я вижу, как колосья клонит в противоположную сторону. Лишь бы «Колок<олу>» прожить... Пусть две последние страницы займутся объявлениями... Твоей книги еще хватит на несколько листов. Это труд начатый и след. легкий к продолжению.

Сегодня прочел, что иностранцам в России стеснены паспорта. — Экие сукины дети! Если это в русских газетах — следует поместить.

Прощай.

Р. S. — Дома тихо. Жемчуж<ников> уехал. Прощаясь, он мне рассказывал, что С<ати>н в Москве продул до 20 000 фр., вот и жалеет его.

249. А. А. ГЕРЦЕНУ

4 января 1868 г. (23 декабря 1867 г.). Ницца.

4 янв<аря> 1868. Nice.

Я пошлю сегодня 20 фр. в «Pensée Nouvelle» и 12 от Сомье. Но зачем же вы не пишете — француз<скими> деньгами или итальянск<ими>? Ех<empli> гр<atia> сколько же Sommier дала Тате, — курс теперь еще невыгоднее.

Далее, что ты думаешь с твоей диссертацией французской — печатать теперь у нас можно, у Чернецк<ого> работы не много. Ты рукопись можешь исправить и посылать частями.

У нас третий день погода отвратительная и в первый раз стали топить камины.

В «Revue des D<eux> Mondes» 15 дек<абря> есть статья Клод Бернара о задаче физиологии. Я ее еще не читал, а только пробежал конец. Он говорит, что задача физиологии не только изучение живого организма — но изменение его. В теории развития яйца у него что-то мистическое — прочту еще.

У Доманже статью требуй, чтоб мы могли ее напечатать 1 февраля — скажи ему, что в наши лета нельзя обещать — и не сделать. Это для шпор, мне очень будет полезно умное возражение.

La lettre de Malvide envoyée à Turin — est reçue ¹.

¹ Письмо Мальвиды, посланное в Турин, получено (франц.). — *Ред.*

8 января 1868 г. (27 декабря 1867 г.). Ницца.

8-го января. Середа.

Письмо твое, Ольга, и письмо Саши получил. Жаль Доманже — кланяйтесь ему от меня.

Тате на днях пошлю историю Кромвеля — советую ей прочесть до конца. В этой книге большое историческое поучение.

Долг оставшийся пришлю итал<ьянскими> бумажками, у меня остались.

Здесь Вениери.

Тхорж<евский> пишет, что Владимирова в Москве где-то поговорила с государем и с тех пор стала величайшей консерваткой.

Encore une étoile qui... est fille à marier¹.

Мальвиде кланяюсь до земли. Поклонитесь Мещерскому, я очень рад, что он к вам ходит. А рецепт от кашля?

Прощай.

251. Н. П. ОГАРЕВУ

8—9 января 1868 г. (27—28 декабря 1867 г.). Ницца.

8 янв<аря>. Середа.

После обеда.

Unsere Correspondenz — stockt² — лишь бы не от нездоровья. Вероятно, вы все замерзли. Флоренция и Марсель покрыты снегом — а мы дождем. На днях начали в первый раз топить. Зато и Веньери — пришел ко мне вчера цветущий как крин сельный

Дорого бы я дал, если б ты мог пробежать книгу, которая доставляет мне перцовое наслаждение, — сочинения Писарева. Они изданы в четырех частях. Как досадно, что я порядком узнал этого маккавея петербургского нигилизма так поздно, — вот собственное сознание и самооправдание, сделанное не дураком, не мошенником — а умным человеком. Он заставил меня иначе взглянуть на роман Турген<ева> и на Базарова. Может, я напишу что-нибудь об нем. Безграничная ненависть к Пушкину, снисходительное снисхождение к Белинскому — и к нам-то отношение как к выжившим из ума беспокойным старичкам. Нет ли у кого хоть «Русского слова»? — Самые замечательные вещи «Пушкин и Белинский» и «Базаров».

☞ Новая мысль — не перевести ли «Энгельсона» — или «Сороку-воровку» или тому подобное для «Колок<ола>» en français?³ Прошу совета.

¹ Еще одна звезда... девушка на выданье (франц.); ² Наша корреспонденция приостановилась (нем.); ³ по-французски (франц.). — Ред.

9 янв<аря> — четверг.

Я ломаю голову и не могу придумать, что сделать для франц<узского> «Колокола». Мы фурвуировались — дело ясное, что никто не хочет ни франц<узского>, ни русского «Колок<ола>». Я не могу при этих условиях работать. Доманже хотел писать против моей статьи письмо мне, это дало бы жизнь — так он лежит при смерти с изъязвлением кишок. Шифф бывает у него два раза в день¹.

Я намерен был даже перевести с комментариями мое письмо к Аксакову — или переделать что-нибудь о русской литературе.

Письмо твое от 3 сейчас получил. О Бибиковой ничего не знаю кроме того, что у нее была хорошенькая дочь и сын написал книгу «Опыты», за которую был судим. Она о себе говорила: «Дочь адмирала, жена генерала». — Вот и всё.

О какой новой статье ты говоришь?

Слепцов боится ходить ко мне — хорош!

Addio.

252. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

9 января 1868 г. (28 декабря 1867 г.). Ницца.

Пану.

9 янв<аря> 1868.

Ботан опять с просьбой: он просит «Колок<ол>» 66-го года от 1-го апреля и 15-го. Сверх того, пошлите «Колок<ол>» 1 № франц<узский> и русский в Bruxelles, Mr de Cramer, Rue de Luxembourg, 7. За первый № я получил деньги, но г<осподин> этот просит ему высылать все следующие.

В Марселе и Флоренции снег, а у нас только сыро и ветры. Кашель не проходит. Нового ничего нет.

Нат<алья> Ал<ексеевна> и Лиза кланяются.

Жду от вас недельный рапорт. Прощлое письмо писано 2-го янв<аря>.

Прощайте.

253. А. А. ГЕРЦЕНУ

11 января 1868 г. (30 декабря 1867 г.). Ницца.

Прочти сначала один.

11 января. Суббота.

Хочу еще раз сказать несколько серьезных замечаний, пользуясь страховым письмом, в котором посылаю оставшиеся ассигнации, — из них возьми 26 за альбом и за другой счет —

¹ 1 января Шиффу поднесли мраморный бюст работы Забелы — очень хорошо сделанный по заказу всех флорентинских почитателей и друзей.

а остальные отдай Тате и Ольге — на вздор. За тебя Огар(еву) 100 заплатил — за январь и февраль — и 100 пошло за март и апрель.

Все твои хорошие вещи о Т(ерезине) меня несколько не заставляют переменить моего мнения о самом деле. Ты должен еще раз рекапитулировать все, что я говорил. 1-ое. Я несколько не хочу стеснять твоей воли — судьба твоя, *после обещанного года*, в твоих руках. Мое дело предостеречь, дать совет — и во всех случаях помогать. — Стало, эту часть *hors de question*¹. 2-ое. Воспитывать девушку себе в невесты — значит испортить воспитанье и вперед за него — заарканить благодарностью волю девушки. Ей выбора нет — она знает, что ее именно с этой целью воспитывают.

Центра дома — для Таты и Ольги ты не сделаешь. Переход слишком крут, чтоб девушка 18 лет и в таком несчастном положении могла бы в 19 — «сесть хозяйкой», как говорят в России. Ты должен отделиться. Если б Тата вышла замуж, конечно, все бы изменилось, но ты знаешь, что, конечно, я ее не стану подталкивать. Меня примеры Тургенева и Хоецкого — приводили в негодование. Но если б это сделалось само собой — другое дело. При этом только русский мог бы спасти именье (или капитал за него). Если б Лугинин умнее шел и не был бы уродом, он имел все условия. Что ты думаешь о Мещ(ерском)? Да, кажется, он очень молод. Я ей тотчас бы отделил 150 000 фр. — или ренту, 50 000 сверх того она получила бы после меня. Именье если б возвратилось, она должна бы была его разделить на три части.

Разумеется, человека надобно узнать больше, чем вы знаете Мещ(ерского). Каждый иностранный брак отдаляет возможность завоевать костромскую землю. Рассуди же ты сам, что в нашу неразрывную семью — считая при этом Огар(ева) — не предвидится, чтоб кто-нибудь что-нибудь внес, и отвечаю за все я. С увеличением лиц средства остаются те же, и все должны будут терпеть больше и больше. Из четырех-пяти шансов хоть бы один шел в облегченье. Напр(имер), мог бы ты иметь какой-нибудь практический талант — вовсе не мешающий науке, но который бы тебя выручил финансами, тогда, получая от меня *ex(empli) gr(atia)* 7500, ты мог бы поднять доход до 15 000, что за глаза довольно. Положим, что Тата и Ольга так же поступят — не могу я и им обеспечить больше 7500 — в таком случае конечно лучше жить не выходя замуж... Это крепкие и горькие орехи, которые жизнь нам подает. Теперь, увлеченный страстью (а у тебя всегда твои теории и взгляды идут от субъективных причин — в 1866 не было ни слова ни о социальной нужде народа, ни о пролетариате — не было и идил-

¹ оставим в стороне (франц.). — *Ред.*

ий сельской жизни), — ты теперь не видишь оборотной стороны медали. Вот тебе практическая философия. Твой брак остается поступком безрассудным — скрыть я этого не должен, потому что еще есть время. Если ты девушку эту воспитаешь и отдашь во всей чистоте родителям — и скажешь, что я дал обещанье только для того, чтоб ее воспитать, поверь, что кроме благословенья — за это не будет ничего.

Аминь.

¿ Получены ли деньги из Турина? — Если нет, сейчас пиши к Fidel, Berné и меня извести.

От Нефталя письмо — зовет в Америку. Он больной глазами, еще в Англии.

Письмо Таты от 7 получил. Penisi может переводить и «Кто виноват?» и что угодно.

Тате посылаю «Дым». — «Кромвель» потом.

254. Н. А. ГЕРЦЕН

17 (5) января 1868 г. Ницца.

17 янв<аря> 1868. Пятница.

Вчера я послал тебе «Кромвеля». Советую прочесть с вниманием. Особенно последние главы. Все одно и то же, людей ничем не научишь. Что за величественные лица всех главных участников англ<ийской> революции, что за сила и энергия, а восстановленный король — шалопай и воришка, дрянь и папист — казнит их и бьет, как мух хлопущей, — и стада народа стоят и смотрят. Человечество вырабатывает на мильон негодяев в сто лет одного порядочного человека... кто же уроды — он или стадо?

Только что я дочитал «Кромвеля», взял «Les derniers Montagnards» — par Jules Claretie. Это возмущение 3 прериаля и процесс Ромма и др<угих> мы читали у Мишле, вкратце — а это то же, да, совершенно то же — я и ее пришлю. Мишле, говорят, в Канне с Ж. Санд. Вероятно, он недоволен «Колоколом». Он напечатал «La Montagne». Надобно выписать.

Ницца — как полная чаша, такого сезона давно не было, да и погода блестящая. Все окна настезь... На променаде толпа — в блесках и шелках. Русских бездна. Суворова ходит в белой грузинской одежде, с башлыком на голове. Если б не так напечинала театр — то ничего, даже хорошо.

А на днях явится и Владимирова. Вот что значит молитвы Батанова. У нее разболелась грудь, и Устинов спрашивал, каким путем ее везти во Флоренцию и оттуда на юг. Я сказал Ниццей и советовал ехать в Пизу. Рекомендовал остановиться у Адельгайды — и ее предупредить от твоего имени.

Помни, что Тхор<жевский> на нее жалуется — за царизм, консерватизм и полонофагию. Ты ее построже прими в передел. Это, мол, ничего, что коса длинная, — напротив, русская поговорка говорит: «У бабы волос длинен — а ум короток». Пусть же она покажет, что у нее оба длиннее. Будто где-то на гулянье с ней поговорил Осударь... так и «очаровал» ее. Это zu lakaisch¹. Вот и все.

В России новый журнал «Современное обозрение» — и старый на новый лад «Отеч(ественные) записки», — я подписался. А «Дым» прочли? — За ним остается копоть и чад.

В конце письма: Тате.

255. С. ТХОРЖЕВСКОМУ
18 (6) января 1868 г. Ницца.

18 янв(аря). После обеда. Суббота.

Передайте Огар(еву) статьи для поправки и набора.

Письмо ваше от 16 получил вчера вечером. Жду Влад(ими-рову). Жаль, если погода переменится, дней пять у нас чудо, совершенно лето (только ночи свежи) и солнце. Бот(ан) был болен, я его совсем не вижу. Не давайте моего адреса раскольнику.

Жду и вашего мнения о делах Чернецкого.

Полина Левицкая — сделалась певицей, поет в концертах и поступает в оперу. Петруша — завел огромную фотографию в Петербурге. А Левицкий, говорят, разоряется. — Это последние слухи из России.

Прощайте.

256. Н. А. ГЕРЦЕН
19 (7) января 1868 г. Ницца.

19. Воскресенье.

Милая Тата,

«Дым» мне действительно не нравится — но в русской литературе Тургенев все же не такой дюженник, чтоб позволительно было не знать его сочинений. «Кромвеля», вероятно, ты получила.

Сегодня я пошлю вам «Liberté», там для Мальв(иды) — письмо Persigny, для Саши — о Тесье, а для тебя — букет, от которого я с утра прыгаю. Это распоряжение бернского совета о высылке всех поляков, которые не представляют 1500 обеспеченья или не хотят натурализоваться за 800 фр. — Я под-

¹ слишком по-лакейски (нем.). — *Ред.*

лее мало видал дел. Читая это, я почувствовал, что еще не совсем состарился... я выписываю текст — ну уж я заплачу «кюбургерам» моим. Мошенники.

Завтра должна приехать «Владимировка», как ее называет Тхорж(евский).

Ольгу целую — она никогда не выйдет из простуд, если будет греться своей печью и не выходить или мало. О сем прошу Мальвицу.

Дело маленькой Жирар все разыгрывается больше и больше — она умоляет ее спасти, хочет бежать и бог знает что. Мать грозит ее запереть. Власть над шпенеур'ами¹ страшная, а ей только 18 лет. Я должен был остановить и человеческое чувство и Nat(alie). Хоть бы мать ее отпустила куда-нибудь ехать, ех(empli) gr(atia) в Швейцарию, — она, т. е. дочь, готова на все — и все это кончится тем, что она un beau matin² бросится в море. Вот изверги-то!

Леони учится — она с этой Сандрильоной хороша.

Отец страдает и не смеет защитить, а маленький брат по части шпионства — доносит матери. Меня это занимает, как рассечение собаки Шиффом. До чего человек зол и мерзок.

Скажи Саше, что Тургенев получил от меня его вторую лекцию — в восторге от нее, он всем доволен — ясностью, свежестью и пр. Он ему и всем вам кланяется.

Прощайте.

Сейчас получил от Огар(ева)... Смерть Касатк(ина) — его перевернула, и он имел обморок на улице. Жена Кас(аткина) в отчаянии. Он вечером здоровый ходил в город, лег спать и не просыпался.

257. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

21 (9) января 1868 г. Ницца.

21 январ(я). Вторник.

«Колокол» пришел в субботу вечером. Воскресенье у Visconti заперто. В понедельник к обеду было куплено *все*. Visconti прислал ко мне, и все, что у меня было 1-го и 2-го №, я ему послал, и это куплено. Статья моя сильно ударила в цель (ответ пол(якам)). А потому Visconti просит сейчас прислать ему 1-го и 2-го «Кол(окола)» с приб(авлением) столько, сколько вы послали, а 3 и след(ующие) посылать ровно в двойном числе. Вот вам на радость.

А вот на горесть. Устинов приехал (еще ничего не отдал), но я очень ими недоволен. Я думал, что Владимировка проедет

¹ несовершеннолетними (франц.); ² в одно прекрасное утро (франц.). — Ред.

по Флоренции, как по Ницце, и, полагая, что она больна,— предложил остановиться у наших. А она хочет так просто у них поселиться до переезда сестры — когда? Уст(инов) не знает. К тому же она здорова и в полнейшем православии и реакции. Я постараюсь задержать ее здесь (она остановилась у бывшего жандармского полковника Бека). Для наших во Флоренции это будет удар. На несколько дней Саша мог переехать — а если это на три месяца? Это чисто русская помещичья черта. Покажите это письмо Огар(еву), чтоб и он опять своих поругал.

Послали ли вы «Колок(ол)» Тургеневу?

Посылаете ли d-r Coste в Montpellier, 4, Rue de l'ancien Courrier?

Марья Каспар(овна) просит ей писать в *Mattenheim*, а не в *Mattenhof*.

Жду письма о деле Чернецк(ого), о получении чека и о высылке «Колокола». Все газеты молчат, кроме «Liberté»; неужели Э. Жирарден отлил пулю?

А. Герцен.

Пришлите корректуру моих статей в виде письма.

Не можете ли вы выписать из моего письма, там я писал о Владимировой насчет Флоренции — не может быть, чтоб я предложил жить целую зиму или по крайней мере три месяца. Мне это нужно, чтоб знать степень вины моей и ответственности. Со мной после России ничего подобного не случилось.

От Ботана получил за Крамера в Bruxelles — годовую подписку.

С Устиновым объяснился и сказал, что они могут приехать, но не оставаться. Вы об этом не говорите.

Волод(имирова) боится нас.

258. Н. А., О. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ и М. МЕЙЗЕНБУГ

21 (9) января 1868 г. Ницца.

21 январ(я). Понедельник.

Никогда переписка у нас не шла так быстро — одно дело за другим, теперь требую от вас совет, и очень серьезный.

Malvida et Tata,
Alexandre et Olga,
avisez.

Lorsque Tkhор(zevsky) m'a écrit que M^{selle} Volodimiroff—est très malade et qu'elle veut aller au sud de l'Italie passant par

Florence — pour prendre le conseil de Schiff et voir Tata — j'ai écrit à T'khor<zevsky> — que comme M. Oustinoff ne va que jusqu'à Florence — elle peut passer un jour ou deux chez vous.

Voilà ce que ces braves Russes ont fait:

1° Elle est ici et bien portante.

2° Elle ne veut aller nul<le> part qu'à Florence — et attendre chez vous sa sœur — qui viendra quand? *Dio lo sa*.

3° Elle est tout à fait rétrograde, au dire d'Oustinoff.

J'ai été ébahi de cette manière d'agir — tellement je me suis déshabitué des manières russes.

Il faut donc chercher conseil. Je tâcherai de l'arrêter ici jusqu'à la réponse (pourtant elle veut partir jeudi) — n'avez vous pas chez l'Anglaise en bas une pension? Ou que Tata lui écrive ce qu'il y a <à> faire.

Moi je m'en lave les mains. Donner un lit pour une malade pour un ou deux jours, ou garder une demoiselle gâtée — indéfiniment est une différence de tout en tout.

Prenez donc vos mesures et répondez. Cette lettre restera chez m-selle Meysenbug — car Tata jette tout dans la chambre — et chacun peut lire ¹.

Действительно я взбешен был этой нецеремонностью — ну да придумайте же, что делать.

Прощайте.

¹ Мальвида и Тата, Александр и Ольга, решайте.

Когда Тхор<жевский> мне написал, что M^{selle} Володимирова очень больна и хочет ехать на юг Италии через Флоренцию, чтобы посоветоваться с Шиффом и повидать Тату, — я написал Тхор<жевскому>, что так как г-н Устинов дальше Флоренции не поедет — она может провести у вас день-другой.

А вот как поступили эти милые русские.

1. Она здесь и здорова.

2. Она никуда, кроме Флоренции, ехать не желает и хочет дожидаться у вас своей сестры, которая приедет — а когда? *Dio lo sa* <одному богу известно (итал.)>.

3. Она, по словам Устинова, страшная ретроградка.

Я был потрясен подобным образом действия — до такой степени я отвык от русских повадок.

Итак, надо поразмыслить. Я попытаюсь задержать ее здесь до получения ответа (хотя она хочет ехать в четверг). Нет ли у вас, внизу, у англичанки, пансионата? Или пусть Тата ей напишет, как нужно поступить.

А я умываю руки. Предоставить на один-два дня постель больной или пустить к себе на неопределенное время избалованную барышню — это совершенно разные вещи.

Итак, примите меры и отвечайте.

Пусть это письмо останется у M^{selle} Мейзенбург, ибо Тата все разбирает по комнате — и каждый может прочесть (франц.).— *Ред.*

259. Н. А. ГЕРЦЕН

22 (10) января 1868 г. Ницца.

Милая Тата,

твое письмо от 17 получил сегодня, 22, т. е. на пятый день, или у вас лежат они долго — или это странно. Ветер такой. Ты знаешь, что я с мнением Мальвиды и Саши согласен.

Ты видишь, что не я один о Флоренции так думаю. Я и в том согласен, что немецкое движение интереснее и живее. Но что же можно думать о поездке — разве летом. Я полагаю, что летом буду в Швейцарии (и Natalie) — увидим тогда.

Je prie beaucoup Malvida de s'occuper de l'arrangement ultérieur à prendre pour M^{selle} Volodimiroff — c'est dommage, mais évidemment impossible de rester chez vous. Sur quoi nous sommes d'accord avec M. Oustinoff¹.

260. Н. А. ГЕРЦЕН

27 (15) января 1868 г. Ницца.

27 январь. Понедельник.

Tate.

Вот что здесь было. Дни четыре тому назад, в десять часов вечера, приехала Mme Garibaldi, заплаканная, с Нини, — сказала, что с ее отцом что-то случилось на охоте в S. Remo, и поскакала с мужем туда — Нини осталась у нас. Гарibaldi воротился через два дня. Старик 60 лет, в минуту меланхолии, застрелился. Дочь очень огорчена. Нини — мила, смеется. Лиза все слышала — и не проговорила ни одним словом (это фамильная черта вас всех, и очень хорошая).

О Владимировой писать больше не хочу, отделайтесь от нее. Я ею совершенно недоволен. Спроси подробности у Саши и письмо Тхоржевского. — Требую твердости.

Я писал к Ольге, что фортепьяны ваши общие — я их купил по совету Мейзенбуга и для Ольги — но не то, чтоб так, в частную ее собственность.

О Германии я только потому не писал ответ, что твое письмо пришло позже, — и я всегда отвечаю после вопроса — а не прежде. С Володимировой я писал. Выдумай план, комбинацию — что-нибудь, — а то как же «так взять да и ехать» в Каценеленбоген или в Крвинкель.

Я Natalie предлагаю все же весной (т. е. в мае) ехать в Альзас хоть посмотреть школы. Разве тогда что-нибудь придумаем.

¹ Я очень прошу Мальvidу заняться дальнейшим устройством г-жи Володимировой. Жаль, но оставаться у вас явно невозможно. В чем мы согласны с г-ном Устиновым (франц.). — *Ред.*

Сегодня пишу мало. Лучшее, что можешь сделать с Влад(и-мировой), — возьми выкройку с башлыка и сделай себе.

Что она скажет о голосе Ольги?

Прощай. До следующего письма. Напиши что-нибудь Лизе, она все ждет. Я нахожу, что она себя ведет лучше. У детей бывают полосы, не объясненные физиологиею.

Романов Ж. Санд читать не могу — скучны.

261. М. МЕЙЗЕНБУГ и О. А. ГЕРЦЕН

27 (15) января 1868 г. Ницца.

Chère Malvida,

Come sta (comme dit le roi) après l'invasion barbare. Figurez-vous que N(atalie) a dit en toutes paroles qu'il n'y a pas de plan, qu'Alex(andre) doit déménager, qu'il vaut mieux attendre à Nice — que moi j'ai insisté — et que la belle tatare a répondu à tout cela — que ce n'est rien — qu'elle peut se placer dans la chambre de Tata. Quel beau souvenir de ma patrie... C'est du cuir russe...

Votre lettre est admirable de bon sens... et de profond sens — s'il n'y avait pas le péché originel — de l'idéalisme qui pense qu'Olga peut sans dormir lire Cromwell — je serais tout à fait content. La pensée ou l'observation sur le terrain égal d'éducation — est tout à fait la mienne. J'ai en horreur toutes les mésalliances — et j'en ai souffert toute ma vie.

Votre *devotissime*.

Vous avez oublié qu'en vous laissant pour le piano les 400 fr. j'ai ajouté 50 pour le change.

Au reste j'ai écrit en détail à Alexandre. Le bruit s'est répandu à Berne que le D-r Demcke est en bonne santé — au Mexique.

Chère Olga,

Je te félicite — avec le piano et la réussite, joue beaucoup, joue bien — ce piano pourtant (tu sais que je suis un vieux communiste) — ne doit pas t'appartenir exclusivement, mais à toi, Tata et Malvida ensemble. (Alexandre est exclu — comme non sonore.)

Je t'embrasse. — Demande à Domengé quand il enverra l'article.

27 Janvier.

На обороте: Mademoiselle

La Baronne

Malvida von Meysenbug

Olgaque.

Дорогая Мальвида,
*come sta*¹ (как сказал король) после нашествия варваров. Представьте себе, что Натали сказала напрямик, что это не плач, что Александр собирается переехать на другую квартиру, что лучше ожидать в Ницце — что я настаивал — и представьте себе, что прекрасная татарка ответила на все это, что это ничего, что она может поместиться в комнате Таты. Какое милое воспоминание о родине... Это чисто по-русски...

Ваше письмо восхищает здравым смыслом... и глубоким смыслом,— и если бы в нем не было первородного греха — идеализма, полагающего, что Ольга может, не засыпая, читать Кромвеля,— я был бы совсем доволен. Мысль или замечание о важности одинакового воспитания мне очень близка. Я противник сближения людей, по-разному воспитанных, и я от него страдал всю жизнь.

Ваш *devotissime*.

Вы позабыли, что, оставляя вам на рояль 400 франков, я добавил 50 на обмен.

Впрочем, я написал подробно Александру.

В Берне распространился слух, что доктор Демке в добром здравии — в Мексике.

Дорогая Ольга,

поздравляю тебя — с роялем и с удачей, играй много, играй хорошо — однако рояль (ты ведь знаешь, что я старый коммунист) — не должна принадлежать исключительно тебе, но тебе, Тате и Мальвиге сообща. (Александр исключается — как немзыкальный.)

Я обнимаю тебя. — Спроси Доманже, когда он пришлет статью.

27 января.

На обороте: Баронессе
 Мальвиге фон Мейзенбург
 Olgaque².

· 262. М. МЕЙЗЕНБУГ

3 февраля (22 января) 1868 г. Ницца.

3 février 1868.

«Berlin, 31 janvier. M. de Bismark a donné hier un grand dîner. Le général américain Schurz y assistait ainsi que plusieurs membres du Conseil fédéral».

C'était un moment où vous m'écriviez votre lettre ...«*Tempora mutantur*»... et nous sommes les seuls, qui ne dînent pas.

¹ как себя чувствуете (итал.); ² и Ольге (лат.).— *Ред.*

Et bien si j'ai oublié les 40 fr., je les ajouterai. Quand faut-il envoyer la seconde partie?

Vous et Tata — vous serez bientôt maîtres passés en diplomatie — j'ai beau lire, relire votre lettre et la lettre de Tata — il m'est impossible de comprendre si la belle Tartare — est chez vous dans vos appartements et Alex(andre) expulsé, ou si elle est en pension?

Si elle est chez vous — je vous prie de s'expliquer avec elle, et si vous voulez en mon nom. J'insiste qu'elle ne reste pas plus d'une quinzaine. Aidez-moi. Si elle est dans une pension — «c'est un autre дело» — comme disait un vieux sénateur russe — cela dépasse ma juridiction.

J'ai la lèvre enflée, je tousse — pourtant c'est étrange, ce sont les meilleurs climats — et remarquez qu'en Angleterre même — je n'ai jamais souffert des hivers entiers comme en 1866—67 — et cet hiver. Depuis septembre — c'est abominable.

Pour donner *«tanto poco»* de gaieté aux couleurs sombres du «Kolokol» j'ai écrit un petit article qui vous fera rire jusqu'aux larmes — sous le titre «Les fleurs doubles et les fleurs de Miner-ve» — je crois que cela paraîtra le 15 fév(rier) ou peut-être le 1 mars. Lisez cela avec Mme Schiff. Dans le N(uméro) du 1 f(évrier) il y a une petite réponse à Gus(tave) Vogt.

Et l'article de Domengé... *in articulo mortis?*

Pour les leçons d'anglais — je n'en sais rien. Je laisse cela à vous — certainement q(uel)q(ues) leçons russes seraient mieux placées.

Lise va bien — fleurissante de santé. Elle est plus calme qu'elle n'a été. Il me semble que Tata ne s'est pas bien prise avec elle.

Перевод

3 февраля 1868.

«Берлин, 31 января. Г-н де Бисмарк дал вчера большой обед. На нем присутствовал американский генерал Шурц, а также несколько членов Федерального совета».

Это было в тот момент, когда вы писали мне... «Tempora mutantur»...¹ и только мы с вами не обедаем.

Ну что же, если я забыл о 40 франках, то я их дошлю. Когда надо послать вторую часть?

Вы с Татой — скоро заткнете за пояс прославленных дипломатов. Как я ни читал и ни перечитывал ваше письмо и письмо Таты — я не мог понять, поселилась ли прекрасная

¹ «Времена меняются» (лат.).— *Ред.*

татарка в вашей квартире, изгнав Александра, или она живет в пансионе?

Если она у вас — объяснитесь с нею, прошу вас, и если желаете — от моего имени. Я настаиваю, чтобы она оставалась не более двух недель. Помогите мне. Если она в пансионе — «это другое дело», как говаривал один старый русский сенатор, — это выходит за пределы моей юрисдикции.

У меня распухла губа, я кашляю — это странно, ведь это в лучшем климате — и заметьте, что даже в Англии я никогда не болел сплошь целую зиму, как в 1866—67 — и как в эту зиму. Начиная с сентября — это отвратительно.

Чтобы придать «tanto poso»¹ веселости мрачным краскам «Колокола», я написал статейку, которая рассмешит вас до слез, — под названием «Махровые цветы и цветы Минервы». Полагаю, что она появится 15 февраля или, может быть, 1 марта. Прочтите ее вместе с госпожою Шифф. В номере от 1 февраля помещен краткий ответ Густаву Фогту.

И статья Доманже... *in articulo mortis*?²

Что касается уроков английского языка — не знаю. Предлагаю решать вам — конечно несколько уроков русского языка были бы уместнее.

Лиза — в цветущем здравии. Она спокойнее, чем прежде. Мне кажется, что Тата не так подошла к ней.

263. М. МЕЙЗЕНБУГ

3 февраля (22 января) 1868 г. Ницца.

Café Victoria, place Masséna.
Lundi, après dîner.

Enfin j'ai arrangé autant que j'ai pu. J'ai dit à Oustinoff que c'est impossible de rester chez vous, et que c'est un mésentendu. Il prie de recevoir cette dame seulement au commencement et chercher une pension. Soyez très affable et très ferme. Ici M^{se}lle Vlad<imiroff> nous craint comme le feu. Oust<inoff> est meilleur.

Or le tout dépend maintenant de votre habileté collective. J'ai fait le mien³.

¹ «немного» (итал.); ² в самый момент смерти? (лат.). — *Ред.*

³ Кафе Виктория, Площадь Массена. Понедельник, после обеда.

Наконец я уладил дело как мог. Я сказал Устинову, что у вас оставаться невозможно и что это недоразумение. Он просит принять эту даму только вначале и приискать пансион. Будьте очень любезны и очень тверды. Здесь M^{se}lle Влад<имирова> нас боится как огня. Уст<инов> лучше ее.

Итак, теперь все зависит от ловкости всех вас. Я свое сделал (франц.). — *Ред.*

Tate рекомендую особенно осторожность, а то жизнь ваша будет испорчена.

Засим всем
поцелуй.

264. Ж. МИШЛЕ

3 февраля (22 января) 1868 г. Ницца.

3 février 1868.

Nice (Alp. Mar.), 27, Promenade des Anglais.

Cher et très cher monsieur,

Nous sommes voisins sans le savoir et je reçois votre bonne lettre d'Hyères à Nice — par Florence. Hyères est un endroit *lugubre* pour moi. C'est entre Hyères et la petite île qu'a péri ma mère, mon fils cadet et un de mes amis. Accouru de Nice—c'était en novembre 1851 — je n'ai *rien* trouvé... une grande tâche d'huile — surnageait seule à l'endroit du malheur... «*Oceano noir*».

J'ai pressenti que mes deux articles n'auront pas votre sympathie à laquelle je tiens beaucoup... et pourtant j'ai dit d'un autre *point de vue* ce que *Quinet* a dit à Genève (je trouve son discours sublime), ce que *Marc Dufraisse* a écrit à Zurich. Je suis profondément convaincu que leur thérapie est plus efficace que l'idolâtrie de *V. Hugo* dans son article sur Paris. Les rois perdent avec la couronne — le droit à la flatterie. Et ce n'est pas tout. Aimerez vous voir une résignation passive de la part de nous autres, frappés par la massue de *Henry Martin*, la philologie de *Duchinsky*, l'illogie de *Talbot* soutenues par les choristes du siècle, de l'opinion nationale? Et cela la veille et le lendemain des événements italiens... Il n'y a pas de spectacle plus triste que de voir frapper les hommes qui ne répondent pas. Ce n'est pas une lutte alors — c'est une punition.

Qu'ils nous désarçonnent — nous sommes prêts à céder — mais avant nous rompons quelques lances avec nos piques de cosaque.

On ne peut pas maltraiter un peuple de *quatre vingt millions d'hommes* — sans le connaître — et en vue d'une opinion qui est innommée.

C'est exactement la même chose que je vous ai dit en 1852 dans ma longue lettre qui a été publiée — c'est le même point de vue que vous retrouverez dans toutes nos publications — françaises, anglaises, allemandes, russes... Ou nous sommes — mes amis et moi des maniaques — ou il y a au-dessous de tout cela un brin de vérité, un germe, un «*punctum saliens*».

Autorisez-moi d'imprimer un fragment de votre lettre — avec cette réponse dans le «Kolokol» — écrivez-moi encore — peut-être nous ferons un peu de lumière.

Combien de temps restez-vous à Hyères?

J'ai parcouru l'Italie — oh que c'est triste! Ugo Foscolo — peut recommencer son Pianto.

Cet automne j'ai relu avec ma fille aînée *votre histoire de la révolution* depuis le 21 janvier jusqu'à la fin.

Mon Dieu, quelles pages, quels chapitres, c'est la plus poétique et la plus *chaste* histoire du grand cataclysm.

Ne m'en voulez pas de ce que je le dis si crûment.

J'ai pleuré lisant les dernières pages sur la fin de Danton et de ses amis.

Je viens de finir un volume de... sur les derniers montagnards, — que votre passé est grand!

Je présente mes hommages à Madame Michelet et je vous serre la main avec respect et amitié.

Al. H e r z e n.

Перевод

3 февраля 1868.

Nice (Alp. Mar.). 27, Promenade des Anglais.

Уважаемый и дорогой г. Мишле,

мы с вами, сами того не зная, оказались соседями, и вот в Ницце через Флоренцию я получаю ваше любезное письмо из Иера. Иер для меня — *зловещее* место. Именно здесь, между Иером и небольшим островком, погибли моя мать, младший сын и один мой друг. Примчавшись из Ниццы — это было в ноябре 1851 — я уже *ничего* не нашел... лишь огромный масляный круг плавал на месте, где случилось несчастье... «Осе-ано пох»...

Я предчувствовал, что мои две статьи не заслужат вашего одобрения, которым я так дорожу... а тем не менее я выразил с другой *точки зрения* то, что Кине высказал в Женеве (я нахожу его речь великолепной), и то, о чем Марк Дюффрес писал в Цюрихе. Я убежден, что их терапия более действительна, чем идолопоклонство В. Гюго в его статье о Париже. Короли вместе с короной теряют право на лесть. И это еще не все. Разве вы предпочли бы, чтобы все мы покорно склонили головы под ударами палицы Анри Мартена, филологии Духинского, алогизма Тальбота, поддерживаемых выразителями века, национального мнения? И это накануне и на другой день после итальянских событий... Нет более печального зрелища, чем видеть людей, которых бьют и которые не отвечают тем же. Это уже не борьба, это наказание.

Пусть они выбивают нас из седла — мы готовы уступить — но прежде мы переломаем несколько копий нашими казацкими пиками.

Нельзя бранить *восьмидесятимиллионный* народ, не зная его и притом не имея еще определившегося мнения.

Это буквально то же самое, о чем я писал вам в 1852 в своем длинном письме, которое было напечатано, — ту же точку зрения вы обнаружите во всех наших печатных выступлениях — французских, английских, немецких, русских... Либо мы — я и мои друзья — маньяки, либо под всем этим таится хоть крупица истины, какой-то зародыш, *punctum saliens*.

Уполномочьте меня напечатать в «Колоколе» отрывок из вашего письма вместе с этим ответом, напишите мне еще, быть может, нам удастся кое-что прояснить.

Как долго вы останетесь в Иере?

Я поездил по Италии — о, как это печально! Уго Фосколо может повторить свой «Pianto».

Нынешней осенью я перечитал вместе со старшей дочерью *вашу историю революции* — от 21 января до конца.

Боже, какие страницы, какие главы! Это самая поэтическая и самая *целомудренная* история великого катаклизма.

Не сердитесь на меня за то, что я так откровенно высказываюсь.

Я плакал, читая последние страницы о смерти Дантона и его друзей.

Я только что закончил том... о последних монтаньярах, — как величественно ваше прошлое!

Свидетельствую свое почтение госпоже Мишле, а вам дружески и с уваженнем жму руку.

Ал. Герцен.

265. Н. А. ГЕРЦЕН

3 февраля (22 января) 1868 г. Ницца.

3 févr(ier) 1868. Nice.

à Tata.

Не знаю, что за полоса — но всякое письмо начинается у нас дурной вестью. Третьего дня ночью умер отец Мари До-нади от аневризма — à la Kassatkine; он был болен, ему стало лучше — и вдруг умер — 43 лет.

Ты так неясно пишешь, что я до сих пор не понял, где татарка — у вас или на квартире. Напиши. Если у вас, я отпишу об этом Устинову.

Страшная история с девочкой Жирар — продолжается, но что ж она будет делать у Вол(оdimировой)? Разве только для начала.

Gromort пишет мне, что подрядился издать несколько частей переводов с русского для «Bibliothèque de Chemin de fer»¹. — Я предложил отрывки из «Былого и думы» (Сашин перевод) — там будут «Прерванные» рассказы и «Кто виноват?»

Ольгу целую. Я читал с Лизой «Детство» Толстого. Что это за прелесть... А пророс, Лиза на мои глаза много лучше себя ведет, и мне кажется, что ты не попала в такт, когда была здесь.

Затем прощайте. — Я весь распростужен.

J'ai écrit une longue réponse à Michelet. S'il m'autorise de l'imprimer — cela sera une bonne fortune. Je me rouille sans polémique. Il n'y a rien de plus ennuyeux que le monologue. Figurez-vous que dans ce petit trou de Nice et de Cannes on vend le *Kolokol* admirablement² В е с а м а н.

266. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

3 февраля (22 января) 1868 г. Ницца.

3 февраля, понедельник.

Любезнейший Тхоржевский, в следующем письме пришлю письмо в банк и Ротшильду. Все условия остаются без перемены, как были в письме Чернецкому и Огареву. Когда вам нужно деньги за бумагу, я пришлю, а не то вы их можете теперь взять у Георга и других — как вы найдете удобнее.

Статьи посылаю, но прошу общими силами найти француза для поправки; всего лучше, если б он поправил с Огаревым вместе. Пришлите две корректуры ее (одну в письме, одну sous bande). Французу можно заплатить, ну 10 фр. (по франку за страницу). Об нем напишите. (Секретно. «Колокол» может опоздать три дня, даже пять, — я предупрежден.)

Имею письмо от Громира. Он подрядился в библиотеку chemin de fer издать несколько томиков переводов с русского, это очень полезно. Я ему рекомендовал «Детство» Толстого, «Героя нашего времени», «Мертвый дом». Он издает «Кто виноват?» и «Прерванные рассказы»; скажите об этом Огареву.

Да печатайте же жалобу на «Голос»! Ведь это — кража. Пишите так: «Не получено от... до...» Да это и «Journal de Genève» напечатает.

Рукопись предварительно отдайте Огареву. А что же отрывки из Бакунина?

¹ «Железнодорожной библиотеки» (франц.); ² Я написал длинный ответ Мишле. Если он разрешит мне его напечатать — это будет большой удачей. Я ржавею без полемики. Нет ничего скучнее, чем монолог. Вообразите, что в этой крошечной дыре Ницце и Канне — прекрасно продается «Колокол» (франц.). — *Ред.*

Висконти продает страшно: опять почти все продал. Как у вас? Плохо, если во Францию не будут пускать.

Прощайте.

Скажите Огар(еву), что Бисмарк давал большой обед для дипломатов и послов, на который был приглашен генерал Шурц. Вот как времена меняются.

267. Ж. МИШЛЕ

11 февраля (30 января) 1868 г. Ницца.

11 février 1868.

27, Promenade des Anglais, Nice (Alp. Mar.)

Très cher monsieur,

Je remercie pour votre bonne lettre, je remercie pour votre bonne invitation, et je ferai tout mon possible pour en profiter en allant à Genève au mois de Mars.

Avez-vous lu mon article dans le I-er N du «Kolokol»? (Prologomènes).— Si non, je vous l'enverrai immédiatement. J'ai tâché d'y exposer encore une fois notre point de vue. Le second article — n'a pas cette généralité.

L'empire russe est une monstruosité, une absurdité, il doit se défaire en une fédération à l'Américaine. C'est notre vœu, notre espérance. Mais peut-elle avancer dans ce sens — en face de l'Europe allant à reculons, plus absurde que <la> Russie, armée jusqu'aux dents et trahissant le progrès avec conscience et préméditation.

Je sais très bien que vous êtes un trop grand historien pour condamner un peuple — sans avoir approfondi son état. C'est cette enquête que nous demandons, que nous provoquons. Ordinairement on se tient aux sources polonaises. Les Polonais ont trop souffert pour être justes — et ils ignorent complètement la Russie. Nous sommes tout prêts à regarder beaucoup de choses à travers les doigts — pourvu qu'elles ne soient de la taille de Goliath — comme les non-sens de l'historiosophie de Duchinsky (que M. Henry Martin prend au sérieux).

Nous avons donné nos preuves à la cause polonaise — et c'est cela qui nous délie la langue. Nous avons mieux aimé perdre notre influence, notre popularité — que d'abandonner nos amis malheureux. Nous l'avons fait — qu'on nous permette aussi d'aimer la vérité — et de la dire. La vérité est même au-dessus du martyre.

Je n'ai pas reçu de Genève «La Montagne» — je vous remercie beaucoup, je lis maintenant votre Louis XVI.

Ordonnez-vous d'envoyer le Kolok. (N 3, 4...)?

‘L’article d’Ogareff est le tableau le plus détaillé de la Russie actuelle — aucune exagération ni en +, ni en —. C’est très sobre — et tout basé sur des faits.

Recevez, comme toujours, l’expression de ma grande sympathie et de ma profonde vénération.

A. Herz en.

Перевод

11 февраля 1868.

27, Promenade des Anglais, Nice (Alp. Mar.).

Дражайший господин Мишле,

благодарю вас за милое письмо, благодарю за любезное приглашение и сделаю все возможное, чтобы воспользоваться им в марте по пути в Женеву.

Читали ли вы мою статью в 1 № «Kolokol»? («Prolégomènes»)?—Если нет, я вам вышлю ее немедленно. Я в ней попытался еще раз изложить нашу точку зрения. Вторая статья носит более частный характер.

Русская империя — это нечто чудовищное, нелепое, она должна превратиться в федерацию по образцу американской. Вот наше желание, наша надежда. Но может ли она двигаться вперед по этому пути — перед лицом Европы, идущей вспять, более абсурдной, чем Россия, — Европы, вооруженной до зубов и предающей прогресс сознательно и преднамеренно?

Я отлично знаю, что вы слишком великий историк, чтобы осудить народ, не уяснив глубоко его положения. Такого обследования мы и просим, стараемся вызвать. Обычно притрачиваются польских источников. Поляки слишком перестрадали, чтобы быть беспристрастными, и они совершенно не знают России. Мы готовы смотреть на многие вещи сквозь пальцы, если только это не явления с Голиафа величиной, как бессмысленная философия истории Духинского (которую г. Анри Мартен принимает всерьез).

Мы доказали наше отношение к польскому делу, и именно это нам развязывает язык. Мы предпочли скорее лишиться своего влияния, потерять популярность, чем покинуть своих несчастных друзей. Мы так и поступили — да будет нам также позволено любить истину и высказывать ее. Истина даже выше мученичества.

Я не получил из Женевы «Горы» — очень вам благодарен, сейчас читаю вашего «Людовика XVI».

Прикажете прислать вам «Kolokol» (№ 3, 4...)?

Статья Огарева — это самое подробное [изображение] современной России, никакого преувеличения, ни по +. ни по —. Без всяких прикрас и целиком основано на фактах.

Примите, как всегда, выражение моей искренней симпатии и глубокого уважения.

А. Герцен.

268. М. МЕЙЗЕНБУГ

14 (2) февраля 1868 г. Ницца.

14 févr<ier> 1868. Vendredi,
Nice.

«Haben mich protegieren gewollt»

.....

Toujours ingrat — je remercie sans l'accepter la protection du correspondant du Siècle. 1° Parce que le correspondant qui <a> été en Allemagne (si c'est le même) m'a toujours déplu. 2° Que le «Siècle» est un journal extrêmement stupide. 3° Que le tout est un mensonge — le prem<ier> N° a été envoyé, et Lacroix a pris 100 Ex<emplaires> gratis pour les journaux.

Vous devenez trop Bismark. Schurz doit rester américain, il faut avoir des échantillons d'hommes purs — et étant général des Etats-Unis — il est impossible de passer par l'antichambre de Potsdam — autrement qu'en allant dîner comme envoyé de l'Amérique.

Derniers montagnards — soyons du Mont Blanc... et comme vous n'aimez pas la neige — soyons de Carrare.

A propos, à Pétersbourg le froid est allé de 28 à 30° Réaum. à Moscou — de 30 à 34.

Amour sacré de la Patrie... Qu'en dites vous?—Cela va mieux avec ma toux, les poudres Levier — m'ont fait du bien.

Adio,

P. S. Le 1 mars paraîtra la seconde édit<ion> du pauvre D-r Kroupoff en français, nous avons décidé de l'imprimer dans le départ<ement> littéraire du Kolokol.

Je ferai envoyer 5 ex<emplaires> de plus:

- 1 pour Schiff,
- 2 » Domengé,
- 3 » Levier,
- 4 » Penifi,
- 5 » St. Sommier,
- 6, 7 » etc. comme toujours.

On dit qu'il y a un docteur Veredoff qui veut répondre.

Est-ce que vous vous rappelez à Richmond d'un citoyen réfugié français qui a fait peur au D-r Picoulin par son arrogance. Je l'ai rencontré hier ici — même extérieur, même golovinisme et je croie le même paletot. Déjà—il m'a adressé une lettre...
O homines...

Sind doch Ominös.

14 февраля 1868. Пятница,
Нидца.

«Haben mich protegieren gewollt»
.....

По-прежнему неблагодарный — я вежливо отказываюсь от защиты корреспондента газеты «Siècle». 1. Потому что корреспондент, который был в Германии (если это тот самый), всегда мне не нравился. 2. Потому что «Siècle» — крайне тупоумная газета. 3. Потому что всё сплошная ложь — первый № был отправлен, и Лакруа взял для газет даром 100 экземпляров.

Вы становитесь чересчур Бисмарком. Шурц должен остаться американцем, надо же иметь образцы безупречных людей — а генералу Соединенных Штатов можно попасть в потсдамскую переднюю не иначе, как приехав на обед в качестве американского посланника.

Последние монтаньяры — давайте будем с Монблана... или — по вашей неприязни к снегу — давайте будем из Каррары.

Кстати: в Петербурге мороз достиг 28°—30° по Реомюру, в Москве — 30°—34°.

Святая любовь к Родине... Что вы на это скажете?

Мой кашель уменьшился, порошки Левье — помогли мне.

Addio.

P. S. 1 марта выйдет на французском языке второе издание бедного «Доктора Крупова», мы решили напечатать его в литературном отделе «Колокола».

Я пришлю на 5 экземпляров больше:

- 1 для Шиффа,
- 2 » Доманже,
- 3 » Левье,
- 4 » Пенизи,
- 5 » Сен-Сомье

6,7 и т. д. как обыкновенно.

Говорят, что некий доктор Вередов хочет отвечать.

Помните ли вы по Ричмонду одного гражданина, французского эмигранта, пугавшего доктора Пикулина своей наглостью? Вчера я встретил его здесь — та же внешность, тот же головизм и, думается, то же пальто. Он уже успел прислать мне письмо... O homines¹...

Sind doch Ominös².

¹ О люди (лат.); ² Все-таки гнусны (нем.).—Ред.

15 (3) февраля 1868 г. Пицца.

15. Суббота.

Любезная Тата, милая Ольга и Dr Herzen.

Переписка с вами очень затрудняется отсутствием от вас писем — или получением записочек вроде огаревских, в которых вы извещаете о том, что писать некогда.

Неужели это следствие приезда Володимировой?

А потому до писем прощайте.

Здесь умерла русская девочка 9 лет от крупа, — и ей делали операцию, да возле умер англичанин 20 лет с чем-то, тоже от крупа. N<atalie> испугалась, и есть чем.

В России голод страшный.

А прогос, пишут, что я скоро увижу Кельсиева — «Che cosa che»¹, как говорил Франсуа.

Как идет «Кромвель»?

В. Письма во Францию 40 сан., а не 30 — как Тата поставила.

18 (6) февраля 1868 г. Пицца.

18 февр<аля>. Вторник.

Очень жаль, если ты не напечатал, скольких №№ «Голоса» нет. Зачем же знать причину, и что за дело, что «Моск<овские> вед<омости>» не получают иностранных газет? Твоя выписка непонятна (та, что была в коррек<туре>). — Также я не совсем дело беспокойство, чтоб прибав<ление> было упечатано до последнего уголка. Бросай им статью — да прибавь объявление, нет материала — одну четвертинку. Любопытно, как же вы напечатали письмо *не для печати*.

Из Флоренции имею мало писем. Мейз<енбург> начинает ревновать Ольгу к Тате. Но, разумеется, это всё с чувствительностью.

Чернецкий ничего не понял — и хитрит, ему понравилась его метода — брать нахрапом займы и платить несчастиями своего положения. Я решился пожертвовать из отлож<енных> Бах<метевым> денег 5000 фр., чтоб с ним *кончить*, — заплатил 3000 долга, 1000 — для устройства и обещал 1000 при окончательном решении. Чернецк<ий> на корректуре написал, что *в ссуду* получил 1000 и что постарается ее заработать. Где же

¹ «Что это такое?» (итал.). — Ред.

пониманье? — Я говорю вперед — видя, что из этого выйдут большие гадости.

Если 20 «Кол(окол)» не будет послан — это очень безобразно. 4 № должен непременно быть разослан 1 марта. Читал ли «Imbrogljo» — каково я угостил «Le Temps». — Досадно, а один Эм. Жиранден понимает. Он в «Liberté» — напечатал: да что вы пристали к русским, что они туранцы, монголы, ведь уже проучил вас «Колокол», и очень хорошо.

Следил ли ты за дебатами о прессе? Если нет — это преступно. Тут высказалось все — это не ниже римской элгии прошлого года. Очень дурно, если ты пропустил.

Жду ответа насчет Базарова.

Лиза совершенно здорова и мила.

Говорят, Вормс умирает — я заведомо *unsentimental*¹ — не жалею (я еще все не переварил черный ободок на Касат(кине)).

И до завтра.

Из Флор(енции) сейчас получил письмецо. Досадно. Тата беспрерывно с этой дряннейшей Володимировой, да еще в дополнение — к ним таскается под пару ей Утин (сопелька... пупочка) — самый лицемерный из наших заклятых врагов. А *propos*, как это здесь разнесся слух, что Сер(но)-Сол(овьевич) чуть не подрался с Николадзе?

271. Н. А. ГЕРЦЕН

18 (6) февраля 1868 г. Ницца.

18 февр(аля). Вторник.

Твоя последняя записочка ко мне была от 5 февр(аля)². Я с тех пор писал, а ты спрашиваешь в письме Лизе, почему я не отвечаю. К тому же и вопроса не было.

Далее — не могу сказать, чтоб я был особенно доволен твоей излишней близостью с Волод(имировой), она пустая и дрянная — ты хотела быть серьезной. К тому же у вас явился ей под пару дряннейший Утин — он хуже своего брата, один из затаенных врагов наших. Он здесь ни разу не был у меня — и зашел накануне отъезда. Я прошу быть очень осторожными с ним и при нем. — Неужели Мещерс(кий) не раскусил его? Что же при всем этом делает Dr Herzen? (Он с месяц ко мне не писал.) Отдай ему приложенный отрывок из «Liberté». Мне кажется, что Шифф год тому назад делал подобные опыты — не

¹ несентиментален (нем.). — *Ред.*

² Разве одно письмо пропало?

мешало бы это написать в «Liberté» — а может, для этого надобно прочесть весь отчет Клод Бернара. Кланяйся, кстати. Шиффам. 1 марта в «Кол(околе)» будет от меня булавка в «Temps» под заглавием «L'imbroglio».

Отправлены ли деньги за фортепьяно (т. е. первая половина) — если нет, то, когда нужно посылать вторую, — что делать? В мае можно послать и все с вычетом у вас. — Тебе я что-нибудь пришлю к празднику.

Начинаю подумывать о Женеве. Может, летом и N(atalie) поедет.

А что же Ольга тоже не пишет?

Мейз(енбуг) прошу быть здоровой.

У нас здесь все идет тихо и покойно. Дети ходят, учатся. Нини очень мила. Mme Garibaldi боится думать об нашем отъезде, он опять в Париже. Круп, бродящий здесь, — навел тучу.

Если Саша обдосужится, я его прошу написать мне подробный рапорт о вашем житье-бытье.

272. М. МЕЙЗЕЙБУТ

18 (6) февраля 1868 г. Ницца.

18 fév(rier) 1868. Mardi soir.

Carissima Malvida,

Je proteste *tanto poco* contre le séparatisme de M^{selle} Volodimiroff, avec Tata, contre l'intimité d'Outin qui n'est pas probe. Il ne faut pas vous retirer complètement, vous êtes toujours le ministre d'état sans portefeuille — mais avec l'autorité.

Mieux vaut alors pour Tata de retourner à Nice.

Totus voster

А. Н е р(з е н).

Перевод

18 февраля 1868. Вторник вечер.

Дражайшая Мальвида,

я протестую *tanto poco* против обособления мадемуазель Володимировой с Татой, против близости с Утиным, не вполне честным человеком. Вам не должно полностью отстраняться вы были и остаетесь министром без портфеля, но облеченным властью.

В противном случае лучше, чтобы Тата вернулась в Ниццу.

*Totus voster*¹

А. Г е р(з е н).

¹ Весь ваш (лат.). — *Ред.*

273. Н. П. ОГАРЕВУ

19 (7) февраля 1868 г. Ницца.

19. Середа.

Теперь обдумай порядком, что объявить 1 марта? Что «Колок(ол)» будет в один лист, или в $1\frac{1}{2}$ — даже без объявления можно издать в $1\frac{1}{2}$. Далее — что 5 № выйдет 1 апреля (последнее хуже).

Сколько у нас подписчиков *на год*? Им надобно послать какое-нибудь утешенье.

С приближением весны — у нас возникает вопрос, т. е. у N(atalie), что делать? Мой совет ей приехать на жаркие месяцы (июнь, июль, август) в Швейцарию — и возвратиться в Ниццу, лучше она нигде не устроится, как здесь. На два года здешних учителей хватит. И где они найдут таких милых детей — как случилось встретить здесь.

Надобно бы нанять дачу на несколько лет (я уверен, что в таком случае легко можно найти за 1800 или 2000 — и без мебели за 1500 с usufruit¹ сада), — иногда могли бы приезжать Тата и Ольга для купанья. Иногда отдавать внаймы. Тут один риск страшен — как турнут по пряжке.

Не поместить ли, исправивши, из фонтеновского «Колокола» — «La princesse Daschkoff», «V. Karasine»?

Отвечай подумавши.

На днях пошлю Тхорж(евскому) чек, он тебе принесет 1 марта 500 фр.

274. А. А. ГЕРЦЕНУ

21 (9) февраля 1868 г. Ницца.

21 февр(аля). Пятница.

Вчера я был с Лизой и Нини на карнавале — и когда их довез домой, получил телеграмму от Тхор(жевского) о том, что Огарев сломал себе сочленение между ступней и ногой (l'articulation entre le pied et la jambe); в 7 я телеграфировал и в 12 ночи получил ответ, что Майор находит положение grave².

В силу чего я сегодня в 3 — а если не успею — завтра отправляюсь в Женеву. Пишите опять: 7, Boul. Plein Palais—au 2.

Не выписать ли Levier? Если нужно? Что можно ему предложить?

Всем кланяюсь.

¹ правом пользования плодами (франц.); ² серьезным (франц.). — *Ред.*

23 (11) февраля 1868 г. Женева.

23. Воскресенье. Genève.
7, Boulevard Plein Palais.

Вот вам мой первый рапорт об Огар(еве) — пишу почти слово в слово что написал сейчас в Ниццу.

На первый случай беда, кажется, миновала. Огар(ев) свернул себе ногу и сломал кость, наз(ываемую) tibia, — он должен пролежать *два месяца* неподвижно и потом три лежать просто — тогда следов будет мало. Майор боится одного — припадка в первый период. Но для этого принята диета — вот главное. Levier не нужно.

Теперь о самом происшествии. С привычками Огар(ева) и его упрямством предупредить дела было невозможно. Он постоянно бродил по вечерам один — 19 числа он был у Чернецк(ого) и в $\frac{1}{4}$ 11 пошел домой. — Чернецкий умолял его остаться, хотел идти с ним — нет, он отказал, — вероятно, по обыкновению, он завернул в свои кабачки — и по дороге домой, возле сумасшедшего дома, упал в обмороке. Вставши, он пошел целиком, забрел куда-то, запнулся и упал, хотел встать — и не мог от боли. Он думает, что тут с ним был второй припадок. Это было в 12 ночи — и он пролежал *женевскую февральскую ночь — всю до 7 часов утра*. Раз издали шел человек — тот подумал, что это сумасшедший, бежавший из больницы, — и ушел. Наконец два итальянца, с которыми Ог(арев) выпивает в кафе, заметили что-то на поле и тотчас привели карету, бросились за Майором. Когда они подошли к нему, он спокойно курил трубку, говоря, что не может встать. Мало этого, он рукой разорвал по эластку ботинку и снял с больной ноги.

Нравственно он совершенно покоен — и если б не боль, он опять бы сидел в своем кабачке.

Тхоржевский во всем этом — выше всяких похвал, бегал по несколько раз в Лансу, распоряжался и пр. Он спросил Майора — телеграфировать ли, и Майор советовал, здесь все мне приготовил — и при этом, как всегда, «в высочайшей степени» ворчит...

Ну, что у вас, пишете — я пробуду здесь дней десять.

«Колок(ол)» и все в конфузии, бездна ошибок. — Если еще нужно вам для подарков, напишите.

Ольгу целую — прощайте.

Chère Malwida, faites-vous traduire cette horrible histoire, je suis fatigué — et c'est déjà mon second rapport. C'est le 20 qu'on m'a télégraphié — et le 22 à 4 j'étais déjà à Genève.

Addio.

Avez-vous reçu le $\frac{1}{2}$ Kroupoff? ¹.

Какие меры взять, чтоб не было рецидивы через 5 месяцев — не могу понять. Что ни предлагай — он согласится и не исполнит.

276. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН
26 (14) февраля 1868 г. Женева.

26 февраля. Середа.

Излечение Огар<ева> быстро идет вперед. Майор только дивится его гигантским силам и его способности выносить. Он говорит, что срок, когда ему можно снять бинты, будет скорее и что месяца через три он будет становиться на ногу. Хромизны будет мало — но останется roideur ².

Телеграмму вашу я отдал Огар<еву>, — разумеется, он был ею очень тронут — до слез. Но действительно теперь ездить незачем. Вот разве летом — другое дело, мы с Тхорж<евским> думаем Огар<ева> перевести в Паки и там найти дом — месяца на три для того, чтоб и Саша и ты могли приехать, и N<atalie> с Лизой (вместе или врозь — как вы хотите); насчет Ольги не знаю — она могла бы, может, в это время занять нашу квартиру в Ницце. Сделайте об этом совет, напишите мне проект — а я его здесь разберу в общем собрании.

«A p h o r i s m a t a
по поводу психиатрической теории
д<окто>ра медицины и хирургии
С. И. Крупова».

Сочинение Тита Левиафанского,
прозектора и анатомии адъюнкт-профессора.

Поступает в печать — сначала по-русски, потом по-французски. Спроси Шиффа — приятно ли ему будет, если Тит Левиафанский напишет:

Dédié au professeur
Maurice Schiff ³.

Успех полный — здесь все, которым я читал — от Огар<ева> и Бакунина, — в восторге. Вот я вам сдержал слово.

¹ Дорогая Мальвида, пусть вам переведут эту ужасную историю, я устал — и это уже второе мое сообщение. 20-го мне телеграфировали — и 22-го в 4 часа я был уже в Женеве. Прощайте. Получили ли вы $\frac{1}{2}$ Крупова? (франц., итал.). — *Ред.*

² отсутствие гибкости (франц.); ³ Посвящается профессору Морицу Шиффу (франц.). — *Ред.*

Непреренно спроси Железнава, печатать ли тетрадь, которую он мне дал привезти, и сообщи ему, что я нашел «в кассе „Колокола“», как говорит Тхорж<евский>, 71 франк за продажу Вазари.

От Таландые письмо — всем вам кланяется — с любвями.

С тех пор как я здесь, солнца я не видал. Хорошо еще, что не очень холодно и бизы нет. — Я встретил одного швейцарца, который был в Петерб<урге> во время 40 и 42° морозу по Реомюру, — *c'était du propre*¹.

Теперь лично тебе, Тата, я скажу, что я не отвечал на *project Wolkmar*², потому что принял его за *château en Espagne au bord de la Spree*³. Какой же смысл, кроме желания двигаться? Какая специальность у тебя, которой особенно соответствует Берлин? Если ты хочешь заниматься чем бы то ни было — то еще и во Флоренц<ии> и в вашем круге (исключая владимирских утят) — найдется дело. Мало ли какие поездки хороши. *Ex<empli> gr<atia>* в Париж, в Нью-Йорк. *That is my humble opinion*⁴.

А *propos*, в твоих английских письмах ты слишком много употребляешь *их битых* выражений (то, что я Саше упрекал в произношении). Это сильно безобразит слог — надобно быть *genuine*⁵ и говорить своими словами, а не чужими. Вот тебе и ораторское наставление.

Милая Ольга,

никогда ни *Plein*, ни *Palais*, ни № 7, ни Женева, ни Тхоржевский твоего письма не получали — как ты послала? кто носил на почту? — Асклепифизиа или Кантатриса дела Кухня?

Напиши еще раз Лизе — она всегда в восторге от писем.

Об Ага ты все знаешь.

Прощай.

А *propos*, *Domengé* — *le plus fécondement stérile*⁶ из смертных — не хочет дать статью, так, как не хотел возражать Шиффу. Но пусть не ссылается на Мишле — я не хочу печатать эту полемику. Итак, требую его статьи.

277. А. А. ГЕРЦЕНУ и М. МЕЙЗЕНБУГ

27—28 (15—16) февраля 1868 г. Женева.

27 фев<р>аля.

Письма ваши пришли. Дела идут долею хорошо — а долею не очень. Тревожное время прошло — но теперь оказывается,

¹ хорошего было мало (франц.); ² проект Фолькмар (англ.); ³ воздушный замок на берегу Шпрее (франц.); ⁴ Это мое скромное мнение (англ.); ⁵ неподдельным (англ.); ⁶ Кстати, Домаже — самый плодovито-бесплодный (франц.). — *Ред.*

что сращение делается очень медленно и, может, отсутствие всякой лихорадки пользы не сделало. Майор как хирург очень хорош. Опасности (без обморока) не предвидится, диета строгая, и уход хорош днем и ночью. Но лежать придется долго — *если б* это послужило бы на пользу, жалеть нечего. Я сомневаюсь.

Приезжать теперь ни тебе, ни Тате нужды нет, готовность ваша хороша — но действительно нужды нет. Если б что-нибудь случилось агравантное, я буду телеграфировать — чем дольше нет телеграфа или письма, тем лучше, значит *all right* ¹.

Главное, его слишком тормозат — Бакунин, Утин, Достоевский, Мерчинский, Чернецкий, Данич, мы — и все его жевенские собутыльники и *petits Lanciers* ².

Что в будущем? — вот вопрос настоящий, и я перед ним стою *wie ein Ochs am Berg*. Несчастье это перетряхнуло всех, *кроме* самого Огарева, и он на другой день после выздоровления начнет ту же жизнь. — Мери рассказывает чудеса об его похождениях, он до того привык к этой бродячей жизни — по кабачкам — что его ничем не заарканишь. Ни слезы ее, ни брань, ни мои слова — не имели влияния. Тут у Огар(ева) является такая жестокость и такой эгоизм — которой в его любящей и симпатичной душе нельзя предполагать.

Из Ланси его надобно увезти, и, вероятно, я это сделаю к лету. Ну съедемся как-нибудь месяца на два, на три... а там непроницаемый туман.

Утин, который у вас, — лжец, десять раз пойманный, его брат все же гораздо лучше его. Как может Мещерский не раскусить его? Володимирову, мне кажется, ты слишком бранишь, а у Мейзенбуг тик. Мне очень не нравятся *контры*, которые у вас завелись, — живите покойно хоть в виду таких несчастий.

Сколько я пробуду здесь — я не знаю. Разумеется, я не уеду, пока мое присутствие нужно (тем, что я всех толкаю и электризую).

Здесь один господин до болезни хохотал над моими «*Arhogismata*» — а они, по-моему, ужасно печальны. Увидите 1 апреля в «*Le Kolokol*». Но русский текст лучше — потому что я весь его написал слогом старого педанта, что придает особую злость каждому слову. К тому же у меня в русском есть священник, помогающий мне переводить латинскую тетрадь — совершенно непереводаемый.

Ольгу целую. Володимирову не целую...

Et à vous, carissime Malvida, je serre la main — et pax vobiscum — soyez recueillies et tranquilles en face d'un malheur.

¹ все благополучно (англ.); ² юноши из Ланси (франц.). — *Ред.*

Je donnerai votre lettre ce soir à Ogareff. Il va bien, faites-vous traduire les détails ¹.

28 февраля.

Огарев очень удовлетворителен. Всем кланяется.

Что за гадственное письмо послал ты через Тхоржевского — Устинову? — Не делайте, пожалуйста, скандалей.

Жду писем.

278. М. К. РЕЙХЕЛЬ

28 (16) февраля 1868 г. Женева.

28 фев<аля>. Пятница.

7, Boulev<ard> Plain Palais. Женева.

Вот я и в Женеве с 22-го. Меня выписали по телеграфу: Огар<ев> сломал себе ногу; он вечером упал в обморок на поле — сломил ногу и остался без всякой помощи всю ночь до 7 утра. Главная опасность миновала, но он еще месяцы будет лежать. Д-р Майор оказался очень хорошим. Несчастье это случилось с 19 на 20, в два часа, 20 мне телеграфировали, а 22, в 4 часа, я был уже здесь.

Пишу вам только, чтоб сказать: «Вот, мол, я здесь». Бакунин вчера уехал в Вевей; у него одна новость — последние луговицы панталон оборвались, так что они держатся по прищечке и симпатии.

Во Флоренции все цветут. Тата порывается сюда — увидим.

Ну что вы, и Рейхель, и дети, напишите — по близости.

Вы «Колок<ол>», верно, получаете — читали мои «Fleuges doubles», а главное — заставьте Адольфа Фогта прочесть «Крупова». Я получил от Д-г и Прокуратора Тита Левиафанского возражение на Крупова — оно будет помещено 1 апреля. Там я коснулся вопроса о libre arbitre. А писать было некогда.

Густава Фогта я также tanto poco пощипал, но мало — постараюсь прибавить.

Прощайте.

279. М. МЕЙЗЕНБУГ

1 марта (18 февраля) 1868 г. Женева.

1 mars 1868. Dimanche.

Chère Malvida,

J'ai reçu votre lettre — et je m'en vais vous donner pour réponse une encyclique que je vous prierai de lire avec Alex<andre> et Tata.

¹ А вам, дражайшая Мальвида, жму руку — и мир вам — будьте сосредоточены и спокойны перед лицом несчастья. Я дам Огареву сегодня вечером ваше письмо. Он поправляется, велите перевести вам подробности (франц., итал., лат.).— *Ред.*

J'ai été froissé au suprême degré par la lettre d'Alex<andre> à Oustinoff (qui me l'a montrée) — il y a quelque chose de dur et de mesquin dans cette guerre à outrance — contre une fille, et au même moment, où vous m'écrivez (et je le sais moi-même) que le caractère de Tata est tel qu'il est impossible de lui nuire et Olga assez éloignée. Remarquez qu'Alex<andre> savait très bien que j'étais à Genève — en envoyant la lettre *non à moi*, mais à Tkhorzevsky. Pourquoi donc dans une affaire si délicate ne pas avoir pensé à un conseil de moi?

Maintenant le tout ensemble est grave. Or, ma visite — qui vous a si plu au mois de décembre — a été *le final* d'une vie bonne et limpide à Florence. — On a mêlé tant d'éléments hétérogènes que l'ensemble sera dissonnant et vive le D-r Krouppf!

M^{selle} Volod<imiroff> — est un hasard — un mal passager — mais je vois d'ici l'impossibilité d'aucune lecture. Teres<ia> et Linda ne comprennent que l'italien. L'impossibilité d'intérêts sérieux avec des demi-enfants. Je prévoyais tout cela en vous quittant.

Autant que je puis juger — vous devez être maintenant dans une brouille. Car Tata certainement n'est pour rien dans la lettre à Oustinoff.

Or, tension entre vous et elle.

Tension entre Alex<andre> et elle.

De là — ennui, atmosphère lourde.

Chère amie, *sono vecchio assai* pour dire ces choses franchement, et je les dis par amour et amitié.

Qu'avez-vous fait de la vie qui était possible? Qu'a fait Alex<andre> pour le repos de ses sœurs? — Rien de bon dans l'avenir. Faites un plan — moi, j'irai dans une quinzaine à Nice, puis, je pense qu'Ogareff pourra passer (fin mai) avec nous un mois, six semaines — Tata pourra venir aussi (même avec M-me Kassatkine — qui va à Lugano).

Pour de l'unité vous n'en aurez pas — ou donnez-moi un démenti, et je vous baiserais les deux mains.

l'Vecchio.

Le portrait d'Olga est très beau. Ogar<eff> prie un pour lui. Il va assez bien.

Figurez-vous que j'ai écrit le 23 les détails d'Og<areff> — et le 1 mars personne n'a répondu même pas un cri d'horreur. Est-ce que le télégramme était suffisant?

Addio. Montrez cette lettre à Alex<andre> et Tata.

Ha обопоме: Mademoiselle
la Baronne
von Meysenbug.

1 марта 1868. Воскресенье.

Дорогая Мальвида,

я получил ваше письмо — и в ответ посылаю вам энциклику, которую прошу вас прочесть вместе с Александром и Татой.

Меня в высшей степени покорило письмо Александра Устинову (который показал мне его); есть нечто жестокое и мелочное в этой доведенной до последнего предела войне против девушки, и это в то время, когда вы мне пишете (да я и сам это знаю), что характер Таты таков, что его ничем не испортишь, а Ольга достаточно держится в стороне. Заметьте — Александр написал письмо *не мне*, а Тхоржевскому, хотя прекрасно знал, что я в Женеве. Почему же в таком щекотливом деле не обратиться за советом ко мне?

Теперь же все вместе взятое очень серьезно. Итак, мое посещение, столь понравившееся вам в декабре, было *концом* славной и безмятежной жизни во Флоренции. — Смешали столь разнородные элементы, что в целом получается диссонанс, и да здравствует доктор Крупов!

Мадемуазель Володимирова — случайность, преходящее зло — но я и отсюда вижу невозможность какого бы то ни было чтения. Тереза и Линда понимают только по-итальянски. Невозможность серьезных интересов с полудетьми. Покидая вас, я уже предвидел все это.

Насколько я могу судить, у вас теперь должны быть раздоры. Так как письмо к Устинову вызвано, конечно, не Татой.

Значит, натянутые отношения между вами и ею.

Натянутые отношения между Александром и ею.

Отсюда — скука, тяжелая атмосфера. Дорогой друг, *sono vecchio assai*¹, чтобы откровенно высказать все это, и я говорю об этом из чувства любви и дружбы. Что вы сделали из жизни, которая была сносна? Что предпринял Александр для спокойствия сестер? — В будущем ничего хорошего. Составьте план. Я же недели через две уеду в Ниццу, затем полагаю, Огарев сможет провести (с конца мая) с нами месяц или полтора. Тата также сможет приехать (хотя бы с госпожой Касаткиной, которая отправляется в Лугано).

Единства вы не добьетесь — или опровергните меня, и я расцелую ваши ручки.

L'Vecchio².

Портрет Ольги очень хорош. Огарев просит один для себя. Он чувствует себя недурно.

¹ я достаточно стар (итал.); ² Старик (итал.). — *Ред.*

Представьте себе, что я 23-го сообщил подробности об Огареве, а до 1 марта никто еще не отозвался хотя бы криком ужаса. Разве телеграммы было достаточно?

Addio. Покажите письмо Александру и Тате.

На обороте: Баронессе
фон Мейзенбург.

280. Н. П. ОГАРЕВУ

3 марта (20 февраля) 1868 г. Женева.

Так как ты не очень любишь отвечать словесно — то вот тебе вопросы письменные. Думая и думая, как сделать свидание всех — и без особых дурных влияний и даже сплетней, — я дошел вот до чего.

Если тебе можно будет ходить *ex<empli> gr<atia>* к 1—15 мая — то я приглашаю тебя *недель на шесть ехать* одного куда-нибудь в маленький пансион — если не в Женеве, то не дальше Лозанны. — Согласен или нет?

Если согласен — то до моего приезда следует все приготовить, и я поеду *ex<empli> gr<atia>* 15 марта, с тем чтоб в начале мая их привезти.

Не согласен, так скажи — тогда надобно совсем иначе расположить временем.

281. ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

3 марта (20 февраля) 1868 г. Женева.

3 марта 1868.
Женева.

Дружок мой Лиза,

папе Ага гораздо лучше, мы все очень были рады слышать это от Майора. Он все еще лежит, и вся нога перевязана. Сегодня ему позволено немного писать. Я приеду, когда ему будет еще лучше, и мы будем собираться в Лозанну.

Тебе везу книгу, которую будем читать вместе — «L'histoire d'un paysan du 1788» того автора, который писал «Blacus».

А вот тебе и Шильон.

Скажи Лизавете, что часы я нашел удивительные за 50 фр. — есть тоже хорошие за 45, но за 50 такие часы, которые прежде стоили 125 и 150. С именем часовщика и его ответственностью.

Напиши мне сейчас, которые покупать.

Прощай, играй, учись, но не кривляйся, а пуще всего не отвечай дурно ни маме, никому.

Погода здесь опять поправилась. Я перешел от ветра в другую комнату.

А который час?

Сколько минут?

Прощай, целую тебя.

282. М. МЕЙЗЕНБУГ

9 марта (26 февраля) 1868 г. Женева.

9 mars — Lundi.

7, Boulev<ard> Plein Palais.

Très chère Bismarkia Fiorentina.

Quoique votre lettre m'a enlevé une grosse pierre du cœur — mais je ne peux pas m'empêcher de sourire — au coup d'état, avec extradition, déportation... exil etc. — Si j'étais à la place de Levier, âgé de 28 ans, nez à la Henry IV, barbiche à la François II et si une princesse tartare — catherinisante — me faisait une déclaration — je n'aurais jamais eu le courage de jouer le rôle de Joseph — d'autant plus que la tartare n'a pas de Potifar. Il devrait comme médecin prescrire — «Cremertartare» — à cette crème de la Tartarie.

Vient maintenant Alex<andre> grand juge.

Vous en Marie Thérèse — *eingenehmigt*.

Sentence envoyée, Oustinoff enrhumé, la tartare déportée — et tout cela parce qu'elle aime Levier — et si elle haïssait Levier... — il faudrait prendre un autre levier et la hisser... Chez nous on ne déporte pas pour si peu de chose. Il fallait tout bonnement lui interdire la porte.

Il paraît que vous tous ne comprenez pas bien — l'affaire d'Ogareff.

Il a probablement par un *choc terrible* — demis le pied — cassé la tibia et en même temps il a rompu les couvertures sur l'os rond et autour, heureusement pas au point pour dénuder l'os. Or c'est évident — que l'appareil fixe et hermétiquement fermé — soit impossible.

Mais l'affaire va parfaitement bien. Maior vient maintenant en deux jours. Chaque fois lorsqu'on change de lit (2 fois par semaine) Maior est là, et aide lui-même. La force herculéenne

d'Ogareff — est extraordinaire. Il est très bien — et très bien disposé.

Le soir je lui porterai votre lettre et portrait — et pourquoi ne m'aviez vous pas envoyé — le portrait d'Olga, je l'ai donné à Og<areff> — aussi.

Adieu. Je vous salue.

Перевод

9 марта — понедельник.
7, Boulev<ard> Plein Palais.

Дражайшая бисмарковская флорентинка,

хотя ваше письмо сняло у меня с сердца тяжелый камень — все же я не могу удержаться от улыбки, узнав о государственном перевороте, с выдачей преступника, ссылкой, изгнанием и т. д. Будь я на месте Левье, 28 лет, с носом à la Генрих IV, бородкой à la Франциск II, и если бы татарская княжна — уже немолодая девушка — объяснилась бы мне в любви, — у меня не хватило бы духу сыграть роль Иосифа — тем более что у татарки нет Потифара. Он должен был бы, как врач, прописать этой представительнице сливок Татарии «Cremertartare».

Теперь выступает Александр в роли главного судьи.

Вы в роли Марии Терезы — *eingenehmigt*¹.

Приговор послан, у Устинова насморк, татарка сослана — и все это потому, что она влюблена в Левье — а если бы она ненавидела Левье... — тогда нужно было бы взять другой рычаг и поднять ее... У нас не ссылают за такие малости. Следовало попросту отказать ей от дома.

По-видимому, вы все не вникли достаточно в историю Огарева.

Он, вероятно, при *сильнейшем ударе* вывихнул ногу, сломал берцовую кость и в то же самое время порвал связки на круглой кости и вокруг, к счастью, не настолько, чтобы обнажить кость. Однако очевидно, что герметическая и неподвижная повязка — невозможна.

Но дело идет превосходно. Майор бывает теперь каждые два дня. Всякий раз, когда меняют постельное белье (2 раза в неделю), Майор присутствует и сам помогает. Геркулесовская сила Огарева — удивительна. Он хорошо себя чувствует — и в отличном настроении.

Вечером я снесу ему ваше письмо и портрет — а почему вы не прислали мне портрет Ольги, я его отдал Огареву также. Прощайте. Приветствую вас.

¹ утверждены (нем.).— *Ред.*

9—10 марта (26—27 февраля) 1868 г. Женева.

Tate.

Пока Ог(арев) будет лежать — опасности, кроме обморока, нет, встать он не может. Присмотр порядочный. На нынешней неделе можно ждать, по прошлым примерам, обморока. Если он будет слабый — как вероятно — то еще три недели или месяц выиграны. Опасность начнется тогда — когда он встанет, и тут средство то, которое я предложил, а он принял: прожить месяца два вместе.

Вот что может быть с обмороками. Виниери — который возвратился сюда из Италии — лечит грудь женеvским тортом, стал харкать кровью. У него сделался обморок; он упал, уронил свечу, и гардины уже загорелись, когда случайно гарсон взошел — и спас его и отель.

Твой приезд ни к чему не может служить. Я думаю, что я поеду к 1 апреля и возвращусь в мае. Тогда, если хочешь, приезжай в Ниццу, и вместе поедem в Лозанну.

Je t'embrasse — chère Olga — et je pense que c'est bien plus difficile pour toi de venir faire une visite à Ogareff — l'été à Lausanne ou quelqu'autre part en Suisse. C'est dommage. Car il vous aime beaucoup.

Deux à propos — qui ne le sont pas: 1° J'ai vu ici un homme qui connaît l'affaire de Kelsieff — il a refusé net de nommer les personnes en Russie avec lesquelles — il a été en rapport. Il n'a parlé que de moi et Czer(niecky). — Le comte Chouvaloff a mis cela, dans le rapport à l'Emp(ereur) et celui-là a écrit là-dessus — «Dites-lui — que je commence à l'estimer pour cela!» — Quel encouragement pour les vils dénonciateurs!

2° Le grand, l'Ivan, Le Savitch est à Nice ...ich nieste.

Adieu¹.

¹ Целую тебя, дорогая Ольга, и думаю, что для тебя гораздо труднее навестить Огарева — летом в Лозанне или в какой-либо другой части Швейцарии. Жаль, ибо он вас очень любит.

Кстати два замечания — которые некстати: 1. Я видел здесь человека, который знает дело Кельсиева — последний наотрез отказался назвать лиц, находящихся в России, с которыми он был в сношениях. Он назвал только меня и Чернецкого. Граф Шувалов включил это в свой доклад императору, а тот на нем написал: «Передайте ему, что я начинаю уважать его за это!» — Какое поощрение для подлых доносчиков! 2. Иже великий, иже Иван, иже Савич в Ницце... ich nieste (я захихал (нем)).

Прощайте (франц.).— *Ред.*

11 марта (28 февраля) 1868 г. Женева.

11 марта.

Вот наскоро важный рапорт. Вчера, когда я оставил Огар(ева) в 9 час. 20 мин.— он был совсем здоров, только сонлив (день электрический),— в 9-30 с ним сделался обморок (я ждал, потому что срок трех недель подходил). Нога осталась цела и невредима — М(ери) держала ее, как Майор велел.— Майор был утром — и нашел, что повязка в порядке. Стало, эта туча — самая страшная — прошла. Но худо одно — через 24 часа он был exhausted¹, как прежде я не видал. Видно, сил много ушло.

Сегодня иду к Майору — поговорить a parte². Ты если хочешь приехать, то пригоняй так, чтоб остаться хоть десять дней или неделю после меня.

После Майора я припишу.

У нас снег на пол-аршина, и сегодня дрова провезли мимо нас в санях à la russe³. Точно в Вятке. А впрочем, не очень холодно. Я здоров — и даже меньше кашляю.

С Lancy — все сношения прерваны. Извозч(ики) не хотят ехать, пешком нельзя идти — пол-аршина снега. Разве к вечеру перемена.

Саме особо.

Я тебе пришло в Spesol'у через два дня корректуру «Анти-Крушова» — ты ее сначала прочти и потом сделай сюрприз Мейзенб(уг), и Тате, и Шиффу, и Левье — прочти им громко, artistisch⁴.

Майора видел. Ничего — он доволен. Ог(арев) оправился. Майор думает, что ехать следует не в Лозанну, а на воды в Aix или в Baden в Швейцарии. Для меня все равно.

Нужды большой нет тебе ездить — но, если хочешь, напиши обстоятельно.

11 марта (28 февраля) 1868 г. Женева.

11. Позже.

Майор советует ехать в Auh les bains или в Baden (Argovie) — Огар(еву) не хочется, он хочет в Лозанну (по пароходу). Спроси Шиффа, очень ли нужно в ванны.

Я думаю, если ты хочешь приехать, приезжай ко второму обмороку — который будет между 28 и 31 мартом. Тогда я

¹ измучен (англ.); ² наедине (лат.); ³ по-русски (франц.); ⁴ артистически (нем.).— *Ред.*

поеду в Ниццу. Туда может к 1 мая приехать Тата — и все вместе около 15 двинемся в Швейцарию.

Отвечай о мнении Шиффа. Зачем же его мучить? Ходить первое время он будет на костылях.

286. А. А. ГЕРЦЕНУ

12—14 марта (29 февраля — 2 марта) 1868 г. Женева.

Огар(ев) после болезни больше стал походить на себя, чем все последние года, ех(empli) gr(atia) с 1863—64. Жизненный вопрос — для меня ясен. Будет он пить — он погибший человек. Не будет — он еще удивит всех вас силой, талантом и поэзией. По несчастию, я не уверен в последнем. Болезнь его раскрыла, как он пил, — надобно дивиться, что он мог выносить все это. Мое питье (а ведь я пью довольно и даже много) — ничего не имеет общего. — Что тут сделаешь? А мне кажется, что первый день, когда он выйдет — хоть с костылем — так уйдет тайком и напьется. Это меня буравит.

Насчет будущего вот что решено. — Майор говорит, что к 15 мая — он может спокойно ехать куда-нибудь, особенно на пароходе — а потому он хочет прожить со мной в Лозанне в пансионе 6 недель или два месяца. Там хочет он очень видеть всех вас и Лизу и N(atalie). — Он будет один — а Тхоржевский перевезет его дом в Паки и останется пока там. Я предполагаю ехать *через две недели* в Ниццу — и приехать со всеми к 15 мая в Лозанну.

Ergo — хочешь ли ты теперь или после приехать, это зависит совершенно от тебя. Я на путевые издержки тебе ассигную 150 фр. особо. Может, самое лучшее было бы тебе приехать тогда, когда я поеду, для того чтоб заменить меня. Остановиться можешь с Тхоржевским — а пока я тут, в Hôtel de la poste (garni). Это в двух шагах от Plein Palais.

Тате кланяюсь и Ольге, и Мейз(енбуг). На письма их буду отвечать немедленно. От Огар(ева) Тате записка.

Мальчик умен и мил. Пришел ли «Колок(ол)», и какой успех?

287. А. А. ГЕРЦЕНУ

16 (4) марта 1868 г. Женева.

16 марта.

Одно письмо, может, и пропало. Вообще почта не без грехов — письмо от Мальвиды от 13 пришло раньше письма твоего от 12, — можно было бы думать, что ты забыл отправить —

так нет: штемпель туринский 13 — а Firenze 12.— Это досадно. Огарев сильно идет в гору — если ничего не случится, он к 25 спустит ноги. Я жду от тебя обстоятельного ответа насчет вод. Не лучше ли тебе приехать, когда я уеду, и проехать сюда через Ниццу и назад через Mont Cenis — в апреле? А то больно коротко. Вообще жди дальнейших вестей.

N<atalie> пишет, что она сделала ошибку — и дала не подумав какому-то незнакомому немцу, сказавшему, что знаком с Мейз<енбуг>, ваш адрес.

Да такую же ошибку сделал и я, давши трубочку свезти Батанову, — об нем слухи *нехороши*.

Говорят положительно, что Бени умер в Риме.

Caro mio, не ссылайся, пожалуйста, ни на Шиффа, ни на Левье — они партизаны твоего дела, а я его боюсь — за тебя и за общий покой. Но оставим это времени. Высылать из города Вол<одимирову> — говорите что хотите — ужасно смешно. Ну, если б отсюда вздумали гонять всех лореток?

Все быстрые пересаживанья и развитья — очень трудны. Я с печалью и досадой смотрю на Генри. Ог<арев> его ведет самой прямой дорогой в гибель. I am so nervous¹, — тянется, к тому же ни таланта, ничего — и вся посадка бедного барича. Мое несчастье — слишком простой взгляд.

Еще вопрос. Да вообще следует ли тебе отрываться именно теперь — когда улучшение Огар<ева> пошло быстро вперед? Не оставить ли до лета. Пиши обо всем скорее — я ранее 1 апреля не еду.

Прощай.

288. А. А. ГЕРЦЕНУ

20 (8) марта 1868 г. Женева.

20 марта. Пятница.

У Огар<ева> был еще обморок, при мне и Тх<оржевском> — нога уцелела, да и конвульсий было мало. Худо то, что обморок был без причины, без признака (он совершенно весело разговаривал), я пошел садиться в коляску, как М<ери> позадал.

Чем ближе время куда-нибудь ехать — тем меньше ему хочется.

Я мало предчувствую хорошего после выздоровления.

Долго нет от вас ответов.

Туж действительно мил и умен.

¹ Я такой нервный (англ.).— *Ред.*

23 (11) марта 1868 г. Женева.

23 марта. Понедельник.

Милая Тата,

получил от Саши сегодня нотификацию, что он 25 или 26 едет,— и какую-то экспликацию насчет худого устройства почт вообще и в отношении к Levier в особенности. Если он еще в Флоренции, то скажи ему, что письма, которые посылают, иногда, и то очень редко (1 на 10 000), пропадают,— а те письма, которые не пишутся, никогда не доходят.

Переписка с Флоренцией — тягостна, потому что вы отвечаете по fancy¹ через неделю — через две — сейчас.

С 9 на 10 был у Огарева обморок.

Я писал 11, потом

писал 13 Ольге,

писал 16 Саше.

Наконец, Саша решился сам привезти ответ.— А так как он мне вовремя не написал, то «Левиафанский» явится без посвящения Шиффу. А Огарев напрасно мучился узнать мнение Шиффа. Ты видишь, что я гораздо больше доверяю почте, чем вам, хотя вы и почтенные люди.

Поездка Саши летом была бы лучше. Но беды нет. Отдали ли он тебе сто франков — не в счет абонемент?

Omnibus².

Je veux vous donner l'idée de notre journée — invariable, interchangeable. Je me réveille à 6 — je me lève à 6¹/₂, je travaille pendant qu'il fait froid — sans feu, jusqu'à 9 heures — à 9 heures Tkhorzevsky vient dire que le café est prêt et qu'il a mal au ventre — en même temps il me notifie sa résolution α) de ne plus prendre de Cognac, β) de ne plus prendre de vin, γ) de ne manger que potage et beefsteak. Café — 15 minutes — à 9¹/₂ je recommence le travail, il fait chaud et on fait un brasier ardent dans la cheminée — je fais des barricades de coussins, chaises et autres mauvais conducteurs du calorique. — Silence — Tkhorzevsky s'en va, — lorsqu'on sonne — je n'ouvre pas. Cela a définitivement calmé l'ardeur de me voir. Nous n'avons pas de femme de chambre, la femme du concierge vient pour une heure et s'en va... le bonheur de la solitude dure jusqu'à 1¹/₂. A 1¹/₂ Tkhorzevsky revient avec la notification qu'il a pris une résolution de différer la diète — et que par exception il prendra du Cognac, un peu de ale pale...

¹ фантазии (англ.); ² Всем (лат.).— Ред.

(Continuation dans le № prochain.)

А 5 heures — en calèche et chez Ogareff — mais les détails manquent — donc au prochain №¹.

290. Н. П. ОГАРЕВУ

25 (13) марта 1868 г. Женева.

25 марта.

Прилагаю 500 фр. — на апрель. Чтоб не путаться ни в каких счетах и наладить тебя — ты начни с того, что забудь о сатинской присылке — и знай вот что. Я дал Тхорж(евскому) два чека — один для Майора и расх(одов) 500, другой для уплаты долгов в 500 — и оставил у себя для твоего ремонта к выходу 500. — Это составляет 2000.

Затем ты должен решиться и свести себя — на сказанные 500 фр. в месяц с 1 мая. И ganz prosaisch² сделать бюджет. Болезнь твоя не ввела тебя в траты — но здоровье очень. Сатин — после такого обильного кровопусканья — наверное два года ничего не пришлет.

Согласен?

Теперь одно слово — и последнее — о Генри. Не в Фрибург или Невшатель ему нужно, а von из твоего дома, где он идет с правильностью брежетовых часов — к гибели. Он избалован, барич, perçoué³ и празден. В успехах его я сомневаюсь. Виноват, разумеется, не он. — Виноват ты. Что ты сделал из него? — Работником он не будет, научником — не способен, наследства не получит, притязания на жизнь — развиты. Да ты думал ли — куда это ведет? Это худшее общественное положение. Из своего круга он подвышен — для нашего недоразвит. И это мы (я в своей жизни бьюсь и не могу выбиться) de

¹ Я хочу дать вам представление о нашем неизменном, незыблемом дне. Я просыпаюсь в 6 — встаю в 6 1/2, работаю, пока голодно и еще не затопили, до 9 ч(асов) — в 9 ч(асов) Тхорж(евский) приходит сказать, что кофей готов и что у него болит живот — одновременно он сообщает мне о своем решении α) не пить больше коньяку, β) не пить больше вина, γ) есть только суп и бифштекс. Кофей — 15 минут — в 9 1/2 я снова сажусь за работу; жарко, камин пышет огнем — я сооружаю баррикады из подушек, стульев и прочих плохо проводящих тепло предметов. Тишина — Тхор(жевский) уходит, — когда звонят, я не открываю. Это окончательно погасило у всех пыл меня видеть. У нас нет горничной, жена привратника приходит на час и уходит... счастье одиночества... длится до 11 1/2. В 1 1/2 Тхор(жевский) опять приходит с сообщением, что он принял решение подождать с диетой и в виде исключения будет пить коньяк, немного ale pale (светлого пива... (англ.)).

(Продолжение в следующем №.)

В 5 часов — в коляску и к Огареву — но подробности еще не получены — итак, до следующего № (франц.). — *Ред.*

² совершенно прозаично (нем.); ³ нервен (англ.). — *Ред.*

propos délibéré и de gaîté de cœur¹ допускаем перед глазами. Мне жаль будущих угрызений. И все-то это без фаталитета *выдуманно*, т. е. натянуто тобой. Я уверен, что М(ери) — практичнее тебя смотрит и отдаст его сейчас.

Я должен был тебе сказать — засим об этом *говорить не стану*.

Поговори с Сашей — он свежий человек. Может, и я ошибаюсь. Засим прощай.

P.S.—Помни, что после 1 мая, т. е. к 3, 4, должна быть готова твоя статья — а прежде, так лучше.

291. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

28—30 (16—18) марта 1868 г. Женева.

28 марта. Суббота.

Ждем сегодня в 9 часов вечера Сашу на железной дороге. Огарева нога идет хорошо, Майор обещает 2 апреля — попробовать привстать.— Затем и костыли — а через месяц может и выйти на костылях. Он ослаб, маленькие болезни его сердят,— вообще теперь видно, что сил таки потрачено. О Саше не заботься — все будет так, как ты писала.

Ну, итак —

Continuation de la journée *invariable*.

Donc à deux heures — par une pluie battante, ou un froid de chien — nous nous acheminons — dans un restaurant. Arrivé — Tkhorz(evsky) fait une découverte que c'est la bière qui lui fait le mal, ...et le vin aussi — surtout les pommes de terre... et considérant cela, se décide à prendre de l'absynthe *sans eau*,— après quoi amnistie pour le vin, et réhabilitation pour la bière. Mais les pommes de terre subissent le sort de petits exilés... A 5 heures vient le cocher pour aller chez Og(areff).— Tkhorz(evsky) très mécontent de ses manières, observe: «На-род грубодй» (l'accent est indispensable) et part pour revenir à l'instant même et revenir me chercher à 9.— Est-ce que nous soupçons à la maison?— Oh, oui — il n'y a rien... Vous n'avez pas dit... Cela m'est égal, allons quelque part.— Oui — mais à la maison — nous avons deux morceaux de langue (avec la mienne je trouve que c'est assez) — et un peu de saucisson, et un peu d'homard — et un peu de fromage, une bouteille d'yvornes... moi je ne prendrai pas, le vin me fait mal...

— Allons à la maison... dans ce cas c'est un souper splendide...

¹ умышленно и без причины (франц.).— Ред.

— Mais — il n'y a pas, в высочайшей степени нет хлеба — de pain.

— Mais achetons.

— C'est vrai — je n'y ai <pas> pensé¹.

Затем в половине 11 я раздеваюсь, читаю час — в 12 огонь потушен — и все спокойно — rarement Tkhorz<evsky> — pas-sant par le couloir — gémit... Toujours le ventre?— Oh, je suis sûr que c'est le vin — demain je ne prends rien. Adieu².

Ну и я прибавлю: Adieu.

У Огар<ева> через неделю после первого обморока — был второй, нога опять осталась цела. У него сделалось lumbago (колотье в пояснице), и так как он от маленьких болей деморализируется столько же, сколько большими не занимается, то ему и плохо — вероятно по лицу, что и третий обмор<ок> будет не нынче — завтра.

Наконец Сат<ин> прислал ему денег — 10 000 фр.

Вообще очень скучно. В начале апреля поеду в Париж и Ниццу. Огар<ев>, кажется, уже не так яростно желает в Лозанну — по мере приближения.

Посылаю тебе портрет Св. Юста, здесь появились несколько карточек с портретов Версальской галереи — революционных людей 1792 года, в следующ<ем> письме будет der andre Chénier. Ольгу целую, Мейзенбург — жму руку.

Прощай.

От Ог<арева> есть записка Саше, я ее оставил.

Как же у вас понравился Левиафанский?

¹ Продолжение неизменного дня.

Итак, в два часа под проливным дождем, или в собачий холод, мы добираемся до ресторана. По прибытии Тхор<жевский> делает открытие, что вредно ему именно пиво... и вино тоже, а в особенности картофель... и, принимая это во внимание, он решает пить неразбавленный абсент... засим следует амнистия вину и реабилитация пива. Но картофель постигает участь скромных изгнанников. В 5 часов прибывает кучер, чтобы ехать к Ог<ареву>. Тхор<жевский>, очень недовольный его манерой обращения, заявляет: «Народ грубый» (знак ударения необходим) и отбывает, с тем чтобы вернуться в ту же минуту, и приходит за мной в 9. — «Ужинать будем дома?» — «Да, конечно». — «Дома ничего нет... вы не предупредили». — «Мне все равно, пойдем куда-нибудь». — «Хорошо, но дома у нас два куска языка (я нахожу, что вместе с моим этого вполне достаточно) и немного колбасы, и немного омара, и немного сыру, бутылка иворнского... что до меня, я пить не буду, вино мне вредно...»

— Пойдем домой — в таком случае ужин будет великолепный...

— Но нет, в высочайшей степени нет хлеба, хлеба.

— Так купим.

— И то правда, я об этом не подумал (франц.). — *Ред.*

² изредка Тхорж<евский>, проходя по коридору, охает. — «Все живот?» — «Ах, я уверен, что это от вина — завтра ничего пить не буду. Прощайте» (франц.). — *Ред.*

Р. С. Я, что за счастье, без прислуги. Консьержева жена все делает и не мешает.— Колокольчик хоть сто раз звони, я же отворяю.

На днях была здесь полька — что-то по делам — разгорчилась и застрелилась из револьвера.

30 mars.

Hier—9 h<eures> 25'—le Dr Herzen est entré dans notre ville. Attendu par son vieux père et un vieux (et tendre) représentant de la Pologne à la gare — ils se sont immédiatement rendus dans un cabaret—par un froid de 4 degrés et une bise de la force de 10 000 éléphants.

Le portrait d'Olga est arrivé.

Je suppose qu'il n'y a qu'une seule lettre de perdue (de celles qui m'étaient adressées) — les autres sont des lettres «en Espagne».

Le mouvement dans la Suisse vaut bien la chose autrichienne — qui est très grave. La France est certainement — l'Espagne. La Suisse Allemande — va droit au gouvernement direct, et Genève s'organise socialement.

Les leçons de Panofka doivent être continuées — encore un mois cela va sans dire (quant à Renan — *non capisco*). (Aussi je ne capisque pas ce que Mecht<chersky> veut de Toqueville — le livre est très bon — mais je ne l'aurais jamais choisi pour lecture avec Tata). Et «Cromwell»? Je vous enverrai de Nice — «Les derniers Montagnards»... Adieu.

Je pars le 7 avril

8 Paris

9

10 id

12 Nice.

Ogar<eff> aura le 2 avril ses relevailles.

Vous n'écrivez rien sur mon pauvre ami le docteur et protecteur Leviathansky¹.

30 марта.

¹ Вчера — в 9 ч<асов> 25 м<инут> — д-р Герцен вступил в наш город. Он был встречен на вокзале своим старым отцом и старым (и нежным) представителем Польши, — они тотчас же отправились в кабачок — при четырехградусном морозе и бизе в 10 000 слоновых сил.

Портрет Ольги прибыл.

Предполагаю, что не дошло только одно письмо (из тех, что были мне адресованы), — остальные «воображаемые».

Швейцарское движение стоит положения дел в Австрии, которое очень серьезно. Франция — бесспорно та же Испания. Немецкая Швейцария идет прямо к непосредственному управлению, а Женева социально организуется.

Уроки Панофки, само собой разумеется, следует продолжать еще месяц (что касается Ренана — *non capisco* <не понимаю (итал.)>). (Также не капискую, чего Мещ<ерский> хочет от Токвиля, — очень хо-

Рукой А. А. Герцена:

Здравствуйте, милые флорентинки!

Радуйтесь, что вы живете вне бизы: здесь теперь холоднее, чем у нас было в январе. Твой шаль, Тата, мне спас жизнь. Огарева еще не видал, вечером напишу вам порядком — покамест целую вас. — Получила ли Терезина записку, писанную карандашом, которую я ей послал с Mont Cenis?

С а ш а.

292. Н. П. ОГАРЕВУ

2 апреля (21 марта) 1868 г. Женева.

Четверг, 2 часа.

Я в каком-то дурном расположении — и, вероятно, не приеду. День испортили тем, что вместо девятого часа Туца привел Г<енри> в *половину одиннадцатого* — от этого все пошло в беспорядке, и Саша раньше 2¹/₂ не будет.

Но дурное расположение не от того. А от разных дум — ночных и дневных. Я еду и смотрю на все три стороны — на Лапсу, на Ниццу и на Флоренцию — и все туман и светлых точек мало — а туманных пятен много.

Покою — простого, доброго покоя!.. Sechs und fünfzig Jahre und Nichts für die Ruhe gemacht... Я чувствую — добросовестно и sans minauderie, coquetterie¹ — как я много виноват в том, что все идет безумно — а исправить не могу. Сашина судьба решена — говорить с ним напрасно. Его ждет светлая полоса — а за ней что? Armut und schlechte Nahrung².

...Из Ниццы (потому я и не говорил о письмах) — ничего хорошего. Нет брани, но постоянная пытка — «в Россию, кочу в Россию, должна в Россию — здесь ты ничего *не хочешь* устроить, *не можешь*». — Или: «Сейчас, сию минуту — заводите пансион...» — На это сводится все.

Теперь еще раз просто и sans phrases³. — Да хочется ли тебе делать villegiatur'у (или Lemanotur'у) — или просто переехать из дурацкой трущобы — в Паки да и на бок? Поговори с Сашей — обдумай и скажи.

рошая книга, но для чтения с Татой я бы никогда ее не выбрал.) А «Кромвель»? Из Ниццы я пришлю вам «Последних монтаньяров»... Прощайте.

Я уезжаю 7 апреля

8 Париж

9 } то же

10 }
12 Ницца

2 апреля будет воцерковление Огар<ева>.

Вы ничего не пишете о моем бедном друге, докторе и покровителе Левинафанском (франц.). — *Ред.*

¹ без жеманства, кокетства (франц.); ² Бедность и плохая пища (нем.); ³ без разговоров (франц.). — *Ред.*

Вероятно, я поеду во вторник — может, вместе с Сашей. Если нужно, останусь до среды.

До завтра.

293. Н. А. ГЕРЦЕН

2 апреля (21 марта) 1868 г. Женева.

2 апреля 1868. Четверг.

Письмо пришло. Я начинаю собираться, вероятно, 7 или 8 уеду, — может, и Саша со мной. Завтра мы поднимаем Огар(ева) в первый раз. Иногда эти вещи и здоровым не обходятся без обморока. Через неделю он будет ходить в комнате на костылях — через месяц, может, первый раз выйдет. — В Женеву тебе нет ни малейшего удобства приехать — да и нужды нет. — Самое лучшее — держаться старого плана — и приехать во вторую половину мая в Ниццу. Потом в Лозанну или Evian. До тех пор можно сговориться.

Дело Саши решено — остается *subir*¹. Сначала он будет доволен — впереди боюсь... многого — даже денежного недостатка. Выучите Т(ерезину) поскорее по-французски, да и танцевать бы следовало.

Да, Тата, мало что-то света впереди. Огар(ев) падает силами и все глубже вживается в свою душевную жизнь, Генри принесет ему много печали. Саша уйдет в свою семейную жизнь — тоже не легкую... Мне иногда становится страшно за всех вас.

Куда поедет Мальвида — в Специю, S. Terenzo?

Посылаю портрет А. Шенье. Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты — они брали тогда эту позу, — à propos, к портретам — как идет знаменитая копия с портрета Ге? Tristement².

Саша все бегаёт — и, благодаря расстояниям от Лансу, мы почти не видимся. Сегодня он писал Фогту — мирные предложения — и, верно, сделал ему мигрень.

Прощай.

Прочтите с большим вниманием мою статью в ответ Меро-славскому в «Кол(околе).

Цепочку я променяю.

В Швейц(арию) *affranch(issement)*³ 30 сант., а не 40. Зато во Францию 40 — а не 30.

¹ претерпеть (франц.); ² Грустно (франц.); ³ оплата письма (франц.). — Ред.

3 апреля (22 марта) 1868 г. Женева.

Милая Лиза,

очень, очень рад был прочесть твое милое письмо. Я очень скоро приеду, и будем собираться в путь-дорогу от ваших жаров. Здесь у нас теперь хорошо, но ночью бывает мороз. Здесь Саша, он очень хочет тебя видеть.

Сегодня папа Ага будет вставать в первый раз.

Прощай, будь здорова.

Сказывал ли Фед(ор) Ал(ександрович), что во время мистерства Гвалтерио русское посольство делало демарши не только против меня, пока я был во Фл(оренции), но даже против Саши,— разумеется, по слухам.

Вот и все.

295. Н. П. ОГАРЕВУ

5 апреля (24 марта) 1868 г. Женева.

5 апреля.

Все ладно. Прилагаю 400 фр. зол.

Тхорж(евскому) дал 300.

Для Майора 300.

Чек 1 мая 500.

К этим 1500 прибавь 500 за апрель и истраченные Тхорж(евским) около 200 (135 фор. и пр.). Мы — *entre nous* — и вняв совет М(ери) — заказали тебе рубашек, взяв на свой страх. — *Somme toute*¹, у тебя к 1 июню 8000. Если ты думаешь, что еще на ремонт будут тогда нужны 200 фр., т. е. на платье, — делай как знаешь, возьми их у меня. Но затем 500 фр. — *monatlich und kein Heller*² — до сентября 1869. Итак, это в порядке.

Теперь 1-ое, к делу Саши. Говорить с ним — поздно. Он обещал ждать до будущего года и не дожидается до 1 августа. Твоя трансцендентальная спекуляция — об энтитете и пр., — *saго mio*, как всегда, совершенно верна, и в 1843 я подписал бы ее тремя руками. Дьявольская практическая жизнь — вечный тормоз и ирония над спекуляцией — говорит проще и беспощаднее: брак — именно *брак* — а не конкубинат на съезжей или в кирхе — связывает вдвое, без детей — они бы спокойно разошлись — а теперь нет. На сию минуту С(аше) нравится, что она не имеет светского образования; он мне говорил, что он доволен, что она не танцует — и что теперь уже никто не танцует и пр. Все это мы знаем, и источники этого

¹ Короче говоря (франц.); ² ежемесячно и ни гроша (нем.). — *Ред.*

взгляда не новы. Я никогда не танцевал — но никогда такой теории не ставил. Через год он взглянет иначе — и тогда он покраснеет за нее, это будет начало гонения. В чем ресурсы ее, заменяющие светскую жизнь? Ту светскую жизнь, без которой нельзя жить не оригиналам, эксцентриčnostям или маньякам (как мы), он с ней не найдет. Для него нет сюкюрсала в кабаке, да нет и в сосредоточенности. Ты, Огарев, — человек, живущий весь внутри — в богатом и сильном внутри; — и поэтому в сущности — если не шумят и не тормозат тебя — тебе все равно. Ты даешь не много окружающему — и требуешь меньше. Где все это в С(аше)? В дополнение буржуазный кошт. А с детьми — просто плохое житье. Не может же он иметь теперь больше $\frac{1}{5}$ моего дохода.

Предоставь он эту девушку года на два дельному развитию — дай ей тогда свободу выбора — и взглядишь сам, — может, было бы лучше. В чем грешит моя практика — не понимаю.

Второй и вечный вопрос — это N(atalie). Теперь опять — давай пансион заводить или в Россию. Савич и Благово — хотят участвовать в заведении, один дает денег, другой труд — но не знают ни где заводить, ни как. — Затем — «Я не хочу больше лжи», «полный разрыв или официальное житье вместе» — *in extenso*¹, я это сократил. А по-моему, десятилетняя ложь имеет права, с ней надобно считаться. Это тоже последствие (наказание *vulgariter*²).

Я оставил ее в мире и покое, ничего не писал эксцитантного — ну что же причина? — Действительная пока — она боялась, что в Лозанне будет и Саша (хоть это и скрыто), в оппозицию ему — дружба с Володимировой.

Мне иногда хочется просто сказать: «Ну да, я согласен. Делай что хочешь. Хочешь в Россию — посылай за попом и купелью» — и тогда N(atalie) останется покойна.

Далее — куда ехать, что делать после Лозанны? — Согласись, что все это чего легко оправдывает *mauvaise humeur*³.

Затем еду. Буду писать два раза в неделю *almeno*⁴ — и ты также. — И чтоб все привести к слову — что, как ты располагаешь после выздоровления — угомонить питье или нет? Ты только не клянись — в таких случаях ты не держишь слова — а скажи просто — будешь делать опыт или нет. Советую. Ты знаешь, что ты в Женеве приобрел известность по этой части — мне это ужасно неприятно.

Прощай.

Лучше ждать письма — но если что экстренное, можно писать: Paris, Grand Hôtel de Londres.

¹ полностью (лат.); ² попросту (лат.); ³ плохое настроение (франц.); ⁴ по крайней мере (итал.). — *Ред.*

6—7 апреля (25—26 марта) 1868 г. Женева.

A Malvida.

Chères «Mémoires d'une contemporaine»!

Du haut des Alpes — cinquante-six ans vous contemplez avec reconnaissance. Ceux qui ont une si bonne mémoire pour se rappeler un jour de naissance peuvent écrire des mémoires excellentissimes. Tout de suite Tkhorzevsky de courir, Czerniecky de rester sur sa place — renseignements pris — nous sommes tout prêts à imprimer vos impressions et à les vendre (quoiqu'elles n'ont pas de prix assez haut).

La feuille tout compris vous coûtera de 72—75 fr. avec correction.

Quel démon vous a poussée à les écrire en français? Tout ce qui est français est haï en Allemagne. Vous n'avez qu'à préparer votre manuscrit et à envoyer comme essai le commencement.

Maintenant comme cadeau du jour de naissance — quelques numbles requêtes.

1° Ancienne histoire — dites sérieusement comment voulez-vous que je croie à vos éloges d'Olga et de Domengé, lorsque chaque petite lettre montre *qu'il n'y a aucun progrès*. Laissez donc les Renans et les Fichte et prenez la grammaire. Je m'étonne de Domengé.

Secondo. Il faut nécessairement finir la drôlerie très inconvenante avec le piano et la clef. Cela, vous me permettrez d'exiger d'elle.

Terzio. Vu le printemps je vous conjure de lui permettre le grand air — même lorsqu'il est froid. J'ai peur de la *Verweichlung* physique. Pardonnez, amnistiez — et donnez votre bénédiction.

Priez Levier de fuir l'asthme et l'asthmatique. N'oubliez pas que chaque grossièreté que l'on fera à Doloroukoff — est une politesse pour moi.

Charles Vogt est revenu de l'Allemagne plein de récits intéressants.

Bamberger élu pour le *Zollverein*.

Ogareff — sans être élu va bien.

Besaman

Demandez à Olga ce que je lui écris sur la danse.

Мальвиде.

Дорогие «Воспоминания современницы»!

С высоты Альп — пятьдесят шесть лет взирают на вас с признательностью. — Те, кто обладают такой отменной памятью, что помнят о дне рождения, могут писать воспоминания превосходнейшие. Тхоржевский тотчас же засуетился, Чернецкий оставался спокоен. Собрав справки, мы готовы печатать ваши впечатления и продавать их (хотя им и нет цены).

Лист вам обойдется, включая все расходы и корректуру, от 72 до 75 франков.

Кой черт дернул вас написать их по-французски? Все французское ненавистно в Германии.

Вам остается лишь подготовить рукопись и прислать на пробу начало.

Теперь, как подарок ко дню рождения, несколько нижайших просьб.

1. Давняя история — скажите серьезно, как же мне верить вашим похвалам Ольге и Доманже, когда каждое письмо доказывает, что *ни малейшего успеха нет?* Оставьте Ренанов и Фихте и примитесь за грамматику. Доманже меня удивляет.

Secondo¹. Необходимо положить конец неуместному чудачеству с роялью и ключом. Позвольте мне потребовать этого от нее.

Terzio². Учитывая наступление весны, умоляю вас, позвольте ей бывать на воздухе — даже когда холодно. Я опасаюсь физической *Verweichlung*³. Простите, амнистируйте — и дайте ваше благословение.

Попросите Левье избегать астмы и астматика.

Не забывайте, что каждая грубость по отношению к Д<ол-
горукову> — вежливость по отношению ко мне.

К<арл> Фогт вернулся из Германии, переполненный рассказами — интересными.

Бамбергер избран в Zollverein⁴.

Огарев, и не будучи избранным, чувствует себя хорошо.

Besaman

Спросите Ольгу, что я ей пишу о танцах.

¹ Второе (итал.); ² Третье (итал.); ³ измененности (нем.); ⁴ Таможенный союз (нем.). — *Ред.*

11. апреля (30 марта) 1868 г. Париж.

11. Суббота. 184 № G<rand> H<ôtel> du
Louvre.

Все дела привел в величайший порядок, — на этот раз у Ротшил<ьда> все были очень любезны, и даже его секретарь меня утащил к какому-то доктору, который приехал из Египта. Вообще ветер попутный — и это сделал французский «Колокол». Оба Араги и Гартман Мавриций и Бамбергер бисмаркующий и все etc. — любезны до бесконечности; даже Рубинштейн — безобразно — увидев меня в Café de l'Opera, сию минуту (в России нравы не переменялись) потребовал бутылку Редерера — frar<ré>¹, и с венским издателем музыки пил за счастливую встречу. Я ему заметил, что она может превратиться не в особенно счастливую (кафе был полон). Но он разгеройствовался. «Мне, говорит, ни о чем, говорит». В понедельник он дает огромный концерт — он имеет успех. Оперы Кашпер<ова> не хвалит.

В дополнение к мелочам, завтракаю я у Вефура и нахожу, что цены снова сделались естественнее — а достоинство всего, что дают, необыкновенно. Entrecôte с картофелем 2 фр., но кусок вдвое больше, чем у Визиоза, и этого совершенно достаточно от 12 до 7 часов. Обедал я наконец по Жирардену — не стоит ни похвал в «Liberté», ни цены. Вообще я обеды ненавижу.

Пышала Мерчинскому в подарок книжку о Ромме, с которым его сравнивали. Я ее послал на имя Тхоржевск<ого> — забыл адрес Мер<чинского>.

Письмо Тхор<жевского> получил. Скажи ему, что у его знакомого я был сам, но не застал — и он был у меня и тоже не застал. Lacroix немного продает «Колок<ол>», от 20 до 25 экз<емпляров> постоянных.

Что d-r Herz<en> здесь еще, т. е. у вас, или нет?

Forcade (из «Revue des D<eux> Mondes») сошел совсем с ума — его хотят посадить. Ламартин написал статью о Тургенева — в которой воспел его до небес.

Я еду сегодня в ночь или завтра утром. — Отдохну в Марселе и во всяком случае буду во вторник в Ницце. Не жду ничего хорошего — буду писать и

Addio.

Если Саша еще в Жен<еве>, скажи ему, что я ему пришлю обещанный вексель, что он получит золотом деньги, но что

¹ замороженного (франц.).— *Ред.*

за это Рот<шильд> у меня взял 100 фр. на 5000 — но все-таки Саше будет барыш в 400 фр.

Р. С. На почте не взяли книгу Мерчин<скому>, потому что я в ней надписал — а писаное запрещено!!

298. Н. А. ГЕРЦЕН

13 (1) апреля 1868 г. Марсель.

13 апреля. Понедельник.
Marseille. Gr<and> Hôtel du Louvre.

Вот и в Париже побывал, и дела все устроил, и сегодня почевал здесь, — через два часа еду в Ниццу и буду там около 7 часов. Nat<alie> все жалуется на болезнь — да и на тебя, что ты не пишешь. С Волод<имировой> она как-то подружилась, и В<олодиминова> дает Лизе уроки.

Если ты в самом деле Ольге полезна — то вряд нужно ли тебе торопиться. Обдумай все хорошо. Мне жаль, что Саша не хочет сдержать обещания и ждать до Нового года. — Радоваться его судьбе я не могу — она ничем вперед не обусловлена. И трудно пойдет жизнь именно в Флоренции. Нельзя же ей бросить своих родителей, и все-то это падет С<аше> на плечи. Но я не вижу больше сил остановить, так, как мало их вижу в том, чтоб остановить житея Огар<ева> и черные фантазии Nat<alie>. Жизнь трудна, сложна — и тому только хорошо, кто вводит больше разума в нее и меньше увлечений.

Мне иногда сдается, что ты на опыте докажешь это. На чьей-нибудь судьбе надобно бы было остановиться с улыбкой.

Я не совсем верю, чтоб Ольге очень нужно было одиночество — успехи ее (кроме музыки, о которой судить не могу) так же плохи, как и прежде. А так как Огар<еву> теперь уход никакой не нужен, то и надобно все überlegen¹. N<atalie> только и пишет о пансионе, о пансионе... а это фантазия.

Саша тебе, вероятно, отдал цепочку — нравится ли?

Холод ужасный и мистраль — вот тебе и Марсель.

Прощай, целую тебя.

Гартман кланяется и Степан Араго тебе, в Париже все были очень милы, наши акции опять поднялись grâse² французскому «Колоколу». Я встретился с Рубинштейном — он в воге в Париже. Ничего, даже выпил за мое здоровье — à la russe³.

¹ обдумать (нем.); ² благодаря (франц.); ³ по русскому обычаю (франц.).— Ред.

13 (1) апреля 1868 г. Марсель.

Lundi, 13 av<ril>.
Marseille.

Chère Malvida,

J'ai parlé à Paris avec deux libraires (La Croix et Dentu) pour donner en commission vos mémoires — c'est à dire une partie — ils acceptent volontièrement.

J'ai passé les 3 jours à Paris très bien. Nous sortons un peu de l'oubli de 1864 — et savez-vous qui m'a fait un immense service? — c'est le D<octeu>r Kroupoff. Il n'y a pas deux opinions sur ce pauvre diable — tout le monde en est content — les plus fous — plus que les autres. Envoyez-moi à Nice la traduction de Penisi.

J'ai parcouru le dernier ouvrage de Renan (Questions contemporaines) — il y a une vingtaine de pages sur 200 — qui sont bonnes. Quand est-ce que vous abandonnez ce savant, doctrinaire, ennuyeux, ni libre, ni esclave... idéaliste plus que vous? Si Kinkel avait des talents — Renan lui ressemblerait. Donnez donc q<uel> q<ue> chose de plus mangeable à Olga.

Secret. Et à propos; en toute confiance — vous ne m'en voulez pas (ni à moi, ni aux autres) de vous avoir écrit dans ma lettre de Genève — sur la clef musicale — et l'orthographe sans clef? Alex<andre> m'a donné une savonnade (ne le dites pas) — mais je veux être franc — lorsqu'il y<a> utilité de l'être. De grâce, ne montrez pas de dépit. Si les enfants commencent à peser les mots lorsqu'ils parlent avec leur père — cela sera un malheur.

Je vous serre la main.

На обороте: А Malvida.

Перевод

Понедельник, 13 апреля.
Марсель.

Дорогая Мальвида,

в Париже я говорил с двумя книгопродавцами (Лакруа и Дантю) о том, чтобы дать им на комиссию ваши воспоминания — т. е. часть тиража, — они охотно согласились.

Я провел три отличные дня в Париже. Мало-помалу мы выходим из забвения 1864 г. — и знаете ли, кто оказал мне громадную услугу: Доктор Крупов. Об этом бедняге нет двух мнений — все им довольны, и наиболее сумасбродные — больше всех. Пошлите мне в Ниццу перевод Пенизи.

Я пробежал последний труд Ренана («Современные вопросы») — на 200 страниц наберется страниц двадцать хороших. Когда вы отвернетесь от этого ученого, доктринера, наводящего скуку, ни свободного, ни раба... и идеалиста еще большего, чем вы? Если бы Кинкель обладал талантами — то Ренан был бы похож на него. Давайте же Ольге что-нибудь более удобоваримое.

Секретно. И вполне конфиденциально — вы не сердитесь (ни на меня, ни на других) за то, что я писал вам из Женевы — о музыкальном ключе и об орфографии без ключа? Александр задал мне головоломку (не передавайте ему) — но я хочу быть откровенным, если это приносит пользу. Ради бога, не выказывайте неудовольствия. Если дети, обращаясь к отцу, начинают взвешивать свои слова, то это несчастье.

Жму вашу руку.

На обороте: Мальвиде.

300. Н. П. ОГАРЕВУ

13 (1) апреля 1868 г. Марсель.

13 апр(еля). Понедельник. Марсель.

Вчера приехал я в Марсель — быстро, в 17 часов, без отдыха, но худшее — в вагоне, набитом битком, и в бизу не хуже вашей. Сегодня в 12 еду в Ниццу — это дорога скромная, и на ней «яичницы» не бывает. (Я предполагаю, что ты знаешь это превосходное выражение, открытое Жирарденом. Инженер железной дороги телеграфирует начальнику: «Пришлите скорее докторов — il y omelette»¹.)

Еду все-таки с тоской. Ты иногда говоришь о моем в сущности безотрадном взгляде на жизнь — да как же иначе? Я спасаюсь легкой и поверхностной удободвижимостью, которая развлекает, да работой, которая занимает. Моя жизнь, твоя, детская — мне не нравится. Долею я $\frac{1}{2}$ причины всего — хочу сладить, поправить и стою exactement² так же, как в Orsett hous'e и других гаузах. Думать, что так пойдет еще десять лет — а там и вынесут самого — это ужасно — и уж конечно не тебе — а мне следовало бы пить горькую чашу. Я знаю одно средство — это испуг Россией, — впрочем, напишу что будет.

Отдай записку Тхоржевскому.

Вчера я зашел вечером в «Альказар» — и сел возле молодого блондина. Мы с ним разговорились — умный, простой

¹ здесь яичница (франц.); ² точно (франц.). — *Ред.*

взгляд его меня удивил. Мы горорили обо всем на свете. «Вы, мне кажется, поляк?» — сказал я. — «Нет, швед — и первый раз путешествую». Тут «сева» еще не истощилась и не изошла. Он говорит что когда он приех... в Берлин — то ему постоянно мерещилось, что это город в осадном положении и что он арестован. А Бамбергер-то! «Я вздохнул свободно только в Женеве», — прибавил он.

Ну вот тебе и смесь.

Что костыли?

Репап скучен.

Я потерял твое письмо, вероятно, упало, снимая пальто. Но в нем не было ничего.

Иду есть бульабесс — и в вагон.

В «Liberté» написано, что в Польше готовятся огромные вечера — в дар генералам. Не пропусти этого.

Успех «Крупова» в Париже очень велик — помирают хочут да и только. Каков старина!

301. Н. П. ОГАРЕВУ

15 (3) апреля 1868 г. Ницца.

15 апреля. Вторник.

Ницца, 27, Prom<enade> des Anglais.

Длинное письмо твое получил вчера вечером — и хочу на него отвечать подробно. Я нашел N<atalie> нездоровую — и совершенно по своей вине; что я тебе расскажу, невероятно. Д<окто>р ей прописал мазь, производящую прыщи на спине, и велел продержать ее около 5 минут. N<atalie> продержала несколько часов — отчего мазь разъела спину. А Володимирова — вместо спуска — посоветовала приложить мед с чем-то, сделались чирьи. Но замечательнее еще, что, намазывая мазь на холстину, N<atalie> не вымыла рук и так легла, в силу чего сделалась сыпь на руках и на щеке. — Старик д-р Бернадский только смеется от удивления. Прыщи прошли — но чирей остался. После этого предисловия можно ли серьезно говорить о переписке, вновь поставившей на краю пропасти Лизу? За переписку ей стыдно — она говорит, что это писано под влиянием болезни и скуки. «Но ведь и Ог<арев> болен и скучает — однако...» Ну и раскаяние и пр. — а в фонде то же и то же. Месяц пройдет, вероятно, тихо, а там опять *аки*.

Влияние Вол<одимировой> прескверное, она в отместку Флоренции — насплетничала и наврала с три короба. А сама говорит: «Я не могу удержаться, чтоб не лгать, когда рассказываю». Она представила Сашин брак как казнь ему и пуще всего разбранила его, Мейзенбург и Терез<ину>. Все, разумеется,

принято. Самое несчастное то, что я не могу сказать, что мнение ее о браке Саши — не в выражении, а в сущности — неверно. И тут я невольно перехожу ко второму вопросу. Нет, тут мы никак вполне не можем согласиться, и если ты не сделал своего *effort suprême*¹ на Сашу — то жаль. Видеть молодого, деятельного человека, идущего на пустую и глупую гибель, превосходит толеранцию и апатию.

Ты, Огарев, во всем *durch und durch*² неправ — даже в твоём унижении себя. Но оставляя все — я говорю, что ты живешь жизнью *своей*, что ты вечно занят (положим, апокалипсисом и без толку) и в минуты протрации или устали — ищешь сил и освеженья не на людях, а в вине. Да и при этом ты в 28 лет не вынес бы 28 дней твою лансийскую обитель. У тебя сверх того бездна кротости и снисхождения. Теперь я спрашиваю, где же у Саши хоть один элемент, годный на борьбу, — на борьбу жизни при такой обстановке; да еще из-за девочки выйдут ее родители. Все твоё рассуждение о сестрах мужа — в противоположность сестрам замужней сестры — мне кажется неосновательным, и тут равно можно решать вопросы по + и по —. Но что строй всей их жизни испорчен вводом гетерогенного элемента, это ясно. Я тебя также спрошу — где ты нашел «естественное простодушие»?.. И находил ли его? А соглашение *inter pares*³ — эквилибрация — как ты называешь, при известном развитии есть. *Inter pares* не значит по происхождению, даже по состоянию — а значит иметь общую историческую базу и что-нибудь *общее* в внутренней жизни. Искал ли ты ее *серьезно* в обоих случаях твоей жизни в 1837 и в 1850? и в 1857? Когда есть *это общее* — может выйти трагедия как у меня — а не драка, не перемежающееся обручивание и не та психическая даль, в которой ты живешь. Я Саше говорил — я Тате писал на днях. Затем с стесненным сердцем мою себе, как Пилат, руки. — Брак его — опаснее перехода через *Mont Cenis*.

Еще потерянная баталья! И контузия, от которой боль будет чувствоваться десятки лет.

Насчет твоего желанья видеть всех я никогда не сомневался — и не так ставил вопрос. Перечитай — а я перейду к другому. Что к концу мая я N<atalie> и Лизу отсюда увезу — это верно. Но надолго ли и легок ли будет визит или съезд *Самр d'ог* — между Женевои и Лозанной — не знаю. Сделаю что могу. Лучше всего, если б Тхорж<евский> нашел что-нибудь путное в Пранжен, Нуон, даже *Coppet'e*. Лозанну боюсь — и еще в Вевей едет Жемчужников с своей чахоткой. — Кроме Швейцарии, жизнь все же невозможна.

¹ последнего давления (франц.); ² насквозь, совершенно (нем.);

³ между равными (лат.). — *Ред.*

Как же ты мог вообразить, что письмо от малоросса? Ничего общего, ни малороссийских оборотов, ни украинских восторгов. Петербург и Петербург. Печатать необходимо — можно оговориться. Если в самом деле Малоросс пришлет — то я готов издать русское прибавление *1 мая* одно, без французского. Если ты того же мнения. Пожалуй, даже одно это письмо¹ — он обещает продолжение.

Гулевич, вероятно, в Женеве — это страшнейшая шваль — как вся банда, находимая тобой милыми юношами, — Венерики — Эллидики — Касатики, — Мечники. Мое непреодолимое отвращение — оправдывается ежедневно.

И прощай.

Мечникову передай, что я прошу его о *четырёх* листах, но что невозможно же вперед сказать, и потому — можно, если нужно, прибавить *несколько страниц* — два листа к 1 июню, два листа к 1 июлю.

302. М. МЕЙЗЕНБУГ

Середина апреля 1868 г. Ницца.

Chère Malvida,

Vous êtes comme Guizot, vous assommez par la réplique et comme Guizot — vous y mettez cette force d'intolérance qui emporte par la partialité même.

Moi — vieux Gorgias d'Athènes j'accepte en murmurant entre les dents (qui restent): «S'il fallait fermer le piano — certes cette affaire coercitive n'incombait pas à Olga — mais au Vice-Roi lui-même (c'est vous, Sire)».

Si vous voulez apprivoiser à la lecture une personne qui ne l'aime pas — commencez par ôter Renan — et donnez Chatrrian, Schiller, les mémoires des femmes célèbres.

Et lorsqu'on parle du soleil on en voit les rayons. Comment osez-vous parler du payement — payez lorsque vous voulez ou ne payez pas du tout, payez par les exemplaires vendus. Moi j'avance ordinairement à Czerniezky — et envoyez à Genève le commencement. Uraca... Uraca! Oui — le mariage d'Alex<andre> est un grand malheur, tant va le D<octeu>r aux fiançailles qu'à la fin il se marie... et où la nécessité, ou la raison?

Je ne prévois rien de bon.

Et Metch<nikoff>. Vous vous plaignez seulement du doigté qu'il a dur au piano...

Je suis d'une humeur massacrate, le temps est lourd à la pluie — mieux vaut se taire.

¹ Но тогда этого будет мало — нет ли чего у тебя?

L'art<icle> Mazade est bon mais *oberflächlich* et à la fin esclavagiste — et le mien contre Mieroslawsky.

A. H.

P. S. 1°. Je vous envoie le «Temps» et le «Siècle» pour Alex<andre>. Lisez donc à haute voix la magnifique plaisanterie de «Villemot».

2°. Après avoir fait l'inspection et une étude de la belle Tartare — je suis resté de mon opinion.

На обороте: Malvida

Baronessin

v<on> Meysenbug.

Forme des billets 1789 jusqu'à 1805.

Перевод

Дорогая Мальвида,

вы совсем как Гизо, вы убиваете возражениями и, подобно Гизо, вы вкладываете в них всю силу нетерпимости, которая увлекает даже своим пристрастием.

Я же — старый афинский Горгий, — соглашаюсь, бормоча сквозь зубы (те, что остались): «Если нужно было запереть рояль — то, понятно, что это принудительное дело должно было быть возложено не на Ольгу, но на самого вице-короля (т. е. на вас, ваше величество)».

Если вы желаете приохотить к чтению особу, не любящую это занятие, то начните с того, что уберите Ренана — и дайте Шатриана, Шиллера, воспоминания знаменитых женщин.

А когда говоришь о солнце, то видишь его лучи.

Как вы смеете заикаться о плате — платите, когда хотите, или не платите вовсе, платите проданными экземплярами. Я обычно выдаю аванс Чернецкому, и шлите начало в Женеву. Урака... Урака! Да, женитьба Александра — большое несчастье, доктор повадился ходить на обручение, там ему и жениться, а какая в этом необходимость, где смысл?

Я не предвижу ничего хорошего.

А Мечников? Вы жалуетсяь только на то, что у него жесткий удар на рояли...

Я в убийственном настроении, атмосфера тяжелая, к дождю — лучше замолчать.

Статья Мазада хороша, но *oberflächlich*¹ и в конечном итоге он защищает крепостничество — а моя статья направлена против Мерославского.

A. Г.

¹ поверхностна (нем.). — *Ред.*

Р. S. 1. Я посылаю вам для Александра «Le Temps» и «Le Siècle». Прочтите вслух великолепную шутку Виллемота.

2. Осмотрев и изучив прекрасную татарку, я остался при своем мнении.

На обороте: Мальвиде,
Баронессе ф(он) Мейзенбург.
Форма записочек от 1789 до 1805.

303. Н. П. ОГАРЕВУ

17 (5) апреля 1868 г. Ницца.

17 апреля. Пятница.

Журналы необыкновенно интересны. Как-то пульс старушки поднялся, и даже «Голос» буянит не в свою голову. В нем две резкие статьи. Далее — поручи Тхорж(евскому) достать «Revue des Deux Mondes» 1 апреля и прочти статью Мазада о России. Несмотря на пошлое, шляхетски «вестовое» окончание — статья очень интересна. Мне теперь лафа — все уехало или уезжает — и в casino человек пять и сотня журналов. Ох, следовало бы теперь поработать — где-нибудь на виду. В Париже — я увидел вновь — было бы легко поставить барку по теченью... но... частные дела, может, больше всего мешают всему. — Вчера Тата писала N(atalie) письмо, очень умное, для нее начинается совершеннолетие в самом деле — она оглядывается кругом и говорит чуть ли не сквозь слезы: «Выхода для всех нас — я не вижу — и потому не делаю ни планов, ни проектов». — Вот куда мы привели молодежь нашу. Ей брак Саши противен — я это чутьем флерирую. Она недовольна отношением Ольги и Мейзенб(уг) — она боится N(atalie) без малейшего чувства ненависти, ее письмо rather¹ теплое. Пусть хоть ее спасет разум — в нем-то и выход.

У N(atalie) сильнейший флюс. Стало, важных разговоров быть не может. Но все то же. Иногда мне кажется, что очень было бы хорошо всех устроить и отпроситься года на два в Америку одному — если нельзя воротиться в Россию. Война мало ли какие пути раскрывает. Без этих двух супап, право, не знаю, что делать. Женева невозможна, Лозанна — глупа, от немецкой Швейцарии N(atalie) и руками и ногами (я говорю не о шести неделях свиданья, а потом).

Прощай. — Погода здесь нехороша — с 9 утра до вечера солнце палит ужасно, просто жжет, — в тени холод, ветер резкий, и вечера совершенно холодные. — Это сбор всех условий для простуд.

¹ довольно (англ.). — Ред.

Воскресенье, 19 апреля.

Записочку от 16 получил. Пожалуйста, повнимательнее разбери рукопись Мечникова, в начале легче поправить и направить — да и на его галльский язык посмотри. Буде ладно — то я за полученное готов ему заплатить полцены до расчета после печати (разумеется, если он будет просить).— Неужели нет никакого слуха о моей статье по польскому делу? Хоть бы от Михаила Вевейского? Книгу Мерчинск(ому) послал с Владимировой — скажи ему, чтоб он ее окурил — а то нимфомания пристанет, пожалуй. — Я напишу несколько строк о статье Мазада. Если устаешь — работай меньше, скажи, сколько примерно можешь дать «Колок(ола)» к 5 маю. — Я дополню.

N<atalie> все еще больна и зубами и спиной. — Несмотря на ее желание на первый случай мира — я решительно нахожу, что она нравственно хуже, чем я оставил. Отыскивая причину, я нахожу только две: отсутствие детей, которые ходили учиться, и одиночество, наводящее тоже на володимировскую дорогу. Вот что называется недостаток всякого внутреннего наполнения (о котором я столько писал). Теперь N<atalie> очень хочется ехать прежде в Альзас, посмотреть школы в Страсбурге, потом в Швейцарию, — так как это важности не имеет, я готов. К Тате не писал еще — жду ее письма. Саша, разумеется, приехал.

Что Давид — остается или нет? Я был у Громора в Париже. С ним сладить можно. Работать на свой кулак он не может — но делать черную работу очень. «Кто виноват?» у него готов — и какое счастье, что он похвастался изменением заглавия, — он хотел назвать, пользуясь модой на «Крупова», «Случай из практики Крупова». — «Я вам сделаю процесс en faux»¹, — сказал я ему шутя, — но слушаться меня он будет как негр. У меня носится в голове проект переводных изданий. Я в Париже видел разные возможности.

20 ап(реля). Понедельник.

Получил отписки из флорентийской вотчины — все хорошо. Но вряд Тата приедет ли прежде июля. По крайней мере N<atalie> не сделает ничего.

Что костыли? Лиза целует тебя.

Несколько слов о Мазаде и 1-ая статья о Якушкине готовы. Но Якушкин, вероятно, пойдет в июньский №.

¹ за подлог (франц.). — *Ред.*

20 (8) апреля 1868 г. Ницца.

20 апреля. Понедельник.

Вчера вечером получил твое письмо. Тата писала как-то *vaguement*¹ поклон. Кажется проще было бы написать на другой день два слова — как делаю я — но вряд научишь ли вас этому.

Посылаю вексель в 5000 фр. Ты его получишь *sans frais*², иначе не бери, и *золотом* — но я Рот<шильду> за него заплатил 100 фр. и их поставлю тебе в счет. Положи их у банкира за какие-нибудь проценты — и не касайся до последней минуты.

По части вашего расхода вам приходится *en gros*³ 5500 *плюс* фортепяно и Панофка — *минус* Тата, если она уедет, и за Туца. О Паноф<ке> и форт<епьяно> напиши. Их я пришлю русскими банковыми свидетельствами. — У Ротшильда я заказал, не плативши, на 14 000 акций Ломбардо-Австрий<ской> железной дороги, стоят они 12 000 (вот 2 т<ысячи> барыша) и дадут не меньше 6%. Это лучше всяких пересылок. Русские деньги до десятого июня брать нельзя.

Аминь.

Володим<ирову> я видел раз — говорил с ней — и остался при своем мнении, т. е. что все с^ее и твоей стороны было глупо. Если б Мейз<енбург>, как старшая, умела взять влияние, то она с Татой спасли бы ее, натолкнули бы на дело. Она уехала в Женеву.

Отгадать вещь не берусь. В 8 фр. ничего нет, кроме бюста Пушкина. Если ты его взял — то я его дарю Тате. Но если что другое — напиши. Когда устрою дом — Тата привезет с собой.

Прощай.

Батанов лежит в Вене, и в венерической больнице, — за просрочку места лишился — вот наказанье-то быстро хватило.

¹ неопределенно (франц.); ² без вычета за издержки (франц.); ³ в общем (франц.). — *Ред.*

20 апреля. Понедельник.

Милая Тата,

твое письмо к Nat(alie) навело меня на разные думы. Оно показывает, что ты не летами, а и духом вступила в совершеннолетие и начинаешь разглядывать шероховатую сторону жизни. Это понимание на тебя кладет ответственность — и потому я был прав, говоря тебе в прошлом письме, что, может, на твоей судьбе улыбнется нам светлый закат. Дело Саши я считаю проигранным — он три (а может, и больше) раза шел на гибель упрямо и притом холодно-влюбчивым характером. Симптомы были те же — он говорил об маленькой, пустой Урике так, как Мейзенб(уг) об Ольге, он мне писал о Берте, что она гений. С Урикой он был немцем и все мещански-немецкое отстаивал, с Бертой — enlightened gentleman¹, а теперь защитник масс и работников, проповедующий прогив танцев. Как миновали Урика и Берта — ты знаешь. Большой надежды на прочность нет — а когда цепь будет на шее, она останется. Вот, Тата, тут и учись, что несчастья почти всегда — простое последствие, люди это называют наказанием — а оно просто силлогизм. Ты промочила ноги — у тебя насморк. Если же ты знаешь, что у тебя десять раз насморк был после мокрых ног, то пенять нечего, и ты виновата перед собой. Я хотел остановить Сашу — только на время, он нашел это справедливым — а исполнить не хочет. Мне страшно, я отворачиваюсь и не могу — меня это сосет под ложкой.

Точно так же всё неустройство жизни моей и Ог(арева) — последствие, но совсем иных элементов. Для нас семейная жизнь была на втором плане, на первом — наша деятельность. Ну и смотри — пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала. Избалованные окружающим, в борьбе с миром традиции мы были, так сказать, дерзки, думали, что все сойдет с рук, были ужасно самонадеянны. Ну и срезались... должны были срезаться, так или иначе — это неважно. Напр(имер), Огар(ев) мог не ломать ноги или сломать руку — но несчастье его совершенно последовательно, и чувство этого прибавляет к горечи горечи. — Больно мне было слышать от Саши обвинения в настоящем сумбуре (и я на его месте не сделал бы, может, его)... но он прав.

Все это ведет к вопросу — где же выход?

¹ просвещенный джентльмен (англ.). — *Ред.*

Конечно, один из самых натуральных — это если б ты вышла замуж, — Ольга жила бы с тобой, и мы могли бы все географически сдвинуться. Но не я стану тебя подталкивать.

Если б Nat<alie> решительно и резко хотела завести школу в Швейцарии — через год можно бы примкнуть к ней и тебе. Но для этого надобно психическое сближение, которого нет. Здоровье Nat<alie> плохо, Лиза опять одна и тотчас больше шалит. До сих пор — ты ей не была полезна, и, вникая в дело, я виню тебя. Ты бралась кель-тель учить, ходить, — бросила (как все, что ты делаешь), забывала и действовала иронией. Когда к этому прибавить раздражение N<atalie> — то это почти все, что надобно для порчи ребенка. А потому для воспитания нужен тебе труд самовоспитанья.

Съедемся летом — пожалуй, позже, в июле, августе, в Швейцарии и посмотрим, что можно. Мне кажется, что во Флоренции вам жить будет трудно. Это не конец, продолжение после твоего ответа.

Прощай.

Р. С. Владимирова оставила мне премилую книжку для Ольги о зверях и тебе рубашку, шитую шелками. — Как их переслать, не знаю. Т. е. книгу-то легко (я ее читаю с Лизой), но рубашку нет. Благов оставил Дрепера (амер<иканского> Бёкля) — тебе было бы полезно.

Прочтите вместе статью Вильмо.

Ольге буду писать следующее письмо. Обнимаю ее. Ну когда же она начнет учиться медицине? — Сапа мог бы приговлять.

На обороте: Тате.

307. Н. П. ОГАРЕВУ

22 (10) апреля 1868 г. Ницца.

22, среда.

Очень рад, что квартиру Тхор<жевский> нашел. Место немного бойкое и близко к городу, но опасаться нечего и, если окажется неудобным, я ее через 6 месяцев сниму у тебя — для этапа, Тхорж<евского> и склада «Кол<окола>» и книг. Жаль, что ты не мог видеть прежде. А твой Dupouet — мерзавец: через два года больного постояльца не гонят в срок. Не нежничай с ним при отъезде.

Подумай теперь о помещении вне дома Генри. — Я советовал Сапе и Туца через год отдать в правильную школу. Учреди около себя тот «отрицательный покой», о котором ты пишешь, и не теряй из виду, что с Г<енри> ты ничего дома не сделаешь.

Сашино дело — я похерил и писать не стану больше; от Таты довольно длинное письмо. Сквозь строк я вижу, что она разделяет мое мнение насчет его брака. И не в гнев тебе — я уверен, что настало время, когда *разум* деятельнее вступит в устройство частной жизни — и «амур проклятый» не будет играть первую роль.

О «дуване» польских земель я послал — ты можешь не пропускать. Я торопился с приб(авлением) для корреспонд(ентов) — надобно их заманивать. Элдырина «Современность» жду. Если она хороша, надобно об ней в «La Cloche» сказать. Юмор Мечникова будет хромать.

Если ничего другого нет в leading-article — возьми мою *entrefilet*¹ о Мазаде — я его пришлю на днях. Меня ужасно интересует ответ Мерославского. Тут можно и далее пощекотать вопрос. Ну, а ответ Бакунина? — Мечник(ова) статья не может и не должна идти в 15 мая — а в 15 июня. Если много места, я пришлю «Якушкина» (гл. II, отдел 1). — Что за милейший необыкновенник Чернецкий — *der edle Exploitator*². В чувствительном объяснении в день отъезда он просил к 1 мая 500 фр. *вперед* — я сказал, что это невозможно, но что я готов дать ему — *во все стороны* — 500 из последней 1000, подаренной мной или отложенной для него. Он помялся и согласился. Работой завален. Делает мало. Вчера от него письмо, просит к 1 мая — не 500, а 1000. Я решительно не дам больше 500. Он оборвет меня. — А гонор туда же — и бескорыстие.

Позже.

Лиза благоухает и процветает как крин ³/_сельный. Ей физически ниццкий климат сделал большую пользу. Только глаза красны — это от злодейской яркости солнца. Она шалит много — учится вяло (потому что опять одна), но умна и по-прежнему говорит сентенциями и отборным слогом — но *hélas*³ не по-русски. Завтра она получает на гимнастике приз за успехи. К 1 мая здесь все закрывается — школы, ³/₄ лавок, театры, рестораны. К концу мая — и мы выедем, настоящего плана нет, и хотя N(atalie) угомонилась, но я — главный промотор длинного свиданья на Лемане — начинаю уступать скептическим мыслям. — К тому же и Пранжен дорог — я сделал им предложение.

Затем вот какую новость я тебе сообщу. Пустая записка Бамбергера подала мне мысль спросить его, не берется ли он официально узнать, имею ли я право циркулировать по Германии в качестве швейцарского гражданина и защищает ли

¹ газетную заметку (франц.); ² благородный эксплуататор (нем.); ³ к сожалению (франц.). — *Ред.*

меня натурализация от экстрадиции. Если да — то я потребую schriftlich¹. Я с большим любопытством взглянул бы на немецкое движение (вижу твое изумление перед удободвижимостью и буддоистический ужас).

Насчет митинга в S. James Hall и речи Росселя ты, вероятно, все знаешь. В «Голосе» два плохенькие фельет(она) Кельсиева. — Благов пишет из Парижа — он тоже не знает, куда склонить путь.

Кажется, довольно.

P. S. Скажи Мерчинскому, что я теперь читаю большое сочинение Дрепера — и, несмотря на его отзыв, не совсем доволен. План хорош, и есть превосходные места — но широкой Бёклевской реки нет, — и он иногда просто замирает по части религиозного консерватизма и американского лицемерия.

Получил ли он «Rom'a»?

А «Базарова» бросить не могу — я его переделаю в письма — и оставлю на год в портфели. Я из нее откинул aspérité² — и должен присягнуть, что это не только истинная статья — но полезная. Жаль, что я *не ее* читал Мерчинскому.

Addio.

308. Н. П. ОГАРЕВУ

24 (12) апреля 1868 г. Ницца.

24 апреля. Пятница.

Письмо твое я проштудировал — материалов и на ответ и на иное у меня бездна. Начну с ответа. Не жить в Париже, а пожить было бы очень недурно, мы получили бы там легко такой вес, которого Вырубов никогда не получит и который составляет мертвый капитал для Тургенева. Печатать «Колок(ол)», разумеется, след(ует) в Женеве. По спорам, бывшим у Бамб(ергера) с его гостями, я понял, что у одной части jactance³ побился, что овладеть мнением двух-трех журналов легко — но лично, подталкивая, повторяя. Все вместе удвоило бы силу влияния дома. Я пишу только отчасти. Не занимаясь вовсе француз(скими) делами, как мы это делали, каждому жить там можно. Но тебе передвигаться не стоит. Может, я и в самом деле поеду в Берлин и даже в Вену. — Тебе покидать Женеву никак не советую. Ты везде останешься слишком одинок и беспомощен — да и что же мне Женева, я ее ненавижу за нее самое и за шайку русских негодяев (сейчас будет тебе новый пример).

¹ письменно (нем.); ² шероховатость (франц.); ³ бахвальство (франц.). — *Ред.*

Как не найти мне места где жить и где устроить угол для N<atalie> с Лизой — внутреннего устройства нет — а без него я парализован. Зачем же мне ехать на житье именно в тот город, в который нельзя по нашим сложным обстоятельствам? И сверх всего не будет ли верхом смешного — мой приезд и твой уезд в Nion? (Я говорю не о свиданье на месяц, а о постоянной жизни.) Может, N<atalie> в своем retrospectiv'ном гонении и права — но тут ничего не поправишь. Ты свою жизнь теперь сделал официальной — разумеется, твоя болезнь и присутствие детей, т. е. Генри и Туца, запутало еще больше — или раскрыло всем без нужды, в чем дело. Выхода нет — будем нести рядом с другими и этот крест. Нести его N<atalie> не поможет. Но вызывать на свою голову смех даже дураков — я не могу. Мало ли что есть, кроме Женевы, от Лугано до Страсбурга. Хоть бы chemin faisant. Тате сделать человеческую жизнь — один я не могу, а на N<atalie> не надеюсь. Ну вот оттого-то (при всем прочем) иной раз и хочется в Америку — лишь бы года два отдохнуть.

 Далее вот тебе на обсуждение случай. С тех пор как я воротился, я не видал ни одного русского, кроме Жемчуж<никова>, — имени сопли Вормса не произносил и не думал о нем. Месяца три тому назад я его встретил у Благова и спросил Б<лагова>, как он знаком с ним? Далее сказал, что он умирает, — сказал это и Гулев<ич> и др. — и это все черт знает когда. — Третьего дня я получил от этого негодяя ругательное письмо, в котором он говорит, что я, его компрометируя, рассказывал, что знаком с ним, и советует доносить прямо в III отдел<ение>. — Все это с свойственным этой сволочи тоном. Я ему не отвечал. Если я его встречу, и близко, я его изругаю по-матерно. Но ведь он может написать и второе письмо... Как же с вашей точки Христа Спасителя следует поступить? Верь мне, что до тех пор, пока я этих господ разом под именем Базарова или иначе не хлысну в рыло — они меня не оставят в покое, их зависть душит и пьянит, jeder Zoll¹ их — квинтэссенция русских подлецов. Я не отвечаю за то, что их не натравливает какой-нибудь шуваловец.

Журнал Эл<пидина> — просто посредственный, одна статья о Тимашеве хороша. Цена очень дорога. Выходить он не будет. Может, я напишу несколько строк для франц<узского> «Кол<окола>», — Гулев<ич> (один из худших) говорил, что наш монополь мешает им писать — ну вот монополь снят — увидим.

¹ каждый дюйм (нем.). — *Ред.*

От Ал<ексея> Ал<ексеевича> есть письма, он очень жалеет о тебе. На год долг отсрочен. Опять говорит, что придет в продолжение года.— N<atalie> сердится на Сат<иных> за то, что мало тревожились о тебе, — не странно ли?

Что Фогт врет о Бакун<ине>? Какой журнал и где же будет издаваться, разве в Элпидовке (статья о Европе, может, его)? А моя статья о Польше провела между нами ту черту, которую я давно хотел обозначить.

Жду твоего ответа.

Ты спрашиваешь о поднятом тоне газет — да читай ты бой с клерикальной партией и во Франц<ии> и в Австрии — рядом с бряцаньем оружия и ирландскими делами. Это не летаргия.

Статью о Мазаде пошлю завтра Пану — поправляй, урезывай самодержавно.

На это немедленный ответ.

309. Н. А. и О. А. ГЕРЦЕН

26, 28 (14, 16) апреля 1868 г. Ницца.

26 апр(еля). Воскресенье.

Я, милая Тата, как самый учтивый отец, отвечал тебе в прошлом письме на половину твоих вопросов и рассуждений сутки прежде получения твоего письма. Прибавлю слова два. Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии — а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей — в мере. Вспомни, сколько я писал и проповедовал о том, что любовь не должна играть главную роль, а *одну из* главных ролей в жизни. Даже вообще все *личное* должно быть балансировано *общим* — иначе беда. Мне кажется, что если б у тебя было больше настойчивой деятельности, ты могла бы согласнее, стройнее устроить жизнь, чем Саша (Ольги характер я не могу еще ясно уловить, Лиза скорее ближе к тебе, но нервна). Потому то я и сказал, что твоя жизнь может светлее устроиться.

Теперь перехожу к наружному устройству.— Nat<alie> очень хочет до Швейцарии съездить в Альзас и посмотреть школы. На это пройдет весь июнь. Вот, стало, тебе месяцем больше можно остаться с Ольгой.— Ог<арев>, мне кажется, тоже не очень торопит. Он жалуется, что нога починенная — плоха. Весь вопрос, как тебе приехать и куда? с кем? Я могу приехать навстречу в Domo d'Ossola. У меня есть еще какой проект. Бамбергер в Берлине депутатом в Zollparlament'e —

я ему поручил спросить — какие права я имею в Германии, — я бы сделал прогулку, и, может, с тобой. Да и в последний мой проезд я видел, что много можно хорошего сделать по части «Кол(окола)» в Париже. Зима прошла бы в разъездах. Всё это планы, которые могут, во-первых, разрушиться войной, если она будет, а во-вторых, без того разными неожиданностями. В Италию мне не хочется. — В продолжение этого времени я хотел бы приискать дачу или дом, где бы можно было отдохнуть. Это будет зависеть от согласия твоего и Nat(a-lie).

В Женеве новый журнал русский издает Елпидин, я приплю 1-й лист, ничего, говорят, Бакун(ин) участвует. Меро-слав(ский) будет мне отвечать на мою статью — увидим.

Не знаю, кто меня называл аристократом — и тебя тоже, — но конфузиться этим нечего. Идет это все из той же гулеви-чоутинарни и серно-елпидовщины. Все эти люди — бездарные и долею безденежные — исходят завистью и воображают, что социализм состоит в том, чтоб им давали деньги, а демокра-ция в том, чтоб с ними жить как *ami соchon*¹, нарочно гово-рить их жаргоном и пр. Все имеющее достоинство, удаляющееся от vulgar, они называют аристократизмом. — «Полают и от-станут!»

Некто доставил серьги и булавку — они отосланы по при-казанию Волод(имировой) Беку.

28. Вторник.

Сейчас получил письмо от Ольги и от Саши. Одеяло ов может кушать на здоровье. Статья его оканчивается дерзко, — да и грева-то в Женеве кончилась не так весело: когда работ-ники явились на работу, хозяева отказали в работе «зачин-щикам» — тогда все пошли вон из мастерских. Эдакие соба-ки — хозяева. Далее я не знаю что. Скажи Саше, что надобно резкие места оттушевывать.

Посылаю «Фигаро» с уморительной статьей об обеде Сен-Бёва и новый русский журнал, в котором статья о положении Европы, — очень хорошо. Думаю, что Бак(унин) ее писал, и не понимаю, зачем секретничает. Не бросайте эти статьи — они очень милы.

Посылаю Мейз(енбуг) статью о ее брате.

Chère Olga, je t'écrirai plus longuement à toi et à Malvida dans deux, trois jours — je te remercie pour ta lettre, elle m'a beaucoup plu — mais tu ne me dis rien à propos de la danse — demande franchement l'opinion de Mestch(ersky) et dis-moi

¹ запанибрата (франц.). — *Ред.*

ce qu'il en pense. Le livre que Wol<odimirowa> t'envoie est un peu enfantin et avec des phrases — mais les Français ne savent pas écrire autrement.

Adieu¹.

Помните, какой день 2 мая.

310. Н. П. ОГАРЕВУ

27 (15) апреля 1868 г. Ницца.

Огареву.

27 апр<еля>. Понедельник.

Перечитывая в «Современности» статью о Европе, я нахожу еще больше признаков «бакуондности». Узнал ты? — Зачем же это делается тайком от нас? Не журнал против нас — а утайка против нас. Я очень рад, что не был в Вевеи.

Читал ли ты речь Ж. Фавра при вступлении в академию — что это за махровые краснобаи и за узколобые риторы. Какое спасенье от такой оппозиции?

Насчет Туцевых обедов у Мерч<инского> я писал Тхорж<евскому> — смотри, чтоб не вышло какой-нибудь чудовищной сплетни. Не от Мерч<инского>, а от его однокорытников. — Ну как вы рассудили дело Вормса? — Я думаю, что со временем мне придется носить дощечку с надписью: «Прохожий — ты можешь этого человека оскорблять безнаказанно». А всё скрюполю, — напечатать по второму письму всё — а там хоть бы его в Нерчинск послали. У нас на это куражу нет — а эти подлецы пользуются этим.

У N<atalie> сильное расстройство желудка, болезнь от пластыря продолжается. У Лизы маленький насморк. На дворе теплый дождь.

И прощай.

А зачем ты не читал в «Вест<нике>» «Машкараду» Кукольника?

Лиза поручает сказать два казуса: 1-ое — что у нас на дворе убили бешеную собаку, 2 — что у нас перед окнами было кораблекрушение — но что пароход спас.

На обороте: Н. П. Огареву.

¹ Дорогая Ольга, через два-три дня напишу тебе и Мальвиде подробнее — благодарю тебя за письмо, оно мне очень понравилось, — но ты мне ничего не пишешь по поводу танцев — спроси без обиняков мнение Мещ<ерского> и сообщи мне, что он об этом думает. Книга, которую посылает тебе Вол<оdimирова>, — немного ребячливая и с громкими фразами, но французы не умеют писать иначе. Прощай (франц.). — Ред.

28 (16) апреля 1868 г. Ницца.

Огареву.

28 апр(еля). Вторник.

Неужели ты по второй корреспонд(енции) не отгадал, от кого они? — Я тотчас послал Чернецк(ому). Печатать необходимо, но к 1-му или к 10 — это вы, локальные власти, должны велеть. Пожалуй, можно ко мне и не посылать — если ты очень внимательно будешь поправлять.

Якушкина мне бы не хотелось в этот лист. Это только в крайности. Для наполнения переведи из русского прибавл(ения) из 1-ой корреспонденции под заглавием «Les incorruptibles!» — анекдот о Тимашеве, просящем 45 т(ысяч) на подъем, и об ответе Алекс(андра) — дать столько, сколько Pahlen'у. У меня нет оригинала.

Посылаю Чернец(кому) 500 фр. — он мне отвечал не грубо — но кисло, уморительный человек — да двиньте вы общими силами его на деятельность. Тхор(жевский) расскажет подробности. Он завален работой — и не работает, а ждет «запасного капитала».

С Prangins сладить можно, он уступает много. — Но до половины июля N(atalie) не придет и, вероятно, Тата тоже. Теперь всё тихо. — Писал к Стелле и к d-g Kuhff о подробностях Страсбурга. — Видеть Альзас я не прочь. Может, оттуда до Женевы съезжу в Париж — попробую взять в услужение Громора, у меня все бродит проект переводной библиотеки.

Сейчас получил письма из Флоренции — все ладно. — Все кланяются тебе. Долгор(уков) втесался-таки к ним. Придется мне писать к нему.

Прощай.

29 (17) апреля 1868 г. Ницца.

29 апреля.

Жаль, что ты не прочел письмо, из Парижа, которое мне прислал, ты бы мог вполонину сделать то, что нужно. Письмо это от секретаря Джемса Ротшильда — Майрарга, он просит от имени Пенюза и Тришье — добыть свидетельство о смерти Сазонова для его сына, живущего в Париже. Я полагаю, что это можно узнать через Raisin или Duchosalé, спроси Майора. А я с своей стороны писал Майраргу, чтоб он сообщил, что это, кто это — сей сын. Если они не знают, передай просьбу

Тхоржевскому. Помнится, он умер в 1861 году, как же не найти в *état civil*?¹

Прибавление выдавай как хочешь — я спорить и прекословить не буду. Вероятно, с Малор(оссом) наберется целый лист — можно разослать $\frac{1}{2}$ листа 1 мая и $\frac{1}{2}$ — 15. Можно соединить. Малоросс — Комаров, дама, у которой живет Вальц, у Тхор(жевского) есть адрес. А тот корреспондент — бывший в Женеве — помнится, Венюков, писавший о Кавказе и Сибири.

Если твоя статья не готова, не торопись — а помести Мечникова, только сообщи, какое заглавие — и вели прислать не рукопись, а корректуру. Якушкин не может идти рядом с заключением статьи о Каразине в одном №. Или он убьет Каразина, или Каразин его убьет. — Оба люди хорошие.

Чем же Бакун(ин) недоволен — это очень интересно, — да ты спроси у него, участвует ли в журнале? А журнал, мне кажется, все-таки не пойдет. — Какое же впечатление на тебя делает перечитывание Чернышевского? Я год и день умолял тебя перечитать «Что делать?» — ты все прочел Достоевского и Ергунова, но «Что делать?» не развернул. Это недаром. Мне кажется, что ты боишься — разочарованья.

Вормсу я не отвечал. Но мне кажется — это лицемерие говорить, что не оскорбился, когда человек *права не имеет не оскорбляться*. Без вызова в меня бросают говном — а я буду величественно отвечать: «Я тебя до того презираю, что не признаю за твоим говном — дурного запаха». Как же не раздавить всю эту мошенническую шайку, позорящую молодое поколение. Найди ты мне в каком-нибудь народе от Исландии до Абиссинии — где бы *на сцене* была *au grand jour*² такая трахтирная голь — и с такими нравами? Тург(енев) с ним только пошутил — их надобно выставить к позорному столбу — во всей наготе, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доношничестве. И может, если силы не ослабеют, я еще и буду их палачом и положу им клеймо глупости на лоб. Передняя, казарма, застенок полицейский и дьячки могли только развести этот испанский воротник на шее России. Тут все — и Бакст, отпирающийся от своих слов, сладкоглаголивый, семитический «муран» Венери — и пердословый Эллидин. Сопля Вормс и гной Серно-Соловь(евич), жиденяты, утяты и гуляты.

Ну и довольно с них.

¹ актах гражданского состояния (франц.); ² среди бела дня (франц.). — *Ред.*

Насчет частных дел нового сказать нечего. Я писал, что смотрю на свиданье общее не так радостно — потому что ни серьезной гармонии с тобой, ни серьезного примирения с Татой не вижу. Несмотря на то, что N<atalie> действительно жалеет о твоей болезни и теперь со мной опять в миру. — Благо Prangins очень учтиво согласился, то чего же лучше — но не жди раньше половины июля (а не июня). — Тут нет затруднений за Татой — я съезжу за ней в Domo d'Ossola или в Лугано, а от Флоренции до гор железная дорога — приедет одна.

Я Тате писал опять длинное письмо — мы с ней ближе понимаем друг друга, чем с другими.

Какой ты, Огарев, упорный, когда понимать не хочешь или неприятно. Что же особенного в том, что твоя болезнь дала окончательную официальность отношению, остававшемуся за завесой. Я не говорю, худо ли, хорошо ли — я говорю: это факт. Тихая жизнь, в удалении не дает на тебя ни малейшего приза, и кто о чем догадывался — до этого дела нет. Ты был для посторонних *один*. Теперь ты являешься с семьей детей, гусбандом и патерфамилиасом — это надобно принять — без пансиона, который ты выдумал, конечно, посторонние смотрели бы проще. И им не нужно было знать, что за кулисами. — Я ничего не хочу скрывать — поздно и глупо. Но как же можно жить в одном городе? Не Элпидина я боюсь (это только поднимет нас в его глазах) — но Лизы, как я объясню ей? Я же всегда радовался, что она носит твое имя. Научи — может, и в самом деле я не понимаю. Неужели ты думаешь, что мне легко носить этот капкан лжи — да еще упреки за это от N<atalie>? Мы не умели устроить нашу жизнь доблестно, с тем достоинством, на который имели бы право *и ты и я*. Я страдаю от этого — вот и вся история.

Да еще — разве разброд семьи и положение Таты зависит от неофициальности положений? Помилуй — это несчастное последствие характера N<atalie>.

313. Н. А. ГЕРЦЕН

1—2 мая (19—20 апреля) 1868 г. Ницца.

1 мая. Пятница.

Твоя записочка заставляет много думать — и это уж само по себе хорошо. Я не совсем с тобой согласен — теоретически и практически. Не надобно шутить *libre arbitr'*ом в размерах частной жизни — с этим дойдешь до страшнейшей распушенности и через край примиришься со всеми гадостями. Потом выход, основанный на отбытии людей, — не выход. Разумеется, смерть радикально оканчивает все. Выход надобно искать

при существующих условиях. Ты говоришь, что ничего не переменится от твоего замужества, напр<имер>. — Это не верно. — Да уж то, что я действительно свободно вздохну (если муж твой будет человек, которого можно уважать), и сложность, в которую и вы заступили, разрешится, — неизмеримо важно. В то время как брак Саши я принимаю за неотвратимое несчастье.

Жаль мне очень, что ты ничем серьезно не занимаешься. Это все дилетантизм (портрет Ге, пенье, микроскоп и пр.). Занятие спасло бы от всего и от *salto mortale*¹ замужества. Но надежда плоха — мало ли как тебя будили.

Если ты послушаешь моего совета, то ты не поедешь в Берлин с Сашей (да я и об нем не слыхал, что он едет). Если тебе дорога его дружба, если тебе интересен Берлин — не езди с ним. Ты будешь прикована, как *garde-malade*². Оставь первый год Сашу одного. Ему будет не до тебя — и вы, очень может, столкнетесь жестко.

Ольгу оставить следует на год almeno во Флоренции.

Общее житье с Огар<евым> решительно невозможно. Бедный Огар<ев>, он с летами и болезнями больше и больше вытягивается в удушливую среду, в которой живет. М<ери> — добрая (для Ог<арева>) няня — но пустейшая женщина, что не мешает ей как англичанке захватывать больше и больше власти. Сын ее никуда не годится. Ог<арев> взял грех на душу, избаловавши его.

Но свидеться надобно. Долею N<atalie> стала тише — она была поражена Огар<ева> акцидентом и только бунтует *на словах* — если б ты хотела, ты имела бы влияние. Вероятно, и ты стала терпеливее (повторяю, я не был доволен тобой относительно Лизы). В прошлом письме я предлагал тебе приехать за тобой в Domo d'Ossola или на Lago Maggiore. Тхорж<евский> нашел спландидное помещение возле Женевы (и принца Наполеона) в Frangins — соберемтесь там в июле и там сделаем ассизы для решения, что дальше. Может, и я съезжу в Германию. Огар<ев> очень хочет повидаться, я считаю это лучшим — *sauf erreur et imprévu*³.

Прощай.

Мы готовимся ехать к 25 мая. А Ниццу мне жаль, зимой будет тянуть сюда. Лиза здесь почти не была больна два года. Mme Gar<ibaldi> едет к мужу в Париж, Нини все не очень здорова. Нет ли у Vieusseux Drapper'a «Развитие

¹ сальто-мортале (итал.); ² сиделка (франц.); ³ исключая ошибок и непредвиденное (франц.). — *Ред.*

европейской цивилизации» — 2 части, на английск(ом) советую достать, хорошее и здоровое чтение — он уютнее Бёкля и местами жив.

2 мая.

Вот и шестнадцатая годовщина. С этого времени и предшествовавшего ему года — идут все беды, павшие и на меня, и на вас. Светлого времени нашей жизни ты почти и не знала.

Саше кланяюсь — писать особо нечего. Огар(ев) в последнем письме пишет, что ему гораздо лучше. Он становится на большую ногу. 8 мая он переезжает в улицу des Petits Philosophes — c'est un avantage pour la rue d'en avoir un grand et une modestie de la part d'Og(areff)¹.

На обороте: Donne cette lettre à Tata ².

314. Н. П. ОГАРЕВУ

1—2 мая (19—20 апреля) 1868 г. Ницца.

1 мая. Пятница.

Caro mio — ты весь «в обломках древней истины» — как называл Баратынский предрассудок. — Ну как можешь ты вообразить, что на *официальный* запрос Бисмарк или другой поставит ловушку? Нельзя же теперь выдумывать историю Иоана Гуса или Войнаровского. Где же пример за 50 лет? — Не легче ли им, не гадаясь, сказать «нельзя»? Если бояться несбыточных бед, то вдвое надобно бояться железных дорог и пароходов.

Решено ехать 25 мая. Отчего не взглянуть на Альзас — к тому же Милюз от Базеля часах в двух, — стало, это у ваших у ворот. Вероятно, я съезжу в Париж — мне все мерещится, что там можно многое сделать для нас.

А Мерчинс(кий) при всем знании мейендорфики — видно, дело плохо знал. Если б было просто сумасшествие, Будберг не слетел бы. — А видел ли ты, что брат Мейзенб(уг) будто бы назначен послом в Рим от Австрии? Это гнусный клерикал.

;Что ты — поправил или переписал твое посмертное письмо?

;И о чем ты именно пишешь? Какая мысль или работа тебя занимает? Скажи только предмет.

2 мая. Суббота.

Шестнадцать лет тому назад здесь — в ста шагах — скончалась N(atalie). Вчера я с Лизой шел недалеко от того дома

¹ Малых Философов — для улицы это преимущество приобрести великого философа, а со стороны Огарева — это скромность (франц.);
² Отдай это письмо Тате (франц.). — *Ред.*

и теперь только заметил, что наследник умер возле. Что за странная случайность.

С тех-то пор и пошла жизнь неправильно. Вера в нее и в себя были потрясены...

А тухлая грязь своим чередом. Вчера я встретил Вормса — одного, пошел прямо на него и сказал: «Зачем вы пишете мне глупые и наглые письма?» — «Да вы меня компрометировали и сказали, что знаете меня... и бранили мои стихи, отзываясь обо мне как о потушем факеле». — «Я этим слогом не выражаюсь — и до сих пор не встречал человека, который бы так боялся меня. Я дивлюсь вам — у вас совести нет, стыдно вам и, говорю откровенно, не отвечал вам из *глубочайшего презренья*». — «Ну да что тут толковать...» — и он пошел, сказавши имя русского, который ему говорил. Совсем мне неизвестное. Вот главное, слово в слово. Вероятно, он сходит на меня опять письмом. Аристократ ли я, дурак ли я — не знаю, но с Долгоруковым у меня есть общий язык, и Долгоруков^у никогда не оскорблял ни меня, ни тебя таким образом. А его мы отлучили от воды и огня. А эти плащцы не с Аполлоновых, а с мудей «Современника» — ходят под какой-то амнистией. Что они меня потащили бы на виселицу — в этом я убежден. Что они еще сделают засаду — это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить их и стать на военную ногу — статьей — или убить на дуэли какую-нибудь возгрю, тогда, если не убьют, можно спокойно век дожить.

Здесь один из юношей — базаровых — *колотит* свою мать. Они развиваются. Катковы и Чичерины, Горчаковы — пьяные и Барятинские — трезвые — все лучше и нравственнее этих негодяев, этого сифилиса нашей революционной блудни. Да что ты в самом деле не раскусишь с 1861 года тургеневского Базарова — нельзя же всю жизнь на него смотреть с утячей точки зрения — как Капелька и Жук. Он слаб, поверхностен, дурно задуман — но он бог перед этими свиньями. Иногда подумай и об этом.

На днях забежал ко мне Утин проститься (здороваться не приезжал), едет в Париж, красит волосы и возвращается в Россию. Плох до бесконечности.

Итак, в пятницу перенесение нетленных мощей в Rue des Petits Philosophes¹. Я Tate писал уже. Ce n'est pas mal pour la rue d'avoir un grand — et très bien pour Og^{areff} d'être si modeste². Верую в Тхоржевского и помощь неустанную и неусыпную. Тотчас рапортуй. И прощай.

¹ улицу Малых Философов (франц.); ² Недурно для улицы иметь великого философа и весьма хорошо для Og^{арева} быть столь скромным (франц.). — *Ред.*

Едем на кладбище. Вчера был длинный разговор — серьезный и не выродившийся в бойню — но до результата далеко. Всё, всё лежит в непониманье и характере, да еще в несправедливом желании, чтоб все признали свою вину — кроме виноватого.

Лиза ничего — даже и дурные шалости оставила бы скоро, если б искра таланта или внимания было приложено. Она учится хуже (жарко и тяжело) — но умна и развязна. Выросла очень.

315. Н. П. ОГАРЕВУ

4 мая (22 апреля) 1868 г. Ницца.

4-ое. Понедельник.

Посылаю тебе швейцарей о Будберге — прочитай и поправь. Да получен ли Мазад? Статейка о Будб(ерге) заставит кохотать и сердиться.

Жду рапорта о твоём переезде. Сильно надеюсь на Тхоржевского и плац-Майора. — А ргорос — так как Тхорж(евский) не имел никакого блезиру и не тормозит честностью, как Чернецкий, я предлагаю ему villégiatur'у¹ — т. е. приехать ex(empli) gr(atia) к 20 числу сюда — пробыть неделю и потом ехать с нами до Лиона. Разумеется, если этого ему хочется — wenn es Spaß macht².

В статье Бакун(ина) (в пассеновской «Демокрации») — ни слова о России — sehr gut³. Зачем ты гадаешь и клятвословишь о его неучастии в Эллидине — проще спросить.

Чтоб не забыть. Я не думал скрывать Туца. Но зачем же ему ежедневно себя напоминать — Венери, Сер(но)-Сол(овьевичу) и Якоби. Они доберутся до истории матери — и ее вздуют. Они его будут спрашивать. Они налгут и пустят в циркуляцию ужасы. Зачем он не у меня? Зачем и почему он называет Генри братом — когда тот сгубил его мать. Почему Г(енри) тебя называет отцом etc., etc., etc. — И во всем обвинят меня. Ты их не знаешь. Мерчинс(кий) их знает и живет с ними. Это вкус жука к навозу. Лучше дальше от них. Вот и всё.

Тата сама желала остаться долее во Флоренц(ии). Я ее письмами очень доволен. Ты говоришь, что настоящий разум значит сыскать выход — в безвыходном-то положении! Да не в том ли, чтоб выхода не искать?

Итак, Георгу покажется дорого 1000 фр. Это 50 фр. с листа. Громор больше берет за перевод. Опять

¹ дачу (франц.); ² если это забавляет (нем.); ³ очень хорошо (нем.). — Ред.

Людей и лошадей знобя,
Мы тешим —

Чернецкого. Стал жернов! Воды нет, а мы надрываемся вертеть. Аминь, аминь, глаголю, еще французский «Кол(окол)» пойдет — русского ничего. Но теперь уже не польскому делу мы обязаны — а Базаровым, которые проповедуют от Гейделберга до Сольвычегодска, от Флоренции до Корчевы всему молодому поколению ненависть к нам. Тата мне пишет об удивлении молодых русских девушек, познакомившихся с нею. «В России говорили — вас считают за аристократок, как ваш отец, а про Ольгу говорят, что она давно католичка». — Это échantillon¹.

Прощай. Есть у Мечникова статьи предисловие? Есть подпись его. — Тогда печатай сплеча и вели прислать корректуру *как письмо*.

Статья о Якушкине кончена.

316. Н. П. ОГАРЕВУ

7 мая (25 апреля) 1868 г. Ницца.

7 мая. Четверг.

Описывая всякие подробности о квартире, ты забыл одну довольно важную для переписки — *адрес*. Rue des Petits Ph(ilosophe)s ничего еще не значит. А потому опять адресую Тхорж(евскому).

Если тебе теперь трудно работать — то для чего же ты работаешь? Есть Мечник(ов) — ну и печатать его. В будущий № — «Якушкин» (выйдет almeno 22—23 колонны) — Adda Мечникова. Пришли свидет(ельство) о Саз(онове) просто мне. Что же Боткина увидишь или нет? (Ты о его приезде как-то пишешь таинственно — «друг Мерч(инского)... d-r». Это все принадлежит к другой эпохе и к другой ипохондрии — к той, в которой можно думать, что Бисмарк покроется грязью для телячьих глаз союзника.) Его совет был бы недурен.

Насчет Базар(ова) позабудь ты существование Турген(ева) и отрешись от наших популярничаний — тогда ты поймешь слабую и нагую верность типа. Базаров нравственно — выше последующих базароидов. Он у Тургенева — храбр, умен, не вор, не доносчик, не вонючий клоп. Ты напрасно стираешь нюансы — и человек, который из ревности хватил в зубы жену и прогнал, ничем не похож на сына, который колотит мать-старуху и живет с ней, на ее счет; эта защита гнилого помета — у тебя игра. Оттого-то я и не могу оставить без ответа. Долгор(у-

¹ образец (франц.).— *Ред.*

ков) и Катков, — при страшной наглости — в душе признают за нами *кое-что*, и это кое-что ставит границы. Те ничего не признают — и *vogelfrei*¹. Я смотрел прямо в глаза Вор(мсу) — я видел одну злобу, смешанную с вопросом: «Ну а как хватит в зубы?» — Ничего — ни одного движенья сердца, души. — Оттого что ты этого не понимаешь, оттого ты не понимаешь, почему их сплетни — страшны и почему я, не скрывая Туца, думаю, что не надобно его ежедневно делать вызывающим средством — для негодяев.

Долгор(уков) объявил d-r Levier, что он ездить к нашим во Флоренцию не будет, ибо Саша визита не заплатил. Вот и финал.

Из России письма — и, как всегда, все тотчас пошло вверх дном. Все шло мирно — теперь все опять *sur le tapis*². С(ати)н и его жена зовут в Россию N(atalie) с Лизой — непременно. С(ати)н между прочим пишет: «Пора им убедиться, что эмиграция теперь потеряла смысл». Что это? Приглашение?.. на-мек?.. Далее Ал(ексей) Ал(ексеевич) на год вывернулся. Ел(ена) пишет, что она предлагает ему взять его именьице и платить ему около 4000 руб. ренты. Это хорошо, но, мне кажется, не совсем справедливо относительно Лизы; если именьице представляет доходу до 12 000 фр., то оно достанется все даром после смерти Ал(ексея) Ал(ексеевича) Сатиным. Я заметил это и навлек на себя бесконечный гнев. Что, я ошибаюсь или нет?

Ал(ексей) Ал(ексеевич) удивлен, что N(atalie) не с тобой после перелома ноги. С(атин) пишет, что он догадывается. Это окончательно привело в смущение. Предлагает оставить ее в Альзасе при пансионе, туда выпшет N(atalie) Ал(ексея) Ал(ексеевича) — или требует совершенно *официального* признания; но, сколько я ни спрашивал, *что такое*, один ответ: «Стало, ехать в Россию»³. Все это очень невесело, и я торопиться в Prangins все же не буду. Едем отсюда 28—29. Что Тхорж(евский) — приедет? Мне это не нужно для дела — чисто для него хотелось мне сделать удовольствие. Он может приехать хоть 20... 21... 22 или совсем не ездить.

Вдаль я не смотрю. Конечно, Тату всех больше жаль, да и она, при маленьких недостаточках, всех больше симпатична. Мещерский положительно уезжает в Германию и Россию. — Прощай.

Ницца опустела и во всей пышности цветов, тепла etc. Жаль ее покидать, все же это лучшее место.

¹ вне закона (нем.). ² стало предметом споров (франц.). — *Ред.*

³ Ты называешь — «случайно оступиться», когда люди очертя голову *годы шли по льду*. Эта казуистика недурна.

Р. С. Видел ли ты, как Бамбергер в Берлине пруссит? Да он прямо идет в министры или послы.

О Юме читал.

Бога ради, не опаздывайте с «Le Kolok». 15 он должен быть разослан.

Передайте, Пан, Огареву эту записку. Да напишите его адрес с № и ваш новый.

7 мая. Четверг.

Mr Levier 50 фр. послать можно.

317. Н. П. ОГАРЕВУ

10 мая (28 апреля) 1868 г. Ницца.

10 мая. Воскресенье.

Вчера получил рапорт о торжественном шествии из Лансу в Философьевку. Тхор<жевский> пишет, что переезд был так хорош, «что Н<иколай> П<латонович> спокойно *отдыхал маявым* воздухом». Ну-с, в добрый, в архангельский-с час.

Через двадцать дней и мы будем в торжественном шествии. Куда и как, не знаю. Одно верно, что увижу Стеллу — полковника. Ехать, пожалуй, отсюда и недурно — жары начались тяжелые. После письма из Рос<сии> длинные беседы. N<atalie> показывала часть ответа своего Сатиной — я им ужасно недоволен, она представляет себя какими-то мрачными красками, опять мортomanия — и жалоба на Тату, что она не любит Лизы. Я сказал, что письмо надобно бросить, и потом спросил не о Лизе — а об ее отношениях. «За что же, наконец, детям ее любить?..» Были порывы и слез и злобы. Но я заключил тем, что все будущие бедствия падут на ее совесть и что она отстранит их только тогда, когда поймет, что и прошлые с Park hous'a — все по ее вине.

Я полагаю, что Альзас в месяц надоест. Но все же в Prangins поеду — когда будут другие созвездия. Может, приеду прежде один. Тату я не стану торопить.

А proros. Лиза стала купаться в море. Когда она первый раз пришла — то купальщики очень обрадовались в говорят: «Voilà que la petite Tata vient déjà!»¹ Они лучше N<atalie> понимают их отношения.

Довольно.

Напиши о получении письма на новой кварт<ире>.

После обеда.

Далее сказать нечего. Сегодня все тихо, — говорим много. Все перемежающаяся лихорадка. Прощай.

¹ «А вон идет маленькая Тата!» (франц.).— Ред.

В публичном саду.

Письмо твое получил на дороге. На душе легче, что квартира хороша. Целую Тхорж(евского) за это. Музыка гремит. толпы гуляющих и жар.

Следующую страницу отдай Тхорж(евскому).

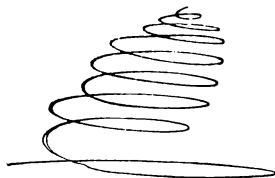
318. Н. А. ГЕРЦЕН

12 мая (30 апреля) 1868 г. Ницца.

12 мая. Вторник, после обеда.

Милая Тата,

я почти всегда доволен твоими письмами — но последним еще больше, и за это обнимаю и целую тебя в темя. Дело в том, что у тебя у одной начало слагаться верное понятие о жизни, — оно печально, и то сначала — потом оно будет просто *здорово*. Знаешь ли ты, отчего, при всей противоположности характеров, — столько нетерпимости в N(atalie) и Мальв(иде)? Оттого, что обе — идеалисты. Вообще заметь, все гонители (кроме корыстных злодеев, любящих власть и деньги) — религиозные фантасты. «Жизнь и люди их обманули» — они не могут примириться с этим. А ведь жизнь и люди их не обманывали, они просто *не могут* дать того, что с них угодно требовать. Отсюда борьба — аккузации, анафемы... фантазия идет — идет, удержу нет, винт в голове свинтился, и вот по такой спирали

несутся мысли, злобы, слезы — и боль самим себе делается развлечением и занятием. — Иной раз, кажется, можно удержаться, другой — что поздно. А все злодей идеализм.

Ты счастливее их — и даже счастливее Саши, — у него никакого нет взгляда на жизнь, т. е. своего, — он в этом моложе тебя — а иногда старше меня. Тут беда в том, что приму играть будут случайности, — ну не всегда же в рулетку выиграется. Вместо идеализма у него доктринаризм, — может, это легче для себя, но для других — не думаю. Я думаю, что он сам согласится со мной. Тут одна странная вещь — что это общая черта у него с Levier, с Дарделем — они все еще несовершеннолетние.

Лиза будет похожа в теориях на тебя. А пророс, когда она явилась к Mme Georg для первого купанья, все тритоны и твой купальщик с избитыми скулами и весь подвязанный, вышли на сущь с криками: «Ah, voilà que la *petite* Tata vient aussi se baigner»¹. Она со мной философствовала вчера, и вот ее сентенции: «Je pense que dans la vie — il faut tâcher de faire quelque chose de bon et de s’amuser. Car, vois-tu, qui peut savoir quand il mourra»².

Nini Gar(ibaldi) говорит, что желала б иметь детей — но мужа иметь не хочет. А Лиза замечает: «Oh, non, il faut toujours avoir un mari — pour les affaires, pour ne pas s’inquiéter de l’argent»³. Ну поди, откуда она могла взять такую парижскую мораль?

Наконец, еще trait⁴. Вчера я ей читал в франц(узском) перев(оде) «Былое и думы» — об Ив(ане) Ал(ексеевиче) — она слушала с большим вниманием, и потом, подумавши: «Quel fou était ton père!»⁵

Письмом Ольги она ужасно довольна — и что та писала ей, не показывая никому.

Волод(имирова) давно в Женеве. Я ей письмо послал, хотя и не нужно было его посылать особо — в тот день, в который Мальвида мне писала.

Не могу найти случая, с кем переслать рубашку, шитую тебе, от Вол(оdimировой). — Бассо едет, да я на него не надеюсь, они все небрежны. По почте нельзя. А тут есть Ольге книга и дусер, как немцы называли маленькие подарки.

Огар(ев) переехал и в восхищенье от своей новой квартиры — кругом сады — Chemin des Petits Philosophes, 493.

А Пантужески тоже переехал — Route de Carouge, 504.

Пантужеский — решительно кормилица наша и Вер Артамоныч. Не знаю, приедет ли сюда. Я звал на неделю — за отличную работу по делу Ог(арева).

А нога Огар(ева) опять плохо. Он лежит и с лубком. Припадки очень часто. Мы едем решительно *31 мая или 1 июня*. Конечно, если ты можешь ехать avec les sommiers à l’Africaine⁶, чего же лучше — но об этом сплшемся. Если бы ты могла завладеть каприз(ной) сторон(ой) N(atalie), ты много сдела-

¹ «А вот и маленькая Тата тоже пришла купаться» (франц.); ² «Я думаю, что в жизни надо стараться сделать что-нибудь хорошее и веселиться. Потому что, видишь ли, кто может знать, когда он умрет» (франц.); ³ «О нет, надо все же иметь мужа, чтобы он вел дела, чтобы не заботиться о деньгах» (франц.); ⁴ черта (франц.); ⁵ «Какой сумасброд был твой отец!» (франц.); ⁶ с вьючными лошадьми на африканский лад (франц.). — Ред.

ла бы для Лизы, и если сама не будешь спать, как кроты, полжизни — в праздности (ты на этот счет что-то не пишешь).

Скажи Ольге — давно бы ей сказать, что она немного пляшет. Я только этого хотел. А ведь мне Саша сказал, что она вовсе не умеет.

Буду Ольге и Саше писать следую<щий> раз. Мальвиде тоже.

Supplément¹.

Тхорж<евский>, живописуя торжественный поезд Ог<арева> из Лансы в Птифилософ, говорит: «В четвероместной колязке была точно постель, и Н<иколай> Пл<атонович> с роскошью *отдыхал свежим маявым воздухом*». Sehr gut².

В ценах Prangins в пансионе сошлись, там месяц-другой можно провести славно.

NB. Пиши скорее ответ — хотя вопросов и нет.

319. Н. П. ОГАРЕВУ

12—13 мая (30 апреля — 1 мая) 1868 г. Цицца.

12 мая. Вторник.

Получил ли ты мое письмо от 10-го — с наклеенной бумажкой — я его бросил в казино? — Боюсь немного дерзостей Хохла — да будто ты не знаешь, что можно и чего нельзя пропустить в печати? Это ведь просто лень. — А что же вы — опоздаете или нет? Статья о Якушкине готова, ее хватит на $\frac{3}{4}$ № или около. Что будет еще?

Виделся ли ты с Ботк<иным>? Я думаю, что это для ноги, да и для прочего — недурно. А его в «Голосе» Шипулинский за Дубовицкого пощелкал. «Виноват», — скажет Мерч<инский>.

О каком ты *другом* источнике сплетней говоришь по поводу сообщений Таты — решительно не понимаю. У нас есть противники — но *ненавидящих и деятельных врагов*, кроме наших милых поросят, нет. Поясни.

Насчет «поднятого пульса» — при свиданье. Поднятый пульс не всегда означает прибавку здоровья — а иногда прибавку лихорадки. — Пора бы от этих лихорадок домой — я согласен с Сатиным. А львом сделаться — сенским, если это для Руси полезно, — легко. Это-то и важно для «Колокола».

Вот тебе философия Лизы — она вчера читала со мной очень внимательно в переводе «Былое и думы» об Ив<ане> Ал<ексеевиче> и потом, подумав, говорит: «Mais ton père

¹ Дополнение (франц.); ² Очень хорошо (нем.). — *Ред.*

était un fou»¹. Далее о жизни толкует: «Moi je pense qu'il faut faire quelque chose d'utile — et s'amuser beaucoup. Car vois-tu — personne ne sait quand il mourra — et alors c'est fini»². Вот поди и рассуди!

Как плохи проспекты «Демокрации» — все старое. Фило-софия Лизы свежее.

Жду письма и иду гулять.

От Таты превосходное письмо.

Попроси от меня Майора о свидетельстве Сазонова.

13. Середа.

Корректуры все получил и сейчас их отошлю. Итак, опять *опоздали*. — Этот раз надобно было особенно стараться, чтоб опоздать. Статьи были главные две недели тому назад готовы. Это очень печально.

Мечникова статья хороша — но если б он меньше полемизи-ровал и отвечал Костомарову, было бы лучше. *Рассказ* нужен для Европы, *изложение фактов*, а до Костомар(ова) ей дела нет.

Основную мысль я не понял ясно — вероятно, под словом national он разумеет что-нибудь вроде «народный».

Почему казаки-воры вышли казаками-скупцами? *Ladre*— значит «скупой» по-французски, что не мешает ladro быть вором по-итальянски. Или я ошибаюсь? Просмотри в mise en pages или и прежде, но все же статья хороша и интересна. Русских приемов много, все ходячие, битые обороты употреблены, даже *ex ungue leonem*³ не забыт — персифляж над Костом(аровым) с *illustre*... Ты это увангель и посоветуй ему. Какая-нибудь подпись была бы лучше — как свидетельство нового сотрудника.

Еще? Можно ли сказать:

hasarda à une nouvelle bataille?

Есть река Федек? Или это Терек?

В твоей статье — речь о *принципах* мин(истерства) вну- <тренних> дел — да там взятки, палки и тому подобные ягоды только — как-то неловко.

Макарон гадит в газ, т. е. в Каткова. — Это лъзя.

Получил из Альзаса письмо от d-г Куфа — неутешительно... вероятно, и там клерикалы пакостят в воспитании. Он завел вольную гимназию близ Страсб(урга) — но все бросил.

Программа Баку(нина) здесь очень нравится в «Демокра-ции».

Прощай.

¹ «А твой отец был сумасбродом» (франц.); ² «Я думаю, что надо делать что-либо полезное и много веселиться. Потому что, видишь ли, никто не знает, когда он умрет, а тогда все кончено» (франц.); ³ по когтям [узнают] льва (лат.). — *Ред.*

15. Пятница.

Твои консультации и Тхор<жевского> рапорты получил. Хотя Prangins и дорог — но один месяц villegiat'уры куда ни шло. Только во всем этом нет салона. Я писал Тхор<жевскому>, что за салон можно уступить luncheon¹. Потолкуй с ним о еде.

Тебе решительно нечего прятаться от Ал<ексея> Ал<ексеевича> (хотя ты его, кажется, напрасно ждешь скоро — я этого не писал) — ты безусловно прав. Да и я боюсь в нем только скучной болтовни его и бессонницы. Вопрос не тут — а все-таки в безумной фантазии и постоянном метанье из одной крайности в другую N<atalie>. Я знаю, напри<мер>, во всяком случае, как ты поступишь, даже как Тата — а с N<atalie> не знаю. Ты поставил какую-то схоластику, чье право инициативы, кто спрашивает, кто только отвечает, — эта казуистика не идет к капризам. Насчет официальности N<atalie> решительно не знает, чего хочет. Если б была сила — надобно passer outre² — и деспотически идти и вести своей дорогой.

Мое присутствие *решительно полезно* для Лизы — при мне они живут в другой атмосфере. До какой степени она умна — ты увидишь, только ее надобно разговорить. Одна — она гложет. Об ней я представлял все резоны — не Соловецкий монастырь страшен — а Смольный. На первый случай опять победил. Что дальше, и гадать не умею.

Запрятавши грузинские когти, Никол<адзе> в предисловии к Черныш<евскому> зацепил нас, и совершенно с той точки зрения, с которой Писарев в Базарове (видно, я не ошибся). Тебе бог попрыскал очи такой водой, что ты розы видишь — а шипов не можешь видеть. Заметь, что, как истые подлецы, они об нас не упоминают и бьют намеками, от которых отпереться легко, а нападать на которые трудно.

Вероятно, больше месяца в Альпзе не застрянем и к июлю можем и приехать. Я тебя приглашаю на месяц — с правом уехать на другой или третий день.

Насчет отзыва поляка-аристократа — не полагайся. «Кол<окол>» в России не идет, и одна причина и есть для издания — удержать вживе орган. Теперь, может, пошел бы ежедневный лист — такой, как предлагал Панаев. (В Брюсселе воскресло «Эхо» под именем «Poliglott» — плохо.) Сделаем вызов — печатно — и посмотрим.

В «Голосе» — много путного и резкого. Читаешь ли ты его хоть изредка? Между новыми книгами в Петерб<урге> вышла:

¹ завтрак (англ.); ² не обращать внимания (франц.).— *Ред.*

«Радищев и его путешествие из Пет(ербурга) в Москву». — Если ты не читал статью из Смоленска о голоде — я пришлю.

321. Н. П. ОГАРЕВУ

15—16 (3—4) мая 1868 г. Ницца.

Видел ли ты речь Чарторижского в Лондоне и послание парижских поляков к пражским славянам по поводу приглашения на открытие славянс(кого) университета? И там и тут — вовсе не одно правительство — en jeu¹, а народ, мы все — и опять мы туранцы, а они рыцари, хранящие просвещение, — что же Бакун(ин) имеет с ними общего (кроме стола, квартиры etc.)? Гнусно наше правит(ельство) — особенно деталями гонений, местей. Но хороши и эти гуси.

О смерти Сазонова всего лучше должен знать Резин — к нему приходила утром жена Саз(онова) в испуге сказать о его смерти (если он не сморозил). Да не достанет ли справку Тхорж(евский) франков за 10 от какого-нибудь писаришки?

Не давай призу Долгор(укову), чтоб он стал дерзок, — обделавай тихо и отклони его «благомудро»; если нужно, напиши учтиво, что ведь общего у нас нет с ним, что ряд размолвок должен был привести к охлаждению — и что бак(унинская) история довершила. Наконец — что ни ты, ни я ничего не хотим, кроме тихой рюптуры.

А впрочем, — видя и тех и других, право, не беда, если он забежит к тебе, — прими его как лед Неву. И к черту. А все-таки подробности напиши — 9 like to know².

К следующ(ему) «La Cloche» готов Якушкин и две колонны «Смеси». Якуш(кин), 50 стр(аниц) (с лишком) моих — можно разделить на два №. — Ты Мечникова от меня поблагодари за устойку, спроси о комплоте против нас, о Вевейской Вольнице и о атамане Михаиле. Пусть порасскажет. Тебе, вероятно, не житье — а патока в пти-неверах — а философах, чай с утра до ночи жужжат Гулевичи, Псевичи и пр. — А гранитная скала — одна беспристрастная к добру и злу — Мерчинский — «виноват!»

План у нас вот уже какой идет: из Альзаса в Пранжи — из Пранжей тянуть к Комо, — ну а оттуда и Генуя и Ницца — два шага. Вероятно, Тата приедет прямо в Пранжи. (Из Флор(енции) через месяц едут Фрика с Африканкой, Сомье с дочерью — стало, оказий много.)

Засим здравия желаем.

Следовало бы Туца показать Лизе.

¹ здесь: принимает участие (франц.); ² я хочу знать (англ.). — *Ред.*

322. Н. П. ОГАРЕВУ

17—18 (5—6) мая 1868 г. Ницца.

17. Воскресенье, afternoon ¹.

Досадно, что Чернецкий помешал армяшке высказаться. Жду с нетерпением, но они теперь сгладят его asperité². Честь инициативы будет принадлежать им. Я рад и всегда готов с милосердием за зуб — вышибить два. Пока эта сыпь, этот сап не сойдет с России — ничего не будет. Теперь и мой Базаров пойдет в ход. Экая досада, что им помешали.

К чему печатать письмо Шувалова и Вольтера? Cui prodest?³ Разве Фрерону, заклятому врагу Вольтера, над которым ты поставил вопросительный знак. Этим путем не попадешь в левство на Сене.

18. Понедельник.

Письмо Коста d-г получил. Эк он за Робеспьера меня расчел, а все же милейший из докторов Монпелье. Что Спиридов — там или нет?

И прощай.

Черныш(евского) 2-ой том одолел (кроме диссертации), одна первая статья хороша — да и то вздор о науке как о дойной корове. Корова доит — но помимо еще она корова an sich. Ведь это скудный утилитаризм. Остальное плохо.

Пишу в маленьком кабачке на Corso в $\frac{1}{2}$ 7 утра. В 5 я отправился в Шато (т. е. кладбище) — что это за чудо — и море и деревья — но теперь жар солнца так велик, что идти невозможно и я ем холодную телятину. Вот послед(няя) новость.

323. Н. П. ОГАРЕВУ

20 (8) мая 1868 г. Ницца.

20 мая. Середа.

Я посылаю первую часть Якушкина и часть «Смеси» Чернецкому. Лучше было бы тебе прочесть прежде набора, главная небрежность в том, что имена собственные не все, т. е. не всякий раз одинаким образом писаны и печатаны. Вторая часть готова. Но для Мечникова надобно больше места. Если увидишь его, то попроси, чтоб он не забыл о *рыбном промысле* на Урале — из офицерской книги. За 500 экз(емпляров) пусть он рассчитывается с Чернец(им) — а я готов по его приказу Чернец(кому) отдать деньги. Я считаю, что июнь-

¹ после полудня (англ.); ² здесь: резкость (франц.); ³ Кому впрок? (лат.).— *Ред.*

ский лист готов,— пусть же Чернец<кий> доставит *mise en pages* не позже 10 июня.

А мы посылали манускрипты *как письма* — в то время как их позволено посылать *sous bande*.— О получении рукописи премного прошу уведомить.

Жду вестей о прибытии Перда Владимировича.

Обрати особенное внимание на «Смесь» — выбрось все что не нравится, добавь все что нравится, — но не переписываясь об этом и не совещаясь с деспотизмом негуса Теодороса. А видел ли ты, как казнили японского полковника (невиноватого) — по требованию европейцев? Народ роптал. А после казни жепонский Шувалов подносил ко всем представителям запад<ных> держав — голову на блюде и спрашивал кланяясь: «Довольны ли вы?»

«Колокол» получен — но статьи польской еще не получил. Читал ты ответ Бамбергера? — Министр юстиции сказал секретарю Бисмарка *Kendel'ю*, что никакого затруднения нет и что картеля насчет полит<ических> преступ<лений> теперь вовсе нет (что я знал, впрочем). Ну вот, дорога открыта. Бамбергер советует спросить официально у посланника — сославшись на его письмо.

Вторую Мазадницу (15 мая «*R<evue> des Deux M<ondes>*») читал? Начало недурно.

Мерчинскому 1 + 1 + 1 + 1..... + n1 — благодарности.

324. Н. А. ГЕРЦЕН

20 (8) мая 1868 г. Ницца.

20 мая. Среда.

Переписка с вами трудна. Вы так заняты, что ответ приходит на 10-й и 11-й день, в то время как в 6 дней мог бы быть

Мы едем 1-го июня. Расчесть нехитро, что письмо, брошенное 27, придет.

Нога Огар<ева> что-то не клеится — опять в лубках. В Prangins в июле — не ехать ли потом в Лугано и Комо?

Бамберг<ер> спрашивал министерию — в Пруссию можно.

С Сераф<ином> Бассо побоялся послать Гарибальди. Все посылать по почте с *gr<ande> vitesse*¹ трудно. Не знаю, что делать.

Прощай.

Саше поклон.

Зачем Левье высылает последнюю 'практику и шлет Долгорукова!

¹ большой скоростью (франц.).— Ред.

325. Н. П. ОГАРЕВУ
23 (11) мая 1868 г. Ницца.

23 мая, суббота.

Вероятно, ты читал статью Щенковича. Я удивился после наших поросят — ее учтивости, хотя она и дерзка. Отвечать нечего — для них существуют только личные вопросы — поэтому Щенкович и удивляется, чем я обиделся, — а то, что у меня на душе было сказать, в каком *мы отношении были* к польскому вопросу, об этом он и не помянул. Досадно, что он выехал на Бакуине — хотя и это межевание чересполосицы было необходимо. Ему хочется мне за то (не без вашего архипастырского благословения) поднести конфет. Я желал бы перепечатать $\frac{3}{4}$ его статьи в «La Démocratie» с приятною introduction. Вероятно, место найдется — да и можно пробрать бреввером.

Коррект<уру> «Полярн<ой> звезды» я еще не получал. А «Якушкина» третьего дня рукопись отправил — жду вести о получении.

Здесь до такой степени хорошо, несмотря на жар (одна Лиза посягает днем выходить), что следовало бы не очень торопиться в разные Кольмары. Но пусть идет как идет.

Плетн<ева> не забыли, как вы супонуετε по поводу старика в «Колок<оле>», а *вспомнили* и оставили для наказания «каторжных и беглых из Сибири» — а несчастный богослов именно в *этом* положении и был.

Если у тебя малейший скрупул насчет бакуинады — то оставь и не печатай.

Мысль-с?

Можно написать ряд драматических сцен, начинающихся в Париже в 1814 году и кончающихся в Петербурге в 1826 на гласисе крепости. Где надобно стихнуть — стихни, где надобно прозвить — постараюсь. Кадры — кадры. Will you?¹ Да что же Устинов роман Толстого — спроси Пана.

6 часов вечера.

Сейчас получил корректуру «Пол<ярной> звезд<ы>» и письмо с ничем. О какой статье речь? «Гранклемана» — что это — из Абиссинии?

326. Н. А. ГЕРЦЕН
23 (11) мая 1868 г. Ницца.

23 мая. Суббота.

Ты полагаешь, Тата, что в моих письмах или в последнем нет вопросов, — и очень ошибаешься. В них (как и в твоих)

¹ Угодно ли вам? (англ.). — Ред.

затрагиваются *вопросы о жизни* — а это гораздо важнее вопросов — ехать ли в S. Terenza или в Prangins. Многое ты поняла — но в многом еще туманно. Напр<имер>, когда я говорю о воспитании себя для воспитания — ты спрашиваешь, чем заниматься и какие книги. Заниматься умягчением, уравновешением характера — а книги читай те, которые читаешь.

Насчет живописи — это дело твоей совести, — мне кажется, что при большей деятельности ты могла бы делать хорошие вещи, — ты это доказала даже маленькими карандашными очерками. Не развить данную способность, когда внешнее не препятствует, — грех. Но

«S'il ne sent point du ciel l'influence secrète», — как говаривал Буало — надобно броситься на что-нибудь другое. Ну хоть на мастерские, школы, кооперативные общества, что не мешают вовсе собственному образованию. Мне даже пришла по этому поводу мысль — не встретится ли нам в конце июня — во Франции, в Альзасе есть чему поучиться.

Огар<ева> теория по поводу Саши и его брака — никуда не годна: вовсе не все равно — Акулина или Терезина. Всякий брак может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развитий, на общей религии, на взаимном *уважении*, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям, — тот имеет *больше шансов* рациональных. Огар<ева> теория и потому никуда не годна, что она действительно, как ты и заметила, ничего не дает в замену. Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить — но не как исключение *для себя* — а comme règle générale¹ для всех. Лютер опроверг безбрачие попов — как нелепость. — и мог потом спокойно жениться. Vice versa² не идет. Пока исторические формы не заменены другими, люди поневоле (даже не последовательно) живут в них. Я убежден, что современное обращение богатств, при монополии собственности недвижимой и капитале, дает ренту *выше* справедливой, и ни слова не скажу, когда она падет для меня — как для других. Но если б я вздумал (чего именно женеvские базаровцы и хотели) отдать им, напри<мер>, из 5% — 4, я остался бы полунищим и лишил бы себя во время борьбы оружия и возможности бороться.

Вот тебе на размышление целый воз вопросов. Я никогда не скажу тебе (разве в каком-нибудь чрезвычайном случае): *иди замуж*. Но не скажу никак: *не ходи* тогда, когда стремление и обстановка, сердце и ум будут согласны.

Жаль, что тебя здесь нет. Ницца во всей красе, Лиза плачет под заглавием *la petite Tata*³. Жар, но «ein sanfter Wind

¹ как общее правило (франц.); ² В обратном порядке (лат.); ³ маленькая Тата (франц.). — *Ред.*

vom blauen Himmel weht» и weht-то лимонными цветами. Удивительный край, жаль его покидать. — Если б можно было в этих полосах что-нибудь устроить хоть бы нам вчетвером — Nat(alie), ты, Лиза и я — сначала. Но и это слишком эпикурейски — жить надобно там, где есть *наибольшее дело* для нас, а уж в Клину или в Специи — о том знают обстоятельства.

That is my humble Philosophy¹.

Посылаю Ольге довольно удачные стихи Гюго к папе. А вам всем лист «Либерте» — с заседанием Сената, — которое прошу прочесть. Я вложил в нее *plaisanterie atroce*² из «Фигаро».

Скажи Сапе, что когда выйдет 1-й том Шиф(фовой) физиоло(гии), чтоб он его послал по адресу:

France

M^r le Dr Bernacki

Cannes (Alp(es) Marit(imes)).

Если что нужно после 29, то можно адресовать Lion — poste rest(ante) или к Тхоржевскому. 1-го сдача дома, — едем 2-го июня в 3 часа.

Щенкович, Соловьевич и другие Псевичи мне отвечали за Мерославского с разными дерзостями.

Что ваша квартира — помнится, она кончалась к 1-му июню?

327. Н. П. ОГАРЕВУ

26 (14) мая 1868 г. Ницца.

26 мая. Вторник, вечер.

Что за машину еще тебе надобно на ногу — не понимаю. Кост предлагает еще для тебя лекарство — посылаю.

Из письма к Тхор(жевскому) ты увидишь, как Барановская виновата, что я ее не видал.

Если в «Газете народной» была «Леонтина», а не *fleurs doubles*³, то следует сделать следствие — я рукописи *никому* не давал.

В следующем письме ты получишь премилый и похожий портрет Лизы. Она много переменялась — и ей следует воротиться в теплый климат. Она в полтора года в самом деле не была больна.

Едем мы 2-го, но вероятнее 3-го утром. В Лионе я остановлюсь — на неделю. Вчера старик d-г Bernacki отправился во

¹ Такова моя скромная философия (англ.); ² жестокую шутку (франц.); ³ махровые цветы (франц.). — *Ред.*

Флоренцию и приедет назад в субботу с свежими вестями от Таты. А Мейзенбург вдруг прорвало ехать в Крейценах с Ольгой от 15 июня до августа. Стало, Тате во Флоренции делать будет нечего.

Читал ли ты «летучие листы», издаваемые в Женеве? Мысли хороши — форма подлая и со всей гордой «ерунды» и прочих выражений de ces messieurs¹? Кто это драчит?

Что за нелепость, что Бакунин заводит станок? Или деньги откуда-нибудь свалились? — Да и в таком случае — безобразно. За что же он подрывает Чернецкого?

Вот и твое письмо. Чернецкого брани и ругай. С Молоканом безобразие, с коррес. — два. Что за мерзость такая. Советую после 31 мая писать (если не будет contre-ordre'a) в Лион — Lion, poste restante.

Я пришлю тебе 500 июньских,
100 туцевских
и про запас Тхоржевскому 400 для Майора. Деньги Саткина разменял — франков 70 потери, — но было 10 320, стало, 70—20=50.

Затем счастливо оставаться.

Неужели Бакунин ни слова не говорил о моей статье Мерославскому? Насчет типографии напиши ему.

323. M. MEYSENBURG

26 (14) mai 1868 г. Ницца.

26 mai.

A Malvida.

Anstatt nach'm Kreuze zu wallen
Wallen Sie nach Kreuzenach.

Le jour dans lequel — solennelle et refroidie vous avez juré par Rome (de Grégorovius) que vous ne dépasserez pas les Alpes, je me suis dit — c'est le germe inconnu d'un voyage — car l'homme n'aime pas à tenir ses serments.

Ein Stein rollte nach Piazza

S. Felice — et vous emporta.

Certainement je n'ai rien contre (J'écrirai demain). — Le meilleur berger de la douane allemande Bamberger a arrangé pour moi la possibilité de faire une berlinade.

¹ этих господ (франц.). — Ред.

La seule chose désagréable — c'est qu'à Kreuzenach — vous trouverez *mille e tre* Volodimiroff et centaines de petits Crevés russes. — Il faut mettre des fers aux pieds d'Olga.

Перевод

26 мая.

Мальвиде.

Anstatt nach'm Kreuze zu wallen
Wallen Sie nach Kreuzenach.

В тот день, когда вы торжественно и хладнокровно поклялись Римом (Грегоровиуса), что не пересечете Альпы, я подумал: вот незримый зародыш путешествия. Ибо человек не любит исполнять свои клятвы.

Ein Stein rollte nach¹ Пьяцца

Санкта Феличе — и вас увлек.

Конечно, что я ничего не имею против. (Я напишу завтра.) Наилучший пастух немецкой таможи Бамбергер предоставил мне возможность сделать эскападу в Германию.

Единственно неприятная вещь — это то, что в Крейцнахе вы найдете *тысячу существ*, подобных Володимировым, и сотни русских щеголей — нужно заковать Ольгины ноги.

329. А. А. ГЕРЦЕНУ

27 (15) мая 1868 г. Ницца.

27 мая. Середа.

Вчера поехал к вам Бернадский на два дня — надеюсь, что вы его приняли хорошо. Вчера же я послал на твое имя — через «Compagnie Lyonnaise — des chemins de fer de Paris à Lyon et à la Méditerranée» 2500 фр. в счет общего оклада в 15 000. Ты тотчас меня извести и напиши, что взяли. *Деньги французским золотом*. Прежде было послано 9600 + 2500 = 12 500. При этом помни, что 500 за фортеп<ьяно>. Когда узнаю, что с Татой, тогда увидим, что еще прислать из остальных 3000. Далее: а) твои деньги 5000 я записал полученными тобой из капитала, б) за тебя еще записаны 100 — за Левье, От<ареву> за Туца 300 с 1 янв<аря> и взятые Roths<child'овские> 100 фр., что составляет 500. Не допускай, чтоб Мальвида везла Ольгу на свой счет, и вообще устройте поездку в Крейценах умно. Зачем ни ты, ни Тата не написали ни слова об этом проекте? Я ничего не имею против, но Ольге будут большие

¹ Камень катился в... (нем.).— Ред.

искушения в Крейцнахе — это притон русской праздной аристократии и на одну Волод<имирову> там она найдет сто и одну. Ты знаешь, что Мальв<ида> с открытыми глазами ничего не видит.

От Таты жду письма. Она основательнее и глубже вас всех начинает понимать жизнь.— Я думаю, что к концу июня надобно где-нибудь съехаться. Мы едем 3 утром. Пиши: Lyon (я в прош<лом> письме нап<исал> Lion), post<e> rest<ante> и затем будьте здоровы.

С величайшей жалостью оставляю я этот край — но весьма вероятно, что после Kreislauf'a выйдет на то же. Из Альзаса в Prangins — из Prangins через Симплон в Лугано, Комо... и т<ак> далее к югу.

P. S. Тате ты выдай до 1 июля — ее 500 фр. и Ольге 250 — как было сказано,— разумеется, за вычетом того, что уже отдал.

330. М. МЕЙЗЕНБУГ

27 (15) мая 1868 г. Ницца.

A Malvida.

Au bout du compte vous pourriez transporter Tata au de là du Brenner et les lames de Kreuznach sur Colmar ou Mulhouse — si cela vous plaît.

Elle peut aussi venir avec les Sommiers (c'est bon pour le voyage d'avoir un sommier au moins) ou l'Africaine.

Je salue Schiff-futur.

Adieu.

Wie hat Ihnen mein junger Doktor aus Cannea (non de Galibi) gefallen?

Schreiben Sie Lyon — pos<te> rest<ante>.

La jambe d'Ogareff ne va pas bien, il n'a pas de douleurs, mais on a remis l'appareil, et il ne peut pas marcher — être couché depuis le 20 fév<rier> — *auch aller Ehrenwert.* Un autre se serait jeté à l'eau.

J'écrirai à Olga de Lyon — j'attends d'Alex<andre> le reçu des 2500 fr. envoyés.

Je vous ai envoyé hier les mémoires qui naissent — de M-me Quinet. Je ne les aurais pas imprimés.

Votre *dévotissime*

A. Her<zen>

En cas de difficulté ou de doute — écrivez l'adresse de Tkhorzevsky.— Nous partirons dans 7,8 jours d'ici. C'est dommage—

tranquillité parfaite — et jardins, jardins. L'automne correspond mieux aux vieillards que l'été.

Перевод

Мальвиде.

В конце концов вы могли бы перевезти Тату за Бреннер и волны Крейцнаха, по направлению к Кольмару или Мюльгаузу — если вам это угодно.

Она может также приехать с четой Сомье (хорошо иметь для путешествия по крайней мере матрац) или с Африканкой. Приветствую будущего Шиффа.

Прощайте.

Wie hat Ihnen mein junger Doktor aus Cannes (не из Галиби) gefallen?¹

Schreiben Sie² Lyon — pos<te> rest<ante>.

Нога Огарева не в порядке: хотя нет болей, но снова наложили повязку, и он не может ходить — лежать с 20 февраля — auch aller Ehrenwert³. Другой бы кинулся в воду.

Я напишу Ольге из Лиона — я жду от Александра подтверждения о получении высланных ему 2500 франков.

Я послал вам вчера воспоминания, которые появились на свет, — мадам Кине. Я бы их не печатал.

Ваш devotissime⁴

А. Герцен.

В случае затруднения или сомнения пишите по адресу Тхоржевского. — Мы едем отсюда через 7, 8 дней. Досадно — полнейшее спокойствие — и сады, сады. Осень более подходит старикам, нежели лето.

331. Н. П. ОГАРЕВУ

28 -29 (16 -17) мая 1868 г. Ницца.

28 мая. Четверг.

И 28... 29... 30° жары в тени по стоградуснику... А все-таки мне, чем ближе отъезд, тем больше кажется, что и тебя следует и всех перетащить в эти благодатные полосы. Долго здесь живши — трудно привыкнуть к вашим Сибирям.

Я писал, что мы едем 2 или даже 3. Стало, все беспокойства, с которыми ты писал 26 — нерациональны. Люди часто

¹ Как понравился вам мой молодой доктор из Канн? (нем.); ² Пишите (нем.); ³ также достойно всяческой похвалы (нем.); ⁴ преданнейший (итал.). — *Ред.*

опаздывают — но никогда до срока не ездят. Ко мне можно было писать до 30 утра.

Статья скучна в «Рус⟨ском⟩ в⟨естнике⟩» — слишком между подрясником — и рясой. Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩ таков и был — он после этих пецудач стал извергом. А как он сбивает на нашего князь Перда... (а что гипертрофия тебя примирила?). Я знал и обер-суперинтенда, о котором идет речь, — он был в Вятке сослан 76 лет за attentat'ы à la pudeur¹. Я его в Вятке дразнил вольными суждениями sur la «кестшон релижиос». — Похабство ему не мешало быть пиетистом.

Скажи Тхор⟨жевскому⟩, что я отослал прямо в Париж биографические поправки, о которых просили Трюбнер и Георг.

29. Пятница.

Едем во вторник в 3¹/₂, и в 6 утра в среду будем в Лионе. Оттуда буду еще писать и останусь там с неделю.

Туца показать Лизе нехитро. Тх⟨оржевский⟩ его привезет sans phrases в Prangins. Ты его поручаешь Тате, всё это ладно — но какой же он сирота, он — как гоголев немец — может сказать: «У меня в Швабии свой отец есть».

А что еще будет в «Поляр⟨ной⟩ звезде»? Что твоя статья? Нельзя же ее фаршировать одним снадобьем.

Лиза писала тебе — по секрету, не хочет показать и посылает портрет, который очень удался.

Сегодня день грозный. В море я купаюсь.

Если ты сбил с толку и Тхорж⟨евского⟩, то я писем не буду получать до Лиона — ох молодость, молодость!

Пиши: Lyon — poste restante. Телеграфировать можно.

332. Н. П. ОГАРЕВУ

31 (19) мая 1868 г. Ницца.

31 мая. Пятекот.

Ах вы мой милейший шут, ты не поверишь, что я искренно смеюсь над тобой и надо мной — без тени злобы или чего такого. Я знал и тебе писал в Женеве, что Лозанна ли, Пранжен ли — тебе это нож острый², — ты так хорошо улежался и упокоился в норке своей, что всякое движение, прогулка тебя

¹ покушения на целомудрие (франц.). — Ред.

² ты сгоряча принял, а я сгоряча предложил.

пугает — ну и слава богу, только зачем же ты ждал, когда чемоданы уложены и все готово, чтоб написать, в какое трудное положение тебя поставил Туц (как будто он должен тоже думать, что люди живут как симоны столпники) своим *why*¹.

Не ехать поздно — выдумай же какой-нибудь план. Твое *крипто*-желание — чтоб приехать в Женеву. Научи как, и я сделаю. Одно затруднение в Лизе (которая поэтически тебя любит и помнит) — неужели ты рискнешь, чтоб ей сразу сказать не только всю подноготную, но две подноготные?.. Поэтому я тебе предлагаю — из Лиона приехать мне одному сначала, а остальное удалим и устраним. Я же не могу ручаться, чтоб все было хорошо в Prangins. Из-за мира иногда бывают очень дурные признаки. Одно мне объясни — зачем же ты мне говорил, что я неправ, что ты в самом деле хочешь в Лозанну и куда угодно, чтоб видаться со всеми и немного проветриться от твоей монотонной жизни, тяжелой для меня? Я все бы так и устроил. Но и теперь беды нет. И теперь даже жертва с твоей стороны легко не примется, потому что жертва чувствуется. Верь только, что я устрою все — до оскорбления Лизы и до ридикюля включительно. Ридикюля как оскорбления я выносить не могу — остальное можно уладить, и верь, что я сделаю все для того, чтоб было и хорошо и не бросалось в глаза.

Ну и аминь.

Текст у Чернецкого для «Пол⟨ярной⟩ зв⟨езды⟩» есть, но нельзя же всё набирать мои статьи — надобны: α) твои стихи β) твоя проза, γ) что-нибудь чье-нибудь — ну хоть Мечникова (листа 2) или Бакунина, — я буду платить по 80 фр. с листа.

Туцу положено на платье, ученье, еду 500 в год; надобно было не 100, а 80 прислать, это немного. Деньги теперь есть, и у всех довольно. А если Тхорж⟨евский⟩ заплатил, отдай ему, чтоб не мешать счетов.

Анекдота о NN я не нашел, можно и напечатать, хотя важности в нем нет.

Есть длинная статья «Кельсиев» и еще лучше повесть о Громеке, который стреляет в мужиков, усмиряет волости⟨?⟩ и пр. Я донесу на него.

Отчего Тхорж⟨евский⟩ и ты так скупы вестями о Долгоруком?

Гранклемана я помню, но не мог прочесть его имя.

¹ почему (англ.). — Ред.

31 (19) мая 1868 г. Ницца.

Пану.

1) Получены ли 1000 фр.?

2) Уговорите Чернецкого не посылать мне непоправленные корректуры — пусть он прежде посылает Огареву.

3) У него должно быть много материала для «Полярной звезды» («Эмигранты»).

4) Отчего не пишете о Долгоруком?

Прощайте.

Р. С. Когда придется посылать «La belle France» — следует в письме. Да и то вряд дойдет ли.

Едем послезавтра. Жаль Ниццу, несмотря на то что жар 32—33°. Морская биза ужасно облегчает.

4 чемоданчика отправлены. Будут завтра к вам 50 Н(?) Savony(?).

334. Н. П. ОГАРЕВУ

Май 1868 г. Ницца.

Я, как Ст<р>аффорд, — je me laisse exécuter en gentleman¹ — и Базарова сдаю в железную оружейную палату — до иного времени. Может, долею ты прав, а долю неправую я жертвую. Я нарочно разграничил базаровщину с нигилизмом — к нему только отчасти принадлежали Мих<а>йлов), Доброл<ю>бов) и Чернышевский. Тебе Мерч<ин>ский), вероятно, сказал, что Писарева Чернышевский назвал стрижом, — ты его и похерил. А будто ты не видишь, что *его-то тип* Базарова и есть настоящий. Антонович его затушеввал, а Писарев так и выблевал, как съел. Да, это идеал всей ракальи нигилизма.

Ты их побаиваешься и жалеешь.

Я их ненавижу — и желал бы осмеять.

А что меня возмущает их неблагодарность ко всем прошедшим деятелям и в том числе к нам — это чувство верное, и его краснеть нечего. Смешны люди, которые себя переценивают — зато ведь и люди, не ценящие себя по пробе, — жалки.

Рано или поздно я надену на них дурацкую шапку — но «Поляр<ная> звезда» на 1869 не будет их лобным местом.

Я ведь ждал их ответа — и тогда развернул бы свои батальоны.

Засим кланяюсь.

6 часов утра.

¹ позволяю казнить себя по-джентльменски (франц., англ.). — *Ред.*

1 июня (20 мая) 1868 г. Ницца.

Здесь готовится нам неприятность — хотя и не скоро. Административная чесотка не может уняться. Хотят через год или два кладбище переносить с горы Шато — на долину Вара. Разумеется, они места дадут — но это решительно оскорбляет.

Вот и все. Привыкаешь ли ты к новому дому и так же ли выходит у М(ери) бульон? — А мне смертельно жаль покидать Ниццу (из эпикурейства — *Naturgenuß'a*¹).

У «Поляр(ной) звезды» можно поставить «*Revue anniversaire*»².

У меня с вчерашнего вечера сильный понос — должно быть простудил живот.

Прощай.

Тхоржев(ского) письмо получил, я ему отправлю на днях три или четыре ящика — и буду писать после получения Бразевича с чесноком. Мой совет, чтоб Тхор(жевский) не очень заедался с Пердом — пусть только делает его горячие поручения — *froidement*³.

Отъезд пока назначен *invariablement*⁴ 17 июня.

«Понятное дело, разумеющееся дело», что если I главы «Якушк(ина)» достаточно — то тем лучше. Материал затрачивать не надо. Что насчет † Сазонова?

Корр(ектуры) «Пол(ярной) зв(езды)» — не получал.

1 июня (20 мая) 1868 г. Ницца.

1 июня. Понедельник.

Завтра, если ничего не помешает, в три с половиной мы поедем в Лион — прямо — и оттуда я вам напишу. В Лионе я бы хотел остановиться дней на десять. В Кольмаре и Мильгаузе — до 1 июля (*un peu plus, un peu moins*⁵). Конечно, всего лучше тебе приехать было бы из Крейцнаха. Жить там тебе я не думаю чтоб было хорошо для Мейз(енбург), но доехать и отправить(ся), напр(имер), в Страсбург или Кольмар — было бы недурно.

Зачем ни ты, ни Саша (он, впрочем, ко мне совсем не пишет, даже свою брошюру разослал всюду, а мне не присылал — в силу чего я поручаю тебе купить экземпляр и прислать в Лион

¹ наслаждения природой (нем.); ² «Юбилейный номер» (франц.); ³ хладнокровно (франц.); ⁴ твердо (франц.); ⁵ немного более, немного менее (франц.). — *Ред.*

poste rest(ante)¹⁾ не писали ни слова о плане Мал(ьвиды) ехать в Крейц(нах) с приложением вашего мнения. Я боюсь за Ольгу тамошнего общества (русского) — это 500 Волод(и-мировых), а не одна. Мальвида ничего не увидит, разве ее сестры. Воды в Крейцнахе, наверное, пить не нужно, это бы спросить у Шиффа. — А прогос, правда ли, что у Долгор(укова) гипертрофия сердца? Он в Интерлакене.

Переходя снова к философии de la vie privée²⁾, я скажу, во-1-х, идеализм не все бывает одинакий, у Мал(ьвиды) идеализм книжный, экзальтация общими теньями — без анализа, без желанья ясности. У N(atalie) — оставшиеся без малейшего разбора русско-молодые экзальтации сороковых годов. Ты говоришь, в чем люди обманули ее? Да тут-то и бывает вся загвоздка, что все *это кажется* (как ты это не поняла? — напр(имер), N(atalie) теперь думает, что идеал женщины-матери — Сатина, девушки — ее Тата. Ну, приезжай они сюда — на полгода хватит воспоминаний etc. — а потом непременно отдаление, потому что S(ати)на не идеал — а добрая саранская помещица, а Тата — вероятно, чистое и благородное, но далеко не развитое существо — разве это не есть идеализм, фантазмагория, мешающая видеть то, что в самом деле? Те же отношения к Ал(ексею) Ал(ексеевичу)).

Villari сказал тебе вздор — но ведь и на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга — а физиология общественной, исторической жизни важна, социология в общем и изучение страстей и влечений в частном важны. Не верить религиозным бредням еще не значит сводить все вопросы — на химию. В юности обыкновенно делают эту ошибку в ту или другую сторону.

Не могу я тебе писать никакой теории брака. Нормального брака нет. Это все неверные приемы — так Платон, Томас Морус писали свои идеальные республики. Брак — изменяющаяся, историческая форма отношений мужчины и женщины друг к другу и к детям. На сию минуту общество требует *заявления* брачных отношений — но не верит в их христианскую неразрывность. Частно этого не переменишь — надобно вводить больше и больше разума в существующее, институты. Сделан брак из религиозных оснований — а поддерживается *воспитанием и наследством*. Фурьеристы принимали все формы брака — от самого постоянного до самого ветреного (они называли rapilionacé³⁾). Уничтожай брак сколько хочешь — бед и коллизий не устранишь. Женат или нет был Отелло — он все задушил бы Дездемону, и Дон-Жуана не остановила бы, без сомнения, никакая церковь. Нравственность — дело исто-

¹⁾ Разве цензура задержала?

²⁾ частной жизни (франц.);

³⁾ мотыльковым (франц.). — *Ред.*

рическое, человек, поступающий сообразно своему понятию о добре и зле, поступает хорошо, и почти всегда под влиянием исторического развития. На сию минуту для полной практической свободы — брак так же необходим, как капитал, наследство и др. вещи, в которые, в сущности, мы не верим.

Пуще всего следует обратить внимание на то, чтоб в понятиях было единство и последовательность. Для этого надобно много думать, да и для облегчения кой-что почитать. О втором после. Вот тебе опять диссертация.

Я послал новым путем 2500 фр. на имя Саши — пришли ли?

Скажу тебе по секрету, что чем ближе срок к Prangins, тем больше Огар(евым) овладевает страхом переезда (полчаса по железной дороге!) — я при Саше говорил то же о Лозанне. Неподвижность — у него *idée fixe*¹. Если б я и этот раз предвидел — я отложил бы поездку, и очень. Видишь, как все сложно и трудно в жизни — шагу нельзя просто ступить.

Лиза похожа в обоих портретах. Я был с ней один, и потому прическа на моей совести — но она недурна. Да — она очень умна, и если бы ты хотела, ты ей могла бы принести пользу, и даже действием на Nat(alie), но не прежними путями. Самоперевоспитание — великая вещь, ты имеешь много фасилитетов на него — неувлекающийся характер и светлый ум.

Затем прощай. — Пиши Lyon. Poste restante.

Ольгу обнимаю и целую — рада ли она ехать в Швальбах — Руфенах, или как?

У Бернадского чемодашечка была — ну где же ему шитьво Волод(имировой) брать.

Я послал вам Мишле «Louis XVI» — превосходный том. Читать сейчас.

337. М. МЕЙЗЕНБУГ

1 июня (20 мая) 1868 г. Ницца.

1 juin — l'ultimo giorno
di Nizza.

Très chère, docte et minéralisante Malvida. Il y a malheur avec votre manuscrit. Personne ne l'a reçu. Tkhor(zevsky) m'écrit, Ogareff m'écrit du 29 — pas de manuscrit. Allez donc à la poste, faites un «ciarliamento» — écrivez à Mme Umberto, à votre frère-apostolique et romain — mais ne partez pas sans avoir mis à l'ordre *diese Angelegenheit*.

Nous partons — vous avez raison que c'est absurde. Mais est-ce que vous pensez que votre voyage à Kreuznach ne soit pas absurde? L'absurde c'est une des poésies du *common life*

¹ навязчивая идея (франц.). — *Ред.*

et du grand *struggle of life*. Au lieu de vous masser à Carrara, d'aller de S. Felice — à S. Terenza — vous allez à *Katzenschwalbgußweilbach*. Au moins vous savez que vous retournez à Florence — moi, je ne sais pas où j'irai — vagabond!

Pensez à ce que je vous ai dit dans ma lettre précédente — concernant la Société des eaux pour Olga. Vous avez les yeux d'amour — qui ne voient que ce qui est excellent — au reste on vous enverra à *<Ирзб.>* et Olga travaillera à l'aiguille Bismark incorporée dans la *Landwehr*.

Donc bon voyage.

Перевод

1 июня — *l'ultimo giorno di Nizza* ¹.

Очень дорогая, ученая и минерализирующая Мальвида. С вашей рукописью случилось несчастье. Никто не получил ее. Тхоржевский мне пишет, Огарев мне пишет 29-го — рукописи нет. Идите на почту, устройте «*ciarliamento*» ² — напишите мадам Умберто, вашему апостолическому и римскому брату — но не уезжайте, не приведя в порядок diese Angelegenheit ³.

Мы уезжаем — вы правы, что это абсурдно. Но вы думаете, что ваша поездка в Крейценах не абсурдна? Абсурд представляет собой одну из поэтических сторон *common life* ⁴ и *большей struggle of life* ⁵. Вместо того, чтобы вам собраться в Карраре, отправиться из Санкта Феличе — в Санкта Теренца — вы отправляетесь в *Katzenschwalbgußweilbach*. Вы, по крайней мере, знаете, что вернетесь во Флоренцию — я же не ведаю, где буду — бродяга!

Подумайте о том, что я вам писал в предыдущем письме — относительно водяного общества для Ольги. Вы влюблены в нее — и видите в ней только прекрасное. — Впрочем, вас пошлют к *<Ирзб.>* и Ольга будет работать иглой Бисмарка, воплощенной в *Landwehr* ⁶.

Итак, счастливого пути.

338. Н. П. ОГАРЕВУ

3 июня (22 мая) 1868 г. Лион.

3 июня, 7 часов утра. Город Лев.
Hôtel de l'Europe.

С грозой и жаром — в сопровождении Бернацкого, который возвратился из Флоренции и на пароходе ехал с Барановской

¹ последний день в Ницце (итал.); ² «шум» (итал.); ³ это дело (нем.); ⁴ обыденной жизни (англ.); ⁵ битвы жизни (англ.); ⁶ ландвере (нем.). — Ред.

(спавшей в каюте — пока я ее ждал), прибыли мы в 10 вечера в Марсель — и сегодня в 6 с $\frac{1}{4}$ в вагоне, наполненном до противности, приехали в Лион.

Все здоровы. И я рад отчасти избавлению от ужасного жара — я раз пять купался в море — и опять есть прыщи. Видно, следует отказаться.

Пойду на почту.

Кланяюсь Пану.

339. Н. П. ОГАРЕВУ

3 июня (22 мая) 1868 г. Лион.

Café Morel. Lyon. 8 часов вечера.

Имею счастье доложить о совершенно благополучном прибытии в богородицей хранимый град. Лиза была очень мила — я их застал в столовой. Nat<alie> уже разлюбила Лион.

Покорный слуга
А. Герцен.

Думаю, что до вторника не уедем. — Пиши сюда до Пенторджа.

340. А. А. ГЕРЦЕНУ

4 июня (23 мая) 1868 г. Лион.

4 июня. Lyon. Hôtel de l'Europe.

Вчера мы приехали сюда — и вчера получил твое письмо посланное не понимаю зачем в Женеву (я писал, чтоб писать в Lyon).

26 июня послал я через Messagerie 2500 фр. *золотом* — о получении их еще нет (а письмо от 29-го), вероятно, пришли — жду сегодня извещения. Могу еще прислать 1000 — остальные все помещены у Ротшильда.

Отчего мне одному ты не прислал брошюры? .

На предложение Шиффа и Маттеучи следует согласиться. Поездка твоя в Германию хороша — но вряд будет ли полезна, потому что она слишком коротка и для пользы надобно быть одному. — Приезжать, конечно, очень можно — но пока Т<ерезина> не говорит по-французски, это будет тяжело, и потому лучше на обратном пути.

Статья в «Le Peuple Polonais» не так дурна, она скорее дерзка и обходит вопрос — впрочем, Бакун<ин> пишет ответ. Писал ее Ченсович с Сер<но>-Сол<овьевичем>.

Скажи Мальвиде — что и поднесь ее рукопись *не приходила* в Женеву.

Тата может ехать когда хочет, я прошу только подробно списаться, чтоб не вышло вздору.— Я намерен здесь остаться до вторника или середины (9, 10 июня) — дни через три напишу, куда писать. Рассчитывать не трудно. Если письмо опоздает — пришлют за мной.

Жар и электрическая погода в Ницце в последнее время были из рук вон. Несколько купаний в море были достаточны, чтоб вызвать два-три прыща опять. В Лионе нас застала гроза и с тем вместе все пошло лучше — потому что холоднее.

Портрет посылаю.

Мне кажется, что Ог<ареву> смертельно не хочется двигаться до Prangins. Ходить он не может, жары его тоже разварили — и я не знаю, как и что уладить, — думаю отдалить поездку туда — съезжу, может, один в Женеву дни на три.

Как Ольга принимает свою поездку в Крейценах? — Лишь бы Мальвиде не повредила эта северная прогулка. Пользы она не сделает. — Что Levier думает об Болдоруком?

Тату и всех обнимаю.

Р. С. С деньгами, т. е. с 5000, будь осторожен, употребляй больше на обзаведение — помни, что они из твоего капитала.

341. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

4 июня (23 мая) 1868 г. Лион.

4 июня, час. Четверг.

Письмо ваше и «Голос» получил. «Polyglotte» не получил. Вот вам еще в «Смесь». Я остаюсь в Лионе до 9 или 10. — Устинова попросите 5-ый том «Войны и мира». Посылать сюда не надобно. Здесь хорошо — и, наконец, не жарко. Я под конец в Ницце испугался. Такое раздражение с приливом к голове, такая нервность (я вздрагивал от всего, скверно спал), несмотря на диету, пива не пил, пил только бордо и сагафон frarré¹ с каплями коньяку. Мяса не ел $\frac{1}{4}$ фунта. Но жар доходил до 32 в тени и с электричеством.

Не приехать ли мне отсюда дни на два к вам в Женеву? (Останов<люсь> в Hôtel de la poste.)

У Чернецк<ого>, наверное, есть еще материал — «о рефюжье» и т<ому> подобное; неужели я забыл ему отдать — он возвращал мне при Саше.

Звать вас сюда или нет, не знаю. Дайте срок — присмотреться. Ну, что нога Огар<ева>?

Прощайте.

¹ графин замороженного вина (франц.). — *Ред.*

Что молококане?

Пишите: Lyon, Hôtel de l'Europe, Quai du Célestins, ch. 59.

У Касатк<иной> рукопись достать необходимо. Пусть она мне продаст и вам вручит деньги — она так хотела этого.

342. Н. П. ОГАРЕВУ

5 июня (24 мая) 1868 г. Лион.

5 июня, пятница.

Hôtel de l'Europe, ch. № 59.

Я всегда имел слабость к Лиону и теперь тоже — печально-большой, серьезно-занятой и необычайно красивый город. Все удобства жизни; всё, что нужно для воспитания, — и ширь, какой в Швейцарии нет, в Италии нет, в Ницце нет. Зима, вероятно, женевская — но кто же заставляет нормальных людей не уезжать на четыре месяца? Вся Англия так живет. Если б Франция на некоторую долю предоставила покой — не задумавшись нанял бы здесь дом с садом — 5 часов от Женевы, 13 от Парижа и еще на улицах чистый воздух.

Статья Шедо-Ферроти в «Polyglott'e» глупа, — пошли набрать прилагаемую отметку бревьером как подстрочное примечание к статье Бакунина.

«Голос» и все пришло. Писем от тебя здесь еще не было. От Тхор<жевского> получил. Вероятно, 10-го поеду, т. е. поедем в Мюльгуз — но об этом еще напишу.

А ргоро, к выгодам Лиона — *ни одного русского* — ни мерзких генеральских харь наших туристов, ни безобразных, исхудалых Каинов нашей золотой юности ... Идти по улице и знать, что не встретишь чижичка, урыльничка, капельку, жопку и жука — одно увлекает уже.

Тхоржевс<кого> прошу мне «Колок<ол>» не посылать больше 5 экз<емпляров>, да и то пусть подождет адреса — а mise en pages можно сюда прислать. Русский mise en pages я получил — вели печатать, я раз читал.

Был вчера с Лизой в театре.

343. Н. П. ОГАРЕВУ

6 июня (25 мая) 1868 г. Лион.

Суббота. Час. 6 июня.

Lyon. Hôt<el> de l'Europe, Quai du Célestins.

Нет сомнения, что одно письмо, и очень важное, пропало — именно то, в котором я хотел узнать твое последнее мнение о Prangins. Напиши еще раз. А я здесь похлопочу на почте.

Ты пишешь (вследствие) моей описки) Lion (это Ольга Ив(ановна)) — а не Lyon. Может, не разобрали.

С чего ты взял, что я именно в воскресенье собирался ехать в Женеву — и Пан тоже? Я вообще писал вопросительно и дубитативно. Во всяком случае ничего не решал. Конечно, извещу Тхор(жевского) за 12 часов. Может, приеду из Милуза или Кольмара. Теперь прошу написать письмо (в понедельник могу получить), для того чтоб сказать, что же ты писал насчет Prangins.

А что портрет Лизы?

Лионом я доволен, а Нефталъ Шурцем и Каппом — благодарит меня за него. Письмо его светло, ему и Манда императив не мешал.

Брошюру Саши прочитал и напишу несколько «соображений». Это то же, что было по-французски, и возражения остались те же.

Что будет в «Поляр(ной) звезде» после моей статьи?

Иду на почту справляться о письме.

Прощай.

Из Ниццы все прислано аккуратно с почты. Кто носил твоё письмо, можно справиться. — В «Монитере» панегирик И. Тургеневу.

Еще слово: зачем ты пишешь на адресе фамилию микроскопическими буквами?

3 часа.

Письма нет — не послали ли в Sion? — Справьтесь там. Г. г. здешние говорят, что, может, отослано в Париж, если не было pos(te) rest(ante), и там рекламировать.

344. Н. П. ОГАРЕВУ и С. ТХОРЖЕВСКОМУ

7 июня (26 мая) 1868 г. Лион.

8 июня. Воскресенье.

Доискался-таки твоего письма в здешнем пост-офисе. Штемпель Genève был на фамилии, написанной мельчайшим и тончайшим шрифтом.

Но, карейший, фонд или фон дела не изменился — вот в апёпрях что ты писал: «Итак, вы едете во вторник. Признаюсь, что предстоящее передвижение меня настроивает грустно... тем паче что Туц беспрестанно спрашивает: „why“¹. — И я не знаю... etc., etc.» Если ты забыл или написал сгоряча — то все же оно остается schwarz auf weiß². Я тут требую только

¹ «почему» (англ.); ² черным по белому (нем.). — *Ред.*

нелицеприятной и беспощадной *правды* и сам ею плачу. Вопрос так выразится — взглянуть на Лизу, Тату и N<atalie>, не говоря обо мне, доставит тебе п — удовольствие, а съездить за город и провести месяц вдали от привычек: р — горестей. Ну и надобно себе на духу сказать, что $p > r$ или $r > p$? Я смело говорю, что $r > p$ ¹. Чтоб сделаться понятнее, я даже принял исковерканный язык Дм. Мат. Перевощикова. Я тебя и спрашиваю — дай мне намек, как приехать с Лизой и N<atalie> в Женеву *не безобразно*, или отложим всю поездку на неопределенное время — а я на днях приеду на двое суток. Всего жалче при этом Лиза — она действительно тебя любит и хочет видеть — и я не думаю, чтоб ей можно было в 9 лет — внести сумбур нашей жизни безнаказанно в голову. Она очень умна и страшно сметлива. Вот и все.

Чем больше я смотрю на Лион — вот город, в котором можно жить à l'abri² сплетен (он слишком велик и занят; в нем нет русских), и приезжать из него мне очень легко. Оставим Prangins до августа или до сентября. В антракте мы съездим (без всякой пользы) в Альзас. Тата, вероятно, приедет к концу июня — в Mülhouse или Colmar. Саша собирается (why тут на месте) в Германию женившись и хочет захватить в Швейцарию. А rgoros, Тата мне писала, что ты Саше проповедовал, что «брак вообще несчастье — а уж там всё равно — на Терезине или на Акулине жениться». Его остановить было нельзя. Но такой аксиомой можно было подстрекнуть. Коли все равно — why not?³ Это совершенно противоположно моему воззрению — жениться на ребенке без состояния, без развития, без образования, из чуждой среды — показывает, что на Акулине жениться лучше: меньше черных шансов. Его ждет — опущение, обеднение, теснота и дети, — всё вещи, легко побеждаемые влюбленными, пока длится любовь. Чтобы кончить семейные идиллии: N<atalie> пытается обуздывать себя — и когда все тихо, идет жизнь так себе. Но при малейшем поводе — воскресает снова «старая Ева» и все первые движения антигуманны.

Не мешает прислать mise en pages франц<узского> «Колокола».

Я подожду еще от тебя письма или двух и, может, в среду (или четверг) приеду — заранее Пана уведомя. Вообще я из Лиона тороплюсь медленно — а потому расчесь присылку mise en pages нетрудно. Коррект<уру> «Поляр<ной> звезды» (о Франции) могу сделать в Женеве.

И затем прощайте.

¹ Ясно, что если б ты мог видеть всех в Женеве — $r = 0$ и p в maximum'e.

² в безопасности от (франц.); ³ почему нет? (англ.). — *Red.*

Тхор<жевско>му.

А уж вы, ясновельможный, и в воскресенье и час назначили... нет, и я стал двигаться медленно. Это один Нефталъ у нас по бурям и чудесам носится себе за океан.

Я не на шутку думаю, что в Лионе можно жить до зимы и иметь постоянную квартиру. Все условия есть, и жизнь недорогога. Отсутствие живущих туристов заметно на человеческом обращении народа, лавочников. Вот кто бы думал?

После обеда. Сейчас получил письмо от Meysenbug — она отправляется 12-го в Крейцнах, будет с Ольгой в Мюнхе и Тироле и осенью через Бреннер в Италию. Тата едет с какими-то англичанами — через Splügen и Baden (нет ли поручений Тургеневу?), в Baden'e будет ждать назначения rendez-vous. Саша отправл<ается> в Берлин.

Ты видишь, что партия движущихся гораздо богаче столпников байбаков (не по болезни, а по форлибе).

Жду Сазонова панихиду.

Манускрипт Мейзенбург вам отдаст Сомье.

Паки
Огар<е-
ву>.

345. А. А. ГЕРЦЕНУ

8 июня (27 мая) 1868 г. Лион.

8 июня. Понедельник.
Lyon. Hôtel de l'Europe.
Quai des Célestins.

Письмо твое получил и брошюру от Тхоржевского. Я ее перечитал внимательно и могу сделать кой-какие замечания, пока скажу, что заглавие *sulla volontà*¹ — не совсем идет. Это диссертация о развитии разных физиологических функций — причем есть речь и о *volontà*. Заметно влияние Пенизи в разных итальянских цитатах. Вопрос этот разбирать так нельзя — и Конт его отнес к социологии. Ты лучше доказал, что нет *души* — чем уяснил функцию того, что называется *волей*. Остальное потом.

Лион мне очень нравится — здесь я остался бы до зимы, т. е. до ноября. Город этот мне всегда был симпатичен. Он велик, изящен по положению, серьезен и тих. Жить не может быть дорого, от Женевы пять часов, все средства есть. — Несмотря на мой *faible*² к Ницце, я рад, что выехал из ее жара, он был этот год — свиреп, и я начинал побаиваться кондрашки. — Нога Огар<ева> идет плохо, я еду на два дня в Женеву и, следственно, вряд уедем ли отсюда ранее 15-го — а впро-

¹ о воле (итал.); ² слабость (франц.). — *Ред.*

чем, до новых распоряжений после 12-го пиши на адрес Тхоржевского.

Пришли мне от 3 до 4 экз⟨емпляров⟩ брошюры хоть со Степаном, хоть по почте в Женеву.— Да пошли один по следующему адресу — France, M^r le docteur Coste — Montpellier — Rue de vieux Courier, № 4. Напиши в ней «De la part du fils d'A. H.»¹ и что хочешь, можешь прибавить вторую лекцию.

Итак, все в разъезде — это почти забавно. Мне жаль, что ты именно теперь едешь в Германию, мне жаль, что ты не сдержал добровольно данного слова, — но времена такие и ошибки такие со стороны старших и меньших... что я невесело склоняю голову. Скажи Тате, что о Prangins прежде 15 июля и думать нечего, Огар⟨ев⟩ не может — но она может приехать когда хочет, поездим по Альзасу и поживем в Лионе. Пусть за два дня сообщит через Тхорж⟨евского⟩ (504 Route de Carouge), может и телеграфировать. Скажи ей еще, что если она поедет с англи⟨ча⟩нами — чтоб была ужасно осторожна насчет финансов — и не позволяла бы за себя платить. В Лионе ей будет весело.

Сегодня получил письмо от Булевского — разумеется, с выговором за статью.

Затем прощай.

346. Н. П. ОГАРЕВУ

8 июня (27 мая) 1868 г. Лион.

8-ое. Понедельник.

Ну не понял, так тем лучше, только я думаю — ни Конт, ни Франкёр, ни сам Брашман (я всё набираю математиков) — иначе не развернули бы скобки тобой предложенного уравнения.— Но все же авантаж с моей стороны — и мне очень досадно, что не понял. Если б тебя можно было хоть к августу вместо Prangins перетащить сюда (т. е. в Лион) — тут прожили бы свободно месяц.

В Альзас *очевидно* ездить не нужно — но этого не посадишь в голову.

Что же ты ждешь от Туца и Лизы — они встретятся как дети, с ними, вероятно, N⟨atalie⟩ будет хороша.

Портрет Плаутиной отошли твой, тем больше что Лиза тебе готовит другой в сюрприз с рамкой, которую она купила *на свои деньги*.

Засим до свиданья.

¹ «От сына А. Г.» (франц.).— *Ред.*

В середу или четверг буду.
Зачем ты не прочел письмо Булевского? У меня голова тяжела и работать не могу.

На обороте: Н. П. Огареву.

347. Н. А. ГЕРЦЕН

9 июня (28 мая) 1868 г. Лион.

Tante.

9 июня. Вторник.

Сейчас получил твое письмо. Писать буду потом. До 15 мы в Лионе (я от Лиона в восхищенье. Завтра еду на два дня к Огареву), в Пранжен раньше 15 июля и думать нечего. Нога ноет плохо, а обмороки очень часты. Где же и как мы встретимся? Пиши на адрес Тхорж<евского>.

Дело не в том, что изучение начинается физиологией, а в том, что физиологи воображают разрешить своей частной физиологией явления социологические и на это у них сил нет. Социол<огия> может быть сведена на физиологию, как физиология — на химию, химия — на движение; их единство знать надобно, но это такое же неопределенное, как другие, как слово бесконечность.

Книжка Саши хороша — но неудовлетворительна (а ты посмейся над его юноавторским самолюбием, что он боялся, что ее не пропустят во Францию и что читая «La Pensée Nouvelle»...).

Представь себе, если мы восстанем на то, что собаку называют собакой, а будем, сводя ее на составные части, говорить: «Ах, видите вы эту окисленную и проугленную селитро-известковую массу с железцем... и фосфором — как раз бежит по тротуару». Как мы много выиграем — а все может быть верно.

От Нефталя письмо — он купается в счастье. Живет в New York и с Каппом приятель, и с Шурцем приятель.

Я воображаю, что в начале июля мы будем опять в Лионе и здесь ждать. Пиши о всех проектах.

Ты знаешь, что ты денег получаешь собств<енных> по 80 фр. с чем-то — но франц<узских> франк. в месяц это выйдет 90.— Лиза получает 4 фр. в месяц и с тех пор из своих денег не тратит. Только здесь купила рамку для Ага — его она страстно любит и помнит.

16 июня. Вторник.
Lyon. Hôtel de l'Europe.

Пишу эту записочку для взаимного ориентирования или рекогносцировки. Все *membra desjecta*¹ должны теперь перекликаться.

18-го, в четверг, мы едем в Colmar (Haut Rhin)— и 19 будем там и, наверное, пробудем до 1 июля. Я могу ехать навстречу Тате, могу ее подождать в Страсбурге, в Базеле... это ваше дело. Главное писать в Colmar — Н<aut> R<hin>, poste restante до 1 июля (с расчетом дней дороги).

Ну что Мейзенбург и Крейценах? Записками ее я не совершенно доволен, она очень ярко обделала свою семью — папашу и мамашу. «Былое и думы» так сильно действовали оттого, что краски верны. Много идеализма. Кто переписывал вторую часть? Почерк хорош, но с ошибками — неужели Берта?

Я был три дня в Женеве. Огар<ев> живет à la lettre в цветнике: трельяжи, виноград, цветы. Это только океанид Тхоржевский мог чутьем найти такую дешевую прелесть. Я Огаревым — доволен. У него вид покойнее, глаза чище, и он говорит ясно и охотно. Отсутствие вина сделало много пользы. Но зато с ногой — мало подвигается. Майор запретил становиться на больную ногу — он становился, и маленькая кость несросшаяся — дала в сторону. Опять лубки. Майор велел ногу подвязывать, когда на костылях. Огар<еву> это не нравится. Его неловкость и потерянность в мелочах — доходит до трагически смешного. Каждый из нас, поджавши ногу на костылях, пойдет вдесятеро лучше его. Он, принимаясь за костыли, делает лицо человека, которого заставляют идти побитому стеклу, — я боюсь всякий раз обморока. (Обмороки очень часто — но легки.) Он собирается к 15 июлю в Prangins. Его положат в коляску и из коляски вынут в Prangins. Может и попозже — это зависит от ноги. Я пришел к тому, что больше *двух недель* ему не следует быть вне дома и что лучше отдалить до 1 августа. Не следует быть — по его совершенной беспомощности и привычке к уходу.

В Женеве я встретился с Мечниковым натуралистом — он очень поумнел и очень делен. Напиши мне, зачем ты с ним сухо встретился и Шифф тоже — как мне показалось из его слов. — Фогт, хваля его Клапареду, сказал: «*Немцы его не любят*». Мне кажется, что это не *causa sufficiens*² — для тебя. Об этом напиши — Colmar, poste restante.

¹ разбросанные члены (лат.); ² достаточная причина (лат.). — *Ред.*

Лев Мечник<ов> — отпустил свою Скарятину.
Бакун<ин> заводит журнал и весь в Элпидине и К-нии.

349. Н. П. ОГАРЕВУ
16 (4) июня 1868 г. Лион.

16 июня. Вторник.

Corpus Dei... Ну вот тут и пиши Бакунин о решительном уничтожении государства, а ты о рациональных законах — математических и Мерчинских в экономических отношениях. — Крупов стоит, хохочет и говорит à la Noscoff: «Мелите кривые — грош на полке».

Мимо наших окон тянулась вперед и назад процессия — драгуны, пехота, генералитет, попет, епископет и пр., сотни дам, детей с разными игрушками и пениями, все это в волнах народа. Сочетание войска и попов очень хорошо — пышность etc., etc. На два века всего этого станет. — 1792 и 1840-ой год — для Лиона так же прошли, как для его соседей, и кучка студентов, по Конту и по не Конту, остается новомандаринской кастой. Что же искать законов логики — у поврежденного?

Вероятно, послезавтра, в четверг, мы поедем прямо в *Кольмар* — а потому до перемены можно писать на мое имя: Colmar (Haut Rhin). Poste restante. В Colmar'e, вероятно, останемся до 1 июля. Погода превосходная. Я еще раз пишу, что Лионом совершенно доволен.

Часть записок Мейз<енбург> прочел; чтоб их печатать — я меньше вижу препятствий, чем на то, чтоб их читать (не по дружбе, а просто). Мне кажется, что ты очень дурно знаешь современное *мыльё* — оттого тебя и Барни дивит. Отшельничество и дума ставят человека вне торговой бани и рынка, — в одиночестве душа с богом говорит — а на рынке «та... та... та... тра...тра... тра та та... и она ему сказала: „Плевать мне на тебя⁶⁶ и он, матушка, так и заиндевел — а злодейка-то Аленка смотрит из-за угла — и смеется — а зубищи-то черные — всё от румян... та... та... та...» — а мудрый ищет формулу... и другой мудрый ее поймет через сто лет — à chemin faisant¹ всех

habebit humus².

Дома тихо — хоть был и мирно-дурной разговор, который показывает, что тут ничего не поправишь. Разговор заставил о многом подумать — но еще не стану писать.

«Колок<ола>» нет. — Если быстро ответите и пошлете на почту до 2-х часов — письмо придет в 8 утра в четверг. А впрочем, пожалуй, посылайте в Colmar, туда же и «Голос».

¹ по пути (франц.); ² поглотит земля (лат.). — *Ред.*

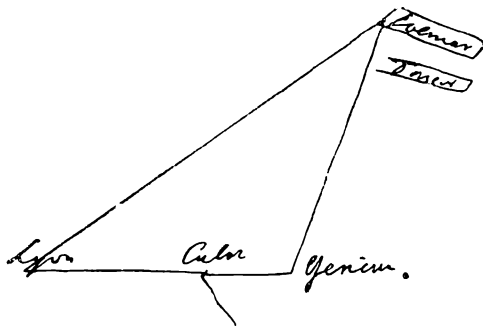
Р. С. Тхор<жевский> был прав, я очень скверно провел ту ночь. Посылаю тебе 1-ую часть Базарова, я ее промыл и забыл отдать. Попробуй хладнокровно прочитать — и отдай Чернецкому, если дашь *imprimatur*¹.

350. Н. А. ГЕРЦЕН

17 (5) июня 1868 г. Лион.

17 июня. Lyon. Hôtel de l'Europe.

Письмо твое от 13-го меня как-то удивило и сконфузило. Если б было время — я многое бы переменял бы. Для большего конфуза ты даже приблизительно не написала, когда едешь, а едешь еще по черт знает какой дороге — Mont Cenis'a.

Знай я, мне легко было бы остаться здесь. От Кюлоза тебе было бы всего проще заехать сюда и концерттировать. Но я не могу остаться, потому что ты ворочаешь оглобли от Кюлоза в Женеву. Ну приедешь ты в Женеву — где же ты будешь жить? Тхоржевскому я напишу — но все это бесконечно спутано и неловко. Отчего было бы просто не списаться и сделать все по общему плану. Случаев много — а тебе было все равно, выехать ли к 15—25 и пр.

Мы едем завтра в Кольмар — и, наверное, там до 1 июля. Телеграфировать трудно, не зная отеля, — пиши как можно скорее.

Неужели план этот апробовал D^r Al. Her<zen>?..

Фотографию можно прислать.

В Женеве я встретил Володимирову в пирожной и ел с ней.

¹ санкцию на печатание (лат.). — *Ред.*

Я и теперь стою на том, что ваши кальвинисты поступили с ней *goïde*¹. Ею легко управлять.— Прощай.

Если нужно телеграф<ировать> — то телегр<афируй> Тхоржевскому.

Будь очень внимательна, чтоб посторонние за тебя не платили, в Женеве Тхорж<евский> может тебе дать денег.

У Огар<ева> места нет, да и, *entre vous*, Mary ходит за ним превосходно, кормит его отлично — но очень пустая женщина, себе на уме при этом и к тому же постоянно смеется. Гепри — плох из рук вон, даже у него лицо красивое — сделалось тупо. Туц мил и жив. С ними скука,— к Касатк<иной> я не позволю селиться. Владим<ирова> одна с сестрой (Устинов в Эмсе)... Наделала ты кутерьмы.

Тург<енев> Ив<ан> Сер<геевич> играет роль Огра — у себя, при королеве прусской и разных герцогнях. Виардо с ним, она писала музыку, он — либретто и таким образом стал придвор<ным> шутом.

Как вы с прислугой? Пиши: Colmar (*poste resta<nte>*). Haut Rhin.

Я Саше писал, что ему лучше приехать с Т<ерезиной> после, когда она выучится по-франц<узски>, — что же так возить, как куклу, — никто ни слова.

351. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

17 (5) июня 1868 г. Лион.

17 июня. Lyon.

Что день, то новость. Сегодня получил от Таты письмо она собралась ехать с какими-то англичанами через Mont Cenis в Кюлоз и Женеву, где намерена ждать, куда ехать... Ни числа, никаких подробностей и опасная дорога через Mont Cenis. Как будто она не могла прежде списаться. Я ей написал, — но застанет ли письмо? Да еще как вы будете в Интерлакене.

Я вас прошу принять все меры и тотчас мне написать. Не лучше ли ей остановиться у Вол<оdimировой> (да стыдно после ее ссылки). У Огар<ева> — тесно и неудобно.

Все это отнимает последний покой — и еще с проклят<ым> Mont Cenis.

Едем как сказали, пишите в Colmar.

Вчера я купался в Роне отлично. Лиза робует в реке, — ей кажется очень мудро, что вода сильно несет.

¹ жестко (франц.).— *Ред.*

Писать больше нечего, — покажите Огар(еву) записку. Читал ли он в газетах, как *Тургенев* представляет буффона королеве Пруссии на сцене своей виллы — окруженный немецкими княжнами — с старушкой Виардо? Весь Баден-Баден восхищается от его «Оге» — он лев да и только. Жаль мне, что он не на дело, а для роли шута треплет свое влияние.

Прощайте.

Известите о получении Огар(евым) рукописи — часть Мейз(енбург) и часть моей. Тогда я пришлю еще.

Тата могла бы, если поедет в Кольмар, захватить к Марию Каспар(овне) на сутки — скажите ей.

«Колокол» получил. Он отпечатан на другой бумаге — мягкой и которая в несколько дней изотрется. Ошибки есть, но это наша вина — однако и Давидова.

352. А. А. ГЕРЦЕНУ

20 (8) июня 1868 г. Кольмар.

20. Colmar (Haut Rhin).
Hôtel des deux clefs.

Письмо твое получил — с поразительно скверной фотографией. Что же Тата делала, когда ты принял такую карточку, и это в городе, где есть Алинари и др. — Пожалуйста, не рассылай их. Поездка Таты — очень нелепа. Почему она сама назначила приехать в конце июня — я так все и рассчитывал — что за безобразие жить в Hôtel de la Poste — у Устиновой лучше. К тому же мы в Лионе до 3, 4 июля не будем. И что за проба одной ехать через М(онт) Cenis?

Насчет денег не лучше. Остаются у меня по вашему счету 3000 (по-моему, немного меньше — но об этом говорить не стоит), но ведь эти 3000 — до 1 января 1869 года. Чем же вы будете жить, если я в июне должен их отдать?.. Стало, вы прожили уже около 12 000 в 6 месяцев. Ну, это тяжеловато — если и полных 15 000 мало... Это сойдет опять на такой же дефицит, как в 1867 году — ergo денег вперед давать вам нельзя. Я в оклад больше не прибавлю. — И не могу — и не должен.

В Германию ехать хорошо для серьезных занятий, на другой день после женитьбы занятия не пойдут — ты это увидишь.

Сложные *междоличные* функции и явления потому-то и имеют важность социологическую и требуют исследования,

что ими физиология не занимается — и не может заниматься. Социологические законы — законы музыки — физиологические законы — относятся к сотрясению каждой струны — и то и другое верно, и то и другое anders potenziert¹. Негация может быть верна — но бедна, не обхватывая всего, что отрицает.

По вставкам Пенизи, открытым мною, ты видишь, что я читал внимательно.

Ногн с тех пор уж написал вторую статью в ответ на нападки — постарайся взять №№ «Liberté» (это дней за пятнадцать и № пять-шесть), где Жирар<ден> говорит о наказаниях, — он головой выше французов.

Жар страшный — я на дороге изнемог. И страшные головные боли и приливы.

№3. До 29 пиши в Кольмар.

Кельсиев издал том «Пережитое и передуманное».

353. Н. П. ОГАРЕВУ

20 (8) июня 1868 г. Кольмар.

20 июня. Colmar (H<aut> Rhin).
Hôtel des deux clefs.

Ну, батюшка Николай Пл<атонович>, путь сюда — это стоит абиссинской кампании. Я несколько раз думал, что если б ты до преломления был в этом положении? Жар доходил до 30° цент. в тени, вагоны накалены — у меня повторилась головная боль, как в Женеве, да к тому же насморк. Мы разделили путь на две части и в Безансоне ночевали. Франция во всех нутрах своих — не на самых главных артериях — еще находится в состоянии времен Тюрго. Приехали в 11 часов (опоздавши часом). В отели заставили ждать. Здесь Лиза посоловела, ночь... Наконец решились признаться, что у них утром выгорело полдома и что места нет. Нас повели в какой-то саранский постоялый двор, в котором даже кофею нельзя было достать в 12 ч. ночи. Выспались кое-как, и утром опять в вагоны — жар еще ужаснее. Я начал серьезно бояться прилива. А тут в Бельфоре — ждать на станции 2½ часа, в Милузе 2 часа — разные дороги, не умевшие согласоваться. Наконец, вчера, приехавши в 9 вечером в Colmar, я в десять бросился в постель — всю ночь в каком-то полубреду (серьезно), — утром у меня пошла кровь из носу, чего не бывало лет

¹ по-иному потенциально (нем.). — *Ред.*

сорок. Вчера и третьегодня была кровь <1 нрзб.> — но сегодня несколько капель. Пойду взять холодную ванну и приму glau-ben Salz¹.— Сошло с рук. Но аминь — впредь, кроме в ночных trains, я в жары ездить не буду. Лиза вынесла геройски и теперь еще спит. Nat<alie>, разумеется, не без аксесцев.

Я писал к Шофуру, чтоб прислал сюда рекоменд<ательное> письмо к J. Масé. Школа знаменитая, отсюда недалеко (кажется, две станции). До 30, вероятно, останемся здесь. Иду на почту.

Ты знаешь, что Тата вдруг написала, что едет с кем-то через Mont Cenis и Culoz в Женеву и оттуда к нам в Lyon. Я писал, чтоб остановить недели на две. О Prangins еще ничего не знаю — я на этот счет имел дурной разговор — хотя summa summarum² все идет тихо.

Прощай.

Тхоржевскому препоклоны. Корректуру и все посылать на мое имя, а не на имя Natalie — так я распоряджусь на почте.

По тому, что я вижу здесь везде Kleinstädchen'ы³ — аминь, аминь глаголю вам:

Es ist nur ein Löwe,
Es ist nur eine Stadt Lyon⁴.

И я предлагаю до Ниццы жить там. К тому же в Hôtel de l'Europe хозяйка влюблена в Лизу и нас носят все на руках.

Предлагаю на адресах к близким знакомым не писать Monsieur и М-г.

12 часов.

Жар опять страшный, голова болит. Аптекарь советует пить кремортартар.

Ворох писем: от Шофура, ваши и проч. Если б Тата внимательнее читала мои письма, она не поехала бы теперь — что она будет делать три недели или almeno 2? Я советую остановиться у Володимировой и съехаться потом, по общему условию, ну хоть в Базеле или в Лионе, не ближе 5-го июля.

Книгу Кельсиева... полцарства за книгу Кельсиева! Я пишу немедленно разбор.

О Базарове опять-таки я не настаиваю; второе письмо готово, я его пришло на днях. Выписка «она в глубине души...» очень ясно по смыслу идет в продолжение другой выписки.

Вероятно, поря на почту, послезавтра дальнейшее.

¹ глауберовой соли (нем.); ² в общем (лат.); ³ маленькие городишки (нем.); ⁴ Есть только один лев, Это город Лион (нем.).—Ред.

23 июня. Colmar (Haut) Rhin.
Вторн(ик). Deux Clefs.

Осматривал Бебленгейм. Приняли нас чудесно. Много хорошего, много так себе. Но так как серьезной цели при этом не было — то и all right¹. Ж. Масэ замечательный деятель — простой, но умный человек, живущий 16 лет в Бебленгейме и делающий чудеса пропагандой сельских библиотек и Ligu'ой первоначального образования. У него тысячи адгерентов во всей Франции. Я тебе пришлю бюльтени презамечательные. Религия и политика — формально исключены (положительно и отрицательно). При свиданье расскажу много.

Все время был болен — приливы, насморк и головные боли без перерыва. Сегодня лучше. Имел lâcheté² сходить в военную госпиталь и посоветоваться с тамошним доктором. Он велел пить ежедневно по порошку:

Bicarb. de soude 1 gr.
Carbonate de lithin 0,5.

Что это литин?² — Ты, как d-г, должен объяснить. Пива пью мало, водка совсем исключена, вина — бутылка в день.

25 вечером едем в Мюльгауз (если будут письма — перешлю за мной). Здесь брат Шофура — у того Ш., которого ты видел, отнялись ноги — но надеются исправить. Я поеду к нему в Тан. Радушие везде большое, и Шофур прав, он в ответ на мою прособу о рекомендации Масэ написал: «Вот вам записка, mais je m'en garde bien de me donner le ridicule de vous recommander — votre nom suffit en France³» — и без хвастовства — оно выходит так.

Лист «Полярной зв(езды)» (ужасно дурно поправленный тобой — заметь, что ты все меня винишь, а я тебя — мелких ошибок 50 almeno) посылаю Чер(нецкому).

Одно письмо я нашел здесь — затем ни слова. Что же Тата? Лучшее, что она может сделать, — это ехать а) к Мар(ье) Каспар(овне) дня на два — и потом прямо в Мюльгауз. Но все же раз вперед написать. А когда я напишу об отели — если нужно, телеграфировать.

Засим прощай.

Адр(ес): Mulhouse — poste restante.
(Haut Rhin).

¹ все благополучно (англ.); ² малодушие (франц.); ³ по я остерегусь ставить себя в смешное положение, давая вам рекомендации, — во Франции достаточно вашего имени (франц.). — *Ред.*

355. С. ТХОРЖЕВСКОМУ

23 (11) июня 1868 г. Кольмар.

Люб(езный) Тхорж(евский).

Поплите сейчас полную коллек(цию) — франц(узскую) от 1 янв(аря) — и посылайте следующие по адресу:

Monsieur J. Masé.
Beblenheim (près Colmar).
Haut Rhin.

Жду от вас писем. Я чуть не околел — теперь лучше.

23, вторник.

Пишите, Mulhouse (Haut Rhin),
poste restante.

356. Н. А. ГЕРЦЕН

24 (12) июня 1868 г. Люцерн.

24 июня. Среда.

Tante.

Очень рад, что все с рук сошло. Жаль, что Hôtel de la Poste постоянно набит мерзким обществом немецких сидельцев.

Подробности и пр. в другое время. Альзас с виду беден, но интересен — и имеет свой ум и сильное образование.

Я везде был принят превосходно. Брат Шофура играет здесь роль, очень умен, очень образован — и холит меня, как хорошего гостя.

25 или 26 — мы в Мюльгаузе, и там я буду ждать ответа на это письмо. Soup de tête¹ кончен — теперь надобно опять привести в порядок. Ответ на это письмо придет 28 или 29, я его получу в Мюльгаузе. Я готов в М(юльгаузе) ждать до 5 июля и могу выехать тебе навстречу в Базель, если ты думаешь, что границу переезжать трудно (есть ли у тебя паспорт, — обыкновенно не спрашивают, но на случай).

Ты можешь в Женеве остаться еще несколько дней, должна заехать к Мар(ье) Каспар(овне), и тогда или написать мне день, train, в котором ты приедешь в Мюльгауз, или день и train, когда ты приедешь в Базель. От Базеля до Мюльг(ауза) час и десять минут.

Может, и мы из Мюльг(ауза) переедем все в Базель, чтоб поездить по Север(ной) Швейцарии, — в этом случае мы встретиться можем в Базеле. Alles ist möglich². Я предоставляю

¹ Безрассудный поступок (франц.); ² Все возможно (нем.). — *Ред.*

тебе *решенье*, но *исполнение* — себе, и, главное, *точность* во времени требую огромную. Никакой *рассеянности*, *помехи* не принимаю — это все *вздор* и *невниманье* — есть почта, есть телеграф.

Хочешь ты приехать в Мюльгауз?

Хочешь в Базель — и чтоб я за тобой приехал?

Или в Базель, когда все мы будем там?

Пиши сейчас.

Прощай.

Р. С. Получил от Саши письмо. Жаль мне его... Вот отдать бы в большой пансион в Бебленгейме Терез<ину> на год — была бы она несколько отшлифована.

357. Н. П. ОГАРЕВУ

24 (12) июня 1868 г. Кольмар.

24 июня. — Colmar (Haut Rhin).

N<ôtel> des 2 clefs. Середина.

Твою приписку и приписку Таты получил, — что сделано, то сделано, и если Тата не провалилась на Mont Cenis — то сбережется и в Женеве. Хотя все вместе было безмозгло.

Мы едем завтра или послезавтра в Милуз — 25 вечером или 26. — Оттуда я поеду в гости к Шофуру и там стану ждать ваших решений, т. е. в Mulhous'e.

Я Тате писал подробно. Она может ехать, *уведомивши* сейчас в Милуз, через Берн, где остановится у Рейхель. Я могу ей ехать навстречу в Базель (час и десять минут). Или мы можем сами через неделю ехать в Базель и ждать ее. Я требую только аракчеевской точности и никаких извинений (кроме таких, о которых телеграфировано или писано) не принимаю. И мои нервы, наконец, требуют покоя.

К неизменяемости лиц. — Вот что было вчера. Вечером я прихожу в девятом часу с Шофуром (презамечательный человек с огромным образованием и взглядом). Оставил его в своей комнате — и пошел к N<atalie> спросить, хочет ли она с ним познакомиться. Нахожу N<atalie> в трансах и уж совсем раздраженную, — приговаривает горчишник Лизе на шею — от Шофура и руками и ногами. «Да что случилось?» — У Лизы кашель и горло болит. — «Помилуй, час тому назад она была здорова...» — «О нет... нет — она таит, она сонная, она в ослаблении...» Спрашиваю Лизу — которая уж в постели ждет <1 нрзб.>, — Лиза говорит, что она здорова и что она кашляла и делала усилия горлом оттого, что муха ей попала, когда они гуляли, в рот. Тем не менее горчишник ей привязали. На дру-

гой день N<atalie> советовалась со мной, можно ли Лизу оставлять в этих климатах, etc., etc. А Лиза совершенно здорова и была только вареная в эти ужасные жары.

Р. S. Я выздоравливаю. Ошибок мелких ты оставляешь бездну в корр<ектуре>. Тхор<жевскому> скажи, что если Долг<оруков> в самом деле умирает, я ему грехи отпускаю à la condition¹ — чтоб он взаправду умер.

358. Н. П. ОГАРЕВУ

25 (13) июня 1868 г. Кольмар.

Четверг.

Передай записку Тхор<жевскому>. Писать нечего, многое я здесь изучил — и не раскаиваюсь, что проехал миль. Прием все лучше и лучше. Пиши, как сказано, в Mulhouse. Я там жду решений — Таты и всех. Вероятно, оттуда двинем ся в северную часть Швейцарии.

Лиза здорова. Вчера Шофур ее водил в музей и закармлил конфетами.

Colmar.

Не хочешь ли и ты Тхор<жевскому> поручить — то же объявить или эквивалентное Долгор<укову>? Увидишь, что в письме к Тхорж<евскому>.

Долг<оруков> должен бы был omni casu² что-нибудь сделать для Тхорж<евского>.

Тате кланяюсь и жду ее ответа на мое вчерашнее письмо.

359. М. МЕЙЗЕНБУГ и О. А. ГЕРЦЕН

27 (15) июня 1868 г. Мюльз.

27 juin 1868.

Mulhouse (Haut Rhin), Hôtel Romain.

Très chère *Arista*.

J'ai attendu en vain de vos lettres, enfin Og<areff> m'écrit que vous lui avez écrit de Munich et Tata m'envoya une lettre pour Olga.

Tata est seule à Genève; elle fait pratiquement l'émancipation. Lorsque vous êtes dans le doute sur mon adresse, écrivez par Tkhор<zevsky> ou Og<areff>.

Maintenant pourquoi *arista*? Mais parce que j'ai lu les mémoires. Je pourrais dire que c'est plus qu'*arista* dans le sens européen,

¹ с условием (франц.); ² во всяком случае (лат.). — *Ред.*

mais c'est juste dans le sens du céleste empire. Vous savez que les Chinois donnent les titres aux ancêtres et non aux descendants. Vous rayonnez sur toute une splendeur si forte qu'il n'y a pas d'ombre. Je reconnais trait pour trait votre caractère idéalisant. Vous l'avez conservé et c'est parfait — pour dorer cette pillule de la vie. Je veux voir ce que vous avez fait de 48 et comment vous avez illuminé ces tristes évènements.

Il me semble qu'il y a des pages où la langue française n'est pas suffisamment soignée. Est-ce Domengé a lu? Pour les simples fautes M(onsieur) David vous corrigera — le style non.

J'ai vu le grand pensionnat de Beblenheim et j'ai passé une journée avec J. Macé. C'est bon, mais sa ligne de l'instruction populaire est meilleure. C'est un nouveau chemin. L'Alsace est très provincial, — mais il me plaît, il y a plus de vigueur, plus de nerfs — le mélange latino-tesdesque est bon pour tout — à l'exception de la prononciation française.

Nous irons peut-être à Bâle pour rencontrer Tata. En attendant adressez les lettres à Tkhorzevsky (504, Route de Carrouge).

Il principe Ippopotamo — se meurt, quel farceur, qui a pu penser.

Adieu.

Chère Olga.

Voilà une relation du voyage de Tata, j'attends la tienne, écris à tête reposée. N'écris pas d'emblée, mais fais un brouillon, — laisse-le deux, trois jours — et reviens avec un désir féroce de réduire par moitié et de corriger. Ensuite envoie à moi. Tata est devenue *emancipatissime* — traverse les montagnes, vit avec les sauvages comme Livingston toute seule — et me demande des conseils deux jours trop tard — pour ne pas être contre-carrée. Je t'embrasse.

Adieu.

J'ai été indisposé pendant une semaine, c'est la chaleur qui m'a accablé. N(atalie) et Li(ze) saluent.

Перевод

27 июня 1868.

Mulhouse (Haut Rhin), Hôtel Romain.

Дражайшая Агиста¹.

Я напрасно ждал писем от вас, наконец Огарев сообщил мне, что вы писали ему из Мюнхена, а Tata прислала мне письмо для Ольги.

¹ наилучшая (греч.). — Ред.

Тата одна в Женеве; она на деле осуществляет эмансипацию. Когда вы сомневаетесь в моем адресе, то пишете через Тхоржевского или Огарева.

Теперь — почему *arista*? Да потому, что я прочел ваши воспоминания. Я даже сказал бы, что это больше, чем *arista* в европейском смысле, но что это справедливо в смысле небесной империи. Вы знаете, что китайцы награждают титулами предков, а не потомков. Вы озаряете все таким сильным блеском, что совсем не остается теней. Черту за чертою я узнаю ваш идеализирующий характер. Вы его сохранили, и это отлично — чтобы золотить пилюли жизни. Я хотел бы видеть, как вы изобразили 48 год и как вы осветили эти печальные события.

Мне кажется, что там встречаются страницы, где французский язык недостаточно обработан. Прочел ли их Доманже? Заурядные ошибки может вам исправить господин Давид — но не стиль.

Я осмотрел большой пансион Бебленгейма и провел день с Ж. Массе. Это хорошо, но его направление в деле народного образования лучше, это новый путь. Альзас — совершенная провинция, но мне нравится, там больше твердости, больше энергии — латино-германская помесь пригодна для всего, за исключением французского произношения.

Мы, может быть, поедем в Базель, чтобы встретить Тату. Пока адресуйте письма Тхоржевскому, 504, Route de Carouge.

Князь Гиппопотам умирает — каков шутник, кто бы мог подумать!

Прощайте.

Дорогая Ольга. Вот описание путешествия, сделанное Татой, жду твоего; напиши после отдыха. Не пиши сразу, но сделай черновик — пропусти два-три дня и возмись опять за работу с лютым желанием сократить наполовину и исправить. Затем пошли мне. Тата сделалась *emancipatissime*¹; — переправляется через горы, живет одна с дикарями, как Ливингстон, и спрашивает моих советов с опозданием на два дня, чтобы ей не противодействовали. Целую тебя.

Прощай.

Я был нездоров в течение недели, меня одолела жара. Натали и Лиза кланяются.

¹ в высшей степени эмансипированной (итал.). — *Ред.*

27 июня 1868. Mulhouse. Hôtel Romaine.

Итак — христейший Ник(олай) Плат(онович), и ты стал догадываться, что Бакун(ин) за спиной... конспиратничает с Элдыриным. — А я тебе из Ниццы писал об этом в апреле.

Познай людскую злобу ты —
И вероломства вкус отведай —

мог бы написать Сумароков. Le sublime est à un pas du vil — мог бы сказать Наполеон, etc. Однако при свиданье ты не обо всем помолчи.

С 1-го июля мы в Базеле. — Съездим по окрестностям в Шафгауз и пр. Здесь будем ждать: 1-ое Тату — если хочет, 2 — твой приказ о Prangins хоть к 1 августа — если раньше не можешь. Что за Prangins, не знаю. Лиза рвется к тебе — это истинно без увлечения. С N(atalie) были хорошие и дурные разговоры по этой части, она все хочет каких-то невозможностей.

К «Колок(олу)» нет leading-articl'a — глупую статью из Дрездена не следует помещать, глупую статью поляка о Громеке — просто выбросить. Да ведь, пожалуй, можно и без leading articl'a.

Здесь самое замечательное дело — cités ouvrières¹. Это целый город маленьких домиков, каждый с садиком — под общим управлением. Тут есть всё свое — большие рестораны по 75 сант. обед, перед входом — ванны теплой и холодной воды, чтоб работ(ники) могли после работы и до обеда вымыться, etc. Всё дело частное — а не правительственное. Странный город — почти все население из работников. У них свои школы, и высшие, в которых химия и физика преподаются в большом объеме и в совершенно современном виде.

Засим прощай.

Отдай поскорее прилагаемую записку Тате. 31 — едем в Базель, ergo пиши:

Bâle — poste restante.

Вот и в Швейцарии.

Ну что принц?

Записки Meis(enbug) одолел — я скажу, как апостол Павел: лучше не печатать — но если нет воздержания, то пусть печатает у Чернецкого.

Если Тхор(жевский) воротился, попроси его узнать, можно ли послать в Женеву из Лиона готовые рубашки, не платя

¹ рабочие города (франц.). — *Ред.*

пошлины, а также и ящик. И, наконец, пришли ли вещи из Ниццы в Женеву?

Амен.

P. S. Все письма из Colmar'a пришли — ради аллаха не заботься о письмах, когда адрес писан как сказано.

361. Н. А. ГЕРЦЕН

27 (15) июня 1868 г. Мюлуз.

27 июня. Суббота. Mulhouse (Haut Rhin).
Hôtel Romanu<m>.

Tate.

Любезная Тата,

тут нечего телеграфировать и некуда торопиться (письма все получены — я так меры беру, что вам заботиться нечего). Я полагаю, что à la longue жить так, как ты живешь в Женеве, — невозможно, но неделя больше — неделя меньше ничего не значит. В Кольмар и Альзас ты не попала потому, что писала мне, что едешь в конце месяца — а поехала до 15.

Теперь мы можем съехаться в Базеле... Даже в Люцерне... положим, что 1-го или 2-го июля мы будем в Базеле и я напишу тебе — ты отправишься в Берн (ездить в Берн и воротиться в Женеву — такая нелепость, о которой и говорить нельзя) и оттуда напишешь: «Я еду с таким-то train в столько-то часов...» Я буду ждать. В Берн ты можешь ехать хоть завтра — я напишу тогда и Мар<ье> Касп<аровне> (но и ты должна тотчас написать).— Стало, программа и с варьянтами дана.

Теперь вот вопрос: α) Когда Огарев в состоянии ехать в Prangins? β) Думаешь ли ты, что он может без ухода своего остаться две недели и больше?

Сейчас развернул газеты и прочитал о смерти сенатора Mateu<sc>i — неужели это наш? Его ужасно жаль было бы.

Не знаю, что будет от свиданья (мне очень жаль, что ты ни N<atalie>, ни Лизе никогда не пишешь, этим ты поддерживаешь даль),— но, кажется, ты могла бы принести пользу Лизе (изменивши все в наружном). Учится она нехорошо, т. е. теперь совсем уроков нет,— это все вздор, главное — ум, но надобно стараться отстранить баловство. Но все это зависит вполне от тебя — liberté — égalité!¹

Сегодня 27 суббота — письмо это придет 29 понедельник, ответ на него 31-го или 1-го июля (среда или четверг), а потому пиши: Bâle, poste restante. Стало, в четверг я буду знать, что ты делаешь, а в субботу ты получишь мой ответ.

Прощай.

¹ свобода — равенство! (франц.). — *Ред.*

Привезти гид Берлатта.

О романе Толст<ого> надобно толковать много. Общая картина верна и интересна (вопреки Огарева — Мерчинского *amendement*¹) — лица плоше, а есть места просто *глупые*, — да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места. Ты знаешь, что Т<ургенев> играет роль шута (Ogre) в Баден-Бадене перед королевой прусской.

362. Н. П. ОГАРЕВУ

28 (16) июня 1868 г. Мюлуз.

Огареву.

28 июня. Воскресенье. Hôtel Romaine.

Пользуясь тем, что пишу Тхорж<евскому>, чтоб он телеграфировал Долгор<укову>-сыну, извещаю, что письмо твое (и все остальные) — пришло.

Я твердо убежден, что ты никогда не был дальше от всякой апоплексии, как теперь. Тату также удивило твое лицо, как и меня в последний приезд. Твоя апоплексия — как «истина» — *in vino*², ты не пьешь.

Жалею, что ты думаешь, что я на Тату сердился — если б ты прочел к ней записки мои — ты не думал бы это. А что она пустилась очертя голову через Mont Cenis — я пожурил. Тата мне ближе по всему. — Затем

прощай.

Чернец<кому> посылаю коррект<уры>. Статью о пулях, как глупую и мерзкую, бросил.

Мальvidу пришлю из Базеля. Пиши в Базель: *Bâle, pos<te> rest<ante>*. Я там буду во вторник.

Еду на весь день к Шофуру.

363. Н. П. ОГАРЕВУ

30 (18) июня 1868 г. Мюлуз.

30 июня, вторник.
Mulhouse. H-l Romaine.

Весть о смерти Маттеучи поразила меня — не только потому, что это удар для всей Италии и для Саши — он был стержень свободы преподавания, — но еще потому, что я его видел в декабре сильным, полным жизни и деятельности, беспрестаннодвигающимся и говорящим обо всем. Долг<оруков> при всей силе был какой-то *fungus bestialis*³, уродство, а это — гуманное явление. Да-с... *Memento mori*⁴ довольно.

¹ исправлению (франц.); ² в вине (лат.); ³ нарост (лат.); ⁴ Помни о смерти (лат.). — *Ред.*

У Шофура я провел превосходно день — они живут богатыми помещиками, и вся семья удивительно образованные люди — один из семьи (Шерер) химик и натуралист, поклонник Шиффа. Старик Кестнер, глава дома, — хромой, энергичский, и тот Шофур, которого ты видел, — очень больной, у него начало онемения позвоночного мозга; Шерер говорит, что он на плохой дороге. Прием был самый горячий, больной сам приехал меня встретить на желез<ную> дорогу, — остальное при свиданье.

Сегодня вечером едем в Basel. Там, вероятно, дождусь Тату — а не то в Люцерне, где буду ждать правженской гистории. Люцерн очень красив, я готов там жить хоть месяц.

А хотелось бы и мне где-нибудь приютиться — но ничего не предвижу. Смотри, как бог-то иронию загибает. Ты проповедовал неподвижность — вот и ходить не можешь, я, напротив, движение — и в 56 лет не имею столько оседлости, как пан Цверцякевичили Жихонь. Не знаю, как выработаться из этого положения. Не посоветоваться ли с Гризингером — это по его части?

Особенно хорошего от свидания с Татой не жду.

Прощай.

У N<atalie> сильный был понос, и теперь продолжается. Лиза здорова, но N<atalie> убеждена, что она больна, и хочет советоваться с Ад. Фогтом.

364. Н. П. ОГАРЕВУ

Конец 1867 г. — начало 1868 г. Ницца.

Лиза с *acharnement*'ом спорит с француженками — и защищает Россию. Дама ей говорит: «Зачем в 1812 году крестьяне били французов» — а Лиза: «А зачем Наполеон ходил на Россию войной, еще бы — пришли брать дома и города — а мужики бы их не защищали. Для вас Наполеон — *un grand homme*¹ — а делал всё вред и убивал». — Англичанка несчастно подвернулась и говорит: «Одно война — а другое злодейская бойня». Лиза вдруг обратилась к ней — *à la Nicolas*: «А что вы делаете в Ирландии — *c'est comme chez nous en Pologne?*²» — Те и отступили — к радости всех американцев.

¹ великий человек (франц.); ² это как у нас в Польше? (франц.). — Ред.

Мне не нравится маненько ухарский тон. Как в руководстве писать «Конопатить в тюрьму»... родительская розга.

Далее «Цербст» — а не «Церпст». — Ни Новиков, ни Радищев не были на каторге; даже Новиков не был в Сибири, а сидел в Петропавловской крепости.

На грех тебе дал Мордов<це>ва о Стефане Малом. — Много — строк пять — и без Юрья Владимир<овича>.

Мечникову допросные пункты:

1) Откуда он знает, что декабристы хотели освободить с землей?

2) Откуда он знает, что Петрашевский — Петрушевский?

3) Что такое — «они были из ученого сословия»? Мандарины — в Китае.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен. Фотография Поля Кутема. Виши, 1868 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Ленинград	4
Письмо А. И. Герцена к А. А. Герцену от 13 апреля 1867 г. и конверт. Автограф. Bibliothèque nationale (Париж) . . .	80
Первая страница письма А. И. Герцена к М. Мейзенбург, О. А. и А. А. Герценам от 26 мая 1867 г. Автограф. Bibliothèque nationale (Париж)	104

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПИСЬМА

Январь 1867—июнь 1868

1867

Стр.

1. М. К. Рейхель. 1 января (20 декабря 1866 г.)	7
2. Н. П. Огареву. 1—2 января (20—21 декабря 1866 г.)	8
3. С. Тхоржевскому. 4—5 января (23—24 декабря 1866 г.)	9
4. Н. П. Огареву. 7 января (26 декабря 1866 г.)	10
5. Н. П. Огареву. 8 января (27 декабря 1866 г.)	11
6. С. Тхоржевскому. 8 января (27 декабря 1866 г.)	12
7. М. Мейзенбург и А. А. Герцену. 9 января (28 декабря 1866 г.)	12
8. Н. А. и О. А. Герцен. 11 января (30 декабря 1866 г.)	15
9. Н. П. Огареву. 11 января (30 декабря 1866 г.)	15
10. С. Тхоржевскому. 11 января (30 декабря 1866 г.)	16
11. Н. П. Огареву (приписка). 12—13 января (31 декабря 1866 г. — 1 января 1867 г.)	17
12. С. Тхоржевскому. 15 (3) января	17
13. Н. П. Огареву. 15 (3) января	18
14. Н. П. Огареву. 16—17 (4—5) января	19
15. Н. А. Тучковой-Огаревой. 17 (5) января	18
16. Н. П. Огареву. 19 (7) января	20
17. С. Тхоржевскому. 19 (7) января	21
18. С. Тхоржевскому. 22 (10) января	21
19. Н. П. Огареву. 22 (10) января	22
20. Н. П. Огареву. 25 (13) января	22
21. Н. П. Огареву. 29, 31 (17, 19) января	23
22. Н. П. Огареву. 3 февраля (22 января)	25
23. Н. П. Огареву. 6 февраля (25 января)	27
24. Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе Герцен. 6 февраля (25 января)	28
25. Н. П. Огареву. 7—8 февраля (26—27 января)	29
26. Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе Герцен. 9 февраля (28 января)	30
27. Н. П. Огареву. 13 (1) февраля	32

28. Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе Герцен. 14 (2) февраля	35
29. Н. П. Огареву. 15 (3) февраля	36
30. Н. П. Огареву. 17 (5) февраля	37
31. Н. П. Огареву. 18 (6) февраля	38
32. Н. А. Герцен. 18 (6) февраля	38
33. Лизе Герцен. 18—20 (6—8) февраля	39
34. М. Мейзенбуг. 20 (8) февраля	39
35. Н. П. Огареву. 20 (8) февраля	40
36. Н. П. Огареву. 22 (10) февраля	41
37. Н. А., О. А. и А. А. Герценам. 22—23 (10—11) февраля	43
38. Лизе Герцен. 22 (10) февраля	45
39. Н. А. Тучковой-Огаревой. 24 (12) февраля	45
40. М. Мейзенбуг и Н. А. Герцен. 25 (13) февраля	46
41. Н. П. Огареву. 26 (14) февраля	48
42. Н. П. Огареву. 27—28 (15—16) февраля	49
43. А. Бергани. 28 (16) февраля	51
44. Н. П. Огареву. 3 марта (19 февраля)	51
45. Н. П. Огареву. 4 марта (20 февраля)	52
46. С. Тхоржевскому. 5 марта (21 февраля)	53
47. Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе Герцен. 7 марта (23 февраля)	53
48. Н. П. Огареву. 7 марта (23 февраля)	55
49. Н. П. Огареву. 8, 10 марта (24, 26 февраля)	56
50. Н. П. Огареву. 10 марта (26 февраля)	57
51. Н. П. Огареву. 12 марта (28 февраля)	58
52. Н. П. Огареву. 14 (2) марта	59
53. С. Тхоржевскому. 15 (3) марта	60
54. Н. П. Огареву. 15 (3) марта	61
55. Н. П. Огареву. 17—18 (5—6) марта	62
56. Н. П. Огареву. 18 (6) марта	63
57. А. А. Герцену. 19 (7) марта	64
58. Н. П. Огареву. 20 (8) марта	65
59. Н. П. Огареву. 22—23 (10—11) марта	67
60. Н. П. Огареву. 26 (14) марта	68
61. С. Тхоржевскому. 28—29 (16—17) марта	69
62. М. Мейзенбуг. 29 (17) марта	70
63. Н. П. Огареву. 29 (17) марта	73
64. Н. П. Огареву. 31 (19) марта	74
65. Н. П. Огареву. 2 апреля (21 марта)	75
66. Н. П. Огареву. 3—4 апреля (22—23 марта)	76
67. М. Мейзенбуг. 4 апреля (23 марта)	77
68. Н. П. Огареву. 5 апреля (24 марта)	79
69. Н. П. Огареву. 8 апреля (27 марта)	79
70. Н. П. Огареву. 12 апреля (31 марта)	81
71. А. А. Герцену. 13 (1) апреля	81
72. Н. А. Тучковой-Огаревой. 20 (8) апреля	82
73. К. К. Павловой (черновое). 20 (8) апреля	83
74. Н. А., О. А. и А. А. Герценам. 21 (9) апреля	84
75. Н. А. Вормсу (черновое). 23 (11) апреля	85
76. О. А. Герцен. 24 (12) апреля	86
77. Н. А. Тучковой-Огаревой. 25—26 (13—14) апреля	86
78. М. А. Бакунину (черновое). 29 (17) апреля	87
79. Н. А. Тучковой-Огаревой. 6 мая (24 апреля)	89
80. Н. А. Тучковой-Огаревой. 8 мая (26 апреля)	90
81. Н. А. Герцен и А. А. Герцену. 9 мая (27 апреля)	91

82. Н. А. Тучковой-Огаревой. 9—10 мая (27—28 апреля) . . .	91
83. М. К. Рейхель. 10 мая (28 апреля)	92
84. А. А. Герцену. 11—12 мая (29—30 апреля)	93
85. Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе Герцен. 12 мая (30 апреля)	95
86. Н. П. Огареву. 13 (1) мая	96
87. М. К. Рейхель. 13 (1) мая	97
88. М. Мейзенбург. 14—15 (2—3) мая	98
89. Г. Н. Вырубову. 17 (5) мая	100
90. Н. А. Тучковой-Огаревой. 17—18 (5—6) мая	102
91. И. С. Тургеневу. 19 (7) мая	102
92. Н. А. Тучковой-Огаревой. 20—21 (8—9) мая	103
93. Н. П. Огареву. Между 14 и 20 (2 и 8) мая	104
94. Лизе Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой. 25 (13) мая	104
95. И. С. Тургеневу. 25 (13) мая	105
96. М. Мейзенбург, О. А. и А. А. Герценам. 26 (14) мая	106
97. Н. А. Тучковой-Огаревой. 29—30 (17—18) мая	108
98. М. А. Бакунину. 30 (18) мая	110
99. Ж. Мишле. 30 (18) мая	110
100. Н. П. Огареву. Вторая половина апреля—начало июня	112
101. Н. А. Герцен. 2—3 июня (21—22 мая)	112
102. Н. П. Огареву. 3 июня (22 мая)	113
103. Н. П. Огареву. 3 июня (22 мая)	113
104. М. Мейзенбург и О. А. Герцен. 4 июня (23 мая)	114
105. Н. А. Герцен. 7 июня (26 мая)	115
106. А. А. Герцену. 7—9 июня (26—28 мая)	116
107. Н. П. Огареву. 6—7 июня (25—26 мая)	117
108. И. С. Тургеневу. 8 июня (27 мая)	117
109. П. Леру. 8 июня (27 мая)	118
110. К. Фогту. 8 июня (27 мая)	119
111. М. К. Рейхель. 10 июня (29 мая)	120
112. Н. А. Тучковой-Огаревой. 11 июня (30 мая)	120
113. М. Мейзенбург. 13 (1) июня	121
114. Н. А. Тучковой-Огаревой. 14—15 (2—3) июня	122
115. Н. П. Огареву. 14—15 (2—3) июня	123
116. Г. Н. Вырубову. 17 (5) июня	124
117. Н. П. Огареву. 17 (5) июня	126
118. Н. А. Тучковой-Огаревой. 18 (6) июня	126
119. М. Мейзенбург. 19 (7) июня	128
120. А. А. Герцену. 19 (7) июня	130
121. А. Лакруа, М. Вербукховену и К ^о . 21 (9) июня	131
122. Н. А. Тучковой-Огаревой. 21 (9) июня	132
123. Н. А. Тучковой-Огаревой. 25 (13) июня	133
124. Н. П. Огареву. 27 (15) июня	134
125. М. К. Рейхель. 28 (16) июня	135
126. Н. А. Тучковой-Огаревой и Н. А. Герцен. 30(18) июня	135
127. Н. А. Тучковой-Огаревой. 2 июля (20 июня)	136
128. А. А. Герцену. 2 июля (20 июня)	137
129. М. Мейзенбург. 2 июля (20 июня)	137
130. Н. А. Тучковой-Огаревой. 6 июля (24 июня)	139
131. М. К. Рейхель. 6 июля (24 июня)	141
132. А. А. Герцену. 8 июля (26 июня)	141
133. Н. П. Огареву. 10 июля (28 июня)	143
134. С. Тхоржевскому. 14(2) июля	143
135. Н. П. Огареву. 17(5) июля	144
136. М. Мейзенбург. 17(5) июля	145

137. А. А. Герцену. 17—19 (5—7) июля	146
138. Н. П. Огареву. 19(7) июля	149
139. Н. П. Огареву. 22(10) июля	150
140. С. Тхоржевскому. 22(10) июля	151
141. Н. П. Огареву. 25 (13) июля	152
142. Н. П. Огареву. 27—28 (15—16) июля	153
143. М. Мейзенбург и О. А. Герцен. 28 (16) июля	155
144. А. Лакруа. 29 (17) июля	156
145. Н. П. Огареву. 29 (17) июля	157
146. Н. П. Огареву. 30—31 (18—19) июля	158
147. А. А. Герцену. 1 августа (20 июля)	159
148. С. Тхоржевскому. 3 августа (22 июля)	160
149. Н. П. Огареву. 4 августа (23 июля)	161
150. Н. П. Огареву. 6—7 августа (25—26 июля)	163
151. К.-Э. Хоецкому. 7 августа (26 июля)	164
152. Н. П. Огареву. 8 августа (27 июля)	167
153. А. А. Герцену. 10 августа (29 июля)	168
154. Н. П. Огареву. 10 августа (29 июля)	169
155. С. Тхоржевскому. 10 августа (29 июля)	171
156. М. П. Погодину. 13 (1) августа	171
157. Н. П. Огареву. 14 (2) августа	173
158. А. А. Герцену. 17 (5) августа	174
159. М. Мейзенбург. 17 (5) августа	175
160. Н. П. Огареву. 18 (6) августа	178
161. К.-Э. Хоецкому. 18 (6) августа	179
162. Н. П. Огареву. 23 (11) августа	181
163. Н. П. Огареву. 24 (12) августа	182
164. С. Тхоржевскому. 24—25 (12—13) августа	182
165. Н. П. Огареву. 27 (15) августа	183
166. К.-Э. Хоецкому (черновое). 27 (15) августа	185
167. А. А. Герцену. 29—30 (17—18) августа	186
168. Н. П. Огареву. 31 (19) августа	187
169. Н. П. Огареву. 3 сентября (22 августа)	188
170. А. А. Герцену. 3 сентября (22 августа)	190
171. М. Мейзенбург. 3 сентября (22 августа)	191
172. Н. П. Огареву. 5—6 сентября (24—25 августа)	193
173. Н. П. Огареву. 8 сентября (27 августа)	194
174. Н. П. Огареву. 9 сентября (28 августа)	195
175. Н. П. Огареву. 11 сентября (30 августа)	196
176. Н. П. Огареву. 14 (2) сентября	197
177. А. А. Герцену. 14 (2) сентября	198
178. М. Мейзенбург. 14 (2) сентября	199
179. Н. П. Огареву. 16 (4) сентября	200
180. Н. П. Огареву. 19 (7) сентября	201
181. Н. П. Огареву. 22 (10) сентября	202
182. Н. П. Огареву. 24 (12) сентября	202
183. Лизе Герцен. 26 (14) сентября	203
184. О. А. Герцен. 26 (14) сентября	204
185. А. А. Герцену. 26 (14) сентября	204
186. Н. П. Огареву. 28 (16) сентября	205
187. А. А. Герцену. 3 октября (21 сентября)	206
188. Лизе Герцен. 3—4 октября (21—22 сентября)	207
189. Н. П. Огареву. 7 октября (25 сентября)	207
190. А. О. Бауману. 8 октября (26 сентября)	208
191. Н. П. Огареву. 8—9 октября (26—27 сентября)	208
192. А. А. Герцену. 9 октября (27 сентября)	209

	Стр-
193. М. К. Рейхель. 9 октября (27 сентября)	210
194. Е. А. и Н. М. Сатиным. 9 октября (27 сентября)	210
195. А. А. Герцену. 13 (1) октября	211
196. С. Тхоржевскому. 15 (3) октября	212
197. А. А. Герцену. 19 (7) октября	213
198. С. Тхоржевскому. 19 (7) октября	214
199. Н. П. Огареву. 22 (10) октября	214
200. М. Мейзенбуг. 24 (12) октября	215
201. Н. П. Огареву. 25 (13) октября	216
202. С. Тхоржевскому. 25 (13) октября	217
203. А. А. и О. А. Герценам и М. Мейзенбуг 28 (16) октября	218
204. Н. П. Огареву. 28 (16) октября	220
205. Н. П. Огареву. 29, 31 (17, 19) октября	220
206. М. Мейзенбуг. Октябрь	221
207. Н. П. Огареву. 3 ноября (22 октября)	222
208. Н. П. Огареву. 3 ноября (22 октября)	223
209. М. Мейзенбуг, О. А. и А. А. Герценам. 3—4 ноября (22—23 октября)	223
210. О. А. Герцен. 4 ноября (23 октября)	225
211. Г. Н. Вырубову. 6 ноября (25 октября)	225
212. Н. П. Огареву. 6 ноября (25 октября)	225
213. Л. Чернецкому. 6 ноября (25 октября)	227
214. Н. П. Огареву и Л. Чернецкому. 6 ноября (25 октября)	227
215. Н. П. Огареву. 9 ноября (28 октября)	227
216. С. Тхоржевскому. 11 ноября (30 октября)	228
217. Н. П. Огареву. 11 ноября (30 октября)	229
218. Г. Н. Вырубову. 12 ноября (31 октября)	230
219. Н. П. Огареву. 12 ноября (31 октября)	231
220. Н. П. Огареву. 14 (2) ноября	231
221. Н. П. Огареву. 15 (3) ноября	233
222. Н. П. Огареву. 19 (7) ноября	233
223. С. Тхоржевскому. 22 (10) ноября	234
224. Н. П. Огареву. 23 (11) ноября	235
225. Г. Н. Вырубову. 28 (16) ноября	236
226. Н. П. Огареву. 5—6 декабря (23—24 ноября)	236
227. Н. Н. Ге. 7 декабря (25 ноября)	237
228. Г. Н. Вырубову. 9 декабря (27 ноября)	237
229. А. А. Герцену. 9 декабря (27 ноября)	238
230. М. К. Рейхель. 10 декабря (28 ноября)	239
231. М. Мейзенбуг. 18 (6) декабря	239
232. Н. А., О. А. и А. А. Герценам. 18 (6) декабря	240
233. И. С. Тургеневу. 20 (8) декабря	241
234. А. А. Герцену. 21 (9) декабря	243
235. Н. А. Герцен. 21 (9) декабря	243
236. С. Тхоржевскому. 22 (10) декабря	244
237. Н. П. Огареву. 22—23 (10—11) декабря	245
238. Н. А. Герцен. 23 (11) декабря	246
239. А. А. Герцену. 23 (11) декабря	246
240. Н. А., О. А. и А. А. Герценам и М. Мейзенбуг. 25—26 (13—14) декабря	247
241. А. А. Герцену. 26 (14) декабря	249
242. Н. П. Огареву. 27 (15) декабря	249
243. Н. А. Герцен и М. Мейзенбуг. 28 (16) декабря	250
244. Н. П. Огареву. 29 (17) декабря	251
245. Н. А. Тучковой-Огаревой. 1865—1867	252
246. Лизе Герцен. 1867	252

247. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 1 января (20 декабря 1867 г.)	Стр. 253
248. Н. П. Огареву. 4 января (23 декабря 1867 г.)	254
249. А. А. Герцену. 4 января (23 декабря 1867 г.)	255
250. О. А. Герцен. 8 января (27 декабря 1867 г.)	256
251. Н. П. Огареву. 8—9 января (27—28 декабря 1867 г.)	256
252. С. Тхоржевскому. 9 января (28 декабря 1867 г.)	257
253. А. А. Герцену. 11 января (30 декабря 1867 г.)	257
254. Н. А. Герцен. 17 (5) января	259
255. С. Тхоржевскому. 18 (6) января	260
256. Н. А. Герцен. 19 (7) января	260
257. С. Тхоржевскому. 21 (9) января	261
258. Н. А., О. А. и А. А. Герценам и М. Мейзенбург. 21 (9) января	262
259. Н. А. Герцен. 22 (10) января	264
260. Н. А. Герцен. 27 (15) января	264
261. М. Мейзенбург и О. А. Герцен. 27 (15) января	265
262. М. Мейзенбург. 3 февраля (22 января)	266
263. М. Мейзенбург. 3 февраля (22 января)	268
264. Ж. Мишле. 3 февраля (22 января)	269
265. Н. А. Герцен. 3 февраля (22 января)	271
266. С. Тхоржевскому. 3 февраля (22 января)	272
267. Ж. Мишле. 11 февраля (30 января)	273
268. М. Мейзенбург. 14 (2) февраля	275
269. Н. А., О. А. и А. А. Герценам. 15 (3) февраля	277
270. Н. П. Огареву. 18 (6) февраля	277
271. Н. А. Герцен. 18 (6) февраля	278
272. М. Мейзенбург. 18 (6) февраля	279
273. Н. П. Огареву. 19 (7) февраля	280
274. А. А. Герцену. 21 (9) февраля	280
275. Н. А. Герцен и М. Мейзенбург. 23 (11) февраля	281
276. Н. А. и О. А. Герцен. 26 (14) февраля	282
277. А. А. Герцену и М. Мейзенбург. 27—28 (15—16) февраля	283
278. М. К. Рейхель. 28 (16) февраля	285
279. М. Мейзенбург. 1 марта (18 февраля)	285
280. Н. П. Огареву. 3 марта (20 февраля)	288
281. Лизе Герцен. 3 марта (20 февраля)	288
282. М. Мейзенбург. 9 марта (26 февраля)	289
283. Н. А. и О. А. Герцен. 9—10 марта (26—27 февраля)	291
284. А. А. Герцену. 11 марта (28 февраля)	292
285. А. А. Герцену. 11 марта (28 февраля)	292
286. А. А. Герцену. 12—14 марта (29 февраля — 2 марта)	293
287. А. А. Герцену. 16 (4) марта	293
288. А. А. Герцену. 20 (8) марта	294
289. Н. А., О. А. и А. А. Герценам и М. Мейзенбург. 23 (11) марта	295
290. Н. П. Огареву. 25 (13) марта	296
291. Н. А., О. А. Герцен и М. Мейзенбург. 28—30 (16—18) марта	297
292. Н. П. Огареву. 2 апреля (21 марта)	300
293. Н. А. Герцен. 2 апреля (21 марта)	301
294. Лизе Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой. 3 апреля (22 марта)	302

295. Н. П. Огареву. 5 апреля (24 марта)	302
296. М. Мейзенбург. 6—7 апреля (25—26 марта)	304
297. Н. П. Огареву. 11 апреля (30 марта)	306
298. Н. А. Герцен. 13 (1) апреля	307
299. М. Мейзенбург. 13 (1) апреля	308
300. Н. П. Огареву. 13 (1) апреля	309
301. Н. П. Огареву. 15 (3) апреля	310
302. М. Мейзенбург. Середина апреля	312
303. Н. П. Огареву. 17 (5) апреля	314
304. Н. П. Огареву. 19—20 (7—8) апреля	315
305. А. А. Герцену. 20 (8) апреля	316
306. Н. А. Герцен. 20 (8) апреля	317
307. Н. П. Огареву. 22 (10) апреля	318
308. Н. П. Огареву. 24 (12) апреля	320
309. Н. А. и О. А. Герцен. 26, 28 (14, 16) апреля	322
310. Н. П. Огареву. 27 (15) апреля	324
311. Н. П. Огареву. 28 (16) апреля	325
312. Н. П. Огареву. 29 (17) апреля	325
313. Н. А. Герцен. 1—2 мая (19—20 апреля)	327
314. Н. П. Огареву. 1—2 мая (19—20 апреля)	329
315. Н. П. Огареву. 4 мая (22 апреля)	331
316. Н. П. Огареву. 7 мая (25 апреля)	332
317. Н. П. Огареву. 10 мая (28 апреля)	334
318. Н. А. Герцен. 12 мая (30 апреля)	335
319. Н. П. Огареву. 12—13 мая (30 апреля — 1 мая)	337
320. Н. П. Огареву. 15 (3) мая	339
321. Н. П. Огареву. 15—16 (3—4) мая	340
322. Н. П. Огареву. 17—18 (5—6) мая	341
323. Н. П. Огареву. 20 (8) мая	341
324. Н. А. Герцен. 20 (8) мая	342
325. Н. П. Огареву. 23 (11) мая	343
326. Н. А. Герцен. 23 (11) мая	343
327. Н. П. Огареву. 26 (14) мая	345
328. М. Мейзенбург. 26 (14) мая	346
329. А. А. Герцену. 27 (15) мая	347
330. М. Мейзенбург. 27 (15) мая	348
331. Н. П. Огареву. 28—29 (16—17) мая	349
332. Н. П. Огареву. 31 (19) мая	350
333. С. Тхоржевскому. 31 (19) мая	352
334. Н. П. Огареву. Май	352
335. Н. П. Огареву. 1 июня (20 мая)	353
336. Н. А. Герцен. 1 июня (20 мая)	353
337. М. Мейзенбург. 1 июня (20 мая)	355
338. Н. П. Огареву. 3 июня (22 мая)	356
339. Н. П. Огареву. 3 июня (22 мая)	357
340. А. А. Герцену. 4 июня (23 мая)	357
341. С. Тхоржевскому. 4 июня (23 мая)	358
342. Н. П. Огареву. 5 июня (24 мая)	359
343. Н. П. Огареву. 6 июня (25 мая)	359
344. Н. П. Огареву и С. Тхоржевскому. 7 июня (26 мая)	360
345. А. А. Герцену. 8 июня (27 мая)	362
346. Н. П. Огареву. 8 июня (27 мая)	363
347. Н. А. Герцен. 9 июня (28 мая)	364
348. А. А. Герцену. 16 (4) июня	365
349. Н. П. Огареву. 16 (4) июня	366

	С тр.
350. Н. А. Герцен. 17 (5) июня	367
351. С. Тхоржевскому. 17 (5) июня	368
352. А. А. Герцену. 20 (8) июня	369
353. Н. П. Огареву. 20 (8) июня	370
354. Н. П. Огареву. 23 (11) июня	372
355. С. Тхоржевскому. 23 (11) июня	373
356. Н. А. Герцен. 24 (12) июня	373
357. Н. П. Огареву. 24 (12) июня	374
358. Н. П. Огареву. 25 (13) июня	375
359. М. Мейзенбург и О. А. Герцен. 27 (15) июня	375
360. Н. П. Огареву. 27 (15) июня	378
361. Н. А. Герцен. 27 (15) июня	379
362. Н. П. Огареву. 28 (16) июня	380
363. Н. П. Огареву. 30 (18) июня	380
364. Н. П. Огареву. Конец 1867 — начало 1868 г.	381
365. Н. П. Огареву (черновое). Конец 1867 — первая по- ловина 1868	382
Список иллюстраций	383

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ;

В. П. БОЛГИН (главный редактор), **И. И. АНИСИМОВ**, **Д. Д. БЛАГОЙ**,
В. В. ВИНОГРАДОВ, **Н. М. ДРУЖИНИН**, **С. А. МАКАШИН**, **Ю. Г. ОКСМАН**
(зам. главного редактора), **Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ**, **В. А. ПУТИНЦЕВ**,
З. В. СМИРНОВА, **Д. И. ЧЕСНОКОВ**, **А. Б. ШАПИРО**, **Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ**

Тексты подготовили: *М. И. Гиллельсон, А. Л. Гришунин, Э. Л. Ефременко, Л. Р. Ланский, А. Д. Михайлов, М. К. Перкаль, Е. И. Прохоров, Л. Н. Смирнова.*
Переводы с французского — *М. И. Гиллельсон, Л. Р. Ланский, М. К. Перкаль, А. Д. Михайлов.*

Лингвистическая редакция французских текстов *И. Д. Постоловой*,
немецких — *О. Н. Михеевой.*

Редакторы переводов: *Е. А. Гунст* и *О. Н. Михеева*,
подстрочных переводов: *Д. М. Урнов* (англ.), *Н. Г. Елина* (итал.),
О. Н. Михеева (нем.), *О. В. Моисеенко* (франц.), *Ф. А. Петровский* (лат.).

Редакторы тома: **В. А. ПУТИНЦЕВ** и **А. Л. ГРИШУНИН**

Редакторы Издательства *М. Б. Покровская* и *Л. М. Стенина*
Переплет и титул художника *А. П. Радичева*
Технический редактор *И. А. Макогинова*. Корректор *В. К. Гарди*

Сдано в набор 7/II 1963 г. Подписано к печати 11/X 1963 г. Формат 60×92¹/₁₆

Печ. л. 24,5+3 вкл. Уч.-изд. л. 22,8 (22,6+0,2).

Тираж 16100 экз. Изд. № 1682 Тип. зак. № 1825

Цена 1 р. 50 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10